
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 7 (429). Экономические науки. Вып. 65. С. 7—12.

УДК 334.1
ББК 65.30

10.24411/1994-2796-2019-10701

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С. В. Худяков, А. В. Быстров

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Статья посвящена теоретическим аспектам экономических отношений в усиливающихся процессах глобализации и концентрации промышленных центров. Фактор концентрации промышленности является ключевым для доступа к ресурсам, технологиям и в конечном итоге к обеспечению эффективности и конкурентоспособности бизнеса. Также рассматриваются прикладные вопросы конкуренции предприятий и комплексного развития бизнес-процессов в контексте макроэкономической теории. Анализируются источники долгосрочного конкурентного преимущества, их связь с региональными особенностями развития. Систематизируются факторы, возникающие в процессе промышленной концентрации и влияющие на конечный результат. Приводятся аспекты государственной политики по стратегии пространственного развития регионов.

Ключевые слова: *экономические отношения, промышленная концентрация, пространственное развитие, центр, периферия, глобализация.*

В ведущих экономиках мира от 70 до 95 % промышленности сконцентрировано в разнообразных кластерных структурах. Промышленность в государствах из среднего и низкого сегмента демонстрируют сходную тенденцию к экономической концентрации (С. В. Худяков) [2].

Концентрация сама по себе является составной особенностью функционирования экономических систем, где потребности удовлетворяются большим количеством элементов в виде промышленных предприятий. Соответственно, в широком смысле концентрация является особенностью распределения экономической активности в границах определенной территории. Таким образом, определенная концентрация предприятий всегда присутствует в экономической системе. Поэтому в практической и научной среде понятие «концентрация» часто понимается как уровень сосредоточения экономических субъектов, превышающий некоторые средние значения в определенном макрорегионе. Существуют разные подходы к критериям оценки уровня экономической концентрации. Есть также несколько традиционных критериев, на основе которых определяют уровень экономической концентрации:

- количество экономических субъектов;
- удельный вес субъектов в экономической макросистеме;

- плотность размещения экономических субъектов;
- уровень логистических связей экономических субъектов.

Основной целью данной работы является анализ специфики экономических отношений в условиях концентрации и неоднородности распределения промышленности, поэтому, занимаясь вопросами экономической концентрации, необходимо разделять экономическую концентрацию на два отдельных понятия: в антимонопольном понимании, связанном с рыночной структурой, и экономическую концентрацию в рамках географического региона. Под монопольной концентрацией следует понимать такую структуру рынка, при которой значительная доля рынка сосредоточена в руках узкого круга компаний. Это понятие тесно взаимосвязано с понятиями монополии и олигополии рынка. Под географической концентрацией следует понимать концентрацию экономической активности в определенном регионе безотносительно уровня монополизации рынка и его рыночной структуры.

Концентрация экономической деятельности является предметом научного анализа с момента зарождения капитализма как экономической формации. Выделяют три основные причины возникновения подобных явлений

(С. В. Худяков, М. Ю. Учирова) [1], (С. Б. Баурина, С. В. Худяков) [3]:

- промышленная кооперация;
- синергия знаний;
- развитие сетевых структур.

Основная часть исследований в данной области связана с макроэкономическими трансформациями, которые имеют место в результате возникновения центров повышенной концентрации экономической активности. В частности, многими учеными рассматриваются возможности повышения эффективности экономической системы такого региона за счет снижения различных видов издержек, повышения доступности ресурсов, гибкости и адаптивности производственных систем, более широкого и быстрого распространения лучших практик и ряда других.

Причиной формирования первых в истории зон экономической концентрации было наличие естественных преимуществ определенных географических территорий. Это относится прежде всего к немобильным видам ресурсов, необходимых для осуществления экономической деятельности. Например, природные преимущества объясняют расположение городов около крупных источников воды, возникновение первых промышленных центров около месторождений угля или развитие сельского хозяйства в регионах с благоприятными условиями для роста растений. Однако, несмотря на значительное количество таких примеров, результаты эмпирических исследований указывают на то, что большинство моделей концентраций не могут быть объяснены удовлетворительно очевидными особенностями их расположения (хотя последнее и играет важную роль во многих из них). Различия в издержках выхода на рынок, обусловленные различиями в промышленной политике и доступностью инфраструктуры, представляют собой определенное развитие тезиса естественных преимуществ территории, хотя результаты эмпирических исследований показывают, что данные преимущества имеют транзитивный характер. Некоторые исследователи также рассматривали концентрацию рабочей силы в определенных регионах как причину для экономической концентрации, учитывая ограниченный уровень мобильности рабочей силы во многих регионах мира. Однако другие исследования указывают на то, что концентрация рабочей силы может быть не только причиной, но и следствием концентрации экономической деятельности (А. В. Быстров и др.) [4], (В. И. Гришин и др.) [5].

Маршалл (Alfred Marshall) в своей работе выделял более сложные причины формирования зон концентрации, которые связаны с объединением ресурсов. Во-первых, концентрация трудовых ресурсов повышает уровень соответствия последних требованиям работодателя, а также снижает риски недостатка рабочей силы. Во-вторых, она позволяет создавать специализированные, капиталоемкие ресурсы производственной функции, которые недоступны для отдельных предприятий. В-третьих, географическая близость дает преимущества в экономической эффективности за счет распространения информации относительно методов производства, использования поставщиков и знания клиентов. В конечном итоге все эти причины приводят к повышению конкурентоспособности компаний на рынке (А. Маршалл) [7].

Эффекты от распространения информации более широко рассмотрены в других работах. Эти эффекты могут быть объединены в две группы: эффекты распространения знаний и сетевые эффекты. Эффекты распространения знаний возникают, когда знания, создаваемые в одной компании, не полностью используются данной организацией. В таких ситуациях ряд других организаций могут располагаться поблизости, чтобы использовать эти знания. Например, распространение знаний, создаваемых в исследовательских университетах, является одним из таких примеров.

Сетевые эффекты распространения информации — это нематериальные выгоды, извлекаемые индивидуумами через социальные коммуникации в форме снижения неопределенности, опосредованного обучения и доступа к специализированной информации, дающей, кроме прочего, передачу технологий, взаимное доверие и финансовую поддержку (V. Garnova et al.) [9]

Кругман (Paul Krugman) в своем исследовании акцентировал внимание на воздействии концентрации на экономическую эффективность отдельной фирмы и факторов, возникающих из более тесного взаимодействия спроса и предложения. Эффект масштаба вынуждает компании размещать производства в одно место. Большие транспортные издержки стимулируют организацию производства в местах размещения сырья или клиентов. Кроме того, он обратил внимание на то, что концентрация экономической деятельности формирует большой спрос на рабочую силу, а наличие рабочей силы ведет к росту спроса на продукцию (П. Кругман) [6].

Артур (William Arthur) рассматривал роль экономической концентрации как стимула для техно-

логического процесса. В своей работе он указывал на возможности стратегической кооперации в области технологической адаптации. Стратегическая кооперация возникает, когда окупаемость инвестиции в инновации увеличивается в прямой пропорции с числом пользователей. В определенных случаях эти эффекты растут непрерывно, в других — требуют формирования критической массы (W. Brian Arthur) [8].

В отличие от Маршалла Артур и Кругман видят эффект от экономической концентрации в координации деятельности экономических субъектов, а не в улучшении их конкурентоспособности.

Резюмируя работы ученых, можно сделать следующее обобщение: единый элемент, лежащий в основе концентрации экономической активности — это существование возможности роста доходности и синергия положительных эффектов, возникающих в результате взаимодействия экономических систем. Между компаниями возникают специфические экономические отношения, которые увязывают их интересы.

Для этих моделей характерны несколько важных особенностей (S. B. Baurina et al.) [10], (E. V. Malakhova et al.) [11], (E. L. Vodolazhskaya et al.) [12]:

- последовательность в принятии решения экономическими субъектами. Субъекты хозяйственной деятельности должны изучать опыт развития других компаний, что позволяет снять неопределенности. Решение принимается единожды, после того как собрано необходимое количество информации;

- наблюдаемость решений и их последствий экономическими субъектами. Принимаемые решения не только последовательны, но и известны другим экономическим субъектам;

- неизменность принимаемых решений. Решение, которое принято один раз, не пересматривается в будущем;

- «близорукость» субъектов ограничивает рациональность принимаемых решений. Субъекты экономической деятельности сконцентрированы на информации, которой обладают в настоящее время другие агенты, не прогнозируя возможные решения других агентов. В отношении целей агенты занимаются максимизацией полезности в соответствии с информацией, которой они обладают;

- существует некоторый критический уровень, при котором начинает функционировать механизм концентрации. При этом данный уровень может возникать в результате случайных, единичных отклонений;

- саморазвивающийся механизм концентрации. Концентрация экономической деятельности в агломерации приводит к получению преимуществ, которые как стимулируют расширение деятельности самой компании, так и служат индикатором для входа и выхода других (например, конкурентов).

Несмотря на большое количество исследований о природе экономических кластеров и агломераций в различных отраслях и территориальных структурах, не достигнут консенсус относительно общих источников формирования этих структур.

Результаты рассмотренных эмпирических исследований указывают на то, что отдельные факторы лишь частично могут объяснить возникновение полюсов экономической концентрации, в то время как основными механизмами, обеспечивающими устойчивость формирования подобных центров, являются реализованные структуры связей между элементами экономической системы, которые определяют уникальные характеристики этой системы.

Концентрация экономической деятельности рассматривалась активно и с позиции микроэкономики, но в другом контексте — с точки зрения слияния крупных предприятий и последующего ограничения конкуренции. Объединение предприятий в отрасли традиционно определяется как концентрация экономической деятельности, поскольку сужает число экономических субъектов, а следовательно, ведет к концентрации рыночной монополии. Тем не менее нужно понимать, что региональная концентрация экономической деятельности также может быть тесно связана с монополизацией. Многие современные исследования указывают на то, что наряду с расширением использования аутсорсинга и специализации, происходит размытие самого понятия организации в результате расширения кооперации и зависимости предприятий, перекрестного владения акциями, формирования транснациональных организаций и сложных корпоративных структур. Все чаще в научной литературе можно встретить мнение о том, что конкуренция между предприятиями постепенно замещается конкуренцией между регионами или кластерами взаимосвязанных предприятий. В этом смысле происходит определенная конвергенция этих двух понятий (R. Sh. Akhmadieva et al.) [13], (E. P. Morgunova) [14].

Многие исследования влияния экономической концентрации рассматривают вопрос с позиции неоклассической теории. Они акцентируют внимание прежде всего на снижении конкуренции, которое становится следствием сокращения числа

участников, согласования их интересов и дифференциации возможностей. Следовательно, с позиции неоклассической теории рыночная концентрация ведет к изменению поведения бизнеса с учетом возможностей извлечения дополнительной прибыли от своего рыночного положения.

При этом в научной среде существует позиция, согласно которой несовершенная конкуренция не является негативным явлением сама по себе. В частности, ряд исследователей подчеркивали, что конкуренция ведет к динамике, технологическому прогрессу и инновациям только при наличии элементов несовершенной конкуренции. Более того, определенные элементы являются основой для формирования самого конкурентного механизма на рынке.

Хотя экономическая концентрация часто рассматривается как ограничитель для конкуренции, это не вполне соответствует эмпирическим данным. В регионах с низким уровнем экономической интеграции и небольшим объемом рынка, что характерно для стран с низким уровнем развития, а также для удаленных территорий, экономическая концентрация может привести к снижению барьеров и расширению конкуренции. Поскольку конкуренция ведет к снижению цен, компании, действующие на периферии экономических отно-

шений, могут получать определенные конкурентные преимущества (V. V. Maslennikov et al.) [15].

В научной литературе понятие экономической концентрации часто приравнивают к отраслевой концентрации, поскольку отраслевая концентрация обычно имеет место в отдельной отрасли и группе отраслей. Говорить о монополизации также можно только в контексте отдельных отраслей или рынков. Согласно исследованиям, именно в рамках отдельных отраслей достигаются наиболее существенные преимущества в области экономической концентрации.

Подведем итоги: проблема неоднородности промышленности и экономики в целом является достаточно актуальной и остро стоящей перед промышленностью и государственными институтами. Впервые в современной истории России на государственном уровне осуществляется попытка системно повлиять на данную проблему посредством внедрения стратегии пространственного развития. Согласно планам, реализация данной инициативы позволит обеспечить устойчивое и сбалансированное пространственное развитие страны, сократить межрегиональные различия в уровне и качестве жизни людей, ускорить темпы экономического роста и технологического развития, обеспечить национальную безопасность государства [16].

Список литературы

1. Худяков, С. В. Оценка инновационного развития промышленного предприятия и анализ влияния инновационных рисков на эффективность производства / С. В. Худяков, М. Ю. Учирова // Вестн. ГУУ. — 2014. — № 10. — С. 200—206.
2. Худяков, С. В. Модернизационное развитие научно-инновационного потенциала промышленного сектора экономики / С. В. Худяков // Вестн. РЭУ им Г. В. Плеханова. — 2014. — № 3 (69).
3. Баурина, С. Б. Реализация бизнес-процессов на промышленных предприятиях: от теории к практике : монография / С. Б. Баурина, С. В. Худяков. — Саранск : Полиграф, 2018. — 152 с.
4. Тренды экономики промышленности России № 1 : ст. в открытом арх. № 1 17.07.2018 / А. В. Быстров, В. Д. Свирчевский, С. В. Худяков, А. Р. Есина, Н. Б. Акуленко.
5. Производственный менеджмент : учебник : в 2 кн. Кн. 1 / В. И. Гришин, Я. П. Силин, А. В. Быстров [и др.]. — М., 2019.
6. Кругман, П. Возвращение Великой депрессии? / П. Кругман. — М. : Эксмо, 2009.
7. Маршалл, А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. — М. : Прогресс, 1993.
8. Brian Arthur, W. Complexity and the Economy / W. Brian Arthur. — Oxford Univ. Press, 2014.
9. Garnova, V. Russia and the EU: about the features of pragmatism / V. Garnova, A. Garnov, S. Khudyakov // Науч. исследования и разработки. Экономика фирмы. — 2016. — Т. 5, № 2. — С. 50—55.
10. Baurina, S. B. The problem of ensuring industrial products quality in Russia / S. B. Baurina, E. V. Nazarova, E. O. Savchenko // J. of Business and Retail Management Research. — 2017. — Т. 12, № 1. — P. 206—214.
11. Malakhova, E. V. Digital economy, information society and social challenges in the near future / E. V. Malakhova, A. P. Garnov, I. M. Kornilova // European Research Studies J. — 2018. — № 21. — P. 576—586.
12. Vodolazhskaya, E. L. Russian industry cyclical factors modeling in innovation economy [La simulación de los factores cíclicos de la industria rusa en la economía innovadora] / E. L. Vodolazhskaya, A. V. Bystrov. — Espacios. — 2018. — № 39 (22).

13. An attitude of citizens to state control over the internet traffic / R. Sh. Akhmadieva, L. N. Ignatova, G. I. Bolkina [et al.] // Eurasian J. of Analytical Chemistry. — 2018. — № 13 (1). — Ст. № em82.
14. Morgunova, E. P. Investment project risk identification and evaluation / E. P. Morgunova // International Scientific Conference, FarEastCon 2018; Vladivostok; Russian Federation; 2 October 2018 — 4 October 2018. Smart Innovation, Systems and Technologies. — P. 186—201.
15. Survey of public awareness of services provided by employment centers / V. V. Maslennikov, I. A. Kalinina, K. V. Ekimova, I. M. Kornilova, E. A. Samokhina. — European Research Studies J. — 2017.— № 20 (2). — P. 411—428.
16. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 28.06.2019).

Сведения об авторах

Худяков Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры экономики промышленности РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. KHudyakov.SV@rea.ru

Быстров Андрей Владимирович — доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой экономики промышленности РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. Bystrov.AV@rea.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 7—12.

EXPERIENCE OF ECONOMIC RELATIONS IN THE CONDITIONS OF INDUSTRY CONCENTRATION

S.V. Khudyakov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

A.V. Bystrov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

A large number of enterprises turn out for various reasons on the periphery of economic relations. Often this is due to the peculiarities of their geographical location or other restrictions, as well as a result of the polarized development of industries or individual economic systems. For example, enterprises located in remote regions from the economic centers of the Russian Federation. And this factor is the key to access to resources, technologies and, ultimately, to ensure the efficiency and competitiveness of business. The problem concerns a huge number of enterprises, which are in a disadvantaged economic position due to their distance from the economic center. More broadly, these enterprises are often “victims” of globalization processes. This is a fairly broad and serious problem of modern economic development, in general, which needs to be resolved.

Keywords: *economic relations, industry concentration, spatial development, center, periphery, globalization.*

References

1. Khudyakov S.V., Uchirova M.Yu. Ocenka innovacionnogo razvitiya promyshlennogo predpriyatiya i analiz vliyaniya innovacionnyh riskov na effektivnost' proizvodstva [Evaluation of innovative development of an industrial enterprise and analysis of the impact of innovation risks on production efficiency]. *Vestnik GUU* [Bulletin of GUU], 2014, no. 10, pp. 200-206. (In Russ.).
2. Khudyakov S.V. Modernizacionnoe razvitie nauchno-innovacionnogo potenciala promyshlennogo sektora ekonomiki [Modernization development of scientific innovation potential of the industrial sector of the economy]. *Vestnik REU im G.V. Plekhanova* [Bulletin of the REU im G.V. Plekhanova], 2014, no. 3 (69) (In Russ.).
3. Baurina S.B., Khudyakov S.V. *Realizaciya biznes-processov na promyshlennyh predpriyatiyah: ot teorii k praktike* [Implementation of business processes in industrial enterprises: from theory to practice]. Saransk, 2018. 152 p. (In Russ.).

4. Bystrov A.V., Svirchevskij V.D., Khudyakov S.V., Esina A.R., Akulenko N.B. *Trendy ekonomiki promyshlennosti Rossii № 1* [Trends in Russian industrial economics №1], stat'ya v otkrytom arhive № 1 17.07.2018. (In Russ.).
5. Grishin V.I., Silin Ya.P., Bystrov A.V., Golovina A.N., Baurina S.B., Bolkina G.I., Brykin A.V., Bystrova D.A., Garnov A.P., Golubev V.V., Devyatkin O.V., Dokukina A.A., Elina O.A., Esina A.R., Ignatova L.N., Kalenov O.E., Kostin A.V., Mamontov G.D., Merzlikin V.G., Pimenov V.V. [et al.]. *Proizvodstvennyj menedzhment* [Production management]. Moscow, 2019. B. 1. (In Russ.).
6. Krugman P. *Vozvrashchenie Velikoj depressii?* [The return of the Great depression?]. Moscow, 2009.
7. Marshall A. *Principy ekonomicheskoy nauki* [Principles of Economics]. Moscow, 1993.
8. W. Brian Arthur. *Complexity and the Economy*. Oxford University Press, 2014.
9. Garnova V., Garnov A., Khudyakov S. Russia and the EU: about the features of pragmatism. *Nauchny'e issledovaniia i razrabotki. E'konomika firmy* [Research and development. Economics of the firm], 2016, vol. 5, no. 2, pp. 50-55.
10. Baurina S.B., Nazarova E.V., Savchenko E.O. The problem of ensuring industrial products quality in Russia. *Journal of Business and Retail Management Research*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 206-214.
11. Malakhova E.V., Garnov A.P., Kornilova I.M. Digital economy, information society and social challenges in the near future. *European Research Studies Journal*, 2018, no. 21, pp. 576-586.
12. Vodolazhskaya E.L., Bystrov A.V. Russian industry cyclical factors modeling in innovation economy [La simulación de los factores cíclicos de la industria rusa en la economía innovadora]. *Espacios*, 2018, no. 39 (22).
13. Akhmadieva R.Sh., Ignatova L.N., Bolkina G.I., Soloviev A.A., Gagloev D.V., Korotkova M.V., Burenina V.I. An attitude of citizens to state control over the internet traffic. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 2018, no. 13 (1), № em82.
14. Morgunova E.P. Investment project risk identification and evaluation. *International Scientific Conference, FarEastCon 2018; Vladivostok; Russian Federation; 2 October 2018 - 4 October 2018; Smart Innovation, Systems and Technologies*, pp. 186-201.
15. Maslennikov V.V., Kalinina I.A., Ekimova K.V., Kornilova I.M., Samokhina E.A. Survey of public awareness of services provided by employment centers. *European Research Studies Journal*, 2017, no. 20 (2), pp. 411-428.
16. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda* [Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025]. URL: <http://government.ru/docs/35733/>, accessed 28.06.2019.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ КОМПЛЕКСА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ РОССИИ

О. В. Дьяченко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Только несчастные верят во власть судьбы. Счастливые мира сего приписывают себе самим все успехи, которых они достигают.

Дж. Свифт

На этапе формирования цифровой экономики хозяйствующие субъекты, складывающиеся между ними производственные отношения начинают обрастать информационными связями, то есть эффективному взаимодействию способствует возможность быстрого распространения данных и информации. Данные и информация стали строительным ресурсом современной экономики, клеточкой развития производственных отношений и производительных сил общества, однако они могут носить функцию дезорганизации, деморализации, разрушения. Одним из направлений информационного воздействия мы рассматриваем целенаправленное формирование в обществе твердой убежденности о том, что исторически страна отстает от иностранных конкурентов по различным направлениям хозяйствования. В статье рассматривается природа комплекса экономической отсталости, формы ее проявления в различных сферах хозяйствования; описано негативное воздействие исследуемого института на национальных хозяйствующих субъектов. Приводятся попытки доказать идею о том, что данный социально-экономический феномен представляет угрозу экономической безопасности страны.

Ключевые слова: *комплекс отсталости, экономическая отсталость, социальные институты, экономическая безопасность, информационные угрозы, догоняющее развитие, экономический миф, доверие.*

Актуальность исследования

Современный этап развития России достаточно ярко контрастирует раздробленностью общества на два неравных по контингенту блока: большинство консервативно настроенных граждан и либерально ориентированное меньшинство. Активно публикуемая сегодня информация об отсталости различных сфер жизнедеятельности, как правило, продуцируется именно либеральным меньшинством с целью имплантации и принятия обществом институтов западного опыта развития. Навязывание западного опыта развития внутренними группами влияния путем прививания обществу идеи об исторических корнях экономической отсталости России усугубляется тем, что это происходит в интересах развитых государств-конкурентов с целью формирования экономической, технологической, интеллектуальной, ресурсной зависимости.

Мы разрабатываем идею о том, что развивающийся «комплекс экономической отсталости» выступает как один из институтов, воздействие которого ориентировано против российской государственности, что представляет собой угрозу информационной и экономической безопасности страны. Системное продуцирование идеи о том, что Россия повсеместно отстает

от результатов хозяйствования Западного мира, под чем зачастую отсутствует научная обоснованность, что на наш взгляд, провоцирует домашние хозяйства, государственные органы власти, хозяйствующих субъектов принимать риски догоняющего развития, ставя под угрозу принципы стабильности, устойчивости и безопасности государства. Таким образом, актуальность существующей проблемы заключается в том, что сформирована институциональная среда, которая подпитывается информацией заинтересованных государств и иных субъектов о том, что Россия безнадежно отстала от развитых западных стран, с целью ограничения реализации «прогрессивных» реформ внутри страны, недопущения российских конкурентных производителей на международный рынок, препятствования формированию кооперационных взаимодействий и многое другое.

Цели научного исследования

В качестве одной из форм конкурентной борьбы на современном этапе экономического развития активно применяется информационное воздействие. Нам представляется, что одной из причин низких темпов роста российской экономики является то, что в стране активно воспроизводится идея о том,

что в технологическом, социально-экономическом, политическом и культурном планах Россия исторически отставала и отстает от уровня развития западных стран.

Современная эпоха характеризуется тектоническими сдвигами в технологическом развитии, формах производственных отношений, моделях управления, а также, безусловно, в научно-методологическом осмыслении существующей хозяйственной практики. Так, современный этап развития отечественной экономической науки характеризуется системной отрицательной реакцией исследователей на протекающие тенденции в сфере хозяйственной практики. Этому может быть два объяснения: во-первых, экономическая наука неспособна адекватно оценивать хозяйственные процессы, описывать закономерности и давать рекомендации при реализации экономической политики в силу того, что теоретико-методологический инструментарий неадекватен современным технико-экономическим тенденциям. Эклектичная, устаревшая методологическая платформа не в состоянии дать ответы на вопросы стратегического развития, однако те принимаемые управленческие решения на федеральном и региональном уровнях власти, которые не вписываются в логику существующих научных экономических разработок подвергаются повсеместной критике; во-вторых, существует реальное превалирование деструктивных системных тенденций над созидательными. Поскольку не существует однозначного ответа на вопросы: во-первых, «что, как и для кого производить?»; существуют тысячи показателей социально-экономического развития, характеризующие самые разные сферы и области экономики; отсутствуют научно обоснованные и общепризнанные работы, описывающие баланс всех этих показателей, то предположительно и не доказано то, что действительно вся отечественная хозяйственная система отстает от передовых экономик. Исходя из этого ставится под сомнение то, что хозяйственная система России как единое целое имеет характерные признаки и черты отставания от так называемых развитых экономик.

На сегодняшний день сложилась позитивная системная практика в государственном управлении в направлении организации стратегического планирования хозяйственного развития. В рамках стратегических документов прорабатываются ориентиры достижения ряда показателей, тактические действия по их достижению и нивелированию факторов, которые противоречат развитию. Если углубиться в технологию разработки документа,

наталкиваемся на теоретико-методологические проблемы оценки того потенциала, который существует и который необходимо приумножать. Но проблема в данном случае в другом: набор социально-экономических показателей в документах разрабатывается на основе: 1) существующей международной методологической практики составления государственных стратегий; 2) с учетом оценки международного уровня развития рынка/технологий. Исходя из этого встает вопрос: насколько актуально сравнивать хозяйственный опыт, достижения двух различных хозяйственных систем, в том случае если у них различные ориентиры развития, проблемы? В результате такого сравнения мы имеем то, что одна система — «передовая», другая — «отстающая». В итоге появляется мотивационный порыв у «отстающих» догонять или навязываются приоритеты развития, которые ранее не ставились.

Сегодня мы сталкиваемся с тем, что по отдельным экономическим показателям характеризуется вся хозяйственная система. В силу того что в методологическую оценочную базу заложено крайне ограниченное количество показателей, исследователи зачастую вынуждены абсолютизировать некоторую проблемную анализируемую область, связывая концептуально ее разрешение с успешным развитием всей хозяйственной системы в целом. Таким образом, причину отрицательного восприятия российской экономики отечественными исследователями мы видим в том, что в первую очередь описательная, прогностическая и рекомендательная научная экономическая база, сформировавшаяся в период становления рыночной экономики в России, не может сегодня ответить на вопросы: «где находимся?» и «куда идти?». Отсутствие адекватного позиционирования и координации в современных экономических условиях являются благотворной почвой для «самобичевания», что выражается в воспроизводстве комплекса экономической отсталости.

Таким образом, в качестве одного из направлений разрешения проблематики настоящей темы мы видим в разработке адекватной методической базы исследования всей национальной хозяйственной системы. Необходимо актуализировать комплекс экономических показателей, который раскрывает и описывает природу российской экономики, на основе чего будут приниматься стратегические решения на федеральном уровне по ее развитию, которые будут ориентировать экономических агентов на освоение особенностей инновационного пути,

характерных только для России. В таком случае будет возможно ориентировать хозяйствующих субъектов на открытие новых рынков, а не на попытки занять рынки, которые разрабатываются и осваиваются нерезидентами страны.

Степень разработанности научной проблемы

Современный этап мирового развития характеризуется прежде всего нарастанием противоречий между государствами. Прогрессивное развитие и всестороннее проникновение информационных технологий усугубляют эти противоречия, посредством применения инструментов информационной борьбы. Сегодня мы являемся свидетелями того, что Россия становится объектом информационных атак со стороны развитых государств. Это объясняется множеством причин, и одна из главных, по нашему мнению, — это то, что Россия восстанавливает свой экономический и политический потенциал. В связи с этим увеличивается внешнее давление на Россию в самых разнообразных проявлениях, в частности информационные угрозы приобретают самые разнообразные формы и направления. Можно привести различные цели информационного воздействия, однако в качестве фундаментальной мы выделяем снижение (влияние) экономического потенциала акцептора. Одной из форм информационного влияния мы выделяем насаждение комплекса экономической отсталости. Для раскрытия природы анализируемого явления следует поэтапно исследовать содержание экономической отсталости, а также такой социально-психологический феномен, как «комплекс».

В качестве предмета исследования в многообразии научных публикаций, посвященных проблеме экономической отсталости, можно отметить различные методические подходы к изучению данной темы.

Актуальность исследования вопросов природы экономической отсталости отражается в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных ученых. Сформирован значительный научный задел о природе данного явления, влияющих факторах, его показателях, инструментах преодоления отсталости и др. Пристальное внимание к данной теме сегодня обращено и на федеральном уровне государственной власти. В 2018 г. В. В. Путин в послании Федеральному собранию обозначил в качестве одной из самых острых проблем развития России экономическое отставание. «Скорость технологических изменений во всем мире стремительно растет. Поэтому в ближай-

шие десятилетия или даже годы России предстоит либо совершить рывок, используя эту “технологическую волну”, либо навсегда остаться далеко позади. Технологическое отставание будет означать ослабление экономических возможностей страны, рост ее зависимости от других стран, а со временем и потерю суверенитета. Следовательно, допускать такое развитие сценария нельзя. Тем более что у нашей страны есть потенциал и все условия для устойчивого развития» [1]. Таким образом, в своем послании президент России В. В. Путин, как нам представляется, сформировал мотивированный посыл к созидательным действиям, констатируя при этом, что мы не отстаем, поскольку у национальной экономики присутствует потенциал, однако невнимательное отношение к технологическим изменениям может спровоцировать реализацию угроз отсталости. В итоге можно определить, что экономическая отсталость — это угроза, а не состояние, характеризующее национальную экономику, о чем заявляет Президент.

Марксизм, классическая политэкономия, неоклассика, кейнсианство, монетаризм, институционализм и другие научные экономические школы рассматривают причины экономической отсталости по-своему. Различные методологические подходы позволяют по-разному взглянуть на природу экономической отсталости, обнажая новые индикаторы отсталости (роста) и новые рычаги ее нивелирования. Так, в отношении настоящего научного исследования сформирован следующий научный задел. Вопросам экономической отсталости в разные периоды времени были посвящены труды различных ученых экономистов. Наиболее популярны работы таких иностранных авторов, как: Д. Асемоглу [2], Л. Мизес [3], Г. Кларк [4], Д. Лал [5], Э. С. Райнерт [6], М. Хамфрис [7], Дж. Стиглиц [8], И. Валлерстайн [9], Э. де Сото [10], Дж. Гуди [11] и др. Большинство представленных работ по теме экономической отсталости раскрываются с позиции возникающих противоречий между бедными и богатыми странами, отсталыми и развивающимися экономиками, «севером и югом», капиталистическим центром и периферией. Среди российских авторов, занимающихся вопросами экономической отсталости отдельных сфер хозяйствования, отметим К. В. Иванова [12], В. А. Мельянцева [13], С. Д. Бодрунова, Д. Е. Сорокина, Р. С. Гринберга [14], А. П. Заостровцева [15], Г. И. Иконникова [16] и др. Следует выделить научное наследие А. Гершенкрона [17]. С позиции историцизма

им представлена попытка осознания природы и характерных черт экономической отсталости России в сравнительном ракурсе с другими развитыми странами. Безусловно, также полезен накопленный научный задел в исследовании причин отсталости России либеральных аналитиков, среди которых отметим Е. Т. Гайдара [18], Е. Г. Ясина [19] и др. В качестве ответа на вызовы информационных угроз со стороны западных экономик стали появляться научные работы, посвященные теме «мифов об отсталости России». Здесь следует отметить работы С. Ю. Глазьева [20], С. Г. Карамурзы [21], С. М. Гуриева [22], А. В. Горшкова [23], В. И. Якунина [24], О. В. Черковца [25], А. П. Паршева [26], А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [27] и др. Необходимо указать, что сформированный научный задел имеет несистемный характер и представлен локальным изучением исторических фактов, опровергающих «отсталость» отечественной хозяйственной практики, а также обосновывающих актуальность собственной модели экономического развития.

Содержание и формы воплощения комплекса экономической отсталости

Важным элементом настоящего исследования выступает изучение природы комплекса экономической отсталости. Данный феномен, предполагаем, можно раскрывать с двух позиций: во-первых, как социально-экономический феномен; во-вторых, как институт. Как социально-экономический феномен природа комплекса экономической отсталости будет раскрываться как совокупность отношений, воспроизводящих негативное восприятие федеральными государственными органами, субъектами федерации, предприятиями, домашними хозяйствами протекающих хозяйственных процессов в национальной экономике, а также как форма отношений, в которых разработка и принятие управленческих решений происходят через призму предвзятого отношения к собственному хозяйственному опыту. Комплекс экономической отсталости также может анализироваться с позиции института, который на основе определенных принципов, правил воспроизводит в экономике идеи отсталости и ее институционализирует. Воспроизводство идей отсталости можно наблюдать в различных сферах хозяйствования, таких как наука, образование, СМИ, культура, политическая сфера деятельности, в государственном регулировании производственных отношений и др. То есть это информационно-интенсивные сферы деятельности, с высоким уровнем

информационной асимметрии, и, безусловно, они социально значимы. В данном случае считаем важным проведение научных исследований в идентификации тех социально и экономически значимых сфер деятельности, которые подвержены информационному воздействию и имеют «благоприятные» условия для институционализации идей отсталости.

В научной сфере, например, осуществление деятельности института, провоцирующего экономическую отсталость, может проявляться следующим образом. Ряд научных экономических школ, с методологической точки зрения обосновывая стратегические приоритеты социально-экономического развития общества, подходят к анализу существующей хозяйственной практики и разрабатывают рекомендации с двух противоположных позиций: 1) выявление негативных социально-экономических компонент в национальном хозяйстве, на основе чего разрабатываются стратегические решения, направленные на их нивелирование; 2) выявление существующего хозяйственного потенциала, на основе чего разрабатываются стратегические решения, направленные на его преумножение и воплощение в конкурентных преимуществах на глобальном рынке. Оба подхода имеют право на существование и поиск истины. Безусловно, критика существующего опыта хозяйствования необходима для понимания природы складывающихся противоречий и способов их разрешения. Однако теоретико-методологическая база экономической науки (зачастую имплантированная в виде различных либеральных концепций развития) не всегда может дать верные ответы для принятия решений в области стратегического планирования. Например, даже инструментарий политической экономии при разрешении различного рода хозяйственных противоречий в условиях рынка далеко не всегда разрешает рассматриваемое противоречие в сторону необходимости создания новых точек роста. Этот факт также, мы считаем, можно отождествлять с воспроизводством отсталости. Одним из явных оснований, подпитывающих существование данного института, ограничивающего прогрессивное экономическое развитие, является то, что экономическая наука, то есть ее методологические начала, неспособна адекватно объяснить природу существующих экономических явлений. Многообразие мнений в отношении исследуемого экономического явления дает плодотворное основание для развития такого феномена, как «экономический миф». Существование данного феномена можно отнести,

с одной стороны, только к научной сфере, с другой стороны, смотря на него более широко в практической плоскости применения, экономический миф используется как инструмент информационных атак на отдельного хозяйствующего субъекта, субъекта федерации, в целом на государство. Таким образом, экономический миф также выступает одним из факторов, искажающих информационное пространство, подпитывая институт экономической отсталости, укореняя в обществе мнение о том, что в социально-экономическом, технологическом, культурном плане Россия более отсталая страна по сравнению с другими.

Так, например, ряд разрабатываемых стратегически важных государственных решений, обоснованно рекомендованных к исполнению, зачастую не находят своего практического воплощения и откладываются «в стол». В том числе это происходит по причине довлеющего мнения о том, что для реализации прогрессивных инициатив не настало время, поскольку не решены существующие хозяйственные проблемы. Это находит свой отпечаток в проводимой государственной промышленной политике, например в отрицании по причине недоверия максимизации роли государства в экономике. С уверенностью можно утверждать то, что общество (представленное группами со схожими экономическими интересами), отстаивающее, к примеру, институционализацию западных ценностей, моделей хозяйственного развития, в своем большинстве не имеет представления о сути отстаиваемого мнения в отношении экономического развития. Подавляющим общим мотивом, побуждающим к принятию решений этими субъектами, выступает убежденность в том, что имплантированный опыт намного эффективнее собственного. Считаем, что выращенный институт, воспроизводящий комплекс экономической отсталости, непосредственно оказывает негативное воздействие на хозяйственное развитие России. Исходя из этого можно утверждать, что существование данного института выступает в качестве фактора, угрожающего государственной экономической безопасности.

В свете актуальности «встраивания» российской экономики в международные экономические, социальные, политические и другие альянсы зачастую используется такой инструмент, как рейтинг. Рассмотрим пример со встраиванием в международные рейтинги российских вузов. При анализе различных рейтингов можно увидеть, что, например, МГУ им. М. В. Ломоносова занимает место в сотне [28], по другим критериям — во второй

сотне [29] лучших университетов мира. Данная ситуация нас информирует о том, что ведущий университет России отстает от уровня мировых университетов по определенному перечню сформированных зарубежными агентствами показателей. Так, для того чтобы отечественному университету подняться в международном рейтинге, ему необходимо обеспечить высокий уровень данных показателей. В свою очередь достижение данных показателей, считаем, противоречат не столько целям университета (МГУ им. М. В. Ломоносова), сколько целям развития страны, поскольку рыночная среда подталкивает другие национальные университеты «догонять» (конкурировать) наиболее прогрессивного субъекта образовательного рынка, пытаясь вписаться в рейтинги и исполняя при этом стратегически ошибочные показатели развития. Данный пример также демонстрирует навязывание комплекса отсталости с присущим мотивированным посылом принятия рисков догоняющего развития.

Субъекты, воспроизводящие комплекс экономической отсталости в России

В эпоху цифровой экономики, то есть легкости и беспрепятственности обмена данными, идея национальной отсталости продуктивно воспроизводится, в чем заинтересованы западные государства-конкуренты. Активно наблюдаются попытки пересмотра исторических фактов, указывающих на высокие достижения России. Наблюдаются беспорядочные научные публикации о практиках реформирования России, реализация которых обосновывается существующей отсталостью, например: призывание варягов на Русь, модернизационная политика Петра I, реформирование страны Николаем I. Чем выше уровень информированности об историческом этапе развития России, о практике реформирования, управлении хозяйством, тем активнее попытки выхолостить позитивный опыт с акцентами на ущербности, негативном содержании, противоречивости анализируемых явлений. Так, подвергается критике и пересмотру результатов политика И. В. Сталина в отношении достижения успехов советского народа во Второй мировой войне, наконец, политика В. В. Путина в обеспечении экономической безопасности страны и выведении ее в число мировых промышленных лидеров. На основе этого сформирован институт, который воспроизводит идею о том, что российская практика ведения хозяйства ущербна, содержит в себе деструктивные начала и по этой причине

в России отсутствует свой собственный путь экономического развития. Результат существования данного института: наличие протестных начал в обществе, системные ограничения при реализации прогрессивных реформ в обществе, нарастающие риски нестабильности и угрозы безопасности всей хозяйственной системы. Таким образом, в качестве основного вектора дальнейших научных исследований в данной проблемной плоскости мы видим подтверждение гипотезы об отсутствии обоснованных суждений о том, что отечественная экономика характеризуется значительным системным отставанием от западного «развитого» мира.

Научный интерес представляет то, какие субъекты оказывают воздействие на данный институт, какие интересы они преследуют, какие механизмы используются для поддержания его активности, воспроизводящего комплекс экономической отсталости в России.

Следует отметить то, что всякое полученное экономическое знание дает представление о том, каким образом можно им управлять. В дальнейших научных исследованиях будет представлена попытка доказать то, что экономическая отсталость может быть представлена как институт, который управляется заинтересованными субъектами, путем прививания идеи об исторической отсталости. Исходя из этого мы предполагаем, что процесс функционирования данного института подконтролен различным субъектам (иностранным государствам, фондам, НКО, заинтересованным хозяйственным группам, обладающим политической властью, и др.). Из этого следует, что существует модель, в рамках которой можно описать рычаги влияния на анализируемый институт, направления его функционирования, финансовую составляющую и др. Тем самым с пониманием, каким образом устроен механизм воспроизводства комплекса экономической отсталости в России, появляется возможность и практическая актуальность описания инструментов, нивелирующих деструктивное воздействие данного института на экономическую систему.

Негативное воздействие на хозяйственный потенциал комплекса экономической отсталости

Комплекс экономической отсталости тесным образом связан с уровнем доверия в обществе. В той степени, насколько широко внушено (распространено) мнение в обществе о том, что усилия государства противоречат интересам первых, по-

нижают их уровень и качество жизни, тормозят развитие производственных отношений путем их бюрократизации, то есть формирует искусственно отсталость, настолько и низок будет уровень доверия к государству в общем, к общественным институтам в частности. Низкий уровень доверия, в свою очередь, закручивает маховик самых разных хозяйственных проблем, провоцируя субъектов на изменение модели поведения. Таким образом, на наш взгляд, создается замкнутый круг, в котором формируется негативный эффект от циркуляции информации, содержание которой противоречит целям государственного развития и экономической безопасности России (см. рисунок).

Взаимосвязь комплекса экономической отсталости и реакций хозяйствующих субъектов

В чем негативное влияние комплекса экономической отсталости? Предполагаем, что отставание всей хозяйственной системы так или иначе отображается на поведении экономических агентов:

1. На уровне домашнего хозяйства

Воспроизводство комплекса отсталости в домашних хозяйствах выражается в спросе на низкий уровень и качество жизни. Это выражается в том, что при распространении негативной информации о хозяйственных процессах в экономике, о перспективах развития домашние хозяйства корректируют свою модель поведения в сторону оптимизации своих затрат.

2. На микроуровне

Сегодня недостаточно эффективно, считаем, продвигается идея популяризации национального бренда «Сделано в России», в первую очередь для внутренних потребителей. Напротив, в инфор-

мационной среде (телевидение, Интернет, кино, литература и мн. др.) более активно распространяются идеи о том, что национальный производитель отстает от аналоговых зарубежных компаний как по цене, так и по качеству, то есть неконкурентоспособен. Данный миф для национального производителя вреден тем, что: снижается инвестиционная привлекательность, падает спрос, происходит потеря доли рынка или вытеснение иностранными производителями.

3. На макроуровне

— Нивелируется патриотический настрой, и, напротив, формируется протестное настроение, что дает основу для развития правового нигилизма среди молодого поколения.

— Нивелируется доверие к государственной власти, что выражается в снижении доверия к государственным и негосударственным финансовым институтам.

— Комплекс отсталости провоцирует утрату уверенности в стабильности, что отражается на покупательной способности населения, инвестиционной активности, поведении агентов на финансовых рынках,

— и многое другое.

Все перечисленные риски, на наш взгляд, не могут не сказаться на экономической безопасности государства.

Заключение

Подводя промежуточный итог в рамках данного исследования, стоит отметить следующее.

Во-первых, по причине того, что данное исследование носит междисциплинарный характер, для подтверждения результатов недостаточно сугубо экономических методов получения обоснованных научных результатов.

Во-вторых, в работе не ставится цель доказать, что национальная экономическая система является

передовой. Наша цель — доказать, что она не отстающая, ни отсталая, ни догоняющая. Она другая, развивающаяся по иным правилам, с особыми институтами, специфическими трендами, стратегическими целями, соответственно, и с иными индикаторами эффективности развития.

В силу того что методологическая база экономической науки, описывающая современные хозяйственные явления не в состоянии ответить на многие вопросы, считаем, что и критический анализ, проводимый аналитиками и распространяемые результаты в СМИ не столько «некорректны», сколько, считаем, вредны. С другой стороны, безусловно, критическое восприятие необходимо для идентификации проблемных мест в экономике, но при условии их обоснованности и наличия действующих информационных фильтров, регламентирующих порядок распространения подобной подтвержденной информации.

Таким образом, актуальность данной научной темы мы связываем с формированием информационных угроз, непосредственно оказывающих системное негативное воздействие на экономический потенциал и экономическую безопасность страны.

На сегодняшний день достаточно много работ посвящено вопросам обеспечения информационной безопасности государства, однако в плоскости научных исследований они нечасто коррелируют с вопросами экономической безопасности. В настоящей работе приведена попытка это исправить. Рассматривается комплекс экономической отсталости как социально-экономический феномен, который с аналитической точки зрения можно рассматривать как институт, негативное воздействие которого на общественно-производственные отношения еще предстоит оценить. Концептуально были представлены формы реализации комплекса экономической отсталости в различных сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 07.07.2019).
2. Асемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Асемоглу. — М. : АСТ, 2016. — 693 с.
3. Мизес, Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 295 с.
4. Кларк, Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / Г. Кларк. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — 544 с.
5. Лал, Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. — М. : ИРИСЭН, 2007.

6. Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт ; пер. с англ. Н. Автономовой под ред. В. Автономова. — М. : Издат. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2011. — 384 с.
7. Хамфрис, М. Как избежать ресурсного проклятия / М. Хамфрис, Д. Сакс, Д. Стиглиц ; пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана под ред. Е. Добрушиной, А. Ю. Кнобеля. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 464 с.
8. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с.
9. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкий. — СПб. : Университет. кн., 2001. — 416 с.
10. Сото, Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму / Э. де Сото ; пер. с англ. Б. Пинскера. — Челябинск : Социум, 2008. — 408 с.
11. Гуди, Дж. Похищение истории / Дж. Гуди. — М. : Весь мир, 2015. — 432 с.
12. Иванов К. В. Доктрина «богатых и бедных стран» / К. В. Иванов. — М. : Политиздат, 1972. — 63 с.
13. Мельянцева, В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В. А. Мельянцева. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 304 с.
14. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экон. возрождение России. — 2013. — № 1 (35). — С. 19—48.
15. Заостровцев, А. П. О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? / А. П. Заостровцев. — СПб. : Изд-во Европейс. ун-та в С.-Петербурге, 2014. — 248 с.
16. Иконникова, Г. И. «Технологические» фальсификации общественного процесса / Г. И. Иконникова. — М. : Мысль, 1986. — 141 с.
17. Гершенкрон, А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон ; науч. ред. А. А. Белых ; пер. с англ. А. В. Белых. — М. : Дело, 2015. — 536 с.
18. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М. : Дело, 2005. — 656 с.
19. Ясин, Е. Приживется ли демократия в России / Е. Ясин. — М. : Новое изд-во, 2005. — 384 с.
20. Глазьев, С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С. Ю. Глазьев. — М. : Экон. газ., 2011. — 576 с.
21. Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Науч. эксперт, 2013. — 264 с.
22. Гуриев, С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С. Гуриев. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 210 с.
23. Горшков, А. В. Экономический миф и экономическое мошенничество / А. В. Горшков. — Челябинск : Изд-во . Челяб. гос. ун-та, 2016. — 62 с.
24. Якунин, В. И. Новые технологии борьбы с российской государственностью : монография / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Науч. эксперт, 2013. — 472 с.
25. Черковец, О. В. Глобализация. Экономические реалии и политические мифы / О. В. Черковец. — М. : ЮНИТИ, 2006. — 110 с.
26. Паршев, А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь / А. П. Паршев. — М. : АСТ : Астрель, 2006. — 352 с.
27. Бузгалин, А. 10 мифов об СССР / А. Бузгалин, А. Колганов. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 448 с.
28. World Reputation Rankings 2017.
29. QS World Universi 2018.

Сведения об авторе

Дьяченко Олег Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dyachenko@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 13—22.*

COMPLEX OF ECONOMIC LACKFAST OF RUSSIA. BASES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT THEORY

O.V. Dyachenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dyachenko@csu.ru

The competitive struggle for markets is becoming tougher and it uses various tools to win. At the stage of the formation of the digital economy, business entities, the production relations between them begin to grow into informational links, i.e. efficient communication is facilitated by the ability to quickly disseminate data and information. Data and information have become the building resource of the modern economy, the cell of the development of production relations and the productive forces of society, but they can carry the function of disorganization, demoralization, destruction. One of the areas of information impact we consider the formation in society of a firm conviction that, historically, the country has lagged behind foreign competitors. The complex of economic backwardness formed in society acquired the features of systemic and institutional harmony. In this institution, the subjects and their interests emerge in supporting this institution as a form of struggle for the “pro-Western” path of economic development; outlines the rules of the game; there is a financial basis; reproduction processes are observed. The article discusses the nature of the complex of economic backwardness, the forms of its manifestation in various areas of business; describes the negative impact of the studied institution on business entities. There are attempts to prove the idea that this socio-economic phenomenon is a threat to the economic and information security of the country.

Keywords: *underdevelopment complex, economic underdevelopment, social institutions, economic security, informational threats, catching up development, economic myth, trust.*

References

1. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [Message From The President Of The Federal Assembly]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>, accessed 07.07.2019.
2. Asemoglu D. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow, 2016. 693 p. (In Russ.).
3. Mizes L. *Teoriya i istoriya: Interpretaciya social'no-ekonomicheskoy evolyucii* [Theory and History: Interpreting Socio-Economic Evolution]. Moscow, 2001. 295 p. (In Russ.).
4. Klark G. *Proshchaj, nishcheta! Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira* [Goodbye poverty! Brief economic history of the world]. Moscow, 2012. 544 pp. (In Russ.).
5. Lal D. *Neprednamerennye posledstviya. Vliyanie obespechennosti faktorami proizvodstva, kul'tury i politiki na dolgosrochnye ekonomicheskie rezul'taty* [Unintended consequences. The impact of the availability of factors of production, culture and politics on long-term economic results]. Moscow, 2007. (In Russ.).
6. Rajnert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries became rich and why poor countries remain poor]. Moscow, 2011. 384 pp. (In Russ.).
7. Hamfris M., Saks D., Stiglic D. *Kak izbezhat' resursnogo proklyatiya* [How to avoid a resource curse]. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.).
8. Stiglic Dzh. *Cena neravenstva. CHem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future]. Moscow, 2015. 512 pp. (In Russ.).
9. Vallerstajjn I. *Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg, 2001. 416 p. (In Russ.).
10. Soto E. de. *Inoj put': Ekonomicheskij otvet terrorizmu* [Another way: the economic response to terrorism]. Chelyabinsk, 2008. 408 p. (In Russ.).
11. Gudi Dzh. *Pohishchenie istorii* [History kidnapping]. Moscow, 2015. 432 p. (In Russ.).
12. Ivanov K.V. *Doktrina "bogatyh i bednyh stran"* [The doctrine of “rich and poor countries”]. Moscow, 1972. 63 p. (In Russ.).

13. Mel'yancev V.A. *Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'* [East and West in the second millennium: economy, history and modernity]. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.).
14. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializatsiya rossijskoj ekonomiki: imperativy, potencial, riski [Re-industrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks]. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Russia's economic revival], 2013, no. 1 (35), pp. 19-48. (In Russ.).
15. Zaostrovcev A.P. *O razvitii i otstalosti: kak ekonomisty ob'yasnyayut istoriyu?* [On development and underdevelopment: how do economists explain history?]. St. Petersburg, 2014. 248 p. (In Russ.).
16. Ikonnikova G.I. "Tekhnologicheskie" fal'sifikatsii obshchestvennogo processa ["Technological" falsification of the social process]. Moscow, 1986. 141 p. (In Russ.).
17. Gershenkron A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive* [Economic backwardness in historical perspective]. Moscow, 2015. 536 p. (In Russ.).
18. Gajdar E.T. *Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii* [For a long time. Russia in the world: essays on economic history]. Moscow, 2005. 656 p. (In Russ.).
19. Yasin E. *Prizhivetsya li demokratiya v Rossii* [Will democracy take root in Russia]. Moscow, 2005. 384 p. (In Russ.).
20. Glaz'ev S.Yu. *Uroki ocherednoj rossijskoj revolyucii: krah liberal'noj utopii i shans na "ekonomicheskoe chudo"* [Lessons from the next Russian revolution: the collapse of liberal utopia and a chance for an "economic miracle"]. Moscow, 2011. 576 p. (In Russ.).
21. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and manifestations]. Moscow, 2013. 264 p. (In Russ.).
22. Guriev S. *Mify ekonomiki: Zabluzhdeniya i stereotipy, kotorye rasprostranyayut SMI i politiki* [Myths of Economics: Misconceptions and stereotypes that spread the media and politicians]. Moscow, 2006. 210 p. (In Russ.).
23. Gorshkov A.V. *Ekonomicheskij mif i ekonomicheskoe moshennichestvo* [Economic Myth and Economic Fraud]. Chelyabinsk, 2016. 62 p. (In Russ.).
24. Yakunin V.I. *Novye tekhnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'yu: monografiya* [New technologies of struggle against the Russian statehood]. Moscow, 2013. 472 p. (In Russ.).
25. Cherkovec O.V. *Globalizatsiya. Ekonomicheskie realii i politicheskie mify* [Economic realities and political myths]. Moscow, 2006. 110 p. (In Russ.).
26. Parshev A.V. *Pochemu Rossiya ne Amerika. Kniga dlya tekh, kto ostaetsya zdes'* [Why Russia is not America. A book for those who stay here]. Moscow, 2006. 352 p. (In Russ.).
27. Buzgalin A. *10 mifov ob SSSR* [10 myths about the USSR]. Moscow, 2010. 448 p. (In Russ.).
28. *World Reputation Rankings*. 2017.
29. *QS World Universi*. 2018.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ»

И. В. Герсонская

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Липецк, Россия

Государственный сектор экономики сегодня рассматривается как основной институт государственного управления, контроля и регулирования национальной экономики. Наличие данного сектора экономики обусловлено необходимостью производства общественных благ. Государственный сектор экономики необходим для ликвидации «провалов рынка», с которыми не могут справиться существующие рыночные регуляторы. В статье рассматриваются подходы к сущности и содержанию категории «государственный сектор экономики». Автор исследует определения государственного сектора экономики в отечественной и зарубежной литературе. Рассматриваются системный, ресурсный, управленческий, институциональный, воспроизводственный и социально-ориентированный научные подходы к категории «государственный сектор экономики». Автор предлагает использовать интегральный подход к исследованию сущности категории «государственный сектор экономики». Изучение различных подходов позволяет сформулировать основу научного исследования.

Ключевые слова: *государственный сектор экономики, сущность, содержание, национальная экономика, государственная собственность, общественные блага, ресурсы, воспроизводство, институт, управление.*

Возникновение государственного сектора экономики относится к далекой древности, когда с появлением на земле первых государств правителям приходилось решать возникающие в обществе проблемы. Любому правителю требовалась собирать с населения, землевладельцев и товаропроизводителей налоги для решения государственных задач, содержать армию и поддерживать обороноспособность, заниматься общественным строительством и удовлетворять необходимые общественные блага, а для этих целей правителю и приходилось содержать армию чиновников, то есть «государственных людей».

Современный государственный сектор экономики в любой стране мира функционирует практически на тех же самых принципах. Обществу нужна защита со стороны государства с военной точки зрения, а на современном этапе развития экономики — еще от возникновения информационных угроз и экологических катастроф. Население любой страны нуждается в образовательных и медицинских услугах, которые в первую очередь оказывает государство, а также в государственных гарантиях и социальной защите. А для выполнения таких задач государству нужны экономические ресурсы, и прежде всего в виде материальных и нематериальных объектов, земельных участков, специализированных фондов денежных средств и других видов государственных ресурсов. При этом все

государственное имущество необходимо эффективно использовать, для чего и создаются различные институты в рамках государственного сектора, которые и оказывают регулирующие влияние на национальную экономику.

На сегодняшний день смешанная рыночная экономика функционирует в тесной взаимосвязи двух секторов — частного и государственного. При этом такая взаимосвязь имеет двойственный характер. С одной стороны, частный бизнес, преследуя только коммерческие цели своей деятельности, не спешит производить общественные блага и осуществлять социальную защиту своих работников. И именно в этот момент в действие вступает государственный сектор экономики, который своими волевыми решениями защищает общественные интересы и не позволяет частному сектору нарушать права граждан. С другой стороны, рыночной экономике в силу ее цикличности присущи периодические «провалы рынка», которые характеризуются возникновением кризисных явлений и обострением социально-экономических проблем в обществе. И в этом случае именно государство приходит на помощь частному бизнесу, поддерживая важные отрасли национальной экономики с помощью предоставления льгот по налогам, дотаций, субсидий и прочего, тем самым сохраняя объемы производства и рабочие места.

В целях научного осмысления государственного сектора экономики необходимо обратиться к таким философским категориям, как «сущность» и «содержание». Сущность представляет собой «отражение внутренней, глубинной связи, основу предмета либо «воплощенные» в его главной, определяющей стороне, либо представленные в виде внутреннего единства, совокупности всех его различных форм (единство многообразного), а... содержание выражает единство частей, связей, свойств, образующих предмет, явление или процесс» [10. С. 81—82]. Поэтому, по нашему мнению, основной задачей исследования государственного сектора как экономической категории является изучение его сущности и содержания. В процессе исследования нужно выявить основной, неизменный (существенный или субстанциональный) признак предмета, явления или процесса, а также его свойство.

Любое толкование данной категории, заключается в том, что государственный сектор представляет собой основной и необходимый структурный элемент национальной экономики. П. А. Кошель дает определение: «Государственный сектор — часть экономики страны, полностью контролируемая государством, правительством» [8. С. 45].

На сегодняшний день в базовых отечественных учебниках как по экономической теории, так и в целом по экономике нет единого определения экономической категории «государственный сектор экономики». Российские экономисты не дают однозначного ответа на вопрос, что же есть государственный сектор экономики, каковы его сущность, содержание и виды деятельности, а также в чем заключаются его основные функции. Например, А. С. Булатов дает следующее определение: «Государственный сектор экономики представляет собой совокупность предприятий и организаций, находящихся в государственной собственности и финансируемых из государственного бюджета» [15. С. 673]. По нашему мнению, такое определение довольно поверхностно, очень коротко и односторонне раскрывает сущность и содержание государственного сектора экономики.

Е. В. Пономаренко и В. А. Исаев дают более широкое определение: «Государственный сектор экономики представляет собой систему государственных финансов, государственных предприятий, других государственных ресурсов (например, государственные земли, запасы полезных ископаемых)» [12. С. 12]. Однако, по нашему мнению, приведенное определение также недостаточно полно

характеризует государственный сектор экономики. Любой вид государственных ресурсов нуждается в том, что бы им рационально и эффективно распорядились, что входит в компетенцию органов государственной власти и управления. Поэтому субъекты государственного управления на всех уровнях законодательной и исполнительной власти также входят в состав государственного сектора экономики.

В экономической теории научное познание государственного сектора экономики предполагает использование разнообразных научных подходов с позиций достижения поставленной цели исследования. Существуют различные методологические подходы к определению категории «государственный сектор экономики». Поэтому проведем анализ основных подходов к исследованию данной экономической категории и установим на основе предложенных различными авторами дефиниций сущности и содержания государственного сектора экономики, а также отношений, которые он выражает.

В настоящее время существуют различные научные подходы к определению категории «государственный сектор экономики»:

1. Системный подход, на основе которого государственный сектор можно рассматривать как совокупность объектов, действующих в едином комплексе и выполняющих, таким образом, определенный набор функций. О. В. Кожевина рассматривает государственный сектор экономики как систему «предприятий, учреждений и организаций, функционирующих на экономической и правовой базе государственной собственности в целях реализации функций государства в экономической, социальной и политической сферах» [6. С. 2028], а Н. П. Кононкова считает, что «государственный сектор — это многокомпонентный, многоуровневый и многофункциональный комплекс, который функционирует на базе объектов государственной собственности в разных сферах экономики» [7. С. 41]. Какими бы ни были определения государственного сектора на основе данного подхода, все они сводятся к тому, что он функционирует на основе государственной собственности, что позволяет раскрыть состав и структуру объектов.

2. Ресурсный подход предполагает, что в государственном секторе экономики производство общественных благ осуществляется с помощью различных видов экономических ресурсов, которыми распоряжается государство. Например, Э. Б. Аткинсон и Дж. Э. Стиглиц считают, что «государственный

сектор — это не только сфера государственной собственности, но также бюджет и другие ресурсы, находящиеся в непосредственном распоряжении государства» [1. С. 5]. Е. В. Пономаренко и В. А. Исаев утверждают, что «государственный сектор экономики представляет собой систему государственных финансов, государственных предприятий, других государственных ресурсов (например, государственных земель, запасы полезных ископаемых)» [12. С. 12]. При этом А. А. Бочков, Д. К. Иваницкий и Т. А. Дудник настаивают на том, что в национальной экономике «ресурсы, с помощью которых государство участвует в общественной жизни — это, с одной стороны, государственная собственность (запас ресурсов), а с другой стороны, доходы и расходы бюджета (поток ресурсов)» [3. С. 8]. В соответствии с этим методологическим подходом государственный сектор в процессе своего функционирования, а также выполнении поставленных перед ним задач распоряжается определенными видами экономических ресурсов, как производственных, так и финансовых.

3. Управленческий подход к государственному сектору экономики предполагает обязательное наличие нормативно-правовой базы в области сектора государственного управления, а также контроль и регулирование со стороны государственных органов. Е. И. Данилина считает, что «государственный сектор экономики — совокупность предприятий, организаций, учреждений, находящихся в государственной собственности и управляемых государственными органами или назначаемыми ими лицами» [4. С. 195]. В. Ф. Протас утверждает, что государственный сектор «объединяет в единое целое все органы государственного управления... и используется для описания полного влияния органов государственного управления на национальную экономику» [13. С. 7]. О. С. Макаренко указывает на то, что «государственный сектор формируется из сектора государственного управления, который включает органы власти разных уровней и подведомственные им учреждения и государственных институциональных единиц, входящих в сектора нефинансовых и финансовых корпораций» [9. С. 117]. Данный подход предполагает, что государственный сектор управляет национальной экономикой, всеми субъектами, входящими в ее состав, осуществляет государственный контроль и регулирование социально-экономических процессов.

4. Институциональный подход предполагает установление совокупности правил и норм, образующих социально-экономические границы вза-

имодействия различных институтов в составе государственного сектора экономики. Н. Р. Закирова считает, что государственный сектор «является мегаинститутом и представляет собой совокупность отдельных элементов — институтов, которые можно классифицировать в соответствии с определенными уровнями иерархии: макро-, мезо-, микро- и наноэкономическим» [5. С. 10—11], то есть такой государственный институт характеризуется многоуровневостью в экономике. Д. Брюммерхофф относит к государственному сектору экономики «все институты, задачей которых является предоставление услуг особого характера для общества в целом и которые финансируются преимущественно за счет принудительных сборов» [2. С. 15]. Институциональный подход к категории «государственный сектор экономики» представляется нам довольно актуальным, так как именно только на уровне государства устанавливаются определенные правила взаимоотношений для всех субъектов национальной экономики.

5. Воспроизводственный подход ориентирован на постоянное возобновление производства общественных благ в государственном секторе экономики с меньшими совокупными затратами на единицу полезного эффекта. Так, Дж. Ю. Стиглиц под государственным сектором понимает «общественную собственность и деятельность государства в производстве, продаже и перераспределении, включая производство товаров и услуг, субсидирование производства, государственную деятельность на финансовых рынках, государственные закупки товаров и услуг» [14. С. 130]. При этом производство общественных благ не может рассматриваться обособленно от их распределения, обмена, потребления, так как эти процессы тесно взаимосвязаны между собой. Воспроизводственные отношения в государственном секторе экономики «возникают по поводу производства, распределения, обмена, потребления материальных и нематериальных благ и услуг в целях удовлетворения общественных потребностей» [11. С. 9]. В соответствии с таким подходом целесообразно изучение процесса воспроизводства в государственном секторе во взаимосвязи с общей методологией экономической теории и развитием экономических отношений.

6. Социально-ориентированный подход к государственному сектору экономики предусматривает социальную ответственность органов власти, включая защиту и повышение благосостояния общества. В современных условиях развития

национальной экономики со стороны государства является актуальным проведение эффективной социальной политики. Данный подход теоретически ставит качество и уровень жизни населения в зависимость от эффективности функционирования государственного сектора экономики. Он должен рассматривать государственный сектор национальной экономики не обособленно, а во взаимосвязи с различными факторами внешней среды, в том числе и с социальными. Однако в отечественной литературе государственный сектор экономики именно с позиций данного подхода фактически не рассматривается. По нашему мнению, именно такой подход должен стать одним из важнейших стратегических ориентиров процесса трансформации государственного сектора экономики. Таким образом, социально-ориентированный подход характеризует государственный сектор экономики как производителя необходимых обществу благ и услуг. С этих позиций, государственный сектор является экономической основой «модели социального рыночного хозяйства» и выступает гарантом неукоснительного выполнения государственных обязательств как перед отдельно взятым человеком, так и перед обществом в целом.

Таким образом, рассмотренные подходы к государственному сектору экономики, по нашему мнению, имеют в экономической теории определенную взаимозависимость и взаимосвязь, поэтому один подход может являться базой для другого,

а также осуществляться в рамках иного подхода, более значимого. Изучение различных подходов к государственному сектору экономики позволяют сформулировать методологическую основу научного исследования.

При этом различия в определениях экономической категории «государственный сектор экономики» позволили нам синтезировать основные научные подходы к определению сущности и содержания государственного сектора экономики, которые приведены в таблице ниже.

На основе изучения точек зрения отечественных и зарубежных авторов нами сделан вывод, что сущность государственного сектора экономики современными исследователями экономических явлений и процессов постоянно совершенствуется и детализируется, что дает нам возможность всесторонне изучить эту экономическую категорию. В своих определениях все авторы подтверждают тот факт, что государственный сектор как экономическая категория отражает прежде всего социально-экономические отношения в обществе.

По нашему мнению, исследование государственного сектора экономики целесообразно проводить с использованием интегрального подхода, который представляет собой синтез жизнеспособных научных концепций. В процессе использования интегрального подхода затрагиваются все аспекты функционирования государственного сектора экономики и взаимосвязи между его отдельными компонентами.

Научные подходы к сущности и содержанию экономической категории «государственный сектор экономики»

Методологический подход	Сущность и содержание экономической категории «государственный сектор экономики»
Системный	Система предприятий, организаций, учреждений в национальной экономике, осуществляющих свою финансово-хозяйственную деятельность на базе государственной собственности и подконтрольных правительственным органам государства
Ресурсный	Государственный сектор экономики в процессе своего функционирования использует различные виды производственных ресурсов (имущественных, материальных и трудовых), а также осуществляет распределение финансовых ресурсов государства
Управленческий	Наличие нормативно-правовой базы в деятельности государственного сектора экономики, а также регулирование национальной экономики и контроль социально-экономических процессов со стороны сектора государственного управления
Институциональный	Государственный сектор экономики является многоуровневым институтом и устанавливает совокупность правил и норм, образующих социально-экономические границы взаимодействия различных государственных институтов в своем составе
Воспроизводственный	Государственному сектору экономики присуще постоянное возобновление производства общественных благ, а воспроизводственные отношения в госсекторе возникают в процессе производства, распределения, обмена и потребления таких благ
Социально-ориентированный	Установление социальной ответственности на уровне государства, включая защиту и повышение благосостояния общества, обязанность предоставлять качественные социальные услуги населению и производить жизненно-необходимые обществу блага

Источник: составлено автором на основе данных анализа научных подходов.

Приведем обоснование применения интегрального подхода к исследованию сущности государственного сектора экономики:

1. Государственный сектор экономики представляет специфичную социально-экономическую систему в составе национальной экономики, объединяющую различные государственные предприятия, организации и учреждения, что способствует становлению и дальнейшему развитию социально-экономических отношений в обществе.

2. Деятельность государственного сектора экономики строится на основе государственной собственности, которая имеет разные виды и принимает различные формы: земля, основные и оборотные фонды государственных предприятий, финансовые ресурсы государства и т. д.

3. Государственный сектор экономики определяет совокупность государственных институтов и образует границы их взаимодействия. Он является особым многоуровневым институтом, который в процессе регулирования национальной экономики устанавливает нормы и правила для всех экономических субъектов, осуществляет управление и реализует государственную социально-экономическую политику.

4. Функционирование государственного сектора экономики связано с воспроизводственным процессом и вызвано необходимостью производства, распределения, обмена и потребления общественных благ, которые не может предоставить предпринимательский сектор.

5. Государство в лице правительства устанавливает порог социальной ответственности перед обществом, а государственный сектор экономики выступает гарантом выполнения социальных обязательств и повышения уровня общественного благосостояния.

По нашему мнению, категорию «государственный сектор экономики» можно отнести к национальной экономике, к административно-территориальным или местным государственным предприятиям, организациям и учреждениям, а также государственным корпорациям и органам власти. Являясь неотъемлемым элементом экономики смешанного типа, такой сектор экономики всецело контролируется и регулируется со стороны государства, уполномоченными на то ответственными лицами, то есть различными органами государственной власти и управления. Государственный сектор во многом содействует решению глобальных экономических проблем, с которыми не справляются действующие рыночные регуляторы. Такой сектор экономики является одним из основных участников социально-экономической жизни любого государства и имеет свои характерные черты и национальные особенности.

Таким образом, наличие государственной собственности, производство общественных благ и обеспечение национальной безопасности, предоставление государственных гарантий и реализация мер по социальной защите населения, а также государственное регулирование экономики, направленное на устойчивое социально-экономическое развитие национального хозяйства, государственный контроль и непосредственное управление государственными экономическими субъектами со стороны правительственных органов, и являются отличительными характеристиками государственного сектора экономики. При этом государственный сектор экономики представляет собой часть смешанной экономики, включающий образование, здравоохранение, социальную сферу, различные государственные учреждения, а также государственные предприятия и корпорации.

Список литературы

1. Аткинсон, Э. Б. Лекции по экономической теории государственного сектора / Э. Б. Аткинсон, Дж. Э. Стиглиц ; пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова. — М. : Аспект-Пресс, 1995. — 832 с.
2. Брюммерхофф, Д. Теория государственных финансов / Д. Брюммерхофф ; под общ. ред. А. Л. Кудрина, В. Д. Дзгоева ; пер. с нем. Е. М. Макаровой, А. М. Кокоева. — Владикавказ : Пионер-Пресс, 2002. — 458 с.
3. Бочков, А. А. Экономика общественного сектора : учеб. пособие / А. А. Бочков, Д. К. Иваницкий, Т. А. Дудник ; под общ. ред. П. Ф. Парамонова. — Краснодар : КГАУ, 2014. — 190 с.
4. Данилина, Е. И. Экономика государственного и муниципального сектора : учеб. для бакалавров / Е. И. Данилина, Д. В. Горелов, Я. И. Маликова. — М. : Дашков и К°, 2015. — 218 с.
5. Закирова, Н. Р. Государственный сектор как экономический институт в современной России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. Р. Закирова. — Казань, 2006. — 21 с.
6. Кожевина, О. В. Зарубежная практика использования организационных моделей управления эффективностью в государственном секторе экономики / О. В. Кожевина // *Фундамент. исследования.* — 2014. — № 11 (ч. 9). — С. 2027—2031.

7. Кононкова, Н. П. К вопросу о государственном секторе экономики / Н. П. Кононкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. — 2011. — № 2. — С. 37—45.
8. Кошель, П. А. Словарь-справочник: экономика, внешняя торговля, выставки / П. А. Кошель ; под общ. ред. В. Л. Малькевича. — М. : О-во сохранения литератур. наследия, 2012. — 344 с.
9. Макаренко, О. С. Структура и перспективы развития государственного сектора российской экономики / О. С. Макаренко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Экология. — 2016. — № 1 (34). — С. 115—122.
10. Некрасова, Н. А. Тематический философский словарь : учеб. пособие / Н. А. Некрасова, С. И. Некрасов, О. Г. Садикова. — М. : МГУ ПС (МИИТ), 2008. — 164 с.
11. Подрезова, Ю. А. Государственный сектор и его эффективность в российской экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю. А. Подрезова. — Тамбов, 2008. — 23 с.
12. Пономаренко, Е. В. Экономика общественного сектора : учебник / Е. В. Пономаренко, В. А. Исаев. — М. : КНОРУС, 2018. — 320 с.
13. Протас, В. Ф. Государственный сектор экономики России: структура и влияние на национальную экономику / В. Ф. Протас // Науч. обозрение. Сер. 1: Экономика и право. — 2015. — № 3. — С. 7—12.
14. Стиглиц, Дж. Ю. Экономика государственного сектора : пер. с англ. / Дж. Ю. Стиглиц ; науч. ред. д-р экон. наук, проф. Г. М. Куманин. — М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М, 1997. — 720 с.
15. Экономика : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / под. ред. д-ра экон. наук проф. А. С. Булатова. — М. : Экономистъ, 2004. — 896 с.

Сведение об авторе

Герсонская Ирина Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Липецк, Россия. g3071971@ya.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 23—29.

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE CONCEPT “PUBLIC SECTOR OF ECONOMY”

I.V. Gersonskaya

Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia

The public sector of economy is considered today as the main institution of public administration, control and regulation of the national economy. The presence of this sector of the economy is caused by the need for the production of public goods. The public sector of economy is necessary for liquidation of “market failures” with which the existing market regulators cannot cope. The article deals with the approaches to the essence and content of the category as «public sector of the economy». The author studies the definitions of the public sector of the economy in the domestic and foreign literature. The author considers the system, resource, management, institutional, reproductive and socially-oriented scientific approaches to the category of «public sector of economy». The system approach considers the public sector of the economy as a set of objects operating in a single complex. The resource approach assumes that the production of public goods is carried out with the means available to the state. The management approach to the public sector of the economy requires a regulatory framework. The institutional approach establishes a set of rules for the interaction of various institutions within the public sector of the economy. The reproductive approach is focused on the constant resumption of public goods production in the public sector of the economy. The socially-oriented approach provides for the responsibility of public authorities to society. The author proposes to use an integral approach to the study of the essence of the category «public sector of the economy». The integral approach is a synthesis of viable scientific concepts. The study of different approaches to the public sector of the economy allows us to formulate a methodological basis for scientific research.

Keywords: *public sector of economy, essence, content, national economy, state property, public goods, resources, reproduction, Institute, management.*

References

1. Atkinson E.B., Stiglitz J.E. *Lekcii po ekonomicheskoy teorii gosudarstvennogo sektora* [Lectures on economic theory of the public sector]. Moscow, Aspect-Press Publ. 1995. 832 p. (In Russ.).
2. Brummerhop D. *Teoriya gosudarstvennyh finansov* [The Theory of public Finance]. Vladikavkaz, Pioneer Press, 2002. 458 p. (In Russ.).
3. Bochkov A.A., Ivanitckii D.K., Dudnik T.A. *Ekonomika obshchestvennogo sektora* [Economics of the public sector]. Krasnodar, 2014. 190 p. (In Russ.).
4. Danilina E.I., Gorelov D.V., Malikova Ya.I. *Ekonomika gosudarstvennogo i municipal'nogo sektora* [Economics of the state and municipal sector]. Moscow, Dashkov and C° Publ., 2015. 218 p. (In Russ.).
5. Zakirova N.R. *Gosudarstvennyy sektor kak ekonomicheskii institut v sovremennoy Rossii* [The Public sector as an economic institution in modern Russia. Abstract of thesis]. Kazan, 2006. 21 p. (In Russ.).
6. Kozhevina O.V. Zarubezhnaya praktika ispol'zovaniya organizacionnyh modelej upravleniya effektivnost'yu v gosudarstvennom sektore ekonomiki [Foreign practice of using organizational models of performance management in the public sector]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 11 (pt. 9), pp. 2027-2031. (In Russ.).
7. Kononkova N.P. K voprosu o gosudarstvennom sektore ekonomiki [On the question of the public sector of the economy]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin Of Moscow University. Series 6. Economics], 2011, no. 2, pp. 37-45. (In Russ.).
8. Koshel P.A. *Slovar'-spravochnik: ekonomika, vneshnyaya trgovlya, vystavki* [Dictionary: Economics, foreign trade, exhibitions]. Moscow, 2012. 344 p. (In Russ.).
9. Makarenko O.S. Struktura i perspektivy razvitiya gosudarstvennogo sektora rossijskoj ekonomiki [Structure and prospects of development of the public sector of the Russian economy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Bulletin of the Volgograd state University. Series 3: Economics. Ecology], 2016, no. 1(34), pp. 115-122. (In Russ.).
10. Nekrasova N.A., Nekrasov S.I., Sadikova O.G. Tematicheskij filosofskij slovar' [Thematic philosophical dictionary]. Moscow, 2008. 164 p. (In Russ.).
11. Podrezova Yu.A. *Gosudarstvennyy sektor i ego effektivnost' v rossiyskoj ekonomike* [The Public sector and its efficiency in the Russian Economics. Abstract of thesis]. Tambov, 2008. 23 p. (In Russ.).
12. Ponomarenko E.V., Isaev V.A. *Ekonomika obshchestvennogo sektora* [Public sector Economics]. Moscow, KNORUS Publ., 2018. 320 p. (In Russ.).
13. Protas V.F. Gosudarstvennyy sektor ekonomiki Rossii: struktura i vliyanie na nacional'nyu ekonomiku [State sector of Russian economy: structure and influence on national economy]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific review. Series 1: Economics and law], 2015, no. 3, pp. 7-12. (In Russ.).
14. Stiglitz J.J. *Ekonomika gosudarstvennogo sektora* [Economics of the public sector]. Moscow, MSU Publishing house, INFRA-M Publ., 1997. 720 p. (In Russ.).
15. Bulatov A.S. *Ekonomika* [Economics]. Moscow, Economist Publ., 2004. 896 p. (In Russ.).

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 7 (429). Экономические науки. Вып. 65. С. 30—35.

УДК 338.1
ББК 65.9(2Рос)

10.24411/1994-2796-2019-10704

THE STABLE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS¹

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

In the paper under study, the author's vision is presented of some factors and the nature of modern Russian economy's stable development; some major contradictions defined; an interrelation of the stable development of global economy and national economy shown; a similarity of problems arising in them validated. A special attention is paid to factors influencing the stable development of Russian economy in a medium-term perspective, and a role of transnational corporations as subjects of stable development shown.

Keywords: *stable development, Russian economy, development factors.*

Modern world economy is in a state of high vulnerability and “fragility” (in the words of N. Taleb [17]). Capitalist principles of the organisation of economic life have failed to give a fitting reply to modern challenges, and primarily — an answer as to how to minimise negative consequences of economic crises. In conditions of a search for a new socio-economic paradigm of development, a concept of “stable development” is taking on particular significance. It combines two points of attraction, two desirable conditions of humanity, in its name: on the one hand — development, that is to say progression; on the other — stability, that is an ability to “absorb” external shocks.

The present paper expounds the author's view on the nature and factors of the stable development of national economy in the globalising world.

In scientific literature, no consensus exists yet regarding the interpretation of this concept. For the first time, the term “stable development” with respect to socio-economic phenomena and processes appeared in 1987. It was introduced by the International Commission on Environment and Development (the Brundtland Commission) [6]. One should consider a process to be stable, under which a mode of using (consuming) resources can satisfy requirements of society in a given period and simultaneously future needs of future generations.

¹ Перевод статьи В. И. Бархатова «Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях» (Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 9).

A fairly large number of authors deal with issues of stable development and a study of its various aspects. Many works are devoted to the theoretical conceptualisation of the phenomenon of stable development [3; 5; 10; 11; 18; 19; 21]. A topic of the stable development of a municipality is popular [1; 4; 8; 9]. A special attention is being given to solving environmental problems [15].

There is a number of critical works (for example [14]) in which stable development is considered as a form of world capital's controlling national economies and companies. International organisations and funds are constantly monitoring the state of things concerning stable development [6; 7; 20]. A number of works are devoted to Russian realities of stable development [13]. Some authors consider this problem at a level of individual economic entities [16]; at the same time, it is most commonly studied as “a superstructure” over the existing model of capitalist relations, beyond the tying-up of its causes with the very nature of capitalism as such.

Stable development is a contradictory unity. It represents the interdependence and interdetermination of need satisfaction and constraints, which depend on the development of a technological mode of production. This technological mode of production determines an amount and qualitative composition of resources available to society at every instant. The main strategic goal of stable development is nothing else than the satisfaction of human needs, owing to which the motivation of employees for productive work becomes possible, which factor will

result in an increase of the effectiveness of economic activity as a whole. Stable development must guarantee an equal satisfaction of the most important needs of all people, not only those of selected social groups.

An economic system can develop steadily and satisfy needs of people. The problem is that really functioning economies can be both of an open and a closed type. Likewise, there is a certain gradation within these types. To what extent is the statement about a possibility of the stable development of an economic system universal? To what extent is an economic system connected with its supersystems; and is a lack of stable development in a subsystem not a condition for the stable development of the system itself? Is it the question of boundaries of national economy or that of global economy on a global scale?

World economy has become an integrated economic system. National economy must become an organic part of world economy in order to fulfill the task of meeting the needs of population. The distribution of national and global resources is increasingly influenced by global centres of capital.

What is meant here is a global spread of the model of imperialism with its centre in the United States of America and “branches” in practically all corners of this planet. A continuous transfer of resources directed from “poor” to “rich” countries is being carried out. A metropolis arises, that accumulates resources, consumes them and provides a local stability of its system of management. At the other end, there appear peripheral economies in which, on the contrary, stability declines, primarily due to a lack of resources for supporting it (Fig. 1). It should be noted that risks move in a direction op-

posite to resources — from a metropolis to a periphery, which go “below” through a system of transmission mechanisms which will be discussed in what follows.

National economy also operates according to an analogous scheme, which repeats, on a smaller scale, the mechanism of the redistribution of resources in favour of “a metropolis” (a capital city) from “a periphery” (a province or regions) (Fig. 2).

In this regard, some semblance of the stability of the entire global system remains on a global scale: there are no kinds of global wars, mass poverty, epidemics, technogenic and natural disasters with consequences of which humanity would not be able to cope through joint efforts. An impression of the “correctness” of the existing world order is being created.

However, this impression is deceptive. On the contrary, there arises and grows a trend in the global hierarchy of states, under which stability is directly proportional to a degree of a superiority in administering resources. A stability of some entities is achieved through an instability of other ones.

One of the main mechanisms enabling to redistribute stability is a system of risks. Risks of a metropolis are externalised and transferred to a periphery. An example of this is the global financial crisis, when “a fall” of markets of capital in developed countries was “cushioned” at the expense of developing markets, including the Russian one. Similarly, risks of a reversal of trade are minimised by transferring production sites to developing countries, and environmental risks are reduced to a minimum by a geographical shift of hazardous industries away from a metropolis. However, processes taking place in this sphere are not so unambiguous. An increase of risks in

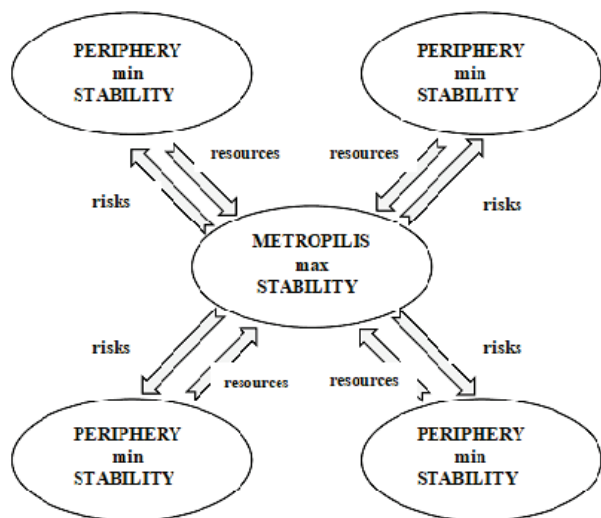

Fig. 1. The movement of resources and risks between a metropolis and a periphery within the framework of world economy

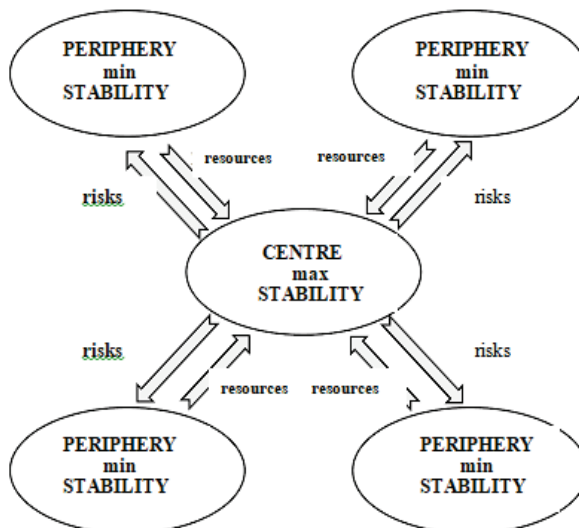

Fig. 2. The movement of resources and risks within the framework of national economy

peripheral economies has a negative impact on those of a metropolis. A situation originates, when some resources become scarce in a metropolis itself.

And this is one of the reasons why a unipolar world that emerged after the collapse of the USSR could not become stable. Contradictions between a metropolis and a periphery have worsened, acquired new forms and still continue to define “the identity” of modern economy. An increase of the stability of global economy is possible today, no matter how paradoxically it may sound, only subject to a transition to a multipolar world. This will ensure a more uniform allocation of resources and partly remove contradictions between a centre and a periphery. A transition to a multipolar model may contribute to a dissolution of an objective reason for the division of countries into “a metropolis” and “a periphery”. In this connection, an availability of a bigger number of poles positively affects the uniformity of the allocation of resources between countries. It is in these conditions that the realisation of all numerous advantages of the globalisation of world economy is possible, not the utilisation of its capabilities by “selected” countries.

Yet, it would be wrong to say about an absolute viciousness of the existing practices aimed at ensuring global stability. Even today, national economies harmonise interaction within global economy to some extent, while integrating into international organisations and unions.

Transnational corporations (TCs) not only derive resources from their peripheral economies, but also may concentrate them on a specific territory. Such a territory gets a powerful boost to growth. A struggle for the environment, carried out in countries of a metropolis and in favour of these countries, may have a beneficial effect on the emergence of “green” technologies on a world-wide scale. Trade liberalisation, the reduction or elimination of customs duties and quantitative restrictions imposed on the entry of merchandise results in an easier access to imported goods that are in relatively short supply in a country of a periphery. At a level of phenomena, one may observe numerous examples of a positive impact of the development of metropolises on the growth (a quantitative growth is meant) of peripheral economies.

At the same time, if one looks at the situation as a whole, the current model of globalisation has a negative impact on the stability of both national economies and the entire global economic system. Most commonly, globalisation leads to an increase in social differentiation, to a division of society into the rich and the poor. A solution of this problem is impossible without the redistribution of resources in favour of the poor, none saving this will reduce the severity of a conflict of

interests and prevent a scenario of a turbulent, unpredictable development of events, up to military conflicts.

A number of factors can reduce an impact of globalisation on the formation of a stable system. In the short term, one of them is the growth of the competitiveness of national economy and its individual economic entities. And this is a multifactorial process. Major factors of the growth of competitiveness should be: a quality of labour force, the latter’s compliance with tasks being solved in economy, an adequate price of labour force, permitting to compete with other national economies, a developed infrastructure that reduces transaction costs on a national scale, a set of social guarantees, corresponding to available resources. Also, a positive effect is associated with the growing diversification of the structure of industrial production, with the increasing of a degree of the protection of national economy from swings in demand. Thus, the inclusion of national economy in various international structures creates prerequisites for improving the competitiveness of national economy, thereby increasing its stability.

An impact of globalisation on the stability of Russian economy may be described through a set of factors. A level of the development of Russian economy should be mentioned first among them. It may be described using rates of Russian economy’s growth, available resources and an inventory of “insider” TCs in Russian economy.

Growth rates of Russian economy in the post-crisis period keep as on the whole within a range of those values that characterise major groups of countries. The biggest growth is shown by traditionally developing countries headed by China, whereas the Eurozone cannot yet recover from the crisis (see Fig. 3). As can be seen from the graph, Russia for one retains a certain margin of stability, having the same rate of economic growth as a group of developed countries.

As for reserves of resources, according to various estimates, Russia can provide itself with discovered reserves alone of all main minerals for 35-45 years. At the same time, the main energy resources — natural gas and coal — will last for 80–100 years with the existing level of consumption. Russia is a world leader in fresh water reserves and forest resources. Labour force is also of quite a good “quality”. Thus, one can say about a good resource base for ensuring the stable development of national economy.

Separately, it has to be said about TCs. Their existence testifies to an ability of national elites to unite capitals represented in the form of industrial capitals, banks, “social” and “political” capital with the aim of creating competitive entities in world economy. Transnational corporations accumulate resources and maximise pos-

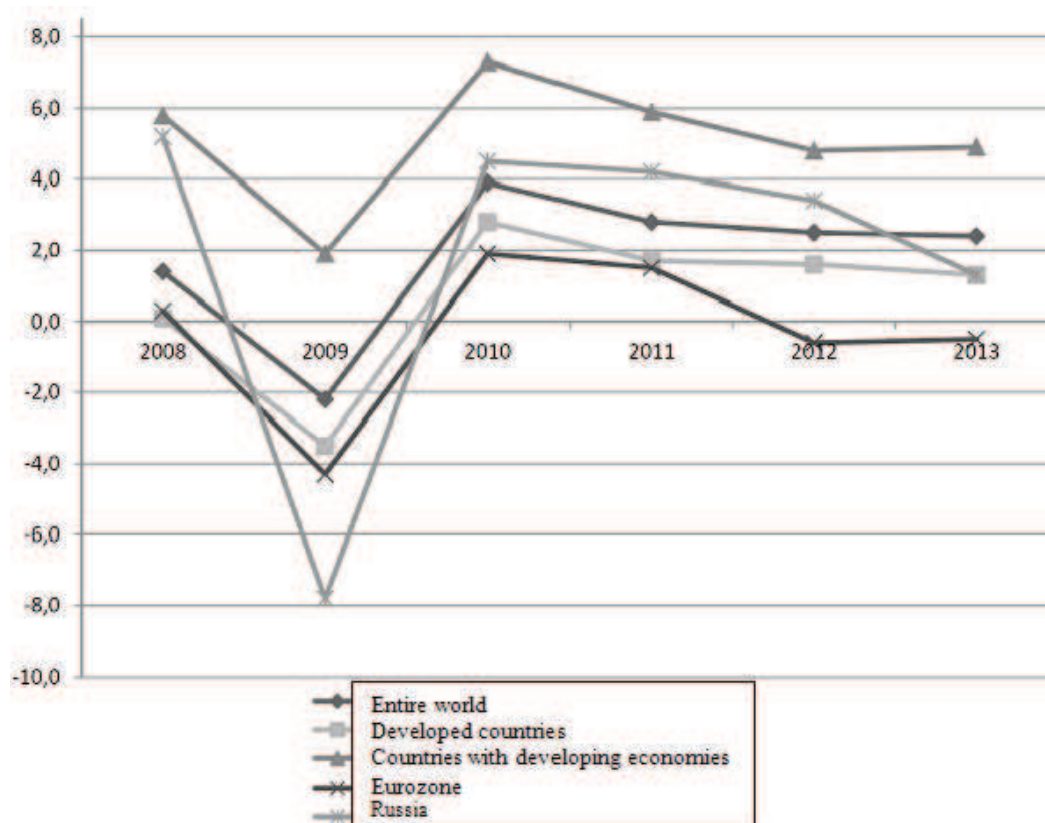

Fig. 3. Rates of the growth of gross domestic product (GDP) relating to a group of countries as compared with Russia (sources: a Report of World Bank [7]; the website of Rosstat [Russian Federal State of Statistics Service] [12])

sibilities of their use. Let us consider the largest Russian corporations in terms of their competitiveness in global economy.

A table below presents Russian TCs ordered by their places in a rating with respect to a volume of foreign assets in 2012. It is obvious that expanding to foreign markets and gaining a firm footing on them are not a priority for Russian companies.

A volume of activities abroad rarely exceeds 10% of all activities. Also, a direction of investment is

an interesting trend: metallurgical corporations acquire specialised plants which go bankrupt and which do not generate a profit after their purchase, while telecommunications corporations mainly develop markets of the former USSR and its other traditional partners, occupying a relatively free niche. It should be also noted that the above rating is adduced only for developing and transforming economies, whereas in the overall rating Russia's positions would start at the fifth dozen.

Ranking positions of Russian and transnational corporations with respect to the volume of foreign assets in the year 2012

Company	Branch	Ranking position as per volume of foreign assets	Indices of activities abroad		
			Assets, mn USD	Sales, mn USD	Number of workers, thous. people
Lukoil	oil and gas	9	23 317	71 631	19 607
Euras	metallurgy	39	9356	8702	24 251
Severstal	metallurgy	42	8701	7370	14 100
Vimpelkom	telecommunications	50	7123	2398	6699
Joint-Stock Financial Corporation "Sistema"	telecommunications	53	6151	2 983	18 563
Mechel	metallurgy	56	5768	4927	9149
RusAl	metallurgy	70	4483	8696	8932
Norilsk Nickel	metallurgy	71	4166	11 713	2307
Mobile TeleSystems	telecommunications	83	3120	1906	6385
Pipe Metallurgical Company	metallurgy	96	2383	2093	4855

A source: UNCTAD, World Investment Report 2012 [22].

The stability of Russian economy also depends on a number of specific factors that are strongly influenced by globalisation.

Firstly, what this means is a degree of openness of Russian economy. For open economies, one of determinants of national prices are world prices. Their influence may be both direct and indirect. Realising this, national producers experience a need to take this factor into account and orient themselves not only to improving a quality of products, but also to reducing costs in order to insure against a risk of a fall of world prices. As a result, new risks arise — technological, environmental, social — because benefits produced in a country do not appear to be of a high enough quality. As a result, the stability of national economy is falling.

Secondly, the geographical location of Russian economy may act as a factor of its stability. Remaining the largest country in the world, Russia does not yet sufficiently use its potential in the development of resources of the global ocean, in the transportation of goods from Asia to Europe and farther. It is this direction that seems to be promising for eliminating an image and signs of peripheral economy and for acquiring a status of an economic superpower.

Thirdly, the stability of Russian economy is influenced by such factors as a decrease in volumes of firms' demand for investments and households' demand for consumer goods. The crisis of 2008-2009 and the ongoing recession contributed to the fact that re-orientation to outer markets became a condition of survival for many industrial companies. This trend is typical not only of individual economic entities, but also of entire industries (specifically metallurgy). Industrial production is stabilising at the expense of penetration into or gaining a footing in outer markets, which exerts a significant influence on the increasing of the stability of the national economy of Russia. In modern conditions, when foreign policy and foreign economy risks increase, it is necessary to re-ori-

ent industrial production to a domestic market in order to smooth out negative tendencies of modern and future restrictions imposed on activities of Russian companies and entrepreneurs. At the same time, an emergence of new prospects should be noted as well, of cooperation with countries which had previously not been significant trade-and-economic partners for many companies. This refers to countries of the Islamic world, including those of South-East Asia and Latin America.

In recent years, such a factor as a growth of exports to Russian economy also became particularly significant. This process is under way simultaneously with a growth of direct foreign investments. The strongest TCs consider Russia as the largest sales market for their products, there appear many connections between these companies and enterprises resident in Russian economy. These ties which exist both in the sphere of production and in that of circulation increase the stability of national economy and turn TCs into significant stakeholders of Russian economy. It is becoming especially salient today, when political forces in the West seek to isolate Russia and cause an economic damage to it, while economic forces, on the contrary, advocate the preservation of parity in the sphere of economic management.

Besides, the presence of TCs in Russia makes it possible “to teach” Russian producers and sellers standards of production organisation and ways of improving competitiveness, as well to adopt successful practices and, if necessary, methods of protection against them.

Thus, the formation of stable national economy in Russia depends on a variety of internal and external factors, as well as on increasing political, economic and financial risks. The aim of the state and national corporations consists in minimising these risks, considering them while elaborating state and corporate strategies. And this is the only way to achieve a stable growth of Russian economy.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieoscience@csu.ru

References

1. Begun T.V. Ustoichivoye razvitiye: opredeleniye, kontseptsiya i faktory v kontekste monogorodkov [A stable development: a definition, concept and factors in the context of single-industry towns]. *Ekonomika, upravleniye, finansy: materialy vtoroi mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Economics, Management, Finance: Proceedings of the II International Scientific Conference]. Perm, Mercury Publ., 2012. Pp. 158-163. (In Russ.).
2. Bobylev S.N. Indikatory ustoichivogo razvitiya [Indicators of stable development]. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossyiskoi Federatsii za dve tysyachi trinadtsati god* [A Report on Human Development in the Russian Federation for the Year 2013]. Available at: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf> (In Russ.).

3. Gizatullin H.N. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya: novaya sotsialno-ekonomicheskaya paradigma [The concept of stable development: a new socio-economic paradigm]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 5, pp. 124-130. (In Russ.).
4. Davydova N. Ustoichivoye razvitiye goroda. Voprosy razrabotki strategii [The stable development of a city. Some issues of strategy development]. *Munitsipalnaya ekonomika* [Municipal Economy], 2000, no. 4, pp. 18-23. (In Russ.).
5. Danilov-Danilyan V.I. *Pered glavnym vyzovom tsivilisatsii. Vzglyad iz Rossii* [Facing the main challenge of civilisation. A look from Russia]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005 (In Russ.).
6. *Doklad komissii Brundtland. Nashe obshcheye budushchye* [A Report of the Brundtland Commission. Our common future]. Moscow, Progress Publ., 1989. (In Russ.).
7. *Vsemirnyi Bank v Rossiyskoi Federatsii. Doklad ob ekonomike Rossii* [The World Bank in the Russian Federation. A Report on Russian economy], 2013, September, no. 30. Available at: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/rer-30-rus.pdf> (In Russ.).
8. Kartavaeva E. Upravleniye razvitiyem: nasushchnyye problemy i vozmozhnyye varianty resheniy [Development management: vital problems and possible variants of solutions]. *Munitsipal'naya vlast'* [Municipal Authority], 2003, no. 4, pp. 20-24. (In Russ.).
9. Kolesnik E.A. *Sovershenstvovaniye upravleniya sotsialno-ekonomicheskim razvitiyem monopromyshlennogo goroda* [Improving the management of the socio-economic development of a single-industry town. Thesis]. Chelyabinsk, 2010. (In Russ.).
10. Loguntsov E. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya s pozitsiy mezhdistsiplinarnogo podkhoda [A concept of stable development from the standpoint of an interdisciplinary approach]. *Gorodskoye upravleniye* [Municipal Management], 2000, no. 11, pp. 24-32. (In Russ.).
11. Medouz D.H. *Predely rosta* [The Limits to Growth]. Moscow, 1994. (In Russ.).
12. Natsionalnyye scheta [National accounts] [Electronic resource]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [The Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/disconnect/connect/rosstat_main/Rosstat/ru/statistics/accounts/# (In Russ.).
13. *Osnovnyye polozeniya strategii ustoichivogo razvitiya Rossii* [The main provisions of the strategy of the stable development of Russia]. Moscow, 2002. (In Russ.).
14. Pavlenko V.B. Global'noye potepleniye ili "polzuchiy" global'nyi perevorot? [A global warming or a "creeping" global revolution?]. *Mify ustoichivogo razvitiya* [Myths of Stable Development], 2011, no. 3, pp. 41-82. (In Russ.).
15. Perman R. *Ekonomika prirodnikh resursov i okhrany okruzhayushchei sredy* [Natural Resource and Environmental Economics]. Moscow, TEIS Publ., 2006. (In Russ.).
16. Pletnev D.A. Ustoichivost korporatsii: fiziki, Nassim Taleb i sistemnyi podkhod [The Stability of a Corporation: Physicists, Nassim Taleb and a Systemic Approach]. *Sovremennyye khozyaystvennyye otnosheniya: vyzovy globalizatsii* [Modern economic relations: challenges of globalisation]. Moscow. Pero Publ., 2013. Pp. 53-59. (In Russ.).
17. Taleb N. *Antikhrupkost. Kak izvlech vygodu iz khaosa* [Anti-fragile. Things that Gain from Disorder]. Moscow, KoLibri Publ., 2014. (In Russ.).
18. Ugolnitsky G.A. *Iyerarkhicheskoye upravleniye ustoichivym razvitiyem* [The hierarchical management of stable development]. Moscow, Publishing House of Physico-Mathematical Literature, 2010. (In Russ.).
19. Ursul A.D. Kontseptualnyye problemy ustoichivogo razvitiya [Conceptual problems of stable development]. *Byulleten Rossiyskoi Akademii Nauk. Ispolzovaniye i okrana prirodnikh resursov v Rossii* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. The Use and Protection of Natural Resources in Russia], 2005, no. 1, pp. 30-38. (In Russ.).
20. Khokhlova G.A. Globalnyye problemy chelovechestva (po dokladam Rimskogo kluba) [Global problems of humanity (based on reports of the Club of Rome)]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Moscow State University], Economy Series, 1996, no. 2, pp. 24-37. (In Russ.).
21. Cherdantsev V.A. Sovremennyye kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Modern concepts of stable development]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya* [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management], 2009, no. 2, pp. 14-24. (In Russ.).
22. World Investment Report, 2012. New York, Geneva, 2012. Available at: http://www.iccwbo.ru/documents/2012_unctad_world_investment_report40.PDF.

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ РАСХОДОВ БЮДЖЕТА СУБЪЕКТА РФ НА ОСНОВЕ ИХ УДЕЛЬНОЙ ПРИОРИТЕТНОСТИ¹

В. А. Белкин

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

Цель статьи — разработка методики оптимизации структуры бюджетных расходов на основе их удельной приоритетности. Исходными данными настоящего исследования явились сборники социологических исследований, проведенных сотрудниками Челябинского филиала института экономики УрО РАН, а также Законы Челябинской области об исполнении областного бюджета за 2015—2017 гг. Содержанием этой работы стал критический анализ практик инициативного бюджетирования в РФ, совместного бюджетирования в других странах и расчет показателей удельной приоритетности по ряду статей расходов областного бюджета Челябинской области. В результате исследования определены удельные приоритетности ряда статей расходов областного бюджета Челябинской области в 2015—2017 гг. А именно: определены удельные приоритетности расходов на охрану окружающей среды, расходов по статьям «Социальная политика», «Здравоохранение», «Национальная экономика» и «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность». Результаты исследования могут быть использованы при определении приоритетов бюджетной политики в ходе разработки проектов бюджетов на очередной год.

Ключевые слова: *расходы бюджета, структура расходов бюджета, оптимизация структуры расходов бюджетов, правило максимизации полезности, приоритеты развития региона.*

На странице «Завершенные опросы» единого портала бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» приведены результаты опросов по теме «Инициативное бюджетирование» [1]. Некоторые результаты данного опроса сведены нами в табл. 1. Опрос проводился с 16.07.2018 по 16.09.2018. Всего опрошено 260 чел.

По результатам данного исследования, как нам представляется, можно сделать следующие выводы: 1) абсолютное большинство опрошенных незнакомо с практикой инициативного бюджетирования, а также считают актуальным вопрос повышения бюджетной и финансовой грамотности населения, особенно для пенсионеров и детей; 2) большинство участников опроса считают, что гражданам необходимо принимать участие в распределении бюджетных средств, направленных на решение вопросов местного значения.

Недавние события в Екатеринбурге показали важность, необходимость и актуальность учета результатов социологических опросов при распределении общественных благ. Повышению объективности данных опросов должно способствовать участие в их организации всех заинтересованных сторон. Целью настоящей статьи является разработка методики оптимизации структуры бюджетных расходов на основе их удельной приоритетности,

которая определяется с учетом результатов социологических опросов населения региона.

В настоящее время в экономической литературе представлены следующие основные подходы к пониманию оптимизации структуры расходов бюджетов. Первый подход можно назвать официальным; оптимизация расходов понимается как сокращение расходов и поиск резервов их сокращения. Его разделяют государственные органы и большинство авторов, которые занимаются темой оптимизации структуры расходов бюджетов разных уровней. К данным авторам, по нашему мнению, относятся: О. А. Полякова и Р. А. Аландаров, Р. С. Афанасьев, С. Б. Ефимова, М. Л. Васюнина, Н. В. Замятина, А. С. Руковишникова, Б. Х. Алиев, М. Ш. Велиев и др.

Так, например, в Программе оптимизации расходов областного бюджета Челябинской области на 2017—2019 гг. в качестве первого мероприятия называется следующее: «Обеспечение режима экономии бюджетных средств, в том числе за счет применения сдерживающих механизмов при исполнении областного бюджета, обеспечивающих приоритетное финансирование первоочередных и социально значимых обязательств, в виде ежемесячного установления для главных распорядителей бюджетных средств предельных объемов финансирования и доведения лимитов бюджетных обязательств по решениям Правительства Челябинской области с учетом прогноза кассовых поступлений в областной бюджет» [2].

¹ Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2019—2021 гг.

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы по теме «Инициативное бюджетирование»

№ п/п	Содержание вопроса	Ответ «Да», %	Ответ «Нет», %
	1	2	3
1	Считаете ли Вы актуальным вопрос повышения бюджетной и финансовой грамотности населения?	83	17
2	Как Вы считаете, необходимо ли гражданам принимать участие в распределении бюджетных средств, направленных на решение вопросов местного значения (распределение средств на создание социально значимых объектов, решение вопросов благоустройства и др.)?	60,3	39,7
3	Знакомы ли Вы с практикой «Инициативного бюджетирования» (участие граждан в определении приоритетов при распределении бюджетных средств, реализации отобранных проектов, осуществлении контрольных функций)?	27	73

При этом в данном документе остается неопределенным порядок определения и применения показателей приоритетности и значимости обязательств.

Б. Х. Алиев, М. Ш. Велиев в статье «Повышение эффективности бюджетных расходов регионов: проблемы и перспективы» пишут: «Что касается оптимизации расходов, то существует несколько путей снижения расходов бюджета...» [3. С. 252]. Из данной цитаты следует, что авторы прямо отождествляют оптимизацию и снижение расходов бюджета. Нам представляется, что оптимизация структуры расходов не тождественна только их снижению, но предполагает и их повышение по ряду статей расходов.

Вторая группа авторов понимает оптимизацию расходов бюджетов как улучшение их структуры (то есть процентного соотношения статей расходов между собой) по различным критериям, например по критерию максимизации ВВП. К ней относятся: В. В. Ольховик, Ю. А. Михайлова, А. Кнобель, И. Соколов, А. Кудрин, Г. Грачёв и др.

Так, например, на основе обработки большого массива статистических данных А. Кудрин и А. Кнобель рассчитали краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы бюджетных расходов по темпам роста ВВП. В результате ими было доказано, что «перераспределение ресурсов от непроизводительных расходов к производительным могло бы повысить долгосрочные темпы экономического роста примерно на 0,8 п. п. в год. Напротив, наблюдавшееся с 2011 по 2017 г. изменение бюджетных расходов оказывало негативное влияние на среднегодовые темпы экономического роста порядка 0,3 п. п. в год» [4. С. 5]. При этом в данной работе в качестве непроизводительных расходов рассматривались расходы на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность, а в качестве производитель-

ных — расходы на образование, здравоохранение и спорт, а также на дорожную инфраструктуру и транспорт.

В настоящей работе, как нам представляется, синтезируются экономический и социологический методы исследования проблемы оптимизации структуры расходов бюджетов.

Анализ систем участия в составлении бюджета или бюджетов участия (Participating budgeting), а также систем инициативного бюджетирования в России представляет интерес с позиций выявления бюджетных приоритетов.

В докладе о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях приводится динамика финансовых показателей практик субъектов Российской Федерации в 2015—2017 гг. (см. табл. 2) [5. С. 7].

Если отнести расходы бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию проектов в 2017 г. (7678,9 млн р.) и бюджетов муниципалитетов (1926,3 млн р.) к сумме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (10 810 100 млн р.), то их доля составит всего 0,089 %. Из этого можно сделать вывод о том, что мы находимся в самом начале развития процесса инициативного бюджетирования, или о том, что оно является лишь имитацией демократизации бюджетного процесса.

«В 2017 году, как и в 2016 году, — отмечается в названном выше докладе, — граждане чаще всего отдавали предпочтение проектам ремонта дорог, организации водоснабжения, обустройству игровых площадок и проектам благоустройства общих территорий» [Там же. С. 8]. На этой же странице доклада представлена типология реализованных проектов инициативного бюджетирования в субъектах РФ в 2017 г.

Таблица 2

Динамика финансовых показателей практик инициативного бюджетирования субъектов Российской Федерации в 2015—2017 гг., млн р.

№ п/п	Параметр	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Общая стоимость проектов, в том числе:	2395,0	6995,6	14 501,8
2	• расходы бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию проектов	1375,8	5132,6	7678,9
3	Общий объем финансирования из иных источников, в том числе:	1019,1	1863,0	6773,7
4	• расходы федерального бюджета	н/д	22,3	3782,7
5	• расходы бюджетов муниципалитетов	614,9	1137,0	1926,3
6	• средства софинансирования со стороны населения	205,5	478,1	776,6
7	• средства софинансирования со стороны юридических лиц	182,1	218,9	344,5
8	• иные формы софинансирования	16,7	6,7	8,2
9	Общий объем внебюджетного финансирования (средства населения, юрлиц, иные формы)	402,2	703,7	1129,3

От общего количества объектов (100%) она включает в себя: объекты водоснабжения, водоотведения (10,7%), автомобильные дороги и сооружения на них (14,9%), объекты уличного освещения (4,0%), объекты для обеспечения первичных мер пожарной безопасности (1,5%), объекты для обеспечения жителей услугами бытового обслуживания (0,2%), объекты культурного наследия (памятники, музеи) (2,3%), образовательные и культурные учреждения, а также учреждения библиотечного обслуживания населения (19,8%), объекты физической культуры и массового спорта (6,8%), обустройство игровых площадок (8,5%), места массового отдыха населения и объекты организации благоустройства (18,9%), места захоронения (4,0%), объекты сбора твердых коммунальных/бытовых отходов и мусора (0,8%), событийные проекты (праздники, фестивали) (0,2%), ЖКХ (ремонт фасадов и кровли), организация теплоснабжения, канализации, газопроводов (2,7%), крупные инфраструктурные проекты (мосты, плотины, благоустройство водоемов) 0,0%, приобретение оборудования, техники, транспорта (0,3%), иные объекты (4,4%).

В данном перечне объектов мы не находим, например, объектов, связанных с охраной здоровья и окружающей среды. Между тем на портале «Электронный бюджет» в прошлом году приводились данные социологических опросов, в соответствии с которыми по состоянию на 15 апреля 2018 г. в среднем по субъектам РФ ответы на вопрос «Какое направление, на Ваш взгляд, должно быть приоритетным в исполнении бюджета Российской Федерации?» распределялись следующим образом: образование — 37%,

здравоохранение — 44%, ЖКХ — 7%, строительство — 5%, спорт — 2%, свой вариант — 5% [6]. Таким образом, наиболее приоритетным направлением в исполнении бюджета Российской Федерации население считает здравоохранение. К сожалению, в настоящее время на данном портале указанные выше текущие опросы не проводятся.

В названном выше докладе Министерства финансов РФ названы критерии отнесения практик к инициативному бюджетированию. К ним относятся: «непосредственное участие граждан в инициировании проектов, участие граждан в обсуждении и приоритизации выдвинутых предложений, конкурсный характер отбора выдвинутых проектов; возможность участия граждан в реализации отобранных проектов, открытый публичный характер процедур и общественный контроль за реализацией проектов» [5. С. 6].

Таким образом, практика инициативного бюджетирования в России представляет собой либо выдвижение проектов, либо голосование по выдвинутому или предлагаемому к реализации проектам. Но в монографии Мирового банка данная форма совместного участия в бюджетировании (Participating budgeting) является только одной из двух. Вторая форма совместного бюджетирования фокусируется на общей политике расходов. Эта политика ориентирована на более общие тенденции, например, такие как выделение увеличенных расходов на определенный тип программы здравоохранения [7. С. 36]. Данная форма совместного участия в бюджетировании в монографии Мирового банка называется «тематические программы».

«Первая стадия этого процесса, — отмечает-ся в указанной монографии, — требует, что правительство предоставляет подробную информацию о текущей политике и приоритеты расходов. Второй этап — это серия обсуждений, в которых участники оценивают приоритеты правительства. Последний этап — это заказ приоритетов участников» [Там же С. 38].

Далее в данной монографии указываются и недостатки тематических программ. К ним относится низкий уровень информации граждан и экспертизы.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» высшим должностным лицам субъектов РФ до 1 октября года, следующего за отчетным, представлять в Правительство Российской Федерации доклады о фактически достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Среди данных показателей под номером 20 мы находим такие, как оценка удовлетворенности населения услугами в сферах здравоохранения, культуры, социального обслуживания [8]. Открытая публикации результатов данных социологических исследований не предусмотрена. По нашему мнению, это резко снижает возможности сочетания интересов власти и граждан по вопросам определения приоритетов развития регионов.

При одинаковых оценках населением региона уровня приоритетности (полезности) статей бюджета приоритет в финансировании должен отдаваться статьям с меньшими объемами их финансирования за предыдущий год. При одинаковых расходах по двум статьям бюджета за прошедший год, например 5 млрд р., приоритет в финансировании на следующий год должен отдаваться статье с более высокой оценкой уровня ее приоритетности со стороны населения.

Таким образом, мы приходим к необходимости при разработке проектов бюджетов разного уровня использовать показатель удельной приоритетности статьи расходов бюджета (например, областного). Данный показатель представляет собой отношение ее полезности (приоритетности) в процентах от числа опрошенных к сумме расходов по ней в миллиардах рублей за предыдущий год.

Как известно, в теории рационального выбора имеется показатель, который называется предельной полезностью. Он определяется отношением субъективной оценки полезности товара (услуги)

к цене. Нам представляется более правильным определять данный показатель как удельную полезность. В соответствии с правилом максимизации совокупной полезности ограниченный доход потребителя следует распределить таким образом, чтобы удельные полезности товаров и услуг стали равны [9. С. 31]. Соответствующий набор товаров и услуг будет обладать максимальной совокупной полезностью.

В нашем исследовании в качестве ограниченного дохода потребителя выступают доходы областного бюджета, в качестве полезности — оценки населением приоритетности расходов по статьям областного бюджета, а в качестве цены — фактические расходы по конкретной статье за прошедший год в миллиардах рублей.

Исходными данными настоящего исследования явились сборники социологических исследований, проведенных сотрудниками Челябинского филиала Института экономики УрО РАН [10—12], а также законы Челябинской области об исполнении областного бюджета за 2015—2017 гг. [13—15]. Предметом настоящего исследования явились отношения распределения по поводу структуры расходов бюджета субъекта РФ. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что основные положения теории рационального выбора могут быть использованы для решения проблемы постепенной оптимизации структуры расходов бюджетов субъекта РФ.

В табл. 3 приведен расчет удельных полезностей статьи бюджета «Охрана окружающей среды» за 2015—2017 гг. Данная статья включает сбор, удаление отходов и очистку сточных вод, охрану объектов растительного и животного мира и среды их обитания и другие вопросы в области охраны окружающей среды.

На рис. 1 представлена диаграмма, показывающая динамику показателей из табл. 3. Мы видим, что в 2017 г. значительно выросли расходы на охрану окружающей среды. Результатом этого явилось снижение показателя удельной полезности (приоритетности) расходов на охрану окружающей среды с 323,645 до 143,546.

В табл. 4 приведен расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи бюджета «Социальная политика» за 2015—2017 гг. Составляющими данной статьи являются пенсионное обеспечение, социальное обслуживание населения, социальное обеспечение населения, охрана семьи и детства и другие вопросы в области социальной политики. Они прямо связаны с такими признанными

показателями качества жизни населения региона, как уровень и динамика реальных доходов.

На рис. 2 отражена динамика показателей, представленных в табл. 4. Мы видим, что значительный рост расходов бюджета Челябинской области по статье «Социальная политика» в 2017 г. привел к снижению значения ее полезности (приоритетности) с 1,632 до 1,129.

Уровень развития здравоохранения является важнейшим показателем качества жизни населения региона. В табл. 5 приведен расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи областного бюджета Челябинской области «Здравоохранение» за 2015—2017 гг. В настоящее время мы располагаем только таким показателем, как оценки уровня обслуживания в районной поликлинике. По на-

шему мнению, чем больший процент ответивших считает уровень обслуживания в районной поликлинике плохим, тем полезнее, настоящей и приоритетнее финансирование по данной статье расходов при условии сохранения или повышения эффективности данных расходов.

Предметом дальнейших дискуссий может являться формулировка вопроса в целях определения уровня приоритетности финансирования по данной статье. К числу возможных формулировок относится: «Считаете ли Вы приоритетным финансирование расходов по статье бюджета Челябинской области “Здравоохранение”?».

На основе данных табл. 5 построена диаграмма (см. рис. 3), отображающая динамику указанных показателей. Мы видим, что в 2017 г. вследствие

Таблица 3

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи областного бюджета Челябинской области «Охрана окружающей среды» за 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Экологические проблемы волнуют в наибольшей степени, %, декабрь	28,3	24,5	28,35
2	Расходы на охрану окружающей среды, млрд р.	0,08	0,076	0,197
3	Удельная приоритетность расходов на охрану окружающей среды (строка 1 / строка 2)	361,017	323,645	143,546

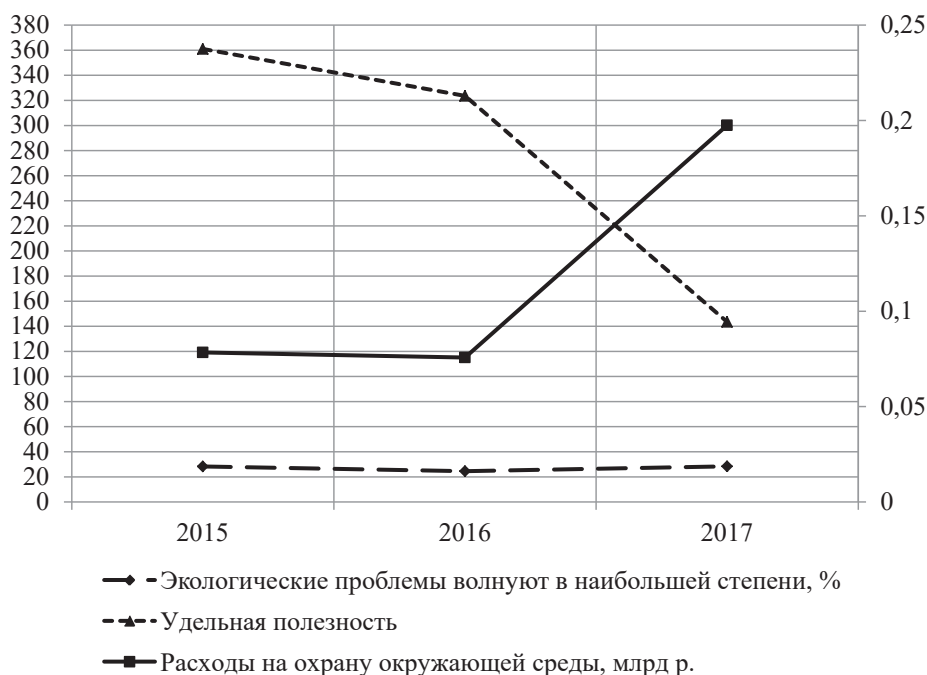

Рис. 1. Динамика ответов на вопрос и удельной полезности, приоритетности статьи расходов (левая шкала) и расходов по статье «Охрана окружающей среды» (правая шкала) в Челябинской области в 2015—2017 гг.

сокращения расходов по статье «Здравоохранение» наблюдается резкий рост удельной полезности (приоритетности) данных расходов,

что становится основанием для принятия решения о росте расходов по данной статье в последующих периодах.

Таблица 4

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи бюджета Челябинской области «Социальная политика» за 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Волнует в наибольшей степени социальная незащищенность, %, декабрь	41,1	43,1	48,35
2	Расходы бюджета области по статье «Социальная политика», млрд р.	24,07	26,397	42,821
3	Удельная полезность (приоритетность) статьи «Социальная политика» (строка 1 / строка 2)	1,707	1,632	1,129

Таблица 5

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи областного бюджета «Здравоохранение» за 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Плохой и очень плохой уровень обслуживания в районной поликлинике, %, декабрь	17,1	9,6	17,1
2	Расходы на здравоохранение, млрд р.	27,22	27,673	12,885
3	Удельная полезность (приоритетность), (строка 1 / строка 2)	0,620	0,347	1,327

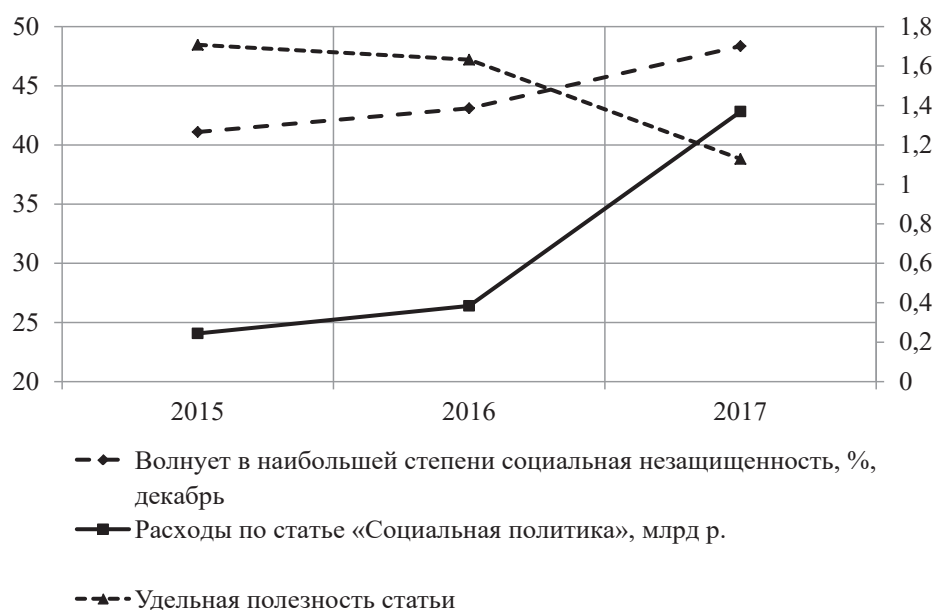

Рис. 2. Динамика удельной полезности (приоритетности) (правая шкала) расходов по статье областного бюджета Челябинской области «Социальная политика» и ответов на вопрос (левая шкала)

В табл. 6 приведен расчет удельной приоритетности статьи бюджета «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» за 2015—2017 гг. Данная статья расходов включает содержание органов юстиции, защиту населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, гражданскую оборону, обеспечение пожарной безопасности, миграционную политику и другие вопросы в области национальной безопасности и правоохранительной деятельности.

На основе данных табл. 6 построена диаграмма (см. рис. 4). Из диаграммы на рис. 4 следует, что значительный рост расходов бюджета Челябинской области в 2017 г. по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» не привел к снижению оценок населением приоритетности данных расходов. На наш взгляд, это является свидетельством снижения уровня эффективности данных расходов.

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи бюджета Челябинской области «Национальная экономика» за 2015—2017 гг. приведен в табл. 7. На основе ее данных построена диаграмма, которая показывает динамику представленных в ней показателей (см. рис. 5).

Мы видим, что снижение расходов по статье «Национальная экономика» в 2017 г. привело к росту удельной приоритетности данной статьи расходов с 1,841 до 2,038.

Теперь мы можем сравнить между собой удельные полезности рассмотренных выше статей областного бюджета Челябинской области. Их значения представлены в табл. 8. Они показывают, что с позиций максимального политического и социального эффекта в Челябинской области в первоочередном плане должны финансироваться расходы на экологические мероприятия.

Фактические значения удельных приоритетностей, определенные в настоящем исследовании, показывают, что распределение доходов бюджета пропорционально удельным приоритетностям его статей приведет к сильному перетоку средств, в нашем примере — в направлении статьи областного бюджета Челябинской области «Расходы на охрану окружающей среды», что резко снизит объемы финансирования по другим статьям бюджета.

Поэтому мы предлагаем для обсуждения следующие возможные варианты распределения средств бюджета:

1. Распределению с учетом удельных приоритетностей статей бюджета подлежат только дополнительные доходы бюджета.

Таблица 6

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи областного бюджета Челябинской области «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» за 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Рост преступности волнует в наибольшей степени, %	17,6	18,9	20
2	Расходы по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», млрд р.	1,40	1,352	1,532
3	Удельная приоритетность статьи бюджета = (строка 1 / строка 2)	12,56395	13,9792	13,0548

Таблица 7

Расчет удельных полезностей (приоритетностей) статьи областного бюджета Челябинской области «Национальная экономика» за 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Угроза безработицы волнует в наибольшей степени, %, декабрь	43,7	37,9	38,6
2	Расходы по статье «Национальная экономика», млрд р.	17,271	20,5817	18,939
3	Удельная полезность (приоритетность) статьи	2,530	1,841	2,038

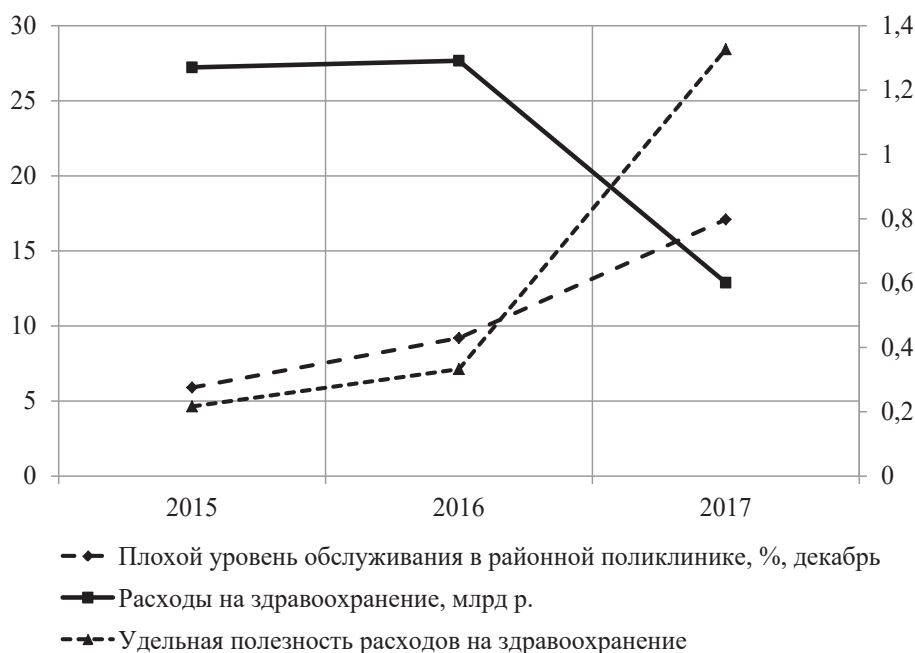

Рис. 3. Динамика удельной приоритетности (правая шкала) и расходов бюджета Челябинской области по статье «Здравоохранение» (левая шкала) в 2015—2017 гг.

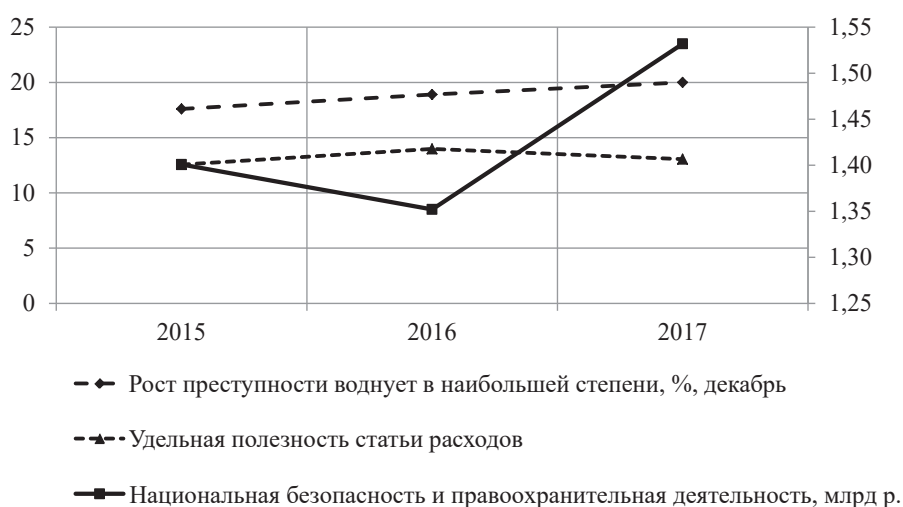

Рис. 4. Расходы по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (правая шкала) и удельная полезность (приоритетность) данной статьи (левая шкала) в 2015—2017 гг.

2. Распределение всех доходов бюджета утверждается представительным органом власти с учетом, но не пропорционально, значений удельных полезностей (приоритетностей) статей бюджета. Чем больше значение удельной приоритетности статьи расходов бюджета, тем больший социальный и политический положительный эффект будет приходиться на каждый 1 млрд р. расходов бюджета по данной статье при имеющейся эффективности государственных расходов.

3. Сокращение расходов бюджета должно производиться в обратном отношении удельных полезностей (приоритетностей) статей бюджета. То есть чем выше удельная полезность (приоритетность) статьи расходов (например, по статье «Охрана окружающей среды»), тем в меньшей степени должно производиться сокращение расходов по ней.

При имеющемся заданном уровне эффективности расходов рост финансирования по статье

Рис. 5. Динамика удельной приоритетности (правая шкала) и расходов по статье областного бюджета Челябинской области «Национальная экономика» (левая шкала) за 2015—2017 гг.

Таблица 8

Значения удельной приоритетности ряда статей расходов областного бюджета Челябинской области в 2015—2017 гг.

№ п/п	Показатель	Год		
		2015	2016	2017
	1	2	3	4
1	Расходы на охрану окружающей среды	361,017	323,645	143,546
2	Социальная политика	1,707	1,632	1,129
3	Расходы на здравоохранение	0,216	0,332	1,327
4	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	12,563	13,979	13,055
5	Национальная экономика	2,530	1,841	2,038

с максимальной приоритетностью должен в соответствии с законом убывающей полезности привести к снижению уровня ее удельной приоритетности в следующем финансовом году. Таким образом, финансирование с учетом удельных приоритетностей статей бюджета должно постепенно привести к выравниванию значений удельных приоритетностей всех статей бюджета (в нашем примере — субъекта РФ).

Таким образом, по критерию максимизации совокупной полезности оптимальной является структура расходов бюджета, при которой отношения приоритетностей (полезностей) статей бюджета к расходам по ним за предыдущий период (год) является одинаковым для всех статей бюджета.

То есть при оптимальной структуре расходов бюджета удельные приоритетности его статей равны между собой.

Информация об исполнении бюджета Челябинской области за 2017 г. представлена в табл. 9. При заполнении данной таблицы были использованы данные Прил. 3 к Закону Челябинской области «Об исполнении областного бюджета за 2017 год» от 04.05.2018 № 701-ЗО [12].

В 2017 г. наибольшая доля в общей сумме расходов областного бюджета пришлось на статью «Социальная политика» (31,23 %). И это является особенностью 2017 г., так как ранее в 2015—2016 гг. на первом месте находилась статья «Образование». Далее по убывающей доле сле-

Таблица 9

**Расходы областного бюджета Челябинской области за 2017 г.
по разделам классификации расходов бюджетов, тыс. р.**

№ п/п	Показатель	Раздел	Тыс. р.	Доля, %	Место
	1		2	3	4
1	Общегосударственные вопросы		3 154 341,17	2,30032424	8
2	Национальная оборона		42 827,13	0,03123197	14
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность		1 531 688,21	1,1169938	10
4	Национальная экономика		18 939 028,44	13,8114122	3
5	Жилищно-коммунальное хозяйство		4 782 542,97	3,48770122	6
6	Охрана окружающей среды		197 497,27	0,1440262	12
7	Образование		35 517 856,14	25,9016324	2
8	Культура, кинематография		1 558 201,53	1,13632881	9
9	Здравоохранение		12 885 059,23	9,396515	4
10	Социальная политика		42 821 054,69	31,2275385	1
11	Физическая культура и спорт		3 158 533,18	2,3033813	7
12	Средства массовой информации		222 837,68	0,16250586	11
13	Обслуживание государственного и муниципального долга		190 025,32	0,13857723	13
14	Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации		12 124 443,89	8,84183122	5
		Всего	137 125 936,85	100	

дуют такие статьи расходов, как «Образование» (25,90%), «Национальная экономика» (13,81%) и Здравоохранение «» (9,397%).

Несмотря на то что, по нашим расчетам, в 2017 г. удельная приоритетность расходов на окружающую среду оказалась выше одной расходов на социальную политику, по факту они составили 197 497,27 тыс. р. (0,144%) и находились на 12-м месте из четырнадцати. Вместе с тем следует отметить, что в 2017 г. по сравнению с 2016 г. темп роста расходов на окружающую среду составил 160,88%.

В результате настоящего исследования:

1. В научный оборот введена новая категория — удельная полезность (приоритетность) статьи расходов бюджета субъекта РФ, которая определяется отношением ее полезности (приоритетности), в процентах от числа опрошенных к сумме расходов по ней в миллиардах рублей за предыдущий год.

2. Разработана теоретическая модель оптимизации структуры, в том числе бюджетов субъектов Российской Федерации. По критерию максимизации совокупной полезности оптимальной является структура расходов бюджета субъекта РФ, при которой удельные полезности (приоритетности) всех статей расходов бюджета равны между собой.

Областью применения результатов настоящего исследования нам представляется разработка проектов бюджетов различного уровня. Условиями их применения является открытый доступ к информации о доходах и расходах бюджетов, свобода СМИ и реальная, а не имитационная политическая конкуренция.

Разработанные в данной статье предложения по оптимизации структуры бюджетных расходов можно также рассматривать и как форму модернизации бюджетных отношений.

Список литературы

1. Электронный бюджет. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Текущие опросы. Завершенные опросы [Электронный ресурс]. — URL: <http://budget.gov.ru/>.
2. О программе оптимизации расходов областного бюджета на 2017—2019 гг. Распоряжение правительства Челябинской области от 29.03.2017 г. № 147-ПП [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/450225157>.
3. Алиев, Б. Х., Повышение эффективности бюджетных расходов регионов: проблемы и перспективы / Б. Х. Алиев, М. Ш. Велиев // *Международ. журн. приклад. и фундамент. исслед.* — 2017. — № 7. — С. 249—253.
4. Кудрин, А. Бюджетная политика как источник экономического роста [Электронный ресурс] / А. Кудрин, А. Кнобель // *Вопр. экономики.* — 2017. — № 10. — С. 5—26. URL: <https://akudrin.ru/uploads/attachments/file/17/kudrin10-17.pdf>.
5. Министерство финансов Российской Федерации. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях [Электронный ресурс]. — М., 2018. — URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/IB_2018.pdf.
6. Белкин, В. А. Текущие опросы на портале «электронный бюджет» и структура расходов субъектов РФ / В. А. Белкин / *Цифровые технологии: их роль в экономике и управлении : сб. ст. и тез. докл. XXII Междунар. науч.-практ. конф. (19 июня 2018 г.), Челябин. филиал финуниверситета.* — М. : Перо, 2018. — С. 135—141.
7. Participating budgeting. The International Bank for Reconstruction and Development [Электронный ресурс] / The World Bank ; ed. by A. Shah. — URL: <https://siteresources.worldbank.org/PSGLP/Resources/ParticipatoryBudgeting.pdf>.
8. Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // *Официальный интернет-портал правовой информации.* — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711150027?index=5&rangeSize=1>.
9. Макконнелл, К. Р. Экономика: принципы, проблемы и политика : в 2 т. Т. 2 / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 528 с.
10. Гуревич, М. А. Адаптация населения крупного промышленного региона (на примере Челябинской области) к социально-экономической обстановке в 2015 году : сб. социол. исслед. (январь — декабрь 2015 г.) / М. А. Гуревич, Т. Ю. Радиловская, Г. П. Теске. — Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2016. — 198 с.
11. Гуревич, М. А. Адаптация населения крупного промышленного региона (на примере Челябинской области) к социально-экономической обстановке в 2016 году : сб. социол. исслед. (январь — декабрь 2015 г.) / М. А. Гуревич, Т. Ю. Радиловская, Г. П. Теске. — Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2017. — 185 с.
12. Аналитическая записка 2017-12 по результатам социологического опроса населения Челябинска и Челябинской области / М. А. Гуревич, Т. Ю. Радиловская, Г. П. Теске, И. Л. Вахрушев, Л. П. Бердник. — Челябинск : Челябин. филиал ин-та экономики УрО РАН, 2017. — 13 с.
13. Закон Челябинской области от 12.05.2016 «Об исполнении областного бюджета за 2015 год» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.minfin74.ru/mBudget/execution/annual/annual.php>.
14. Закон Челябинской области от 30 марта 2017 года № 535-ЗО «Об исполнении областного бюджета за 2016 год» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.zs74.ru/npa-base/ob-ispolnenii-oblastnogo-byudzheta-za-2016-god>.
15. Закон Челябинской области от 4 мая 2018 г. № 701-ЗО «Об исполнении областного бюджета за 2017 год» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.minfin74.ru/mBudget/execution/annual/annual.php>.

Сведения об авторе

Белкин Владимир Алексеевич — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. Velkin5986@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 36—48.*

OPTIMIZATION OF THE BUDGET EXPENDITURE STRUCTURE OF THE RF SUBJECT ON THE BASIS OF THEIR SPECIFIC PRIORITY

V.A. Belkin

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia. Belkin5986@mail.ru

The Subject of the study was the distribution relations over the budget expenditure structure of the RF subject. The Purpose of the work was to develop a methodology for optimizing the structure of budget expenditures based on their specific priorities. The initial data of the present research were collections of sociological researches conducted by employees of Chelyabinsk branch of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, and also Laws of Chelyabinsk Region on performance of regional budget for 2015-2017 years. The content of this work was a critical analysis of the practice of initiative budgeting in the Russian Federation, participating budgeting in other countries and the calculation of specific priority indicators for a number of expenditure items of the regional budget of the Chelyabinsk Region. As a result of the study, the specific priorities of a number of expenditure items of the regional budget of the Chelyabinsk Region in 2015-2017 years were determined. Namely, the specific priorities of expenditures on environmental protection, expenditures under the articles “Social Policy”, “Healthcare”, “National Economy” and “National Security and Law Enforcement Activities” were identified. The results of the study can be used in determining budget policy priorities in the development of draft budgets for the next year.

Keywords: *budget expenditures, budget expenditures structure, optimization of budget expenditures structure, utility maximization rule, region development priorities.*

References

1. *Elektronnyj byudzhet. Edinyj portal byudzhетной системы Rossijskoj Federacii. Tekushchie oprosy. Zavershyonnye oprosy* [E-budget. Single portal of the budget system of the Russian Federation. Current polls. Completed polls]. Available at: <http://budget.gov.ru/> (In Russ.).
2. *O programme optimizacii raskhodov oblastnogo byudzheta na 2017-2019 gg. Rasporyazhenie pravitel'stva Chelyabinskoy oblasti ot 29.03.2017 g. №147-RP* [About the cost optimization program of the regional budget for 2017-2019. Order of the Government of the Chelyabinsk Region dated 03.29.2017 No. 147-RP]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/450225157> (In Russ.).
3. Aliev B.H., Veliev M.Sh. *Povyshenie effektivnosti byudzhетных raskhodov regionov: problemy i perspektivy* [Improving the efficiency of regional budget expenditures: problems and prospects]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Basic Research], 2017, no. 7, pp. 249-253. (In Russ.).
4. Kudrin A., Knobel' A. *Byudzhетная политика как источник экономического роста* [Budget policy as a source of economic growth]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2017, no. 10, pp. 5-26. (In Russ.).
5. *Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii. Doklad o luchshej praktike razvitiya iniciativnogo byudzhетirovaniya v sub'ektah Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovaniyah* [Ministry of Finance of the Russian Federation. Report on the best practice of developing initiative budgeting in the regions of the Russian Federation and municipalities]. Moscow, 2018. Available at: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/IB_2018.pdf, accessed 27.03.2019. (In Russ.).
6. Belkin V.A. *Tekushchie oprosy na portale “elektronnyj byudzhet” i struktura raskhodov sub'ekta RF* [Current polls on the portal “electronic budget” and the cost structure of the subject of the Russian Federation]. *Cifrovye tekhnologii: ih rol' v ehkonomie i upravlenii. Sbornik statej i tezisov dokladov XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (19 iyunya 2018 g.)* [Digital technologies: their role in economics and management. Collection of articles and abstracts of the XXII International Scientific and Practical Conference (June 19, 2018)]. Moscow, Pero Publ., 2018. Pp. 135-141. (In Russ.).
7. Anwar Shah (ed.). *Participating budgeting. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank*. Available at: <https://siteresources.worldbank.org/PSGLP/Resources/ParticipatoryBudgeting.pdf>, accessed 27.03.2019.

8. Presidential Decree of November 14, 2017 No. 548 “On evaluating the performance of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation”. *Official’nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711150027?-index=5&rangeSize=1>, accessed 27.03.2019. (In Russ.).

9. Makkonnell K.R., Brju S.L. (2001) *Jekonomiks: principy, problemy i politika*: Per. s angl. Izd. [Ekonoms: principy, problemy i politika]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. Pp. 29-30. (In Russ.).

10. Gurevich M.A., Radilovskaya T.Yu., Teske G.P. *Adaptaciya naseleniya krupnogo promyshlennogo regiona (na primere Chelyabinskoj oblasti) k social’no-ehkonomicheskoj obstanovke v 2015 godu: sbornik sociologicheskikh issledovanij (yanvar’ – dekabr’ 2015 goda)* [Adaptation of the population of a large industrial region (on the example of the Chelyabinsk region) to the socio-economic situation in 2015: a collection of sociological studies (January — December 2015)]. Chelyabinsk, 2016. 198 p. (In Russ.).

11. Gurevich M.A., Radilovskaya T.Yu., Teske G.P. *Adaptaciya naseleniya krupnogo promyshlennogo regiona (na primere Chelyabinskoj oblasti) k social’no-ehkonomicheskoj obstanovke v 2016 godu: sbornik sociologicheskikh issledovanij (yanvar’ – dekabr’ 2016 goda)* [Adaptation of the population of a large industrial region (on the example of the Chelyabinsk region) to the socio-economic situation in 2016: a collection of sociological research (January — December 2016)]. Chelyabinsk, 2017. 185 p. (In Russ.).

12. Gurevich M.A., Radilovskaya T.Yu., Teske G.P., Vahrushev I.L., Berdnik L.P. *Analiticheskaya zapiska 2017-12 po rezul’tatam sociologicheskogo oprosa naseleniya Chelyabinska i Chelyabinskoj oblasti* [Analytical note 2017-12 on the results of a sociological survey of the population of Chelyabinsk and Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, 2017. 13 p. (In Russ.).

13. *Law of the Chelyabinsk region dated 12.05.2016 “On the execution of the regional budget for 2015”*. Available at: <http://www.minfin74.ru/mBudget/execution/annual/annual.php>, accessed 27.03.2019. (In Russ.).

14. *Law of the Chelyabinsk Region dated March 30, 2017 No. 535-ZO “On the execution of the regional budget for 2016”*. Available at: <https://www.zs74.ru/npa-base/ob-ispolnenii-oblastnogo-byudzheta-za-2016-god>, accessed 27.03.2019. (In Russ.).

15. *Law of the Chelyabinsk region of May 4, 2018 No. 701-ZO “On the execution of the regional budget for 2017”*. Available at: <http://www.minfin74.ru/mBudget/execution/annual/annual.php>, accessed 27.03.2019. (In Russ.).

АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ ГЕНЕРАЦИИ ЗНАНИЙ УМНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

М. В. Власов, С. В. Паникарова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Цель исследования — построение типологии институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики на основе выявления взаимосвязи между результативностью генерации новых знаний и цифровыми ресурсами в умном городе в условиях цифровой экономики. Предложен показатель количественной оценки результативности генерации новых знаний в условиях цифровой экономики — «цифровая скорость». Это количественный показатель, характеризующий прирост результативности генерации знаний при увеличении использования цифрового ресурса на 1%. Проведен корреляционный анализ, позволивший выделить факторы цифровой экономики, оказывающие влияние на процессы генерации знаний умного города. Рассчитаны цифровые скорости прироста результативности генерации разных видов новых знаний в зависимости от типов использования цифровых ресурсов. На основе рассчитанных корреляционных зависимостей и цифровых скоростей генерации новых знаний промышленными предприятиями умного города в условиях цифровой экономики построена типология институтов генерации знаний умного города. Выделены устойчивые, эффективные институты, дальнейшее развитие которых позволит повысить результативность процессов генерации новых знаний умного города. Вывод: применение принципов и идей институционального моделирования процессов генерации знаний умного города позволяет формировать полноценные прогностические модели использования социо-технологических драйверов развития умных городов в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: *умный город, цифровая экономика, институты генерации знаний, институциональная теория, моделирование, инновации, типология, эффективность, прогноз, экономическое развитие.*

Основные положения

- Предложен показатель количественной оценки результативности генерации новых знаний в условиях цифровой экономики — «цифровая скорость».
- Проведен корреляционный анализ, позволивший выделить факторы развития цифровой экономики, оказывающие влияние на процессы генерации знаний умного города.
- Рассчитаны цифровые скорости прироста результативности генерации видов новых знаний в зависимости от типов использования цифровых ресурсов.

Введение

В начале XXI в. в мире наблюдается устойчивая тенденция — тенденция глобальной урбанизации, при этом, по различным оценкам, доля городского населения к концу века составит более 80% жителей планеты. В этих условиях именно город стал центром интересов в общественных науках, а особенно в экономической. Вследствие развития новых технологий и тотальной цифровизации города стали сочетать в себе такие две важнейшие функции жизнедеятельности человека, как производственная и жилая, что привело к возникновению понятия «умный город».

Использование цифровых технологий в государственном и муниципальном управлении привело

к возникновению новых современных доктрин развития городов и урбанизированных территорий. Одной из наиболее важных доктрин развития общества на основе цифровых технологий является «Умный город» — инновационная доктрина, в которой использование информационно-коммуникационных технологий, интеллектуального потенциала территории обеспечивает формирование устойчивой связи между индивидом и знанием, позволяющей максимально удовлетворять потребности современного и последующих поколений. В связи с этим именно «умные города» становятся наиболее актуальной темой научных исследований.

Процессы генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики

Рассмотрим основные подходы к трактовке понятия «умный город».

Умный город — это инновационный город, который использует информационно-коммуникационные технологии и другие средства для улучшения качества жизни, эффективности городской деятельности, когда потребности существующего и будущих поколений соответствуют экономическому, социальному, экологическому и культурному развитию [1].

По мнению А. Herscovici, умный город, как экономическое понятие, испытывает недостаток в ряде

последовательных критериев оценки его эффективности, особенно с точки зрения развития в нем инноваций [2].

С другой стороны, умные города — глобальное явление, потому что они распространяются во всем мире и появляются с различными взаимозависимостями на глобальном уровне [3].

Ряд ученых (F. P. Appio, M. Lima, S. Paroutis) считают, что умные городские инициативы распространяются во всем мире в феноменальном темпе. Их смелое стремление состоит в том, чтобы увеличить конкурентоспособность местных сообществ с помощью инноваций, увеличивая качество жизни для его граждан посредством лучших социальных услуг и более чистой окружающей среды [4].

В современных условиях, по мнению таких авторов, как V. Baradaran, S. Farokhi, Z. Ahamdi, вследствие того что мир все быстрее перемещается к цифровому обществу, переход к виртуальным городам неизбежен из-за прироста населения и преобразования человеческих отношений [5].

По мнению J. Anttila, K. Jussila, умные города — это результат проявления 4-й промышленной революции и промышленности 4.0, которые подразумевают инновации, лучшее планирование, более объединенный подход к высокой энергоэффективности, лучшие транспортные решения и интеллектуальное использование информационно-коммуникационных технологий [6].

Построенные на основе технологических инноваций, умные города — сложные экосистемы, у которых есть потенциал, чтобы улучшить качество городской жизни населения, обрабатываемость информационных ресурсов и устойчивость развития через сеть людей, процессов и данных. По словам J. Macke, R. M. Casagrande, J.A.R. Sarate, K. A. Silva, понятие «умный город» способствует развитию технологических инноваций и решениям на их основе по повышению качества жизни городского населения [7].

Умный город — все более популярная тема в городской застройке, пробуждает и волнение, и скептицизм наиболее крупных застройщиков. Однако, несмотря на увеличивающийся энтузиазм относительно изящества городов, понятие все еще рассматривается как несколько уклончивое. Основываясь на существующих академических взглядах на изящество городов и инновационную литературу, M. Nilssen в своей статье развивает типологию умных городских инициатив на основе степени и типов инноваций, которые они включают. По этому автору, типология инноваций

и соответствующих новых знаний должна быть структурирована как умный городской континуум, включая четыре размера инноваций: 1) технологический, 2) организационный, 3) совместный, 4) экспериментальный [8].

Умные города — сложные экосистемы со взаимосвязанными системами или системой систем. Следовательно, управление умными городами очень важно из-за большого количества заинтересованных сторон, разнообразия прикладных областей, разнородности источников данных и сложности умных систем. Тем не менее очень мало исследований направлено на анализ эффективности деятельности умных городов, и в мировой литературе отсутствуют количественные оценки использования цифровой экономики в умных городах [9].

В своем исследовании D. Novikov и M. Belov утверждают, что именно сложная деятельность человека является фундаментальным элементом любой экономики, включая цифровую. В связи с вышеупомянутым развитие методологических аспектов, методов моделирования цифровой экономики является актуальной и неотложной задачей [10].

Однако в современных экономических исследованиях вопросы институционального моделирования процессов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики не нашли своего необходимого рассмотрения.

Цель данного исследования — построение типологии институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики, на основе выявления взаимосвязи между результативностью генерации новых знаний и цифровыми ресурсами в умном городе в условиях цифровой экономики.

Развитие цифровой экономики кардинально изменило правила ведения бизнеса и повседневную жизнь человечества, предоставляя беспрецедентные услуги и удобства [11].

В современных условиях высокими темпами происходит переход к цифровой экономике, в которой подразумевается использование цифровых технологий во всех сферах экономики. Именно в сфере цифровой экономики наблюдается наибольший прирост новых предприятий и рабочих мест, к такому выводу приходят E. Ansong, R. Boateng в своем эмпирическом исследовании [12].

На современном этапе развития экономических отношений, по мнению A. Negrea, G. Ciobanu, C. Dobrea, S. Vurcea, только развитие цифровой экономики и оцифровка всей информации, ис-

пользуемой компаниями и различными органами власти, является основным драйвером строительства умного общества в частности и экономики знаний в целом [13]. И именно цифровые ресурсы становятся основным источником создания общественных ценностей [14].

По мнению Д. В. Евтяновой и М. В. Тирановой, цифровая экономика — это возможности автоматизации процессов, основанных на информационных технологиях управления хозяйством. Таким образом, именно применение современных информационных технологий является наиболее важным фактором повышения эффективности управления деятельностью экономическими агентами [15].

И. В. Сударушкина и Н. А. Стефанова считают, что цифровая экономика — результат, возникающий в качестве эффекта трансформационных взаимодействий новых технологий в информационно-коммуникационной сфере и оказывающий воздействие на все отрасли социально-экономической деятельности [16].

По мнению D. Nepelski, у цифровых технологий есть потенциал модернизировать мировую экономику. Цифровые инновации, основанные на новых знаниях, позволяют решить множество проблем: увеличение прибыли от использования данных, разнородности цифровых инновационных акторов и экосистемы, цифровые навыки в предпринимательской культуре, финансирование, рост числа новых участников, технологическая совместимость и защита интеллектуальной собственности. Таким образом, именно цифровые инновации, основанные на новых знаниях, являются основой получения выгоды от цифровых технологий на всех уровнях хозяйствования, в том числе и при планировании развития территорий и умных городов [17].

Также необходимо отметить, что ряд авторов рассматривают цифровые отношения как новый экономический институт, со своими особыми нормами и механизмами [18].

Основной задачей умного города является разработка механизмов внедрения информационно-коммуникационных решений для обеспечения повышения уровня жизни населения города [19]. В этой ситуации умный город описывается следующими индикаторами: умный менеджмент, умная экология, умная экономика и мобильность населения города [20].

Умные города должны соответствовать тренду устойчивого развития и обеспечивать высокий уровень жизни населению города, используя при этом информационные и цифровые технологии

для контроля потребления ресурсов [21]. В то же время авторы рассматриваемого исследования не предлагают инструментарий или методологию количественной оценки процессов развития умного города.

В своем исследовании Z. Allam, Z. A. Dhunny приходят к выводу, что города все больше поворачиваются к специализированным технологиям, чтобы решить проблемы, связанные с обществом, экологией, морфологией и мн. др. Развивающееся понятие «умные города» высоко поощряет эту перспективу, однако стимулировать развитие экономического роста умные города могут только посредством развития интеллектуального капитала и повышения результативности генерации новых знаний умного города [22].

Два десятилетия исследований умных городов, по мнению S. M. E. Sepasgozar, S. Hawken, S. Sargolzaei, M. Foroozanfa, представили умные города как универсальное стремление к развитию новых технологий и нового качества жизни, не учитывая, однако, при этом местные культурные различия. У будущих умных городов есть несколько задач. Во-первых, это выбор культурно соответствующих технологий из обширного множества глобальных технологий. Вторая задача заключается в институциональной адаптации таких технологий, третья состоит в управлении применением таких технологий [23].

Научная статья G. F. Camboim, P. A. Zawislak, N. A. Pufal посвящена раскрытию и определению ведущих элементов, которые делают город умнее, на основе литературы, интервью с экспертами и изучения «умных городских проектов» (Амстердам, Барселона, Лиссабон, Вена). Результаты показывают, что умный город — это городская инновационная экосистема, основанная на новых знаниях с учетом взаимодействия и сотрудничества различных заинтересованных сторон с целью удовлетворения потребностей в обеспечении гибкой институциональной структуры, интегрированной модели управления, цифровой зеленой инфраструктуры, а также в функциональном городском проектировании, включая разнообразные удобства и средства. Авторы приходят к выводу, что именно новые знания, обеспеченные соответствующей институциональной структурой, позволяют делать города умнее [24]. Необходимо отметить, что указанное исследование не предлагает какой-либо качественной или количественной оценки, либо институтов, либо институциональной структуры. В то же время

именно эффективная институциональная структура обеспечивает целенаправленное системное развитие умных городов.

По мнению ученых E. Ismagilova, L. Hughes, Y. K. Dwivedi, K. R. Raman, умный город — это прежде всего город, основанный на знаниях, что подтверждает проведенное ими исследование: в городах, в которых хозяйствующими субъектами осуществляется генерация новых знаний, происходит опережающие развитие качества и условий жизни населения. При этом основным ресурсом генерации знаний в умном городе являются цифровые и информационно-коммуникационные технологии [25]. Однако в данном исследовании не рассматриваются вопросы количественной оценки процессов генерации знаний.

Таким образом, для анализа процессов генерации знаний в умном городе в условиях цифровой экономики необходимо разработать инструментальный экономический моделирования. На современном этапе развития экономической науки наиболее универсальным инструментом моделирования процессов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики является методологический аппарат институциональной экономической теории.

Проведенный нами теоретический анализ вопросов генерации знаний умными городами в условиях цифровой экономики позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, именно умные города практически единогласно признаются учеными всего мира как основное направление развития социально-экономических отношений.

Во-вторых, новые знания и процессы генерации новых знаний являются важнейшим фактором, обеспечивающим развитие умных городов.

В-третьих, на сегодняшний день в мировой научной экономической литературе отсутствуют количественные оценки процессов развития умных городов в условиях цифрового города.

Таким образом, в целях разработки количественных оценок развития умных городов в условиях цифровой экономики, что является актуальной научной проблемой, предлагаем подход к решению данной проблемы на основе инструментария институциональной экономической теории.

Процедура исследования

Методологической основой нашего исследования явились данные эмпирического экономического исследования, осуществленного на крупных и средних обрабатывающих предприятиях Екатеринбурга. В ходе этого эмпирического исследования соби-

ралась информация о динамике объема использования цифровых ресурсов и динамике получения новых результатов интеллектуальной деятельности за последние пять лет — с 2014 по 2018 г. По таким признакам, как отрасль производства и наличие процессов генерации знаний, из предприятий города Екатеринбурга численностью более 100 чел. нами сформирована выборка предприятий. Всего в исследовании приняли участие 110 предприятий, отраслевая принадлежность которых соответствовала совокупности предприятий города Екатеринбурга. С целью оценки влияния процессов цифровой экономики на процессы генерации знаний на выбранных предприятиях обрабатывающей промышленности Екатеринбурга было проведено интервьюирование их топ-менеджеров.

В ходе интервьюирования проверялись следующие гипотезы:

— существует зависимость между динамикой использования цифровых ресурсов и динамикой результативности процессов генерации новых знаний;

— увеличение использования цифровых ресурсов приводит к увеличению результатов генерации новых знаний;

— различные типы цифровых ресурсов по-разному влияют на результативность различных типов новых знаний.

Для анализа данных с целью верификации гипотез использовался корреляционный анализ, который показывает взаимосвязь двух и более величин. Коэффициент корреляции отражает силы связи между рядами данных. При оценке силы связи коэффициентов корреляции используется шкала Чеддока [26].

Трактовка коэффициента корреляции:

1) больше 0,75 — развитая, устойчивая связь, то есть сформировался развитой устойчивый институт;

2) от 0,5 до 0,74 — изменяющаяся, неустойчивая связь, развивающийся институт;

3) от 0,25 до 0,5 — частичная, неустойчивая связь, формирующийся институт;

4) менее 0,25 — отсутствие связи, институциональная ловушка.

Для анализа влияния цифровых ресурсов на процессы генерации знаний предлагаем использование показателя «цифровая скорость генерации знаний», рассчитываемого по следующей формуле:

$$V_{dij} = dK_i / dR_{dj},$$

где V_{dij} — цифровая скорость генерации i -го типа знаний при использовании j -го типа цифрового

ресурса; dKi — прирост i -го типа знания; $dRdj$ — прирост j -го цифрового ресурса.

Как следует из формулы, если $Vdij > 1$, то это означает увеличение цифрового ресурса на 1% и приводит к изменению результативности генерации знаний более чем на 1%, то есть прирост новых знаний опережает рост используемых цифровых ресурсов. Деятельность по генерации знаний, построенная такая образом, считается эффективной.

Если $0 < Vdij < 1$, то это неэффективный институт, когда при увеличении использования цифрового ресурса на 1% происходит прирост менее чем на 1% новых знаний.

Если $Vdij < 0$, то это означает, что увеличение цифрового ресурса не приводит к уменьшению результативности процессов генерации знаний. Деятельность по генерации знаний, построенная такая образом, находится в состоянии институциональной ловушки.

Таким образом, цифровая скорость генерации знаний — количественный показатель, характеризующий прирост результативности процессов генерации знаний при увеличении использования цифрового ресурса на 1%.

Типология институтов генерации знаний

В результате проведенного исследования получены следующие парные корреляционные зависимости между видами новых знаний и применением цифровых технологий, представленные в составленной нами табл. 1.

Из анализа данных табл. 1 все три рабочие гипотезы подтвердились:

— существует зависимость между динамикой использования цифровых ресурсов и динамикой результативности процессов генерации новых знаний;

— увеличение использования цифровых ресурсов приводит к увеличению результатов генерации новых знаний;

— различные типы цифровых ресурсов по-разному влияют на результативность различных типов новых знаний.

На основе полученных эмпирических данных можно сформулировать типологию институтов генерации знаний умного города.

В первую очередь институты были разделены на три группы:

— развитые институты — те, у которых наблюдается устойчивая постоянная взаимосвязь между изменением используемых ресурсов и получаемым результатом, то есть коэффициент корреляции больше 0,75;

— развивающиеся институты — взаимосвязь между изменением используемых ресурсов и получаемым результатом наблюдается в большинстве случаев, но нельзя сказать что проявляется во всех 100% случаев, то есть коэффициент корреляции от 0,5 до 0,75;

— формирующийся институт — взаимосвязь между изменением используемых ресурсов и получаемым результатом только начинает наблюдаться, и наблюдается менее чем в половине случаев, то есть коэффициент корреляции от 0 до 0,5.

Далее в каждой группе институтов в зависимости от цифровой скорости были выделены эффективные и неэффективные институты. Эффективными являются те институты, в результате функционирования которых прирост результативности генерации новых знаний значительно выше, чем увеличение количества цифрового ресурса, то есть увеличение использования цифрового ресурса на 1% приводит к увеличению результатов генерации знаний больше чем на 1%, соответственно, цифровая скорость больше 1.

Таблица 1

Корреляционные зависимости и цифровые скорости генерации новых знаний от применяемых цифровых технологий

Норма, воздействующий фактор (x)	Результат, вид новых знаний (y)			
	Новые продукты		Новые технологии	
	Корреляция	Цифровая скорость	Корреляция	Цифровая скорость
Персональные компьютеры	0,91	5,31	0,95	4,79
Серверы	0,84	3,29	0,82	3,17
Локальные сети	0,78	0,95	0,79	1,75
Глобальные сети	0,61	0,73	0,57	1,09
Использование сети Интернет в организациях	0,31	0,31	0,44	0,34
Широкополосный доступ к сети Интернет в организациях	0,09	-0,12	0,12	-0,19

Неэффективный институт — когда при увеличении использования цифрового ресурса на 1 % происходит прирост менее чем на 1 % новых знаний, значение цифровой скорости находится в диапазоне от 0 до 1. Отдельно был выделен случай институциональной ловушки, это случай, когда цифровая скорость имеет отрицательное значение. Результаты мы отразили в форме таблицы (табл. 2), где представлено распределение выделенных нами институтов генерации новых знаний умного города в условиях цифровой экономики по типам: развитый эффективный институт, развитый неэффективный институт, развивающийся эффективный институт, развивающийся неэффективный институт, формирующийся неэффективный институт, институциональная ловушка. Номера институтов в табл. 2 соответствуют номерам точек на рисунке (с. 55).

Графически авторская типология институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики представлена на рис. 1.

Из анализа построенной авторами типологии, представленной на рисунке, можно сделать вывод, что на сегодняшний день институциональная структура генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики находится в состоянии формирования. Только 50 % институтов являются эффективными, при этом необходимо отметить, что даже на этапе формирования институциональной структуры генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики возникли институциональные ловушки, что в первую очередь говорит о необходимости аудита используемых ресурсов, планов

и стратегии по развитию процессов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики.

Оценка результативности генерации знаний

Как следует из результатов нашего исследования, различные цифровые ресурсы по-разному влияют на изменение результативности процессов генерации новых знаний.

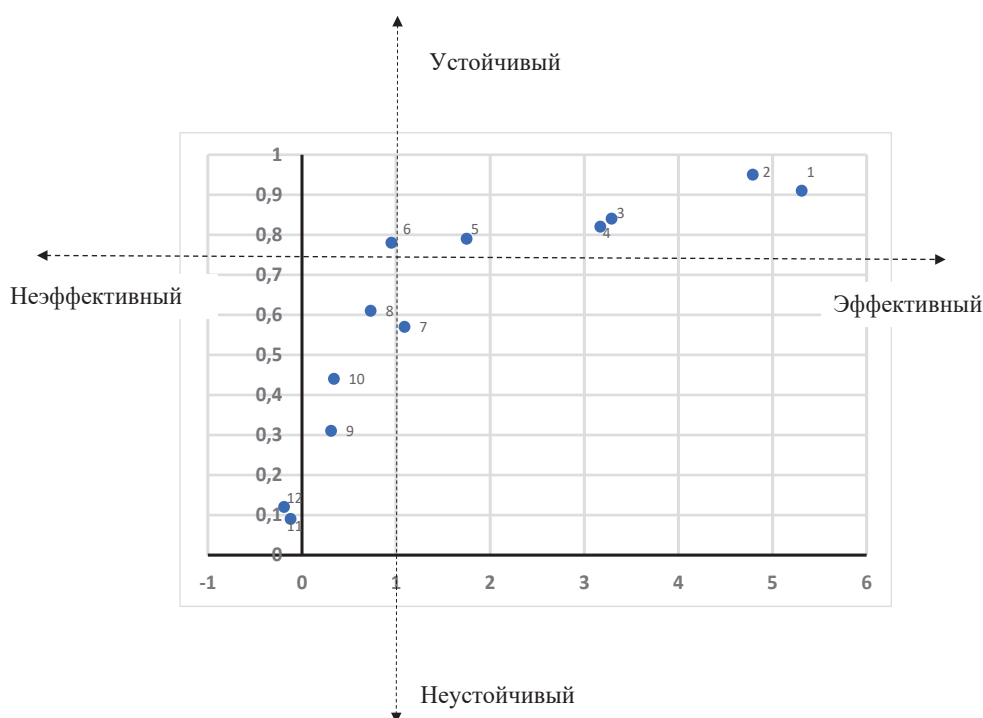
Наибольшее влияние на увеличение результативности деятельности по генерации знаний умного города в условиях цифрового общества оказывает такая мера, как использование персональных компьютеров. Согласно результатам проведенного исследования, рост использования персональных компьютеров приводит к росту результативности созданию новых продуктов на 5,31 % и новых технологий на 4,79 %. В первую очередь, по нашему мнению, это связано с тем фактом, что персональные компьютеры, особенно последних моделей, позволяют значительно увеличивать расчеты, процессы моделирования, разработки и создания новых продуктов и технологий, значительно сокращая при этом использование других ресурсов, например труда, в процессах генерации новых знаний.

Вторым по значимости фактором, позволяющим увеличивать результативность генерации новых продуктов и технологий, является внедрение серверов на высокотехнологичных предприятиях умного города. При этом цифровая скорость влияния серверов на результативность генерации новых знаний в полтора раза ниже, чем при использовании персональных компьютеров. Данный факт объясняется тем, что серверы, так же как и персональные компьютеры,

Таблица 2

Типология институтов генерации знаний при использовании цифровых технологий

Тип института	Название института
Развитый эффективный институт	1. Создание новых продуктов посредством персональных компьютеров
	2. Создание новых технологий посредством персональных компьютеров
	3. Создание новых продуктов при участии серверов ИКТ
	4. Создание новых технологий при участии серверов ИКТ
	5. Создание новых технологий посредством применения локальных сетей
Развитый неэффективный институт	6. Создание новых продуктов посредством применения локальных сетей
Развивающийся эффективный институт	7. Создание новых технологий посредством применения глобальных сетей
Развивающийся неэффективный институт	8. Создание новых продуктов посредством применения глобальных сетей
Формирующийся неэффективный институт	9. Создание новых продуктов с использованием сети Интернет в организациях
	10. Создание новых технологий с использованием сети Интернет в организациях
Институциональная ловушка	11. Создание новых продуктов с использованием широкополосного доступа к сети Интернет в организациях
	12. Создание новых технологий с использованием широкополосного доступа к сети Интернет в организациях

Распределение институтов генерации знаний при использовании цифровых технологий в координатах эффективность/устойчивость

участвуют в процессах генерации знаний и выполняют роль хранилищ и массивов по обработке больших данных, что ускоряет и удешевляет процессы генерации новых знаний на промышленных предприятиях умного города в условиях цифровой экономики.

Институты создания «новых продуктов» и «новых технологий» при использовании факторов «персональные компьютеры» и «серверы» являются высокоэффективными и устойчивыми.

Использование факторов «персональные компьютеры» и «серверы» является драйвером развития процессов генерации промышленными предприятиями умного города в условиях цифровой экономики, они одинаково важны для всех типов и видов знаний.

Факторы «локальные сети» и «глобальные сети» имеют гораздо меньшую связь (коэффициент корреляции) с процессами генерации знаний, чем два предыдущих фактора. Авторы делают вывод, что институты «новых технологий» и «новых продуктов» при воздействии факторов «локальные сети» и «глобальные сети» менее устойчивы и являются либо пограничными (развитый/развивающийся), либо развивающимися институтами. При этом эффективными являются только институты создания «новых технологий». Это может быть объяснено тем, что локальные и глобальные сети служат только инструментом передачи данных и связи сотрудников между собой и не оказывают никакого ускоряющего воздействия на процессы генерации.

Институты «новых продуктов» и «новых технологий» под воздействием использования сети Интернет

в организациях имеют еще меньший уровень корреляционной связи, и можно сделать вывод, что эти институты только формируются, при этом на сегодняшний день они являются неэффективными.

С другой стороны, увеличение использования такого цифрового ресурса, как широкополосный доступ к Интернету в организациях, приводит к уменьшению результативности процессов генерации знаний. Применение данного цифрового ресурса позволяет лишь увеличивать скорость передачи данных в организацию и из организации, но никоим образом не влияет на процессы по генерации знаний. Кроме того, во многих случаях наличие широкополосного Интернета приводит к использованию его в личных целях сотрудников, что снижает результативность процессов генерации знаний.

Из анализа вышеперечисленных результатов исследований можно сделать вывод, что организации предпочитают использовать цифровые ресурсы только для ускорения проведения расчетов либо хранения данных, именно такие институты генерации являются устойчивыми и эффективными и не считают важным делиться или получать информацию из внешней среды организации, при этом все институты, связанные с передачей данных из внешней среды и во внешнюю среду, являются не устойчивыми и неэффективными. Другими словами, устойчиво и эффективно только то, что находится внутри предприятия, все, что связано с внешним миром, неэффективно и неустойчиво.

Выводы

На основе выявленных корреляционных зависимостей между результативностью генерации новых знаний и цифровыми ресурсами и на ее основе построенной типологии институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики авторами проведенного исследования получены следующие теоретические и практические результаты.

Во-первых, предложен показатель количественной оценки результативности генерации новых знаний в условиях цифровой экономики — «цифровая скорость». Предложенный показатель — количественный, характеризующий прирост результативности процессов генерации знаний при увеличении использования цифрового ресурса на 1 %.

Во-вторых, проведен корреляционный анализ, позволивший выделить факторы развития цифровой экономики, оказывающие влияние на процессы генерации знаний умного города. Доказано, что такие типы цифровых ресурсов, как «персональные компьютеры» и «серверы», имеют устойчивую взаимосвязь с такими видами результатов генерации новых знаний, как «новые технологии» и «новые продукты». Такие типы цифровых ресурсов, как «использование сети Интернет в организациях» и «широкополосный доступ к сети Интернет в организациях», не взаимосвязаны и не оказывают влияния на процессы генерации знаний промышленных предприятий в умных городах. Определено, что использование персональных компьютеров и серверов повышает результативность процессов генерации знаний. Использование промышленными предприятиями сети Интернет не влияет на процессы генерации знаний умного города.

В-третьих, рассчитаны цифровые скорости прироста результативности генерации различных видов новых знаний в зависимости от различных типов использования цифровых ресурсов. Определено, что наибольшее значение цифровой скорости генерации новых знаний достигается при использовании таких типов цифровых ресурсов, как «персональные компьютеры» и «серверы». Использование же таких типов цифровых ресурсов, как «широкополосный доступ к сети Интернет в организациях», приводит к отрица-

тельному значению цифровой скорости, то есть к снижению эффективности и результативности процессов генерации знаний промышленными предприятиями умного города.

В-четвертых, на основе рассчитанных авторами корреляционных зависимостей и цифровых скоростей генерации новых знаний промышленными предприятиями умного города в условиях цифровой экономики построена типология институтов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики. При построении типологии устойчивость институтов оценивалась через коэффициенты парной корреляции между цифровыми технологиями и продуктами генерации знаний (от 0 до 1), эффективность применения институтов — через скорость генерации знаний (от -1 до 6). Выделены устойчивые эффективные институты, дальнейшее развитие которых позволит повысить результативность процессов генерации новых знаний умного города в условиях цифровой экономики. Вычленены развивающиеся институты, которые требуют особого контроля за процессами их функционирования с целью их дальнейшей эволюции до устойчивых эффективных институтов и недопущения их перехода в состояние институциональной ловушки. Найдена институциональная ловушка, ликвидация которой необходима для высвобождения и перераспределения ресурсов с целью повышения результативности процессов генерации новых знаний умного города в условиях цифрового города.

Таким образом, применение принципов и идей институционального моделирования процессов генерации знаний умного города позволяет формировать полноценные прогностические модели использования социо-технологических драйверов развития умных городов в условиях цифровой экономики. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в предложенном авторами инструменте количественной оценки процессов генерации знаний умного города в условиях цифровой экономики. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов при планировании деятельности по генерации новых знаний умными городами в условиях цифровой экономики.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00850 А «Институциональное моделирование экономики интернет-пространства России».

Список литературы

1. Y-Series Recommendations // International Telecommunication Union. Telecommunication Standardization Sector. Supplement 45. — Switzerland, Geneva, 2017. — 12 p.
2. Herscovici, A. New development: Lean Thinking in smart cities / A. Herscovici // *Publ. Money and Management*. — 2018. — Vol. 38, iss. 4. — P. 320—324.
3. Dameri, R. P. Understanding smart cities as a glocal strategy: A comparison between Italy and China / R. P. Dameri, C. Benevolo, E. Veglianti, Y. Li // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 26—41.
4. Appio, F. P. Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges / F. P. Appio, M. Lima, S. Paroutis // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 1—14.
5. Baradaran, V. A model for evaluation and development of citizens' electronic readiness for deployment of an E-city using structural equation modeling / V. Baradaran, S. Farokhi, Z. Ahamdi // *J. of Global Information Management*. — 2018. — Vol. 26, iss. 4. — P. 135—157.
6. Anttila, J. Universities and smart cities: the challenges to high quality / J. Anttila, K. Jussila // *Total Quality Management and Business Excellence*. — 2018. — Vol. 29, iss. 9—10, 29 July. — P. 1058—1073.
7. Smart city and quality of life: Citizens' perception in a Brazilian case study / J. Macke, R. M. Casagrande, J. A. R. Sarate, K. A. Silva // *J. of Cleaner Production*. — 2018. — Vol. 182. — P. 717—726.
8. Nilssen, M. To the smart city and beyond? Developing a typology of smart urban innovation / M. Nilssen // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 98—104.
9. Hefnawy, A. Relevance of lifecycle management to smart city development / A. Hefnawy, A. Bouras, C. Cherifi // *Intern. J. of Product Development*. — 2018. — Vol. 22, iss. 5. — P. 351—376.
10. Novikov, D. Methodological foundations of the digital economy / D. Novikov, M. Belov // *Studies in Systems, Decision and Control*. — 2019. — Vol. 181. — P. 3—14.
11. Watanabe, C. A new paradox of the digital economy — Structural sources of the limitation of GDP statistics / C. Watanabe, Y. Tou, P. Neittaanmäki // *Technology in Society*. — 2018. — Vol. 55. — P. 9—23.
12. Ansong, E. Surviving in the digital era — business models of digital enterprises in a developing economy / E. Ansong, R. Boateng // *Digital Policy, Regulation and Governance*. — 2019. — Vol. 21, iss. 2, 8 March. — P. 164—178.
13. Priority aspects in the evolution of the digital economy for building new development policies / A. Negrea, G. Ciobanu, C. Dobrea, S. Burcea // *Quality — Access to Success*. — 2019. — Vol. 20, iss. S2. — P. 416—421.
14. Todoruț, A. V. Digital technologies and the modernization of public administration / A. V. Todoruț, V. Tselentis // *Quality — Access to Success*. — 2018. — Vol. 19, iss. 165. — P. 73—78.
15. Евтянова, Д. В. Цифровая экономика как механизм эффективной экологической и экономической политики / Д. В. Евтянова, М. В. Тиранова // *Науковедение*. — 2017. — Т. 9, № 6.
16. Сударушкина, И. В. Цифровая экономика / И. В. Сударушкина, Н. А. Стефанова // *АНИ: экономика и упр.* — 2017. — Т. 6, № 1 (18).
17. Nepelski, D. How to Facilitate Digital Innovation in Europe / D. Nepelski // *Intereconomics*. — 2019. — Vol. 54, iss. 1. — P. 47—52.
18. Geliskhanov, I. Z. Digital platform: A new economic institution / I. Z. Geliskhanov, T. N. Yudina // *Quality — Access to Success*. — 2018. — Vol. 19, iss. S2. — P. 20—26.
19. Urban Experimentation and Institutional Arrangements / R. Raven, F. Sengers, P. Spaeth [et al.] // *European Planning Studies*. — 2019. — Vol. 27, no. 2. — P. 258—281.
20. Dudzeviciute, G. The Application of Smart Cities Concept for Citizens of Lithuania and Sweden: Comparative Analysis / G. Dudzeviciute, A. Simelyte, A. Liucvaitiene // *Independent J. of Management & Production*. — 2017. — Vol. 8, no. 4. — P. 1433—1450.
21. Smart Sustainable Cities: Bibliometric Study and Patent Information / A. R. Kobayashi, C. T. Kniess, F. A. Serra, R. R. Ferraz, M. S. Ruiz // *Intern. J. of Innovation*. — 2017. — Vol. 5, no. 1. — P. 77—96.
22. Allam, Z. On big data, artificial intelligence and smart cities / Z. Allam, Z. A. Dhunny // *Cities*. — 2019. — Vol. 89, June 2019. — P. 80—91.
23. Implementing citizen centric technology in developing smart cities: A model for predicting the acceptance of urban technologies / S. M. E. Sepasgozar, S. Hawken, S. Sargolzaei, M. Foroozanfa // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 105—116.

24. Camboim, G. F. Driving elements to make cities smarter: Evidences from European projects / G. F. Camboim, P. A. Zawislak, N. A. Pufal // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2019. — Vol. 142. — P. 154—167.
25. Smart cities: Advances in research — An information systems perspective / E. Ismagilova, L. Hughes, Y. K. Dwivedi, K. R. Raman // *Intern. J. of Information Management*. — 2019. — Vol. 47. — P. 88—100.
26. Ишханян, М. В. Эконометрика. Ч. 1. Парная регрессия : учеб. пособие / М. В. Ишханян, Н. В. Карпенко. — М. : МГУПС (МИИТ), 2016. — 117 с.

Сведения об авторах

Власов Максим Владиславович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономической теории Института экономики УрО РАН; доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. mvlassov@mail.ru

Светлана Викторовна Паникарова — доктор экономических наук, научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН; профессор кафедры региональной и муниципальной экономики, финансов и безопасности, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. panikarova_s@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 49—59.*

ANALYSIS OF INSTITUTES OF GENERATION OF KNOWLEDGE OF A SMALL CITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

M.V. Vlasov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. mvlassov@mail.ru

S.V. Panikarova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. panikarova_s@mail.ru

The purpose of this study is to build a typology of knowledge generation institutions of a smart city in a digital economy, based on identifying the relationship between the effectiveness of generating new knowledge and digital resources in a smart city in a digital economy. A measure of the quantitative assessment of the effectiveness of the generation of new knowledge in the digital economy - "Digital Speed" is proposed. The proposed indicator is a quantitative indicator characterizing the increase in the effectiveness of knowledge generation with an increase in the use of a digital resource by 1%. Secondly, the author conducted a correlation analysis, which allowed to identify the factors of the digital economy that influence the processes of knowledge generation in a smart city. Digital speeds of increase in the efficiency of generation of various types of new knowledge are calculated depending on the various types of use of digital resources. Based on the correlation dependencies calculated by the author and digital rates of new knowledge generation by industrial enterprises of a smart city in a digital economy, the author has built a typology of knowledge generation institutes of a smart city in a digital economy. Sustained, effective institutions have been identified, the further development of which will increase the effectiveness of the processes of generating new knowledge of a smart city in the digital economy. The author concludes that the application of the principles and ideas of the institutional modeling of the knowledge generation processes of a smart city makes it possible to form full-fledged prognostic models of using socio-technological drivers for the development of smart cities in the digital economy.

Keywords: *smart city, digital economy, knowledge generation institutions, institutional theory, modeling, innovation, typology, efficiency, forecast, economic development.*

References

1. Y-Series Recommendations. *International Telecommunication Union. Telecommunication Standardization Sector*. Supplement 45. Switzerland: Geneva, 2017. 12 p.
2. Herscovici A. New development: Lean Thinking in smart cities. *Public Money and Management*, 2018. vol. 38, iss. 4, pp. 320-324.
3. Dameri R.P., Benevolo C., Veglianti E., Li Y. Understanding smart cities as a glocal strategy: A comparison between Italy and China. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 26-41.

4. Appio F.P., Lima M., Paroutis S. Understanding Smart Cities: Innovation ecosystems, technological advancements, and societal challenges. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 1-14.
5. Baradaran V., Farokhi S., Ahamdi Z. A model for evaluation and development of citizens' electronic readiness for deployment of an E-city using structural equation modeling. *Journal of Global Information Management*, 2018, vol. 26, iss. 4, pp. 135-157.
6. Anttila J., Jussila K. Universities and smart cities: the challenges to high quality. *Total Quality Management and Business Excellence*, 2018, vol. 29, iss. 9-10, 29 July, pp. 1058-1073.
7. Macke J., Casagrande R.M., Sarate J.A.R., Silva K.A. Smart city and quality of life: Citizens' perception in a Brazilian case study. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 182, pp. 717-726.
8. Nilssen M. To the smart city and beyond? Developing a typology of smart urban innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 98-104.
9. Hefnawy A., Bouras A., Cherifi C. Relevance of lifecycle management to smart city development. *International Journal of Product Development*, 2018, vol. 22, iss. 5, pp. 351-376.
10. Novikov D., Belov M. Methodological foundations of the digital economy. *Studies in Systems, Decision and Control*, 2019, vol. 181, pp. 3-14.
11. Watanabe C., Tou Y., Neittaanmäki P. A new paradox of the digital economy — Structural sources of the limitation of GDP statistics. *Technology in Society*, 2018, vol. 55, pp. 9-23.
12. Ansong E., Boateng R. Surviving in the digital era – business models of digital enterprises in a developing economy. *Digital Policy, Regulation and Governance*, 2019, vol. 21, iss. 2, 8 March, pp. 164-178.
13. Negrea A., Ciobanu G., Dobreca C., Burcea S. Priority aspects in the evolution of the digital economy for building new development policies. *Quality — Access to Success*, 2019, vol. 20, iss. S2, pp. 416-421.
14. Todoruț A.V., Tselentis V. Digital technologies and the modernization of public administration. *Quality — Access to Success*, 2018, vol. 19, iss. 165, pp. 73-78.
15. Evtyanova D.V., Tiranova M.V. Cifrovaya ekonomika kak mekhanizm effektivnoj ekologicheskoy i ekonomicheskoy politiki [Digital economy as a mechanism for effective environmental and economic policy]. *Naukovovedenie* [Science of Science], 2017, vol. 9, no. 6. (In Russ.).
16. Sudarushkina I.V., Stefanova H.A. Cifrovaya ekonomika [Digital Economy]. *ANI: ekonomika i upravlenie* [ANI: Economics and Management], 2017, vol. 6, no. 1 (18). (In Russ.).
17. Nepelski D. How to Facilitate Digital Innovation in Europe. *Intereconomics*, 2019, vol. 54, iss. 1, pp. 47-52.
18. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N. Digital platform: A new economic institution. *Quality — Access to Success*, 2018, vol. 19, iss. S2, pp. 20-26.
19. Raven R., Sengers F., Spaeth P., Xie L., Cheshmehzangi A., Jong M. Urban Experimentation and Institutional Arrangements. *European Planning Studies*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 258-281.
20. Dudzeviciute G., Simelyte A., Liucvaitiene A. The Application of Smart Cities Concept for Citizens of Lithuania and Sweden: Comparative Analysis. *Independent Journal of Management & Production*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 1433-1450.
21. Kobayashi A.R., Kniess C.T., Serra F.A., Ferraz R.R., Ruiz M.S. Smart Sustainable Cities: Bibliometric Study and Patent Information. *International Journal of Innovation*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 77-96.
22. Allam Z., Dhunny Z.A. On big data, artificial intelligence and smart cities. *Cities*, 2019, vol. 89, June, pp. 80-91.
23. Sepasgozar S.M.E., Hawken S., Sargolzaei S., Foroozanfa M. Implementing citizen centric technology in developing smart cities: A model for predicting the acceptance of urban technologies. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 105-116.
24. Camboim G.F., Zawislak P.A., Pufal N.A. Driving elements to make cities smarter: Evidences from European projects. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 142, pp. 154-167.
25. Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. Smart cities: Advances in research — An information systems perspective. *International Journal of Information Management*, 2019, vol. 47, pp. 88-100.
26. Ishkhanyan M.V., Karpenko N.V. *Ekonometrika. Chast' 1. Parnaya regressiya* [Econometrics. Pt. 1. Pair regression]. Moscow, MGUPS (MIIT) Publ., 2016. 117 p. (In Russ.).

РЕСУРСНАЯ БАЗА МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. И. Литкевич, И. А. Лиман, Т. И. Лейман

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Анализируются состояние ресурсной базы, инфраструктура молочной отрасли и производственные показатели молочного животноводства юга Тюменской области. Изучены отраслевые данные Федеральной службы государственной статистики, данные отчетов по животноводству Департамента агропромышленного комплекса Тюменской области и нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность отрасли. Проведен анализ производства молочной продукции перерабатывающими предприятиями за 2017 и 2018 гг. Определены основные проблемы, препятствующие активному развитию отрасли молочного животноводства Тюменской области. Выработаны рекомендации и определены перспективные направления развития, способствующие улучшению финансово-экономического состояния сельскохозяйственных предприятий, занимающихся производством молока на территории Тюменской области.

Ключевые слова: *молочная отрасль, переработка молока, рейтинг производителей молока, рынков производства молока, продовольственная безопасность, животноводство Тюменской области.*

Актуальность данного исследования обусловлена постоянно меняющимися условиями экономической ситуации в отрасли молочного сектора сельского хозяйства, сокращением объемов финансирования хозяйствующих субъектов в рамках предоставления государственной поддержки и необходимостью изменения видов и механизма предоставления субсидий.

Целью настоящей статьи является проведение анализа ресурсной базы, инфраструктуры, динамики и особенностей развития отрасли молочного скотоводства в Тюменской области.

Как отмечено в исследованиях Л. В. Бабичевой [1. С. 78—80], важнейшей тенденцией развития мирового молочного производства и потребления молока и молочных продуктов является рост поголовья коров. Мировым лидером по количеству коров в их мировой численности является Индия — более 50 млн голов (с учетом буйволиц), что составляет более трети всего мирового поголовья этих животных, далее следует Евросоюз — 23,5 млн, Бразилия — 20,7 млн, США — 9,3 млн и РФ — 8,1 млн голов коров во всех категориях хозяйств.

В. С. Конкина считает, что молочное скотоводство является одним из главных направлений современного животноводства. В России хорошо развиты традиции производства и потребления молока, в первую очередь коровьего. И хотя в рационе современных россиян доля молочных продуктов значительно сократилась, они по-прежнему очень востребованы, а потому состояние отрасли имеет

большое значение как для экономики, так и для продовольственной безопасности государства [4].

По мнению Л. Б. Медведевой [5], в условиях нестабильной экономической и социальной среды, снижения эффективности функционирования агропромышленного комплекса, наличия проблем продовольственной и экологической безопасности регионов неподдельный исследовательский интерес вызывают продовольственные рынки, в том числе молочный. С одной стороны, они представляют собой сложную систему институтов, организующих и облегчающих обмен, с другой — это системы экономических отношений между хозяйствующими агентами, формирующими спрос и предложение продовольствия и вступающими в многочисленные акты обмена.

Обеспечение населения Российской Федерации качественной и безопасной отечественной продукцией является приоритетным направлением агропромышленного комплекса Российской Федерации, которое предусмотрено проектом «Основы государственной политики в области здорового питания населения РФ на период до 2020 года».

Реализация вышеуказанной программы позволяет обеспечивать продовольственную безопасность населения Российской Федерации и Тюменской области, в частности.

Отрасль сельского хозяйства ориентируется на конечное потребление, а ее функционирование подчиняется одной задаче — удовлетворению потребительского спроса на продукты питания.

Производство молока и молочных продуктов — одна из существенных и значимых составляющих аграрной экономики нашего региона. Сложившаяся на протяжении более чем векового периода специализация отрасли сельского хозяйства территории наглядно подтверждает этот факт. Исторический опыт начала XX столетия демонстрирует возможность решения проблем посредством инновационных изменений и кооперирования составляющих звеньев всей цепи молочного сектора, считает С. А. Пахомчик [11].

Развитие сельского хозяйства юга Тюменской области осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» и в рамках реализации государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 и Государственной программой Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013—2025 годы, утвержденной Постановлением Правительства Тюменской области от 30.12.2014 № 699-п.

В Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» [18] аграрная государственная политика определяется как направление государственной социальной и экономической политики, которая должна обеспечивать устойчивое развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий.

Основными целями федеральной государственной программы являются:

- обеспечение продовольственной независимости России в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности;

- ускорение импортозамещения в отношении мяса, молока, овощей открытого и закрытого грунта, семенного картофеля и плодово-ягодной продукции;

- повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешних рынках [12].

В рамках реализации региональной государственной программы Тюменской области за период 2013—2025 годов планируется достичь следующих результатов:

- увеличение производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) на 12,4%;

- обеспечение средней рентабельности сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий) на уровне 18,5%;

- увеличение заработной платы работников сельскохозяйственных организаций (без субъектов малого предпринимательства) — в 1,85 раза;

- ввод (приобретение) жилья для граждан, проживающих в сельской местности, — 76413,08 кв. м;

- ввод в эксплуатацию 33,37 км автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, ведущих от сети автомобильных дорог общего пользования к ближайшим общественно значимым объектам сельских населенных пунктов, а также к объектам производства и переработки сельскохозяйственной продукции;

- повышение общественной значимости развития сельских территорий в общенациональных интересах и привлекательности сельской местности для комфортного проживания и приложения труда [13].

Для достижения поставленных задач, выполнение которых запланировано региональной Государственной программой Тюменской области (далее — программа) запланирован ряд мероприятий. Всего на реализацию мероприятий в 2013—2025 гг. программой предусматривается 58 602 266,04 тыс. р.

Как видно, из рис. 1, объем финансирования отрасли агропромышленного комплекса из бюджетов всех уровней значительно сократится в 2021 г., что повлияет на сокращение государственной поддержки молочной отрасли.

Достижению поставленных региональной программой задач могут препятствовать различные риски, в том числе финансово-экономического, правового и организационного характера.

К финансово-экономическим рискам можно отнести следующие: снижение темпов роста экономики, объемов производства, уровня инвестиционной активности, возникновения бюджетного дефицита, рост инфляции, снижение деловой и социальной активности населения и, как следствие, отсутствие высококвалифицированных кадров, рост себестоимости на энергоносители и горюче-смазочные материалы, снижение покупательского спроса на продукты питания, сырье для которых производится в отрасли сельского хозяйства.

Финансово-экономические риски связаны также с сокращением предусмотренных объемов бюджетных средств в ходе реализации подпрограммы. Это потребует внесения изменений в подпрограмму, пересмотра целевых значений показателей, и, возможно, отказа от реализации отдельных мероприятий. К финансово-экономическим рискам также относится неэффективное использование ресурсов подпрограммы.

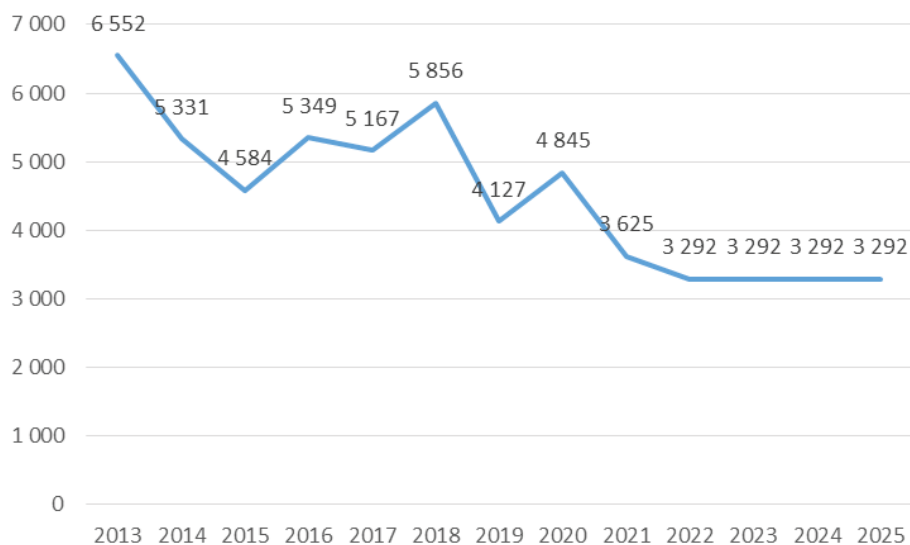

Рис. 1. Объем финансирования отрасли агропромышленного комплекса Тюменской области из федерального и областного бюджета по годам, млрд р.

Организационные риски могут быть связаны с недостатками в процедурах управления и контроля, недостаточным взаимодействием исполнительных органов власти области, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, ведомств и организаций, в том числе в части информационного обмена данными.

Риски правового характера связаны прежде всего с изменениями федерального и регионального законодательства, оказывающими влияние на состояние отрасли сельского хозяйства, объемы финансирования мероприятий, а также ограничивающими возможность реализации предусмотренных подпрограммой мероприятий.

Указанные риски могут привести к ухудшению ситуации в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, повлечет отрицательную динамику основных показателей в сфере агропромышленного комплекса.

Кроме того, сельское хозяйство, как никакой другой сектор экономики, подвержено постоянным отраслевым рискам в силу специфики его ведения. Это связано с высокой степенью зависимости результатов производства:

- от природно-климатических условий;
- биологического характера производства (работа с живыми организмами — животными, растениями).

В целях минимизации вышеуказанных рисков в процессе реализации региональной программы предусматриваются:

- анализ и прогнозирование развития агропромышленного производства;
- проведение мониторинга выполнения предусмотренных программой мероприятий и при необ-

ходимости корректировка мероприятий и плановых значений показателей программы в зависимости от объемов финансирования;

- перераспределение финансовых ресурсов в соответствии с возникающими приоритетами в сфере агропромышленного комплекса;
- доступность государственных услуг, оказываемых Департаментом агропромышленного комплекса Тюменской области;
- оперативное реагирование на выявленные недостатки в процедурах управления и контроля;
- своевременная подготовка и тщательная проработка проектов нормативных правовых актов и внесение изменений в принятые нормативные правовые акты на областном уровне и подготовка предложений на федеральный уровень по совершенствованию нормативной правовой базы [13].

Для оценки уровня развития молочной отрасли, традиционно являющейся одним из основных направлений сельского хозяйства Тюменской области, проанализируем ряд основных критериев.

Индекс производства продукции сельского хозяйства юга Тюменской области в сопоставимых ценах в 2018 г. по отношению к 2017 г. составил 100,2 % в хозяйствах всех категорий, в сельхозпредприятиях — 100,6 % [9].

Индекс производства продукции сельского хозяйства — относительный показатель, характеризующий изменение массы произведенных продуктов растениеводства и животноводства в сравниваемых периодах.

Молочная отрасль является одной из ведущих отраслей сельского хозяйства Тюменской области.

На ее долю приходится около 30% стоимости валовой продукции сельского хозяйства.

Согласно данным статистики, по состоянию на 01.01.2019 поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств юга Тюменской области составляет 249,2 тыс. голов, что на 1,8% больше показателя 2017 г. Поголовье коров за аналогичный период выросло на 1,4% и составило 103,2 тыс. голов. Динамика движения поголовья коров в муниципальных образованиях представлена на рис. 2.

Наибольший прирост поголовья коров в 2018 г. произошел в Голышмановском районе — благодаря реализации инвестиционного проекта ООО «Тюменские молочные фермы». В настоящее время на ООО «Тюменские молочные фермы» содержится 7,6 тыс. голов крупного рогатого скота, из которых 4 тыс. — дойное стадо.

Среднесуточный надой на корову превышает 31 кг. В январе 2019 г. предприятие вышло на проектную мощность по производству молока 120 т в сутки. На 2-м и 3-м местах по приросту поголовья коров находятся Ярковский и Сладковский муниципальные районы. Наибольшее снижение поголовья коров произошло в Тюменском районе по причине неудовлетворительной финансово-экономической ситуации в ФГУП «Тополя» и ОАО «Совхоз «Червишевский»».

Производство молока во всех категориях хозяйств выросло на 3,9% и составило 539,5 тыс. т. В сельхозпредприятиях производство молока выросло на 10,1% и составило 322,7 тыс. т.

Наибольшая доля молока в 2018 г. произведена в Тюменском, Заводоуковском и Голышмановском муниципальных образованиях юга Тюменской области — 46 004, 44 023 и 43 823 т соответственно.

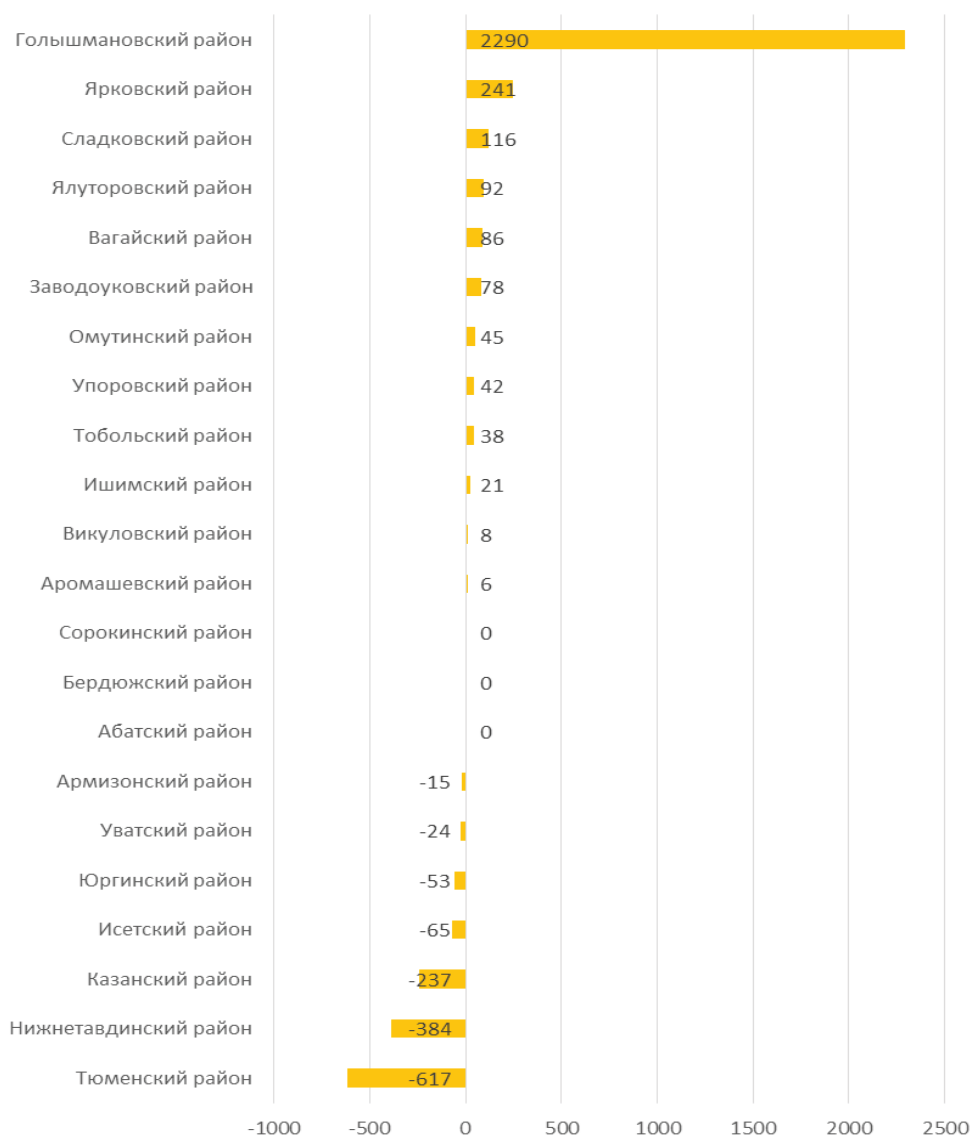

Рис. 2. Динамика движения поголовья коров юга Тюменской области в 2018 г. по отношению к 2017 г.

Динамика производства молока по муниципальным образованиям в 2018 г. по отношению к 2017 г. представлена на рис. 3. Из графика видно, что наибольший прирост производства молока в 2018 г. произошел в Голышмановском районе, отрицательная динамика производства молока — в Юргинском, Нижнетавдинском, Исетском, Аромашевском, Абатском и Тюменском районах.

В настоящее время на территории юга Тюменской области осуществляют свою деятельность 165 сельскохозяйственных предприятия, производящих и реализующих молоко-сырье.

График на рис. 4 показывает десять крупнейших производителей молока юга Тюменской области.

Лидерами по производству молока на юге Тюменской области в 2018 г. стали ООО «Тюменские молочные фермы», ООО «АФ «Междуречье» и ООО «Эвика-Агро», которые произвели 32,2 тыс., 17 тыс. и 15,9 тыс. т соответственно, а также продемонстрировали положительную динамику по отношению к 2017 г. Единственным входящим в топ-10 рейтинга предприятием, показавшим отрицательную динамику по объемам производства молока, является ООО «ПК «Молоко»» Нижнетавдинского района.

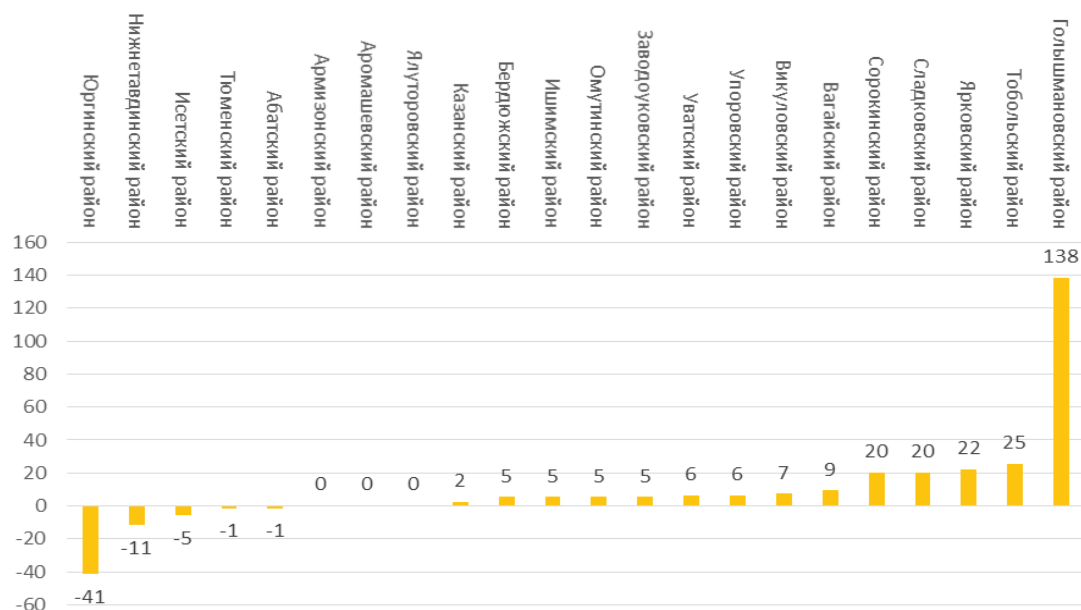

Рис. 3. Динамика производства молока в районах юга Тюменской области в 2018 г. по отношению к 2017 г.

Рис. 4. Рейтинг молочных хозяйств юга Тюменской области по производству молока в 2018 г. в сравнении с 2017 г.

Ключевым фактором эффективности развития производства молока является развитие отрасли переработки молока.

По состоянию на 01.01.2019 на территории Тюменской области осуществляют свою деятельность 22 молокоперерабатывающих предприятия. Молокоперерабатывающие предприятия Тюменской области производят широкий спектр молочных продуктов: молоко жидкое обезжиренное, сыры, творог, сливки, масло, мороженое, молоко сухое, кисломолочные продукты, консервы молочные.

Анализ производства молока жидкого обработанного молокоперерабатывающими предприятиями юга Тюменской области представлен в таблице ниже, из которой видно, что в 2018 г. четыре лидирующих предприятия увеличили объемы производства по отношению к 2017 г. и уровень загрузки производственных мощностей. Вместе с тем у большинства предприятий присутствуют значительные резервы производственных мощностей.

На долю трех предприятий приходится 75 % закупа всего молочного сырья: группа компаний «Danone в России», филиал «Молочный комбинат «Ялуторовский» (42,3 %); АО «Золотые луга» (19,6); ООО «Тюменьмолоко» (13,4). Доля остальных участников молочного рынка колеблется от 0,007 до 14 %. По качественным показателям основная масса производимого сельскохозяйственными предприятиями молока соответствует требованиям высшего и 1-го сорта или 98 % общего объема.

За последние годы в области реализованы крупные инвестиционные проекты по переработке молока.

В 2018 г. открыто новое производство мороженого ООО «Ландис» мощностью 2,4 тыс. т в год. Предприятие выпускает пять видов продукции торговой марки «Тюменское».

Компанией АО «Золотые луга» реализован инвестиционный проект «Модернизация производства творога на площадке Ситниковского молочного завода. Общий объем инвестиций составил 80,0 млн р.

В 2017 г. на ЗАО «Ясень» завершена реконструкция молочного завода в селе Покровском. Общий объем инвестиций составил 239,776 млн р.

В настоящее время ООО «Тюменьмолоко» реализует инвестиционный проект по модернизации и техническому перевооружению, направленный на увеличение объемов производства молочной продукции и улучшение ее качества. В 2018 г. освоено 51,213 млн р. За период с 2018 по 2021 г. предприятие вложит в новое современное оборудование 305 млн р.

Изучение факторов, определяющих состояние молочной отрасли Тюменской области, позволяет выделить ряд проблем, сдерживающих развитие данной отрасли:

- регулярное повышение себестоимости производства молока в связи с ростом цен на энергоносители и горюче-смазочные материалы;
- высокая зависимость производственной отрасли от государственной поддержки;

Сведения об объемах производства молока жидкого обработанного в 2017 и 2018 гг.

Наименование предприятия	Проектная мощность тонн в год	Производство		% изменения производства	% использования мощностей
		за 2017 г.	за 2018 г.		
АО «Данон-Россия»	88 039	32 550	45 800	41	52
АО «Золотые луга»	90 000	27 874	30 874	11	34,3
ООО «Тюменьмолоко»	31 600	13 380	14 558	9	46,1
ООО ПК «Молоко»	18 780	15 577	16 134	4	85,9
ООО «Молоко»	8400	6043,7	5079,3	-16	60,5
ЗАО «Ясень»	7300	6890	6706,1	-3	91,9
ООО «МЗ «Абсолют»	14 016	6449,6	5473,6	-15	39,1
АО «Тобольский ГМЗ»	14 850	4074,1	4222,7	4	28,4
ООО «ММК «Исеть-Молоко»	12 510	2919,2	5652,7	94	45,2
ООО «Новодеревенское»	1825	636,5	544,2	-15	29,8
ИП Швейн Т. И.	720	411,6	360,3	-12	50
ООО «Киевский МЗ»	1556	368,6	244,5	-34	15,7
СПК «Аметист»	332	56	0	-100	0
ИП Гончаров»	720	4,5	9,5	111	1,3

— волатильность закупочных цен на молоко-сырье и зависимость производителей от федеральных сетей и крупных переработчиков;

— ухудшение финансово-экономического состояния ряда предприятий, высокая степень за-кредитованности.

Так, вышеуказанные факторы в совокупности с низкой управленческой культурой, управленческими ошибками и длительной реакцией на изменяющиеся экономические условия привели к затруднительной финансово-экономической ситуации ряда предприятий юга Тюменской области и даже предбанкротному состоянию.

Для увеличения производства молока и обеспечения населения молочной продукцией по рекомендуемым нормативам необходимо прежде всего создать инфраструктуру и обеспечить факторы, которые смогут позволить производителям молока удерживать достаточный уровень рентабельности и автономности от уровня государственной поддержки. Хозяйства населения и фермерские хозяйства могут играть вспомогательную роль и не должны иметь масштабный характер. Необходимо продолжать работу по улучшению инвестиционного климата Тюменской области, привлекать частный капитал; разработать программу по финансовому оздоровлению предприятий молочной отрасли, находящихся в негативном финансово-экономическом состоянии в связи с устаревшими основными производственными фондами и постоянным ростом себестоимости.

В качестве перспективного направления развития молочной отрасли возможно внедрение государственной поддержки на содержание племенного маточного поголовья крупного рогатого скота организациям.

Получателями субсидии будут являться сельскохозяйственные товаропроизводители Тюменской области, имеющие действующее свидетельство о регистрации в государственном племенном регистре в качестве организации по племенному животноводству.

Выплату государственной поддержки предлагается осуществлять один раз в год по результатам работы в предыдущем году на основании представленных документов.

Внедрение данного вида поддержки соответствует выбору лучших практик государственной поддержки, оказываемых субъектами-лидерами Российской Федерации по продуктивности коров молочного направления и позволит Тюменской области улучшить показатели развития молочной отрасли региона, повысить экономическую эффективность отрасли.

Кроме того, дифференцированная система выплат, регулируемая различными коэффициентами в зависимости от ключевых достигнутых показателей, позволит мотивировать руководителей племенных молочных хозяйств к совершенствованию технологических и управленческих процессов, повышению производительности трудовых ресурсов и профессиональному развитию специалистов, что в целом положительно скажется на развитии молочной отрасли Тюменской области.

Список литературы

1. Бабичева, Л. В. Современные тенденции развития производства молока и молокопродуктов в условиях рыночной экономики / Л. В. Бабичева // Вестн. Курс. гос. с.-х. акад. — 2017. — № 7. — С. 78—80.
2. Елфимов, А. Эффективность государственного регулирования процесса воспроизводства в сельском хозяйстве / А. Елфимов // Междунар. с.-х. журн. — 2016. — № 2. — С. 10—13.
3. Капканщиков, С. Г. Государственное регулирование экономики / С. Г. Капканщиков. — М. : КНО-РУС, 2015. — 518 с.
4. Конкина, В. С. Сравнительный анализ основных подходов к управлению затратами в отрасли молочного скотоводства / В. С. Конкина // Вестн. Орлов. гос. аграр. ун-та. — 2013. — № 1 (40). — С. 136—141.
5. Медведева, Л. Б. Этапы формирования молочной промышленности / Л. Б. Медведева // Вестн. Гос. аграр. ун-та Сев. Зауралья. — 2014. — № 3 (26). — С. 67—69.
6. Минаков, И. А. Формирование и тенденции развития рынка молока и молокопродуктов / И. А. Минаков // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. — 2013. — № 11. — С. 40—43.
7. Михайлушкин, П. В. Формирование концепции системы государственного регулирования АПК / П. В. Михайлушкин, А. Б. Мельников // Междунар. с.-х. журн. — 2017. — № 4. — С. 37—40.
8. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mcsx.ru>.
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru>.

10. Папахчян, И. А. Сущность и этапы государственного регулирования аграрной экономики / И. А. Папахчян, А. В. Толмачев // Политематич. сетевой электрон. журн. КубГАУ. — 2016. — № 122 (08). — С. 448—460.
11. Пахомчик, С. А. Молочная кооперация Сибири: вчера, сегодня, завтра / С. А. Пахомчик. — Тюмень : ТГСХА, 2011. — 224 с.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717.
13. Постановление Правительства Тюменской области от 30.12.2014 № 699-п.
14. Санду, И. С. Приоритетные направления инновационного развития АПК современной России. Методологические подходы / И. С. Санду, И. Г. Ушачев. — М. : Науч. консультант. — 2017. — 140 с.
15. Серков, А. Ф. Современные тенденции и взгляд в будущее развития АПК России / А. Ф. Серков, И. Г. Ушачев // АПК: Экономика, упр. — 2017. — № 3. — С. 4—14.
16. Сидоренко, В. В. Государственное регулирование аграрного сектора экономики / В. Сидоренко, А. Инюкин, Б. Гаспарян // Междунар. с.-х. журн. — 2016. — № 1. — С. 16—18.
17. Ткач А. В. Молочно-продуктовый подкомплекс России: состояние и перспективы развития / А. В. Ткач, А. С. Нечитайлов // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. — 2014. — № 10. — С. 7—14.
18. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства».

Сведения об авторах

Лиман Ирина Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и прикладной экономики Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия. irina_liman@mail.ru

Лейман Татьяна Ивановна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия. tany-s@list.ru

Литкевич Антон Иванович — магистрант Тюменского государственного университета по направлению подготовки «Экономика и правовое регулирование бизнеса», Тюмень, Россия. litkevichai@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 60—68.*

RESOURCE BASE OF DAIRY ANIMAL BREEDING IN TYUMEN REGION

I.A. Liman

Tyumen State University, Tyumen, Russia. irina_liman@mail.ru

T.I. Leyman

Tyumen State University, Tyumen, Russia. tany-s@list.ru

A.I. Litkevich

Tyumen State University, Tyumen, Russia. litkevichai@gmail.com

The article analyzes the state of the resource base, the infrastructure of the dairy industry and the production indicators of dairy farming in the south of the Tyumen region. The sectoral data of the Federal State Statistics Service, livestock breeding reports of the Department of the agro-industrial complex of the Tyumen region and regulatory acts regulating the activities of the industry were studied. The analysis of the production of dairy products by processing enterprises for 2017 and 2018 has been carried out. The main problems hindering the active development of the dairy farming industry of the Tyumen region are identified. Developed recommendations and identified promising areas of development that contribute to improving the financial and economic condition of agricultural enterprises engaged in the production of milk in the Tyumen region.

Keywords: *dairy industry, milk processing, rating of milk producers, milk production market, food security, livestock breeding of the Tyumen region.*

References

1. Babicheva L.V. Sovremennye tendencii razvitiya proizvodstva moloka i molokoproductov v usloviyah rynochnoj ekonomiki [Current trends in the development of the production of milk and dairy products in a market economy]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy], 2017, no. 7, pp. 78-80. (In Russ.).
2. Elfimov A. Effektivnost' gosudarstvennogo regulirovaniya processa vosproizvodstva v sel'skom hozyajstve [Efficiency of state regulation of the process of reproduction in agriculture]. *Mezhdun. s.-h. zhurnal* [International agricultural magazine], 2016, no. 2, pp. 10-13. (In Russ.).
3. Kapkanschikov S.G. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki* [State regulation of the economy]. Moscow, KNORUS Publ., 2015. 518 p. (In Russ.).
4. Konkina V.S. Sravnitel'nyj analiz osnovnyh podhodov k upravleniyu zatratami v otrasli molochnogo skotovodstva [Comparative Analysis of the Main Approaches to Cost Management in the Dairy Cattle Breeding Industry]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Orel State Agrarian University Bulletin], 2013, no. 1 (40), pp. 136-141. (In Russ.).
5. Medvedeva L.B. Etapy formirovaniya molochnoj promyshlennost' [Stages of the dairy industry formation]. *Vestnik Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya* [Bulletin of the State Agrarian University of Northern Trans-Urals], 2014, no. 3 (26), pp. 67-69. (In Russ.).
6. Minakov I.A. Formirovanie i tendencii razvitiya rynka moloka i molokoproductov [Formation and development trends of the market for milk and dairy products]. *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij* [Economics of agricultural and processing enterprises], 2013, no. 11, pp. 40-43. (In Russ.).
7. Mikhayushkin P.V., Mel'nikov A.B. Formirovanie koncepcii sistemy gosudarstvennogo regulirovaniya APK [Formation of the concept of the system of state regulation of the agro-industrial complex]. *Mezhdunar. s.-h. zhurnal* [International agricultural magazine], 2017, no. 4, pp. 37-40. (In Russ.).
8. Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Available at: <http://www.mcx.ru>, accessed 03.05.2019. (In Russ.).
9. Official site of the Federal State Statistics Service. Available at: <http://www.gks.ru>, accessed 03.05.2019. (In Russ.).
10. Papakhchyan I.A., Tolmachev A.V. Sushchnost' i etapy gosudarstvennogo regulirovaniya agrarnoj ekonomiki [The essence and stages of state regulation of the agrarian economy]. *Politematicheskij setevoy elektronnyj zhurnal KubGAU* [Polytemic network electronic journal KubGAU], 2016, no. 122 (08), pp. 448-460. (In Russ.).
11. Pakhomchik S.A. *Molochnaya kooperaciya Sibiri: vchera, segodnya, zavtra* [Dairy cooperation of Siberia: yesterday, today, tomorrow]. Tyumen, State Agricultural Academy Publ., 2011. 224 p. (In Russ.).
12. *Resolution of the Government of the Russian Federation* dated 14.07.2012 № 717.
13. *Resolution of the Government of the Tyumen region* dated 12.30.2014 No. 699-p.
14. Sandu I.S., Ushachev I.G. *Prioritetnye napravleniya innovacionnogo razvitiya APK sovremennoj Rossii. Metodologicheskie podhody* [Priority directions of innovative development of the agro-industrial complex of modern Russia. Methodological approaches]. Moscow, Scientific consultant Publ., 2017. 140 p. (In Russ.).
15. Serkov A.F., Ushachev I.G. Sovremennye tendencii i vzglyad v budushchee razvitiya APK Rossii [Current trends and a look into the future development of the agro-industrial complex of Russia]. *APK: Ekonomika, upravlenie* [Agrarian and Industrial Complex: Economics, Management], 2017, no. 3, pp. 4-14. (In Russ.).
16. Sidorenko V., Iniukin A., Gasparian B. Gosudarstvennoe regulirovanie agrarnogo sektora ekonomiki [State regulation of the agrarian sector of the economy]. *Mezhdunar. s.-h. zhurnal* [International agricultural magazine], 2016, no. 1, pp. 16-18. (In Russ.).
17. Tkach A.V., Nechitailov A.S. Molochno-produktovyj podkompleks Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Milk-grocery subcomplex of Russia: state and development prospects]. *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij* [Economy of agricultural and processing enterprises], 2014, no. 10, pp. 7-14. (In Russ.).
18. *Federal Law of 29.12.2006 № 264-ФЗ "On the Development of Agriculture"*.

ОЦЕНКА ВНЕШНЕТОРГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Е. А. Степанов, И. П. Килина, К. Ю. Постаушкина

Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), Челябинск, Россия

Внешняя торговля оказывает значительное влияние на развитие территорий. Рассмотрены теории внешней торговли и современные методики оценки влияния внешней торговли на развитие региона. Разработана авторская методика оценки внешнеторгового потенциала регионов, которая включает пять этапов: оценку значимости внешней торговли для региона, анализ показателей внешней торговли региона, выявление и оценку сравнительных преимуществ региона, выявление и оценку торговых партнеров и оценку внешнеэкономического потенциала региона. Проведен ретроспективный анализ влияния внешней торговли на развитие Дальневосточного федерального округа. Авторская методика оценки внешнеторгового потенциала апробирована на примере двух субъектов Дальневосточного федерального округа, вносящих наибольший вклад в ВРП округа.

Ключевые слова: *внешняя торговля, внешняя торговля регионов, внешнеторговый потенциал, оценка внешнеторгового потенциала, товарный поток, Дальневосточный федеральный округ, Республика Саха, Приморский край.*

Для Российской Федерации важным является вопрос выявления драйверов развития экономики, которые в условиях серьезных внешних угроз, вызванных санкционным давлением, и внутренних проблем способны привести к улучшению социально-экономической ситуации в стране. В РФ внешнеторговый сектор играет особую роль в становлении и развитии экономики: около половины государственного бюджета формируется за счет внешнеторговой деятельности экономических субъектов; кроме того, являясь серьезным игроком на мировом рынке, несмотря на санкции и контрсанкции, введенные в 2014 г., РФ сохранила свои позиции на традиционных сырьевых рынках, а по ряду позиций, например, став в 2017 г. лидером по экспорту зерна и пшеницы, нарастила свои преимущества. Таким образом, внешняя торговля является важным фактором развития как территорий России, так и ее субъектов.

Влиянию внешней торговли на экономику страны посвящен целый ряд исследований, каждое из которых было направлено на определение сущности внешней торговли. На протяжении нескольких веков экономическая мысль пыталась определить причины возникновения, факторы развития и роль внешней торговли в экономическом развитии государств. В экономической теории выделяют учения меркантилистов, физиократов, классической школой, неоклассическое направление, неотехнологическую концепцию [5].

Так, сторонники меркантилизма считали, что внешняя торговля является источником накопления национального богатства за счет экспорта готовых изделий

и импорта сырья [18]. Физиократы утверждали, что внешняя торговля не приводит к выгодному обмену, так как одна страна выигрывает за счет другой. Классическая английская школа выявила целый ряд получаемых государством от внешней торговли положительных эффектов, которые можно получить только в условиях политики свободной торговли [19]. Неоклассическая школа видела причины возникновения внешней торговли в различии обеспеченности стран факторами производства [5]. Сторонники неотехнологической концепции отмечали, что причины возникновения торговли заключаются в различиях и сходствах в обеспеченности факторами производства [20].

Среди трудов отечественных экономистов, занимавшихся факторами внешней торговли России в условиях глобальной экономики, можно выделить работы В. Бархатова [2—4], Д. Плетнева [11] и Е. Степанова [14—16], Л. Силаевой [13], В. Сельцовского [12], Т. Ахмадулиной [1].

Существующие теории внешней торговли подчеркивают особую значимость данного фактора развития экономики. Кроме того, помимо положительных эффектов, возникающих вследствие включения государства в международную торговлю, возникают и угрозы, связанные с высоким влиянием внешней макросреды на экономическое развитие страны, которые необходимо учитывать в стратегическом государственном управлении.

Говоря о важности фактора внешней торговли в экономике государства, необходимо обратить внимание на значимую роль данного фактора в развитии

регионов. Вопросы вовлечения регионов в международную торговлю и влияния внешней торговли на региональную экономику раскрываются в трудах российских авторов.

Так, первые исследования взаимосвязи внешней торговли с процессами развития регионов России появились в 2000-х гг. Н. В. Зубаревич, Е. А. Стукаленко, В. Ю. Щеколдин, Е. В. Каширская анализирует влияние развития внешней торговли на социальный аспект регионального неравенства, уровень доходов населения в различных регионах России [9; 17]. В основе исследования Е. Б. Яковлевой, И. А. Мавриной лежит мысль об асимметричности пространства, то есть разнородность в сфере производства и, как следствие, разный уровень развития внешней торговли регионов России [10].

Е. А. Грицаенко считает, что пространственные проблемы России на данный момент выражаются в громадных внутренних контрастах, которые способствуют росту межрегиональной дифференциации. В связи со спецификой размещения страны и ее протяженностью в России преобладают приграничные регионы. Зачастую они напрямую зависят от развития внешней торговли. Большинство из них обладают относительно низким уровнем социально-экономического развития по сравнению с другими регионами Российской Федерации [6].

Действительно, для РФ актуален вопрос поиска источников экономического роста, способных привести к выравниванию уровней развития территорий. С 2010 по 2017 г. разница между самым богатым регионом и самым бедным по показателю ВРП на душу населения увеличилась с 18 до 54 раз, что подтверждает особую значимость вопросов регионального развития в РФ. Проблематика развития территорий поднимается и в Стратегии пространственного развития РФ от 14 февраля 2019 г., где среди приоритетов четко обозначены направления снижения межрегиональных различий, а также опережающие темпы развития геостратегических территорий, включая регионы Дальнего Востока. На наш взгляд, динамическое развитие внешнетор-

говых отношений на региональном уровне может выступать катализатором внутреннего экономического роста, направленного на нивелирование существующих различий между регионами.

Для определения возможности применения фактора внешней торговли регионами как драйвера развития экономики авторы разработали методику оценки внешнеторгового потенциала регионов (табл. 1).

Как отмечалось отечественными исследователями [6], велика значимость внешней торговли для приграничных территорий. В связи с этим разработанная авторами методика для оценки внешнеторгового потенциала применена для регионов Дальнего Востока как геостратегически значимого федерального округа РФ. Отбор субъектов ДФО для оценки осуществлялся на основе выделения регионов — лидеров по вкладу в ВРП округа. Так, наибольший вклад в совокупный ВРП ДФО по состоянию на 2017 г. вносят: Республика Саха (Якутия) (23,63%), Приморский край (20,1), Сахалинская область (19,9) и Хабаровский край (17,2). Поэтому разработанная методика оценки внешнеторгового потенциала апробирована на примере Республики Саха (Якутия) и Приморского края.

Ретроспективный анализ роли внешней торговли для Дальнего Востока подтверждает, что ее развитие на всех исторических этапах являлось фактором развития региона. Так, в конце XIX в. Дальний Восток смог заключить ряд торговых договоров с США (1832), Японией (1855), Китаем (1858), Кореей (1884), которые позволили занять устойчивое положение на мировой арене. Основными товарами, подлежащими экспорту, в тот период были: рыба и морепродукты, пушнина и золото, чуть позже, в 1907 г., в структуру экспорта добавилась древесина.

В послевоенный период экспорт товаров Дальнего Востока имел сырьевой характер, что позволило региону опередить другие экономические районы России по объемам экспорта. К середине 1990-х гг. в условиях кризиса внешняя торговля являлась одним из стабилизирующих факторов развития региона. В этот период объем экспорта промышленного производства Дальнего Востока возрос.

Методика оценки внешнеторгового потенциала регионов

Таблица 1

Этап	Содержание
1. Оценка значимости внешней торговли для региона	Анализ импортной и экспортной квоты региона. Анализ абсолютных показателей внешней торговли в динамике
2. Анализ показателей внешней торговли региона	Расчет показателей динамики, энтропии, концентрации и структурных сдвигов товарной структуры региона
3. Выявление и оценка сравнительных преимуществ региона	Анализ товарной структуры региона в разрезе товарных групп
4. Выявление и оценка торговых партнеров	Анализ географической структуры региона, оценка, выявление значимых рынков региона с точки зрения количества торгуемых товаров
5. Оценка внешнеэкономического потенциала	Выявление направлений развития внешнеторгового сектора региона

К концу 1990-х гг. доля экспорта по трем отраслям (топливно-энергетической, лесной и рыбной) выросла до 40%. Таким образом, развитие внешней торговли Дальнего Востока позволило снизить воздействие кризисных явлений на экономику региона. Устойчивые торговые связи способствовали сохранению работы экспортоориентированных отраслей промышленности, что являлось особенно важным в период экономического спада в стране.

Несмотря на то что исторически сложилась ориентация на экспорт, доля импорта в экономике Дальнего Востока была также значительна. Так, например, к середине 1990-х гг. на внутреннем рынке региона стали преобладать импортные товары, их доля составила около 40%, а по отдельным товарным позициям 60%. В условиях ужесточения таможенно-тарифной политики появилась возможность контролировать объемы импортных товаров на внутреннем рынке не только региона, но и страны в целом. Следует обратить внимание на то, что в отличие от импорта роль экспорта в экономике региона с каждым годом оставалась стабильно высокой [7; 8]. Таким образом, для регионов Дальнего Востока внешняя торговля имеет высокую значимость, что обусловлено выгодным географическим

положением, богатством природных ресурсов и традиционной экспортной направленностью региона.

Обратимся к результатам оценки внешнеторгового потенциала отдельных субъектов ДФО.

Оценка внешнеторгового потенциала Республики Саха (Якутия)

В рамках *первого этапа* оценки внешнеторгового потенциала выявлена высокая значимость внешней торговли для экономики региона: существенное влияние на формирование ВРП: в 2017 г. (рис. 1) внешнеторговая квота составила 31,5%, но сокращение квоты с 42,1% в 2016 г. (при росте внешнеторгового оборота с 4562 млрд до 4948 млрд долл.) говорит об ослаблении влияния внешней торговли на ВРП региона. Тем не менее оно остается достаточно высоким. Анализ показателя в динамике с 2006 г. выявил сокращение роли внешней торговли в кризисные периоды (2009, 2015 гг.); наибольший вклад в ВРП традиционно вносит экспорт: в 2017 г. экспортная квота составила 30,5% при импортной 1%.

Так, за рассматриваемый период 2006—2017 гг. внешнеторговый оборот Республики Саха (Якутия) увеличился более чем в 4 раза и в 2017 г. составил 4948 млн долл. (рис. 2). Из диаграмм видно, что на внешнюю торговлю региона существенное

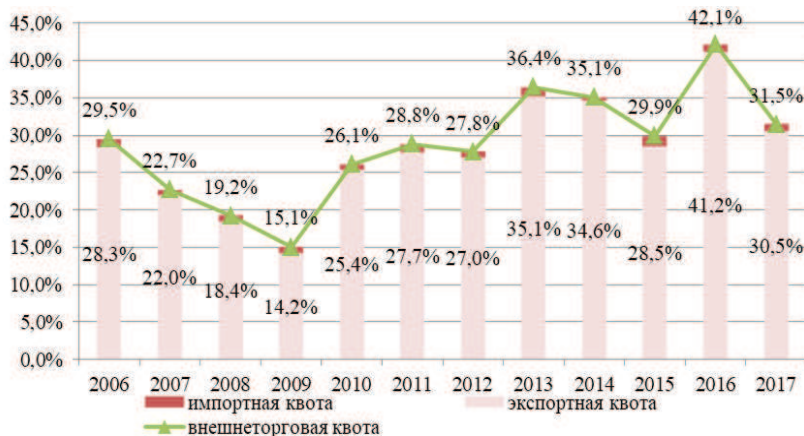

Рис. 1. Внешнеторговая квота Республики Саха (Якутия), 2006—2017 гг., %
Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21]

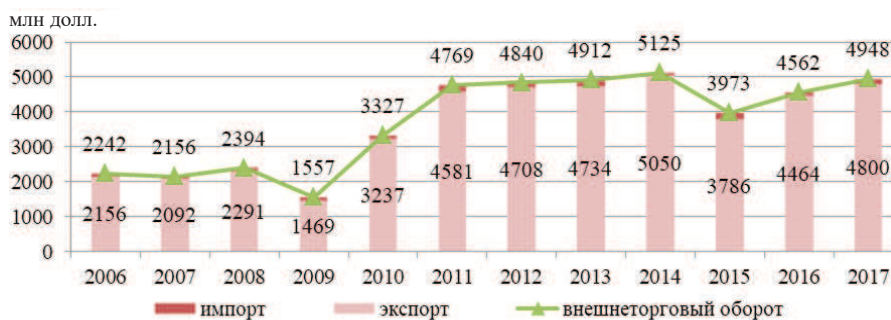

Рис. 2. Показатели внешней торговли Республики Саха (Якутия), 2006—2017 гг., млн долл.
Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21]

влияние оказывает экономическая конъюнктура, в частности экономические кризисы 2008 и 2014 гг. Также обращает на себя внимание значительное превалирование экспорта над импортом (в 32 раза), что обусловлено отраслевой спецификой региона и проявляется в высокой ресурсной направленности экспорта.

В рамках *второго этапа* оценки внешнеторгового потенциала проведен динамический анализ в разрезе товарной структуры. Товарные структуры экспорта и импорта по укрепленным группам Республики Саха (Якутия) представлены в табл. 2. Анализ товарной структуры экспорта выявил высокую долю в структуре экспорта прочих товаров: в 2017 г. — 81,06 % общего экспорта (далее проведен более глубокий анализ в разрезе товарных групп); доля продукции топливно-энергетического комплекса в 2017 г. составила 18,54 %.

В товарной структуре импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства (2017 г. — 74,02 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (12,28 %) и продукция химической промышленности, каучук (3,58 %).

Для оценки динамики и устойчивости структуры экспорта и импорта внешней торговли в разрезе товарных групп рассчитаны показатели структурных сдвигов, энтропии и концентрации.

Структурные сдвиги по товарным группам в экспорте свидетельствуют о снижении доли продукции топливно-энергетического комплекса и росте доли прочих товаров.

Структурные сдвиги в импорте демонстрируют резкие колебания доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, продукции химической промышленности и каучука.

Энтропия экспорта и импорта остаются на низком уровне, что говорит о существенном дисбалансе в структуре внешней торговли.

Коэффициенты концентрации экспорта и импорта показывают, что экспортный и импортный сектора Республики Саха (Якутия) являются высококонцентрированными (табл. 3).

Для выявления сравнительных преимуществ на *третьем этапе* проведен анализ товарной структуры экспорта Республики Саха (Якутия) в разрезе товарных позиции за 2017 г., который выявил, что наибольшую долю в экспорте составляют алмазы (80,31 %), уголь каменный (18,54), а в структуре импорта — оборудование для сортировки, грохочения, сепарации, грунта, камня, руд или других минеральных ископаемых в твердом топливе (16,79%), машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки (16,23) и секретный импорт (14,38) (табл. 4).

На *четвертом этапе* оценки внешнеторгового потенциала выявлены основные торговые партнеры республики. Наибольший объем товаров Республика Саха (Якутия) в 2017 г. экспортирует в Бельгию (47,15 %), Индию (14,43), Китай (12,16), а импортирует из Китая (37,2 %), США (35,64), Бразилии (7,96).

Анализ диверсификации экспортных потоков выявил сокращение ассортимента товарных позиций экспортируемых товаров: так, наибольшее количество экспортеров покупают традиционно одну или две товарные позиции. Наибольшее число товарных позиций (9) экспортирует Узбекистан и Китай (табл. 5).

Импортеры поставляют на рынок Республики Саха (Якутия) достаточно разнообразный товарный ряд. Свыше 101 товарной позиции импортирует Китай (табл. 6).

В рамках *пятого этапа* можно сделать вывод, что внешнеэкономическая деятельность оказывает существенное влияние на экономику Республики Саха, доля доходов от нее в исследуемом периоде стабильна и имеет положительную динамику.

Таблица 2

Товарная структура экспорта и импорта Республики Саха (Якутия) за 2006—2016 гг., %

Товарная группа	Экспорт		Импорт	
	2006	2017	2006	2017
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы 1—24)	0,01	0,00	1,27	12,28
Продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27)	18,29	18,54	1,73	0,00
Продукция химической промышленности, каучук (группы 28—40)	0,00	0,00	12,95	3,58
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (группы 44—49)	0,21	0,05	0,12	0,13
Металлы и изделия из них (группы 72—83)	0,00	0,00	2,43	6,21
Машины, оборудование и транспортные средства (группы 84—90)	0,00	0,35	77,46	74,02
Прочие товары	81,48	81,06	4,05	3,78
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21].

Республика Саха (Якутия) обладает высоким ресурсным потенциалом, что подтверждается преобладанием экспорта сырья и импорта оборудования для добычи, сортировки и погрузки минеральных и топливно-энергетических ресурсов. Зависимость

региона от экспорта товаров, выражающаяся в преобладании экспортных потоков с низким количеством товарных позиций, формирует высокую чувствительность к внешним изменениям на мировом рынке, кризисным явлениям и внешней политике

Таблица 3

Показатели энтропии, концентрации экспорта и импорта Республики Саха (Якутия) за 2005—2017 гг.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Энтропия импорта	0,53	0,79	0,77	0,68	0,73	0,58	0,89	0,67	0,94	0,38	0,51	0,53
Индекс концентрации импорта	6194	4479	4457	4843	4108	5736	3358	4810	2772	7280	6149	5696
Энтропия экспорта	0,49	0,51	0,65	0,53	0,48	0,56	0,55	0,39	0,44	0,45	0,38	0,51
Индекс концентрации экспорта	6974	6918	5815	6754	7059	6439	6516	7757	7606	7569	7948	6915

Примечание: рассчитано авторами.

Таблица 4

Товарная структура экспорта и импорта ведущих товарных позиций Республики Саха (Якутия) за 2017 г., %

№	Экспорт		Импорт	
	Товарная позиция (на уровне 4 знаков ТН ВЭД ЕАЭС)	%	Товарная позиция (на уровне 4 знаков ТН ВЭД ЕАЭС)	%
1	Алмазы (7102)	80,31	Оборудование для сортировки, грохочения, сепарации, грунта, камня, руд или других минеральных ископаемых в твердом (8474)	16,79
2	Уголь каменный (2701)	18,54	Машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки (8428)	16,23
3	Руды и концентраты прочие (2617)	0,68	SSSS	14,38
4	SSSS	0,33	Свинина свежая, охлажденная или замороженная (0203)	7,13
5	Лесоматериалы (4407)	0,05	Центрифуги, включая центробежные сушилки; оборудование и устройства для фильтрования или очистки жидкостей или газов (8421)	5,82

Источник: по данным ФТС России [22].

Таблица 5

Количество стран, которые одновременно экспортировали один и более товаров из Республики Саха (Якутия)

Год	Число экспортных товарных позиций																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—100	выше 101
2014	13	6	1	1	2	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	1	—
2015	14	8	4	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2016	14	9	2	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
2017	16	12	—	3	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание: рассчитано авторами.

Таблица 6

Количество стран, которые одновременно импортировали один и более товаров из Республики Саха (Якутия)

Год	Число импортных товаров																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—100	выше 101
2014	17	5	4	8	1	4	—	—	2	1	1	1	3	1	—	1	1
2015	7	7	6	2	2	1	1	—	—	2	3	1	3	—	—	1	1
2016	13	6	4	3	—	1	1	1	—	—	1	1	2	2	1	1	1
2017	14	3	6	5	3	1	1	—	1	—	2	3	1	2	—	2	1

Примечание: рассчитано авторами.

стран. Стоит отметить, что при условии высокой ресурсной направленности внешнеторговый оборот региона имеет положительную динамику, что свидетельствует о наличии сложившихся торговых отношений со странами дальнего зарубежья.

Оценка внешнеторгового потенциала Приморского края

На первом этапе оценки внешнеторгового потенциала Приморского края проведенный анализ внешнеторговой квоты определил высокую зависимость экономики региона от внешнеторговой деятельности. Внешняя торговля оказывает существенное влияние на формирование ВРП, в докризисном 2013 г. внешнеторговая квота составляла рекордные 87,8%, в 2017 г. — 51,1%. Это говорит о снижении зависимости региона от внешней торговли. Наибольшую долю составляет импортная квота, при этом очевидна тенденция к ее сокращению (рис. 3).

Анализ показателей внешней торговли за рассматриваемый период 2006—2017 гг. демонстрирует рост внешнеторгового оборота в 2017 г. по сравнению с 2006 г., при этом изменилось внешнеторговое сальдо: если в 2006 г. импорт почти в три раза превышал экспорт региона, то в 2017 г. показатели практически выровнялись. На протяжении

всего рассматриваемого периода регион имеет отрицательное внешнеторговое сальдо, которое существенно сократилось после 2014 г. Кроме того, внешняя торговля Приморского края в большой степени подвержена кризисным колебаниям, наибольшее значение внешнеторговый оборот имеет в докризисный 2013 г. и составлял 11 984,8 млн долл., в 2017 г. оборот практически вдвое меньше и составляет 6819,2 млн долл. (рис. 4).

В рамках второго этапа оценки проведен динамический анализ в разрезе товарной структуры. Товарная структура экспорта Приморского края демонстрируют явную сырьевую направленность, где первое место в 2017 г. занимают продовольственные товары (35,02%), второе — машины и оборудование (22,12), третье — продукция топливно-энергетического комплекса (20,09). В товарной структуре импорта в 2017 г. преобладают машины и оборудование (42,85%), продовольственные товары (22,14), продукция химической промышленности (11,28) (табл. 7).

Для оценки динамики и устойчивости структуры экспорта и импорта внешней торговли в разрезе товарных групп рассчитаны показатели структурных сдвигов, энтропии и концентрации.

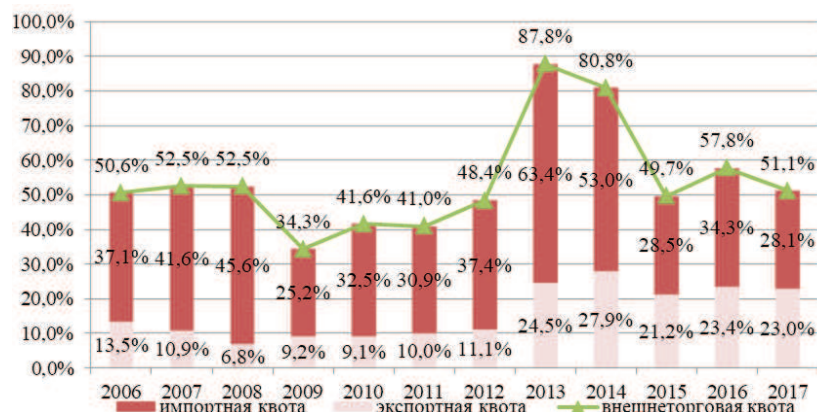

Рис. 3. Внешнеторговая квота Приморского края, 2006—2016 гг., %
Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21]

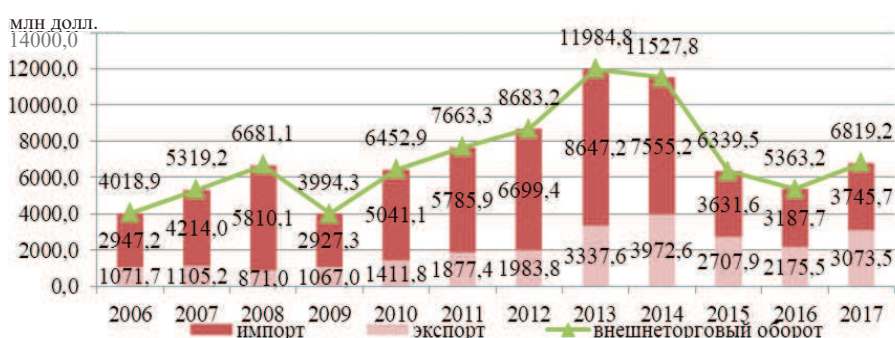

Рис. 4. Показатели внешней торговли Приморского края, 2006—2017 гг.
Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21]

Структурные сдвиги по товарным группам в экспорте свидетельствуют о снижении доли машин и оборудования, металлов и изделий из них, древесины, продукции химической промышленности и росте продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья и продукции топливно-энергетического комплекса. Структурные сдвиги в импорте демонстрируют снижение доли машин и оборудования, увеличение доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, продукция химической промышленности и каучука, металлов. Энтропия экспорта снижается и остается на низком уровне, что говорит о серьезном дисбалансе в структуре экспорта Приморского края, энтропия импорта несколько повышается, что свидетельствует о повышении устойчивости

системы импорта. Коэффициенты концентрации экспорта и импорта показывают, что экспортный и импортный сектора Приморского края являются высококонцентрированными (табл. 8).

Для выявления сравнительных товарных преимуществ на *третьем этапе* проведен анализ товарной структуры экспорта Приморского края в разрезе товарных позиции за 2017 г., который показал, что наибольшую долю в экспорте составляют: рыба мороженная (22,46%), секретный экспорт (20,88), нефть и нефтепродукты (19,09), а в структуре импорта — части и принадлежности моторных транспортных средств товарных позиций (5,57%), свинина свежая (4,78) и бульдозеры с неповоротным и поворотным отвалом, грейдеры, планировщики (3,53) (табл. 9).

Таблица 7

Товарная структура экспорта и импорта Приморского края за 2006—2017 гг., %

Товарная группа	Экспорт		Импорт	
	2006	2017	2006	2017
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы 1—24)	11,32	35,02	20,67	22,14
Продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27)	8,71	20,09	0,72	1,40
Продукция химической промышленности, каучук (группы 28—40)	4,08	1,27	8,49	11,28
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (группы 44—49)	29,53	12,77	1,68	1,88
Металлы и изделия из них (группы 72—83)	26,76	5,98	3,70	6,85
Машины, оборудование и транспортные средства (группы 84—90)	5,56	22,12	49,58	42,85
Прочие товары	14,04	2,74	15,16	13,60
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели [21].

Таблица 8

Показатели энтропии, концентрации экспорта и импорта Приморского края за 2006—2017 гг.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Энтропия импорта	1,40	1,37	1,36	1,58	1,50	1,55	1,53	1,36	1,47	1,59	1,57	1,53
Индекс концентрации импорта	3205	3346	3434	2359	2688	2557	2659	3595	3065	2479	2535	2691
Энтропия экспорта	1,74	1,75	1,69	1,39	1,32	1,61	1,63	1,42	1,23	1,34	1,44	1,61
Индекс концентрации экспорта	2037	2108	2263	3419	3526	2495	2479	3090	3886	3183	3027	2328

Примечание: рассчитано авторами.

Таблица 9

Товарная структура экспорта и импорта ведущих товарных позиций Приморского края за 2017 г., %

№	Экспорт		Импорт	
	Товарная позиция (на уровне 4 знаков ТН ВЭД ЕАЭС)	%	Товарная позиция (на уровне 4 знаков ТН ВЭД ЕАЭС)	%
1	Рыба мороженная (0303)	22,46	Части и принадлежности моторных транспортных средств товарных позиций (8708)	5,57
2	SSSS	20,88	Свинина свежая (0203)	4,78
3	Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород (2710)	19,09	Бульдозеры с неповоротным и поворотным отвалом, грейдеры, планировщики (8429)	3,53
4	Ракообразные (0306)	6,29	Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства (8703)	2,63
5	Лесоматериалы необработанные (4403)	5,60	Вычислительные машины и их блоки (8471)	2,34

Источник: по данным ФТС России [22].

На четвертом этапе оценки внешнеторгового потенциала выявлены основные торговые партнеры Приморского края. Наибольший объем товаров в 2017 г. Приморский край экспортирует в Китай (36,25%), Республику Корея (24,31), Египет (20,85), а импортирует из Китая (57,08), Японии (12,48), Республики Корея (10,33).

Продукция Приморского края экспортируется, по оценкам 2017 г., в 87 стран мира, при этом ассортиментный ряд является достаточно широким: 10 стран покупают более 101 товарной позиции ежегодно (табл. 10), в том числе традиционными импортерами являются Китай, Республика Корея, Бельгия, Казахстан.

Приморский край импортирует достаточно диверсифицированную группу товаров из 100 стран (по оценкам 2017 г.). Основными поставщиками являются: Китай, Германия, Франция, Индия, Италия, Республика Корея, Казахстан (они экспортируют в Приморский край более 101 товарной позиции) (табл. 11).

Оценка внешнеторгового потенциала в рамках пятого этапа позволяет сделать вывод, что внешняя торговля оказывает существенное влияние на экономику Приморского края, доля доходов от нее в исследуемом периоде нестабильна, поскольку она в значительной степени подвержена кризисным колебаниям. Приморский край

в отличие от Республики Саха обладает большим количеством торговых партнеров при высоком количестве товарных групп, как по экспорту, так и по импорту. Если во внешнеторговом обороте Республики Саха отмечалось однообразие экспортируемых и импортируемых товаров (минеральных и топливно-энергетических ресурсов), то в Приморском крае очевидно, что осуществляется экспорт сырьевых товаров (продовольственных товаров и топливно-энергетических ресурсов) и импорт товаров машиностроения. Несмотря на то что Приморский край обладает большим количеством торговых партнеров дальнего зарубежья, высокая сырьевая направленность обуславливает зависимость от внешних факторов, которая напрямую влияет на развитие края и региона в целом.

Проведенное исследование подтверждает, что предложенная авторами методика может быть использована для оценки внешнеторгового потенциала регионов, она позволяет дать оценку значимости внешней торговли для региона, выявить и оценить сравнительные преимущества региона, торговых партнеров и дать интегрированную оценку внешнеэкономического потенциала региона. Результаты оценки имеют практическую значимость и могут применяться органами государственной власти в части стратегического планирования развития регионов.

Таблица 10

Количество стран, которые одновременно экспортировали один и более товаров из Приморского края

Год	Число экспортных товаров																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—100	выше 101
2014	29	16	10	2	1	1	3	1	1	1	1	4	1	1	3	3	3
2015	21	18	5	5	6	1	6	3	1	1	1	1	4	1	2	4	4
2016	29	13	8	4	7	1	4	2	-	2	3	2	2	2	1	2	5
2017	20	13	8	5	3	2	3	1	2	2	3	4	3	2	1	5	10

Примечание: рассчитано авторами.

Таблица 11

Количество стран, которые одновременно импортировали один и более товаров из Приморского края

Год	Число импортных товаров																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30	31—40	41—50	51—100	выше 101
2014	13	5	11	1	2	4	1	2	1	2	2	1	7	5	2	14	16
2015	19	11	5	3	3	1	3	3	1	2	2	3	7	7	2	9	15
2016	21	8	3	4	-	1	4	4	4	1	1	2	11	4	5	6	14
2017	20	10	4	6	3	1	3	-	3	3	3	4	7	4	4	10	15

Примечание: рассчитано авторами.

Список литературы

1. Ахмадулина, Т. В. Торговля России продовольственными товарами со странами Восточной Азии / Т. В. Ахмадулина // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2012. — № 10. — С. 47—55.
2. Развитие и экономический рост региона / В. И. Бархатов, Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Плетнев [и др.]. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. — 320 с.
3. Бархатов, В. И. Глобализация — объективная тенденция развития современного мирового хозяйства / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлева, В. М. Синев // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Экономика. — 2004. — № 10, вып. 4. — С. 5—15.
4. Бархатов, В. И. Факторный анализ взаимодействия иностранных транснациональных корпораций с российской экономикой / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 1.
5. Внешняя торговля регионов России / под общ. ред. Е. А. Степанова — Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2018. — 454 с.
6. Грицаенко, Е. А. Некоторые аспекты внешней торговли регионов России [Электронный ресурс] / Е. А. Грицаенко // Науч. журн. КубГАУ. — 2006. — № 21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-vneshney-torgovli-regionov-rossii> (дата обращения 14.05.2019).
7. Деваева, Е. И. Внешнеэкономический фактор развития Дальнего Востока России / Е. И. Деваева // Пространств. экономика. — 2008. — № 2.
8. Деваева, Е. И. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития / Е. И. Деваева, Е. Н. Котова // Пространств. экономика. — 2009. — № 4.
9. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. — 2014. — № 4. — С. 7—27.
10. Яковлева, Е. Б. Пути выхода депрессивных регионов из кризисного состояния / Е. Б. Яковлева, И. А. Маврина // Вестн. — С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. — 2010, вып. 1. — С. 54—57.
11. Плетнев, Д. А. Модель взаимосвязи внешней торговли и экономического роста в транзитивной экономике / Д. А. Плетнев, Е. А. Степанов // Вестн. ЮУрГУ. — 2003. — № 13 (29). Сер.: Экономика. — С. 34—41.
12. Сельцовский, В. Л. Вопросы совершенствования товарной структуры российского импорта / В. Л. Сельцовский // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2014. — № 3. — С. 73—80.
13. Силаева, Л. П. Формирование товарных продовольственных ресурсов на перспективу / Л. П. Силаева // Вестн. Курс. гос. акад. — 2013. — № 5. — С. 6—10.
14. Степанов, Е. А. Влияние внешней торговли на экономический рост национальной экономики / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 32 (323). — С. 34—42.
15. Степанов, Е. А. Внешняя торговля как фактор экономического роста национальной экономики / Е. А. Степанов // Экономика, упр. и инвестиции. — 2013. — № 1 (1). — С. 45—61.
16. Степанов, Е. А. Внешняя торговля как фактор экономического роста в транзитивной экономике : дис. ... канд. экон. наук / Е. А. Степанов. Челябинск, 2004. — 160 с.
17. Стукаленко, Е. А. Оценка межрегионального неравенства по доходам и ВРП на душу населения в России в начале XXI в. [Электронный ресурс] / Е. А. Стукаленко, В. Ю. Щеколдин, Е. В. Каширская // Вестн. ОмГУ. Сер.: Экономика. — 2017. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-mezhregionalnogo-neravenstva-po-dohodam-i-vrp-na-dushu-naseleniya-v-rossii-v-nachale-xxi-v> (дата обращения 14.05.2019).
18. Munn, T. England Treasure by Foreign Trade / T. Munn. — Oxford : Basil Blackwell, 1928. — (Repr. Basil Blackwell).
19. Harberler, G. The Theory of International Trade / G. Harberler. — London : W. Hodge and Co., 1936.
20. Regional economic and social policies: the development, implementation, evaluation of effectiveness : a teaching aid / prof. S. M. Vertesheva, Ph.D., prof. V. E. Rohchina. — St. Petersburg : Publ. House of STU, 2003. — 320 p.
21. Росстат: Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
22. Официальный сайт ФТС России. Статистика [Электронный ресурс]. — URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:1133805637595556::NO>.

Сведения об авторах

Степанов Евгений Александрович — доцент, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой таможенного дела Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. stepanovea@susu.ru

Килина Ирина Петровна — старший преподаватель кафедры таможенного дела Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. kilinaip@susu.ru

Постаушкина Ксения Юрьевна — преподаватель кафедры таможенного дела Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. postaushkinaki@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 69—79.*

ASSESSMENT OF FOREIGN TRADE POTENTIAL OF THE REGIONS (ON THE EXAMPLE OF FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT SUBJECTS)

E.A. Stepanov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. stepanovea@susu.ru.

I.P. Kilina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. kilinaip@susu.ru.

K.U. Potaushkina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. postaushkinaki@susu.ru.

Foreign trade has a significant impact on the development of territories. The article discusses the theory of foreign trade and modern methods of assessing the impact of foreign trade on the development of the region. The author developed a methodology for assessing the foreign trade potential of regions, which includes 5 stages: assessing the importance of foreign trade for the region, analyzing indicators of the region's foreign trade, identifying and evaluating the region's comparative advantages, identifying and evaluating trading partners, and evaluating the region's foreign economic potential. A retrospective analysis of the impact of foreign trade on the development of the Far Eastern Federal District was carried out. The author's methodology for assessing foreign trade potential was tested on the example of two subjects of the Far Eastern Federal District, who make the greatest contribution to the district GRP.

Keywords: *foreign trade, foreign trade of regions, foreign trade potential, assessment of foreign trade potential, commodity flow, Far Eastern Federal District, Republic of Sakha, Primorsky Krai.*

References

1. Ahmadulina T.V. Torgovlya Rossii prodovol'stvennymi tovarami so stanami Vostochnoj [Russian food trade with East Asian countries]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic bulletin], 2012, no. 10, pp. 47-55. (In Russ.).
2. Barhatov V.I., Kapkaev Yu.Sh., Pletnev D.A. [et al.]. *Razvitie i ekonomicheskij rost regiona* [Development and economic growth of the region]. Chelyabinsk, 2004. 320 p. (In Russ.).
3. Barhatov V.I., Zhuravleva G.P., Sinev V.M. Globalizaciya — ob'ektivnaya tendenciya razvitiya sovremennogo mirovogo hozyajstva [Globalization is an objective trend in the development of the modern world economy]. *Vestn. YUzh.-Ural. gos. un-ta. Ser. Ekonomika* [Bulletin of South Ural State University. Economy], 2004, no. 10, iss. 4, pp. 5-15. (In Russ.).
4. Barhatov V.I. Faktornyj analiz vzaimodejstviya inostrannyh transnacional'nyh korporacij s rossijskoj ekonomikoj [Factor analysis of the interaction of foreign transnational corporations with the Russian economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 1, pp. 128. (In Russ.).
5. Stepanov E.A. *Vneshnyaya torgovlya regionov Rossii* [Foreign trade of Russian regions]. Chelyabinsk, 2018. 454 p. (In Russ.).

6. Gricaenko E.A. Nekotorye aspekty vneshnej trgovli regionov Rossii [Some aspects of foreign trade of Russian regions]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2006, no. 21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-vneshney-torgovli-regionov-rossii>, accessed 14.05.2019. (In Russ.).
7. Devaeva E.I. Vneshneekonomicheskij faktor razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii [External economic factor of development of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2008, no. 2. (In Russ.).
8. Devaeva E.I., Kotova E.N. Vneshnyaya trgovlya Dal'nego Vostoka Rossii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya [Foreign trade of the Russian Far East: current state and development trends]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2009, no. 4. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. Regional'noe razvitie i regional'naya politika v Rossii [Century Regional development and regional policy in Russia]. *EKO* [ECO], 2014, no. 4, pp. 7-27. (In Russ.).
10. Yakovleva E.B., Mavrina I.A. Puti vyhoda depressivnyh regionov iz krizisnogo sostoyaniya [Ways of getting out of depressive regions from a crisis]. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Seriya 5. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 5. Economics], 2010, iss. 1, pp. 54-57. (In Russ.).
11. Pletnev D.A., Stepanov E.A. Model' vzaimosvyazi vneshnej trgovli i ekonomicheskogo rosta v tranzitivnoj ekonomike [The model of the relationship of foreign trade and economic growth in a transitive economy]. *Vestn. YUUrGU. Ser. Ekonomika* [Bulletin of South Ural State University. Economy], 2003, no. 13 (29) pp. 34-41. (In Russ.).
12. Sel'covskij V.L. Voprosy sovershenstvovaniya tovarnoj struktury rossijskogo importa [Issues of improving the commodity structure of Russian imports]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2014, no. 3, pp. 73-80. (In Russ.).
13. Silaeva L.P. Formirovanie tovarnyh prodovol'stvennyh resursov na perspektivu [Formation of commodity food resources for the future]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj akademii* [Bulletin of Kursk State Academy], 2013, no. 5, pp. 6-10. (In Russ.).
14. Stepanov E.A. Vliyanie vneshnej trgovli na ekonomicheskij rost nacional'noj ekonomiki [The influence of foreign trade on the economic growth of the national economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 32 (323), pp. 34-42. (In Russ.).
15. Stepanov E.A. Vneshnyaya trgovlya kak faktor ekonomicheskogo rosta nacional'noj ekonomiki [Foreign trade as a factor in the economic growth of the national economy] // *Ekonomika, upravlenie i investicii* [Economy, management and investment], 2013, no. 1 (1), pp. 45-61. (In Russ.).
16. Stepanov E.A. *Vneshnyaya trgovlya kak faktor ekonomicheskogo rosta v tranzitivnoj ekonomike* [Foreign trade as a factor of economic growth in a transitive economy. Thesis]. Chelyabinsk, 2004. 160 p. (In Russ.).
17. Stukalenko E.A., Shchekoldin V.Yu., Kashirskaya E.V. Ocenka mezhhregional'nogo neravenstva po dohodam i VPR na dushu naseleniya v Rossii v nachale XXI [Estimation of inter-regional income inequality and GRP per capita in Russia at the beginning of the XXI century]. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika* [Omsk State University. Series: Economy], 2017, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-mezhhregionalnogo-neravenstva-po-dohodam-i-vrp-na-dushu-naseleniya-v-rossii-v-nachale-xxi-v>, accessed 14.05.2019. (In Russ.).
18. Munn T. *England Treasure by Foreign Trade*. Reprinted, Oxford, Basil Blackwell, 1928.
19. Harberler G. *The Theory of International Trade*. London, W. Hodge and Co., 1936.
20. Vertesheva S.M., Rohchina V.E. (eds.). *Regional economic and social policies: the development, implementation, evaluation of effectiveness (a teaching aid)*. St. Petersburg, Publishing House of STU, 2003. 320 p.
21. *Rosstat: Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli* [Rosstat: Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (In Russ.).
22. *Oficial'nyj sajt FTS Rossii. Statistika* [Official website of FCS of Russia. Statistics]. Available at: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:3:1133805637595556::NO> (In Russ.).

ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Т. Ф. Амирова¹, Д. С. Бениц², В. Д. Мишина¹, А. В. Резепин¹

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается проблема выявления факторов и резервов экономического роста Челябинской области. Предложен методический подход, состоящий из двух этапов. На первом этапе с применением регрессионного анализа проведена оценка производственной функции предприятий, характерных для исследуемого региона, и рассчитана эластичность выручки по затратам на основные виды ресурсов. На втором этапе с помощью построения искусственных нейронных сетей оценена значимость влияния динамики количества факторов производства и их производительности на объем выпуска. Обосновано, что для предприятий металлургического комплекса различных масштабов производства эластичность выручки по затратам на труд существенно выше эластичности выручки по затратам на основной капитал, а производительность труда имеет наибольшую значимость в формировании конечного продукта. По результатам исследования обосновано, что наиболее значимым фактором экономического роста Челябинской области является формирование и развитие человеческого капитала.

Ключевые слова: региональная экономика, факторы экономического роста, производственная функция, формирование человеческого капитала, Магнитогорский металлургический комбинат, «Уральская кузница».

Снижение реальных располагаемых денежных доходов населения в Челябинской области наблюдается уже пятый год подряд. За период 2014—2018 гг. доходы сократились на 22,5%; области не удается выйти на траекторию устойчивого поступательного развития. За период 2014—2017 гг. валовой региональный продукт Челябинской области возрос лишь на 1,2%¹, это создает угрозы экономической безопасности региона и увеличивает социальное напряжение. Поэтому денежные доходы населения едва ли можно назвать драйвером экономического роста региона.

Ранее авторы уже проводили ряд исследований, посвященных источникам роста промышленного региона [6]. Большинство авторов сходятся во мнении, что, если доля промышленного производства в регионе превышает 30%, такой регион смело можно называть промышленным. Учитывая, что Челябинская область относится к категории промышленной, то и источники роста будут логичным искать в промышленном производстве. Согласно данным Росстата на конец 2017 г., доля промыш-

ленного производства в валовой добавленной стоимости составила 42,6%. Здесь речь идет о суммировании блоков «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды». В такой ситуации первостепенное значение приобретает задача выявления факторов и резервов экономического роста и активизации промышленного производства.

Авторский подход состоит в анализе промышленного производства региона в разрезе отдельных типичных промышленных предприятий. Цель исследования заключается в выявлении факторов роста производства промышленных предприятий и попытке их распространения на экономику региона в целом.

На первом этапе анализа предложено провести оценку производственной функции предприятий, характерных для исследуемого региона, и рассчитать эластичность выручки по затратам на основные виды ресурсов. Разработка теоретической модели процесса производства является предметом множества научных работ. Для эффективного планирования и прогнозирования, а также для получения «адекватных» (с эконометрической точки

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области (http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/grp).

зрения) результатов важно принять верное решение относительно выбора методов моделирования. Одной из самых распространенных и широкоприменяемых является производственная функция. Теоретическим и практическим сторонам применения производственной функции с различным составом производственных факторов и степенью взаимозаменяемости ресурсов посвящены работы следующих авторов: Ч. Кобб, П. Дуглас [1]; В. В. Леонтьев [2]; К. И. Ким [3]; А. В. Александрова, Г. Р. Галиаскарова [4], А. П. Каширцева, А. В. Пилюгина [5] и др.

Попытки распространить модель производственного процесса предприятия на уровень межотраслевых комплексов, отдельного региона или страны в целом освещены в трудах В. И. Бархатова [6], О. Е. Германовой [7], А. В. Кузовлевой, А. Ю. Пановой [8], С. Н. Пшеничниковой [9], С. Н. Растворцевой [10], А. В. Кутышкина [11] и др. Такие подходы дают наилучший результат при исследовании долгосрочных процессов изменения структуры применяемых факторов и функциональных взаимосвязей между количествами ресурсов и объемами производства. На наш взгляд, для оценки производительности ресурсов и технологических особенностей производства целесообразно проводить исследование производственных функций отдельных предприятий, характерных для исследуемого региона, а также исследовать вклад экстенсивных и интенсивных факторов в изменение стоимости отгруженной продукции.

Производственная функция представляет собой математическую зависимость объемов произведенной продукции от величины применяемых для создания этой продукции факторов производства. Мультипликативная производственная функция предполагает относительную взаимозаменяемость ресурсов. На практике чаще всего встречается степенная зависимость. Впервые степенная функция была получена в 1928 г. Ч. Коббом и П. Дугласом. Результаты ученых раскрыты в труде «Теория производства» [1]. Эмпирическим путем ими была получена зависимость объемов реализуемой продукции от затрат труда и капитала. Выборкой послужили несколько тысяч предприятий обрабатывающей промышленности США. Временной период составил 1899—1922 гг.

Мультипликативная производственная функция может использоваться на различных уровнях как

конкретного предприятия, так и целой отрасли производства и народного хозяйства в целом, она задается выражением

$$Q = AK^{\alpha}L^{\beta}, \quad (1)$$

где Q — объем производства продукции; A — коэффициент нейтрального технического прогресса; K — количество применяемых производственных фондов; L — количество применяемого на производстве труда; α и β — коэффициенты эластичности по фондам и труду.

На втором этапе предложено провести факторный анализ выпуска продукции в разрезе производительности и объема использования трудовых и капитальных ресурсов. Методы изучения взаимосвязей между переменными нашли широкое применение в экономической науке. При оценке основных финансовых показателей деятельности предприятий и процессов их формирования применяются детерминированные факторные модели, например, в работах И. Ю. Смирновой [12], В. М. Заернюка и Н. Н. Филимоновой [13]. При оценке случайных величин используются различные методы аппроксимации и главных компонент. Наибольшую популярность получили методы приведения наблюдаемых зависимостей к линейному виду и их последующий анализ, например, в работах Д. А. Гайнанова с соавт. [14], О. А. Романовой и Д. В. Сиротина [15]. Однако такой подход зачастую не позволяет достаточно точно описать сложные экономические и социальные системы. В таких условиях естественным и наиболее эффективным является использование моделей, которые напрямую имитируют поведение индивидуумов и организаций на сырьевых и товарных рынках, нелинейные процессы организации производства. Данные исследования представлены в трудах А. В. Романовского [16], Н. А. Белобородовой [17], И. П. Курочкиной с соавт. [18].

Построение искусственных нейронных сетей представляет собой многопараметрическую задачу нелинейной оптимизации. Преимуществом нейронных сетей является способность выявлять сложные зависимости между входными данными и выходными, а также выполнять их обобщение. В случае успешного обучения нейронная сеть сможет вернуть верный результат на основании данных, которые отсутствовали в обучающей выборке, а также неполных или частично искаженных данных, что позволяет обобщать и распространять закономерности, выявленные на обучающей выборке, на генеральную совокупность.

Основой промышленности Челябинской области является производство металлов и изделий из них. При оценке производственных функций целесообразно рассматривать не только крупнейшие, но и средние предприятия отрасли, так как в совокупности они способны генерировать значительные объемы производства и повышать устойчивость развития региона [19]. В качестве объектов исследования нами были выбраны: 1) крупнейший металлургический комплекс региона с полным производственным циклом, начиная от подготовки железорудного сырья и заканчивая глубокой переработкой черных металлов, — публичное акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» (ПАО «ММК»); 2) крупный производитель штампованной продукции из специальных сталей и сплавов — публичное акционерное общество «Уральская кузница» (ПАО «Уралкуз»). Сравнительные характеристики анализируемых предприятий представлены в табл. 1.

Мультипликативная производственная функция определяется по временному ряду выпусков и затрат ресурсов. Поскольку материальные и трудовые ресурсы, применяемые в производстве продукции компаний, разнообразны и существенно различаются по своей производительности, рассмотрим функцию, которая ставит в соответствие выручку и издержки производства, связанные с применением капитальных и трудовых ресурсов: амортизацию производственных фондов и фонд оплаты труда.

Мультипликативная производственная функция в логарифмах принимает линейный вид

$$\ln Rev_t = \ln A + b_1 \ln Dep_t + b_2 \ln Sal_t, \quad (2)$$

где $\ln Rev_t$ — натуральный логарифм выручки предприятия в периоде t ; $\ln Dep_t$ — натуральный логарифм амортизации основного капитала в периоде t ; $\ln Sal_t$ — натуральный логарифм фонда оплаты труда в периоде t ; b_1 и b_2 — параметры модели.

Параметры функции b_1 и b_2 могут быть определены по методу наименьших квадратов множест-

венной регрессии с помощью статистического пакета *IBM SPSS Statistics*.

Регрессионная модель 1 построена по квартальным данным бухгалтерской отчетности ПАО «ММК» за 2013—2018 гг.¹ Регрессионная модель 2 построена по квартальным данным бухгалтерской отчетности ПАО «Уралкуз» за 2013—2017 гг.² Все значения приведены в ценах базового года (2013) с помощью дефлятора ВРП Челябинской области. Результаты анализа представлены в табл. 2, 3 и 4.

По результатам анализа модель 1 обладает высокой значимостью, доля объясненной вариации составляет 93,5%, модель 2 обладает меньшей значимостью, что указывает на наличие неучтенных факторов, доля объясненной вариации составляет 59,9% (см. табл. 2). По результатам дисперсионного анализа уравнения регрессии модели 1 и модели 2 значимы на уровне 1%, что указывает на наличие статистической зависимости между зависимой переменной и набором независимых переменных (см. табл. 3). Для модели 1 все коэффициенты уравнения регрессии обладают высокой значимостью, для модели 2 коэффициент перед амортизацией незначим, что указывает на отсутствие статистической зависимости между объемом выручки ПАО «Уралкуз» и величиной амортизации (см. табл. 4).

По результатам анализа производственная функция ПАО «ММК» (модель 1) имеет вид

$$Rev = 3,851 \cdot 10^{-5} \cdot Dep^{0,555} \cdot Sal^{1,819},$$

где Rev — выручка в ценах базового года, млн р.; Dep — амортизация в ценах базового года, млн р.; Sal — заработная плата и страховые взносы в ценах базового года, млн р.

На рис. 1 представлена динамика фактических и оценочных (полученных с помощью уравнения регрессии) значений выручки ПАО «ММК».

¹ Официальный сайт ПАО «ММК» (http://mmk.ru/for_investor/annual_reports).

² Официальный сайт ПАО «Уралкуз» (<http://www.mechel.ru/shareholders/disclosure/filials/metallurgy/kuznitsa/>).

Таблица 1

Сравнительные характеристики ПАО «ММК» и ПАО «Уралкуз» в 2017 г.

Показатель	Челябинская область	Обрабатывающие производства		ПАО «ММК»		ПАО «Уралкуз»	
		Значение	Доля, %	Значение	Доля, %	Значение	Доля, %
Оборот организаций, млн р.	3 270 984	1 397 203	42,7	112 127	3,43	12 131	0,37
Стоимость основных средств, млн р.	3 048 722	786 913	25,8	52 313	1,72	2 830	0,09
Численность занятых, тыс. чел.	1732,9	390,5	22,5	18,0	1,04	2,4	0,14

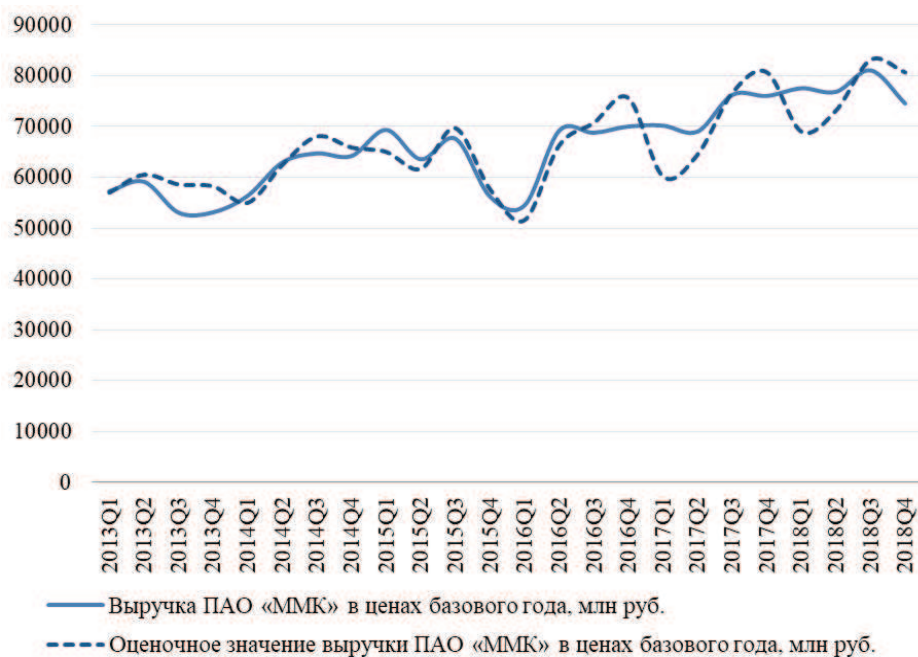

Рис. 1. Динамика фактических и оценочных значений выручки ПАО «ММК»

Таблица 2

Сводка для моделей

Модель	<i>R</i>	<i>R</i> -квадрат	Скорректированный <i>R</i> -квадрат	Стандартная ошибка оценки
1	0,967	0,935	0,929	0,067
2	0,774	0,599	0,552	0,056

Таблица 3

Дисперсионный анализ

Модель	Сумма квадратов	Степень свободы	Средний квадрат	<i>F</i>	Значимость
1 Регрессия	1,372	2	0,686	150,796	0,0000 ^a
Остаток	0,096	21	0,005		
Всего	1,468	23			
2 Регрессия	0,079	2	0,040	12,691	0,0004 ^a
Остаток	0,053	17	0,003		
Всего	0,132	19			

^a Значимо на уровне 1 %.

Таблица 4

Коэффициенты

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		<i>t</i>	Значимость	
	<i>B</i>	Стандартная ошибка			
1	Константа	-10,165	1,911	-5,318	0,000 ^a
	<i>Dep</i>	0,555	0,254	2,184	0,040 ^b
	<i>Sal</i>	1,819	0,138	13,221	0,000 ^a
2	Константа	3,533	0,909	3,887	0,001 ^a
	<i>Dep</i>	0,151	0,428	0,354	0,728
	<i>Sal</i>	0,933	0,434	2,150	0,046 ^b

^a Значимо на уровне 1 %.^b Значимо на уровне 5 %.

По результатам анализа производственная функция ПАО «Уралкуз» (модель 2) имеет вид

$$Rev = 34,239 \cdot Dep^{0,151} \cdot Sal^{0,933},$$

где Rev — выручка в ценах базового года, млн р.; Dep — амортизация в ценах базового года, млн р.; Sal — заработная плата в ценах базового года, млн р.

На рис. 2 представлена динамика фактических и оценочных (полученных с помощью уравнения регрессии) значений выручки ПАО «Уралкуз».

Несмотря на различия в значимости производственных функций, эластичность выручки по затратам на труд существенно выше, эластичности выручки по затратам на основной капитал. На ПАО «ММК» повышение расходов на заработную плату на 1 % сопровождается увеличением выручки на 1,819 %, на ПАО «Уралкуз» — на 0,933 %, что еще раз подтверждает выводы о высокой значимости человеческого капитала в формировании конечного продукта [20].

Для исследования значимости влияния изменения количества факторов производства и их производительности на объем выпуска предприятий Челябинской области проведем анализ методом искусственных нейронных сетей с помощью статистического пакета *IBM SPSS Statistics*.

Определим в качестве зависимой переменной выручку предприятий в ценах базового года в миллионах рублей (*Revenue*), в качестве независимых переменных:

1) среднегодовую стоимость основных средств в ценах базового года в миллионах рублей (*Capital*);

2) производительность основных средств как отношение физического объема отгруженной продукции в тысячах тонн к среднегодовой стоимости основных средств в ценах базового года в миллионах рублей (*CapProd*);

3) среднесписочную численность персонала в количестве человек (*Labour*);

4) производительность труда как отношение физического объема отгруженной продукции в тысячах тонн к среднесписочной численности персонала в количестве человек (*LabProd*).

Модель искусственных нейронных сетей 1 построена по данным бухгалтерской отчетности ПАО «ММК» за 2009—2018 гг.¹ Модель 2 построена по данным бухгалтерской отчетности ПАО «Уралкуз» за 2009—2017 гг.² Стоимостные значения приведены в цены базового года (2009 г.), посредством дефлятора ВРП Челябинской области. Масштабы зависимой переменной и ковариат стандартизованы программно с помощью статистического пакета.

Для оценки значимости факторов применена модель многослойного перцептрона с одним скрытым слоем, входной слой без единицы смещения содержит четыре нейрона, скрытый слой — два нейрона. Функция активации скрытого слоя — гиперболический тангенс, выходного слоя — тождество.

Сводка для моделей нейронных сетей представлена в табл. 5.

¹ Официальный сайт ПАО «ММК» (http://mmk.ru/for_investor/annual_reports).

² Официальный сайт ПАО «Уралкуз» (<http://www.mechel.ru/shareholders/disclosure/filials/metallurgy/kuznitsa/>).

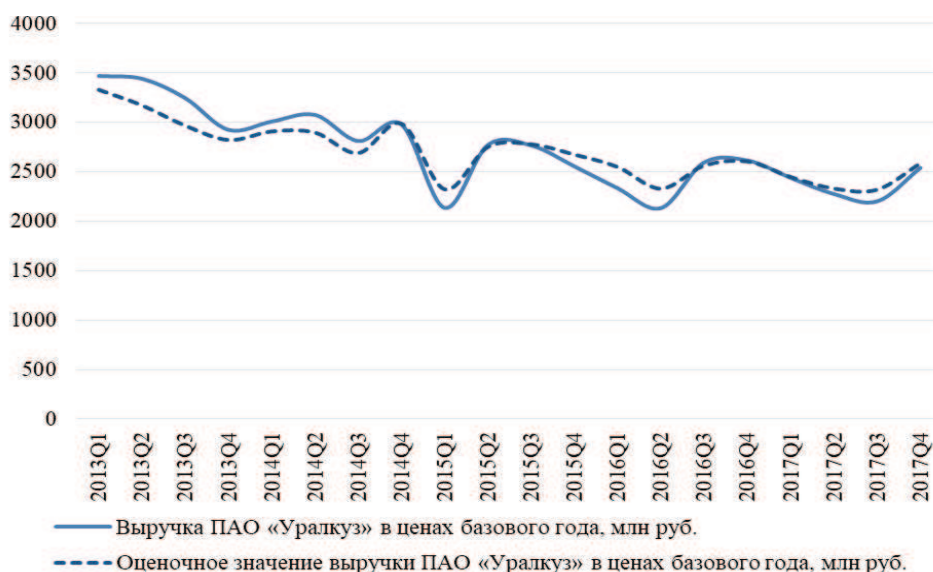

Рис. 2. Динамика фактических и оценочных значений выручки ПАО «Уралкуз»

Таблица 5

Сводка для моделей

Модель	Обучающее подмножество		Проверочное подмножество	
	Сумма квадратов	Относительная ошибка	Сумма квадратов	Относительная ошибка
1	1,831	0,523	0,030	0,389
2	1,582	0,452	0,010	0,151

Модели искусственных нейронных сетей характеризуются низкими значениями относительной ошибки для проверочного подмножества, что позволяет использовать их для оценки значимости количественных и качественных характеристик применяемых факторов производства.

На рис. 3 и 4 представлены диаграмма нейронной сети и результаты анализа важности факторов формирования выручки ПАО «ММК»,

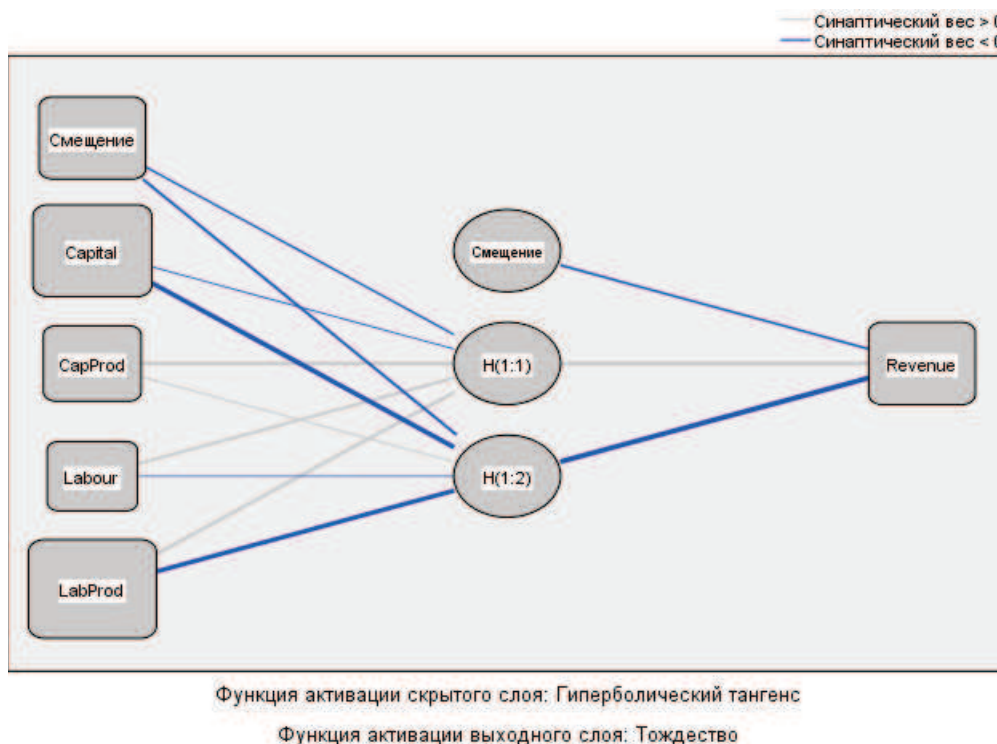

Рис. 3. Диаграмма нейронной сети факторов формирования выручки ПАО «ММК»

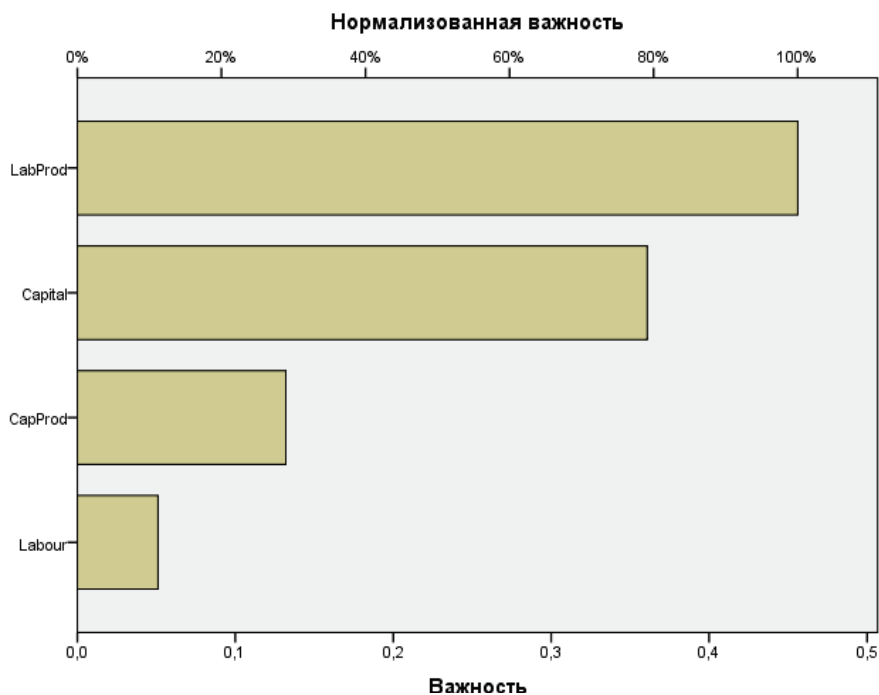

Рис. 4. Анализ важности факторов формирования выручки ПАО «ММК»

на рис. 5 и 6 представлены диаграмма нейронной сети и результаты анализа важности факторов формирования выручки ПАО «Уралкуз».

По результатам анализа важности независимых переменных можно отметить, что порядок значимости характеристик факторов производства для ПАО «ММК» и ПАО «Уралкуз» совпадает, исходя из чего можно сделать предположение об общих закономерностях изменения производства базовой отрасли и экономи-

ки Челябинской области в целом. Наиболее значимым фактором изменения стоимостного объема продаж является производительность труда, затем по убыванию значимости следуют: среднегодовая стоимость основных средств, производительность основных средств и среднесписочная численность персонала.

В целом для ПАО «ММК» изменение количества и производительности трудовых ресурсов объясняют 50,7% динамики объема отгруженной продукции,

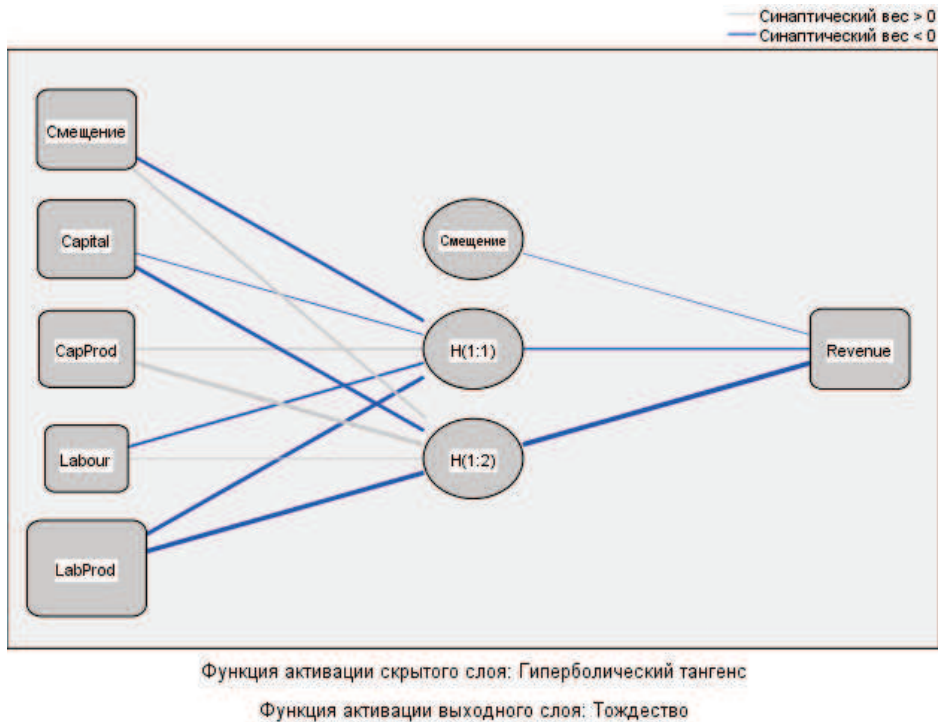

Рис. 5. Диаграмма нейронной сети факторов формирования выручки ПАО «Уралкуз»

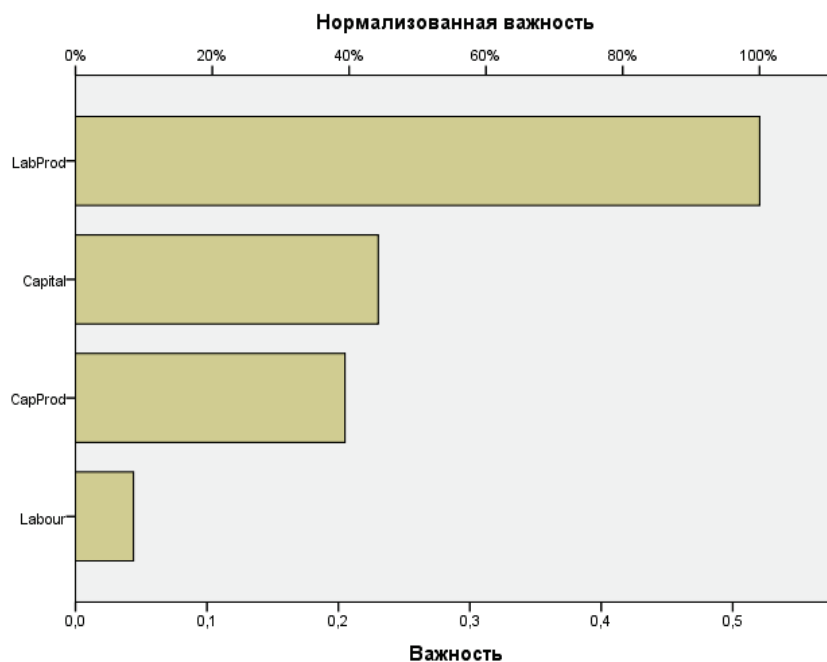

Рис. 6. Анализ важности факторов формирования выручки ПАО «Уралкуз»

а на долю основных фондов приходится 49,3%, при этом интенсивные факторы обеспечивают изменение 58,8% объема производства, а экстенсивные 41,2%. В случае ПАО «Уралкуз» изменение количества и производительности трудовых ресурсов объясняют 56,4% динамики объема отгруженной продукции, а на долю основных фондов приходится 43,6%, при этом интенсивные факторы обеспечивают изменение 72,5% объема производства, а экстенсивные 27,4% (табл. 6). Таким образом, наиболее значимые изменения физического и стоимостного объема продукции могут быть достигнуты за счет изменения технологий, способствующих повышению производительности труда.

Таблица 6
Анализ важности независимых переменных

Модель	Важность	Нормализованная важность
1 <i>Capital</i>	0,361	79,1%
<i>CapProd</i>	0,132	29,0%
<i>Labour</i>	0,051	11,2%
<i>LabProd</i>	0,456	100,0%
2 <i>Capital</i>	0,230	44,2%
<i>CapProd</i>	0,205	39,4%
<i>Labour</i>	0,044	8,5%
<i>LabProd</i>	0,520	100,0%

По результатам оценки производственных функций и значимости влияния количества и производительности ресурсов на объем выпуска выявлено, что основным фактором роста производства анализируемых предприятий является производительность труда. Согласованность результатов анализа предприятий с различным масштабом производства и уровнем передела продукции указывает на общие особенности производственных процессов в металлургическом комплексе Челябинской области. Исходя из высокой значимости промышленного производства в валовом продукте региона представляется целесообразным развитие и использование технологий направленных: 1) на повышение безопасности труда, предупреждение производственного травматизма и профессиональных заболеваний; 2) совершенствование системы нормирования труда, внедрение научно обоснованной совокупности норм и нормативов затрат живого и овеществленного труда; 3) создание системы сбалансированных показателей материального и морального стимулирования; 4) обеспечение подготовки, обучения и развития кадров внутри организаций.

Список литературы

1. Cobb, C. W. A Theory of Production / C. W. Cobb, P. H. Douglas // American Economic Rev. — 1928. — Vol. 18, № 1. — P. 139—165.
2. Leontief, W. W. A Note on the Interrelation of Subsets of Independent Variables of a Continuous Function with Continuous First Derivatives / W. W. Leontief // Bul. of the American Mathematical Society. — 1947. — Vol. 3. — P. 343—350.
3. Kim, K. I. Estimating production functions with control functions when capital is measured with error / K. I. Kim, A. Petrin, S. Song // J. of Econometrics. — 2016. — Vol. 190, iss. 2. — P. 267—279.
4. Александрова, А. В. Построение производственной функции Кобба — Дугласа на основе статистических данных ПАО «НЛМК» / А. В. Александрова, Г. Р. Галиаскарова // Экономика и менеджмент инновац. технологий. — 2017. — № 1 (64). — С. 94—97.
5. Каширцева, А. П. Производственные мощности золотодобывающего предприятия как основная составляющая финансово-экономической эффективности / А. П. Каширцева, А. В. Пилюгина // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 70—79.
6. Бархатов, В. И. Источники роста промышленного региона в Уральском федеральном округе / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 3 (413). — С. 19—29.
7. Германова, О. Е. Отраслевая и факторная структура роста в экономике Ростовской области / О. Е. Германова // Регион. экономика. Юг России. — 2017. — № 4 (18). — С. 79—89.
8. Кузовлева, А. В. Оценка производственной функции региона РФ / А. В. Кузовлева, А. Ю. Панова // Актуал. проблемы и перспективы развития экономики: рос. и зарубеж. опыт. — 2017. — № 12. — С. 102—104.
9. Пшеничникова, С. Н. Анализ производственной функции Кобба — Дугласа для экономик России и ряда стран региона Центральной и Восточной Европы / С. Н. Пшеничникова, И. Д. Романюк // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2017. — Т. 7, № 3 (24). — С. 148—166.
10. Растворцева, С. Н. Производительность труда и фондовооруженность в обеспечении экономического роста российских регионов / С. Н. Растворцева // Соц. пространство. — 2018. — № 1 (13).

11. Сокол, Г. А. Об использовании производственных функций для моделирования функционирования региональной экономики / Г. А. Сокол, А. В. Кутышкин, А. А. Петров // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Компьютер. технологии, упр., радиоэлектроника. — 2017. — Т. 17, № 4. — С. 85—97.
12. Смирнова, И. Ю. Возможности применения факторного анализа при управлении малыми предприятиями / И. Ю. Смирнова, Н. М. Ветрова // Экономика строительства и природопользования. — 2017. — № 4 (65). — С. 73—77.
13. Заернюк, В. М. Эконометрическое прогнозирование влияния производственных факторов на снижение себестоимости продукции / В. М. Заернюк, Н. Н. Филимонова // Сервис plus. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 53—62.
14. Индустриальный потенциал регионов России. Оценка и резервы роста / Д. А. Гайнанов, Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба, Ф. С. Файзуллин // Социол. исследования. — 2017. — № 1. — С. 106—116.
15. Романова, О. А. Образ желаемого будущего экономики индустриального региона: тенденции развития и методология оценки / О. А. Романова, Д. В. Сиротин // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, № 3. — С. 746—763.
16. Романовский, А. В. О применении искусственных нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей предприятия / А. В. Романовский // Аудит и финанс. анализ. — 2013. — № 2. — С. 363—369.
17. Белобородова, Н. А. Технология прогнозирования развития производства с использованием искусственных нейронных сетей / Н. А. Белобородова // Нац. ассоциация ученых. — 2015. — № 5-1 (10). — С. 24—26.
18. Метод нейронных сетей в моделировании финансовых показателей компании / И. П. Курочкина, И. И. Калинин, Л. А. Маматова, Е. Б. Шувалова // Статистика и экономика. — 2017. — № 5. — С. 33—41.
19. Кузменко, Ю. Г. Развитие малого и среднего бизнеса как фактор устойчивого развития региона (на примере Челябинской области) / Ю. Г. Кузменко, Ю. А. Балдина, А. В. Резепин // Наукоедение : интернет-журн. — 2017. — Т. 9, № 4. — С. 41.
20. Амирова, Т. Ф. Региональные рынки труда РФ: теоретические и методические подходы к анализу / Т. Ф. Амирова, И. В. Данилова, Н. В. Моцаренко // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 12-1 (41). — С. 390—397.

Сведения об авторах

Амирова Тая Фаилевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. amirovatf@susu.ru

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Мишина Вера Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры современных образовательных технологий Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. mishinavd@susu.ru

Резепин Александр Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. avrezepin@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 80—90.

IDENTIFICATION OF REGIONAL ECONOMIC GROWTH FACTORS BASED ON THE ASSESSMENT OF PRODUCTION FUNCTIONS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

T.F. Amirova

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. amirovatf@susu.ru

D.S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

V.D. Mishina

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. mishinavd@susu.ru

A.V. Rezepin

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. avrezepin@susu.ru

The article deals with the problem of identifying factors and reserves of economic growth in the Chelyabinsk region. The authors suggested a methodical approach to the assessment of enterprises production functions typical for the region under study, to determine the technological features of production and the contribution of economic resources to the creation of a regional product. It is proved that for the metallurgical enterprises of various production scales, the elasticity of revenue on labor costs is significantly higher than the elasticity of revenue on fixed capital costs, which indicates the high importance of labor resources in producing the final product. According to the results of the research it was confirmed that the formation and development of human capital is the most significant factor in the economic growth of the Chelyabinsk Region.

Keywords: *regional economy, growth factors, production function, human capital formation, Magnitogorsk Iron and Steel Works, Urals Stampings Plant.*

References

1. Cobb C.W. A Theory of Production. *American Economic Review*, 1928, vol. 18, no. 1, pp. 139-165.
2. Leontief W.W. Continuing Functionality. *Bulletin of the American Mathematical Society*, 1947, vol. 3, pp. 343-350.
3. Kim K.I. It is measured with error. *Journal of Econometrics*, 2016, vol. 190, iss. 2, pp. 267-279.
4. Aleksandrova A.V., Galiaskarova G.R. Postroenie proizvodstvennoj funkicii Kobba-Duglasa na osnove statisticheskikh dannyh PAO "NLMK" [Construction of the Cobb-Douglas production function based on statistical data of PJSC NLMK]. *Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij* [Economics and Management of Innovative Technologies], 2017, no. 1 (64), pp. 94-97. (In Russ.).
5. Kashirtseva A.P., Piliugina A.V. Proizvodstvennye moshchnosti zolotodobyvayushchego predpriyatiya kak osnovnaya sostavlyayushchaya finansovo-ekonomicheskoy effektivnosti [Production capacity of a gold mining enterprise as the main component of financial and economic efficiency]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and Management], 2018, vol. 12, no. 2, pp. 70-79. (In Russ.).
6. Barkhatov V.I., Bente D.S. Istochniki rosta promyshlennogo regiona v Ural'skom federal'nom okruge [Sources of growth of the industrial region in the Urals Federal District]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 19-29. (In Russ.).
7. Germanova O.E. Otraselevaya i faktornaya struktura rosta v ekonomike Rostovskoj oblasti [Sectoral and factor structure of growth in the economy of the Rostov region]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2017, no. 4 (18), pp. 79-89. (In Russ.).
8. Kuzovleva A.V., Panova A.Yu. Ocenka proizvodstvennoj funkicii regiona RF [Evaluation of the production function of the region of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience], 2017, no. 12, pp. 102-104. (In Russ.).

9. Pshenichnikova S.N., Romaniuk I.D. Analiz proizvodstvennoj funkicii Kobba-Duglasa dlya ekonomik Rossii i ryada stran regiona central'noj i vostochnoj Evropy [Analysis of the Cobb-Douglas production function for the economies of Russia and a number of countries in the region of central and eastern Europe]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Proceedings of the South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management], 2017, vol. 7, no. 3 (24), pp. 148-166. (In Russ.).
10. Rastvortseva S.N. Proizvoditel'nost' truda i fondovooruzhennost' v obespechenii ekonomicheskogo rosta rossijskikh regionov [Labor productivity and capital-labor ratio in ensuring the economic growth of Russian regions]. *Social'noe prostranstvo* [Social space], 2018, no. 1 (13). (In Russ.).
11. Sokol G.A., Kutyshkin A.V., Petrov A.A. Ob ispol'zovanii proizvodstvennykh funktsij dlya modelirovaniya funkcionirovaniya regional'noj ekonomiki [On the use of production functions for modeling the functioning of the regional economy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Computer technology, management, electronics], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 85-97. (In Russ.).
12. Smirnova I.Yu., Vetrova N.M. Vozmozhnosti primeneniya faktornogo analiza pri upravlenii malymi predpriyatiyami [Possibilities of using factor analysis in managing small enterprises]. *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya* [Economics of construction and environmental management], 2017, no. 4 (65), pp. 73-77. (In Russ.).
13. Zaernyuk V.M., Filimonova N.N. Ekonometricheskoe prognozirovanie vliyaniya proizvodstvennykh faktorov na snizhenie sebestoimosti produktsii [Econometric prediction of the influence of production factors on the reduction of production costs]. *Servis plus* [Service plus], 2018, vol. 12, no. 1, pp. 53-62. (In Russ.).
14. Gaynanov D.A., Gubarev R.V., Dziuba E.I., Fayzullin F.S. Industrial'nyj potencial regionov Rossii. Ocenka i rezervy rosta [The industrial potential of the regions of Russia. Evaluation and growth reserves]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2017, no. 1, pp. 106-116. (In Russ.).
15. Romanova O.A., Sirotin D.V. Obraz zhelaemogo budushchego ekonomiki industrial'nogo regiona: tendentsii razvitiya i metodologiya ocenki [The image of the desired future economy of the industrial region: development trends and assessment methodology]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 746-763. (In Russ.).
16. Romanovsky, A.V. Romanovskij, A.V. O primeneni iskusstvennykh nejronnykh setej dlya prognozirovaniya finansovykh pokazatelej predpriyatiya [On the use of artificial neural networks to predict the financial performance of an enterprise]. *Audit i finansovyj analiz* [Audit and financial analysis], 2013, no. 2, pp. 363-369. (In Russ.).
17. Beloborodova N.A. Tekhnologiya prognozirovaniya razvitiya proizvodstva s ispol'zovaniem iskusstvennykh nejronnykh setej [Technology for forecasting the development of production using artificial neural networks]. *Nacional'naya Associaciya Uchenykh* [National Association of Scientists], 2015, no. 5-1 (10), pp. 24-26. (In Russ.).
18. Kurochkina I.P., Kalinin I.I., Mamatova L.A., Shuvalova E.B. Metod nejronnykh setej v modelirovanii finansovykh pokazatelej kompanii [Method of neural networks in modeling financial indicators of a company]. *Statistika i Ekonomika* [Statistics and Economics], 2017, no. 5, pp. 33-41. (In Russ.).
19. Kuzmenko Yu.G., Baldina Iu.A., Rezepin A.V. Razvitie malogo i srednego biznesa kak faktor ustojchivogo razvitiya regiona (na primere Chelyabinskoy oblasti) [The development of small and medium businesses as a factor in the sustainable development of the region (on the example of the Chelyabinsk region)]. *Internet-zhurnal Naukovedenie* [Internet journal Science], 2017, vol. 9, no. 4, pp. 41. (In Russ.).
20. Amirova T.F., Danilova I.V., Motcareno N.V. Regional'nye rynki truda RF: teoreticheskie i metodicheskie podhody k analizu [Regional labor markets of the Russian Federation: theoretical and methodological approaches to analysis]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2013, no. 12-1 (41), pp. 390-397. (In Russ.).

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КАЧЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ю. Ш. Капкаев, И. А. Нурмухаметов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Объектом исследования является человеческий капитал, а также влияние политики регионов на качественные показатели человеческого капитала при помощи развития региональной информационно-инновационной инфраструктуры. Понимание природы исследуемого объекта позволит скорректировать процесс модернизации инфраструктуры, оценить эффективность существующих инструментов и использовать результаты исследования для разработки новых подходов к решению инфраструктурных проблем на региональном и государственном уровне. Целью исследования является определение ключевых направлений в сфере развития информационно-инновационной инфраструктуры, способствующих повышению уровня качества человеческого капитала, а также осмысление механизмов, влияющих на формирование объекта исследования, его качество и социально-экономический потенциал.

Ключевые слова: *человеческий капитал, качество человеческого капитала, цифровизация, информационно-инновационная инфраструктура региона, социально-экономический потенциал.*

Формирование человеческого капитала как объекта исследования актуализируется давно. Интерес к этому экономическому активу давно претерпел трансформацию. Об этом писали Адам Смит, К. Маркс и многие другие авторитетные экономисты и философы. Различные подходы были предложены. Т. Шульцем [7], внесшим значительный вклад в формирование теоретической основы для такого понятия, как человеческий капитал, на начальном этапе. Именно благодаря его научным исследованиям произошли переосмысление и популяризация этого экономического инструмента. Шульц определил роль человеческого капитала как фундаментальный элемент индустриальной, а затем и постиндустриальной экономики. Емкая концепция «человеческого капитала» многослойна. На микроуровне она была открыта Г. Беккером, который представил «человеческий капитал как совокупность знаний, навыков и способностей» [Цит. по: 2]. Затраты на образование и обучение Беккер видит как инвестицию в развитие человеческого капитала. Прежде всего он оценил экономическую эффективность образования непосредственно для самого человека. Он определил разницу в доходах между человеком с высшим образованием (hi-e) и плохо образованным работником, как потенциальную разницу в доходах [3].

«Изменяющаяся роль человеческого капитала реализуется через расширение его структуры

и функций, превращая из статьи расходов в основной фактор промышленного и социального развития. Основой новой экономики является накопленный человеческий капитал, преимущественно влияющий на социальную сферу и экономический потенциал современного общества» [Цит. по: 1].

Нельзя не отметить мнение А. Смита о том, что качество жизни «каждой нации» определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, мастерством и изобретательностью, к которым в общем относится его работа, и, во-вторых, связь между числом тех, кто занимается полезной работой, и числом тех, кто полезной работой не занимается. Какой бы ни была почва, климат или размер территории конкретного народа, обилие или нехватка его годового запаса всегда будут зависеть от этих двух условий [4]. Само понимание роли человеческого капитала претерпело драматические изменения. Расширение структурного и функционального потенциала, расширенное понимание спектра его влияния на развитие парадигмы всей структуры общества в цивилизационном масштабе привело к новому восприятию стран и мирового сообщества. И на этом этапе, с появлением новых экономических, социальных и политических, постмодернистских реалий, человеческий капитал занял ведущее место в национальном богатстве и в совокупном производительном капитале развитых стран, что составляет около 80% [1].

Основными задачами изучения статьи авторы видят:

1) выявление зависимости человеческого капитала от уровня развития информационной и инновационной инфраструктуры в регионе;

2) определение взаимосвязи между усилением государственной поддержки внутривидового развития и человеческого капитала;

3) поиск оптимальных подходов к развитию региональной инфраструктуры и обоснование ключевой роли государства в формировании человеческого капитала.

В качестве основных задач в статье:

1) анализируется степень влияния инфраструктурных направлений и на различные параметры человеческого капитала;

2) анализируется роль государства в развитии региональной инфраструктуры и влияние человеческого капитала на экономический и социальный потенциал регионального развития и его динамику.

В будущем человеческий капитал сможет влиять на социально-экономический климат стран, которые вкладывают средства в развитие региональной инфраструктуры. «В философском смысле модернизация и динамическое развитие государства — это системные изменения в физических, институциональных, организационных, нематериальных (интеллектуальных), финансовых и других факторах его функционирования. Можно с уверенностью сказать, что они в конечном итоге приводят к положительному экономическому, социальному, политическому, институциональному, экологическому, инфраструктурному результату» [1].

В. Петти обратился к возможности денежной оценки производительных свойств человека в XVII в. «Он считал, что богатство общества зависит от характера занятых людей и их способности работать. В том или ином виде идея человеческого капитала рассматривалась в работах А. Смита, Д. Рикардо, А. Мардо, К. Маркса, Ф. Энгельса, Дж. Милля, Л. Вальраса, Дж. Б. Кларка и других ученых» [3].

Вместе с тем было отмечено, что эффективность использования физических или финансовых активов определяется квалификацией, компетенцией и состоянием здоровья людей. Этот вывод привел к формулированию концепции человеческого капитала в 1960-х гг. (Becker, 1964). Теория человеческого капитала стала важным элементом углубленного анализа, направленного на оценку роли, которую качество человеческого фактора играет в экономических процессах. Согласно ис-

следованиям, самые высокие уровни человеческого капитала характерны для самых богатых регионов в Западной Европе, в то время как самые низкие наблюдаются в самых бедных странах, которые стали членами ЕС только недавно, а также в странах на Юге Европы, включая Грецию [5].

Так, А. Смит писал, что повышение производительности труда зависит прежде всего от ловкости и умений работника, что приобретенные и полезные способности человека становятся частью богатства общества [6]. Согласно Дж. С. Миллю, экономический потенциал, или «богатство страны», может включать навыки, энергию и настойчивость работников. К. Маркс полагал, что более квалифицированный труд восстанавливается через равные промежутки времени при относительно более высоких ценах [3].

Благодаря работе сторонников чикагской школы, таких как Б. Вейсброд, Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Минцер, во второй половине XX в. была сформирована в относительно всеобъемлющую теорию и сформулирована концепция человеческого капитала. «Они использовали в своей работе принципы и структурные элементы неоклассической школы по отношению к социальным институтам, таким как образование, здравоохранение и другие области. В этой статье нас интересует информационная и инновационная инфраструктура, что, в свою очередь, тесно связано с доступным и качественным образованием. Здесь следует отметить, что ЕС разрабатывает свою политику сплочения с главной целью сокращения различий в региональном развитии. Успех политики во многом определяется выявлением факторов, способствующих таким расходам. Человеческий капитал является одним из ключевых факторов экономического успеха [7]. Таким образом, Норвегия постепенно преодолевает голландскую болезнь посредством расширенного воспроизводства человеческого капитала. С другой стороны, добыча углеводородов может оставаться драйвером экономического роста в России [6].

Для Г. Беккера это был набор человеческих навыков, знаний и умений [3]. Согласно определению Т. Шульца, человеческий капитал — это ценные качества личности, которые могут быть усилены соответствующими инвестициями [Там же]. Тем не менее Т. Шульц и Г. Беккер уделили больше внимания объяснению и поддержке идеи справедливой роли человеческих ресурсов в создании совокупного общественного продукта. В более поздних работах нет единого мнения по поводу определения и содержания понятия «человеческий капитал»,

что можно объяснить сложностью и универсальностью этого явления. Например, экономический словарь терминов определяет человеческий капитал как навыки, знания и способности человека, которые позволяют ему получать доход. Это определение было расширено, чтобы включить нематериальные эффекты: человеческий капитал — это знания, умения и качества, воплощенные в людях, которые способствуют созданию личного, социального и экономического благосостояния [3; 8]. Как восприятие термина «человеческий капитал» изменилось в исторической перспективе, иллюстрирует блок-схема на рис. 1.

Доступ к образованию, знаниям и информатизации является наиболее востребованным в современном обществе. Они напрямую определяют качество и направление в формировании и развитии человеческого капитала. Рост и межрегиональная миграция человеческого капитала косвенно зависят от уровня развития информационной и инновационной инфраструктуры, поскольку являются неотъемлемой составляющей качества жизни. Оценка качества жизни в регионе позволяет нам оценивать позитивные и негативные процессы в этих областях, координировать межучрежденческое сотрудничество, направленное на улучшение условий, влияющих на него. Рейтинговая система позволяет оценить межрегиональные различия в области повышения уровня цифровизации и информатизации

в регионе, а следовательно, и качества жизни. Какова их ценность и как ее измерить? Многие показатели, характеризующие уровень развития информационной и инновационной инфраструктуры в различных регионах Российской Федерации, как и прежде, существенно различаются. Для определения его в регионах и оценки существующих дисбалансов в этой области ежегодно проводятся исследования, а рейтинги развития информационной и инновационной инфраструктуры составляются на основе объективных показателей. И не в последнюю очередь здесь значимо развитие инфраструктур в каждом регионе.

Для оценки качества жизни и рейтинга источником информации являются данные, полученные в Росстате, Министерстве здравоохранения России, Министерстве финансов России, Центральном банке Российской Федерации и других открытых источниках. Сбор данных осуществляется по 72 показателям, которые расставлены по 11 группам, характеризующим все основные аспекты и условия жизни в регионе — от уровня экономического развития и доходов до уровня обеспечения населения различными видами услуг и климатическими условиями в регионе проживания. Но нас в первую очередь интересует уровень развития информационной и инновационной инфраструктуры. Некоторые виды групп, в которые объединены рейтинги:

1. Социально-демографический климат.
2. Уровень и доступность образования населения.

Рис. 1. Изменение термина «человеческий капитал» в исторической перспективе

3. Предоставление объектов информационной инфраструктуры.

4. Уровень инновационного развития.

5. Цифровизация экономики.

6. Рынок труда.

Объективно эта система позволяет отслеживать динамику процессов, происходящих в регионе и влияющих на формирование и качество человеческого капитала. Насколько взаимосвязаны эти показатели и насколько они индивидуальны, показывает сводная таблица (табл. 1) [9].

Внутрирегиональная миграция человеческого капитала

Сегодня существует ряд экономических школ, которые по-разному относятся к концепции человеческого капитала. Неравномерное развитие социальной инфраструктуры в регионе порождает внутреннюю миграцию. В поисках лучших условий люди покидают деревни из-за отставания темпов роста качества образования, информатизации, цифровизации, объемов рынка труда. И они мигрируют в более удобные и развитые поселения и города. В качестве примера рассмотрим диаграмму внутренней миграции в Челябинской области (рис. 2).

Таким образом, мы можем оценить влияние инфраструктуры на приток, развитие и качество

человеческого капитала. Это, в свою очередь, позволит нам оценить потенциальное влияние человеческого капитала на экономику региона. Кроме того, эти результаты подчеркивают важность демографического перехода как механизма, который лежит в основе роста человеческого капитала, наблюдаемого в западных экономиках в XX в. [8].

Человеческий капитал — это набор системных элементов, где каждый элемент может быть востребован в определенной области экономики. Элементы этой системы могут быть как врожденными (физиологические, биологические характеристики и т. д.), так и приобретенными через образование, опыт, практику.

Факторы, определяющие человеческий капитал:

- способность к обучению и способность постоянно воспринимать новую информацию (профессиональное развитие или даже переподготовка);
- уровень профессионального образования и квалификации;
- опыт работы и профессиональные навыки;
- социальные навыки (умение самооценки, лидерство, нравственные качества, образование);
- интеллектуальные и аналитические навыки;
- физические и физиологические способности и возможности;
- интуиция, в том числе эмоциональный интеллект;

Таблица 1

Увеличение (уменьшение) человеческого капитала в регионах России в зависимости от развития инфраструктуры

Субъект РФ, в состав которого входит город	Рейтинговый балл в Рейтинге-2017*	Январь 2017 г., чел.	Январь 2016 г., чел.	Динамика роста/сокр., чел.	Прирост населения, %
Московская область	76,92	12 380 664	12 330 126	50 538	0,41
Санкт-Петербург	75,88	5 281 579	5 225 690	55 889	1,07
Новосибирская область	49,11	1 602 915	1 584 138	18 777	1,19
Свердловская область	56,80	1 455 514	1 444 439	11 075	0,77
Нижегородская область	55,50	1 261 666	1 266 871	-5205	-0,41
Республика Татарстан	65,59	1 231 878	1 216 965	14 913	1,23
Челябинская область	52,19	1 198 858	1 191 994	6864	0,58
Омская область	42,53	1 178 391	1 178 079	312	0,03
Самарская область	52,81	1 169 719	1 170 910	-1191	-0,10
Ростовская область	52,91	1 125 299	1 119 875	5424	0,48
Республика Башкортостан	50,53	1 115 560	1 110 976	4584	0,41
Красноярский край	46,15	1 082 933	1 066 934	15 999	1,50
Пермский край	45,26	1 048 005	1 041 876	6129	0,59
Воронежская область	61,21	1 039 801	1 032 382	7 419	0,72
Волгоградская область	40,22	1 015 586	1 016 137	-551	-0,05
...					
Приморский край	44,19	606 589	606 653	-64	-0,01

* Минимальный — 1; максимальный — 100.

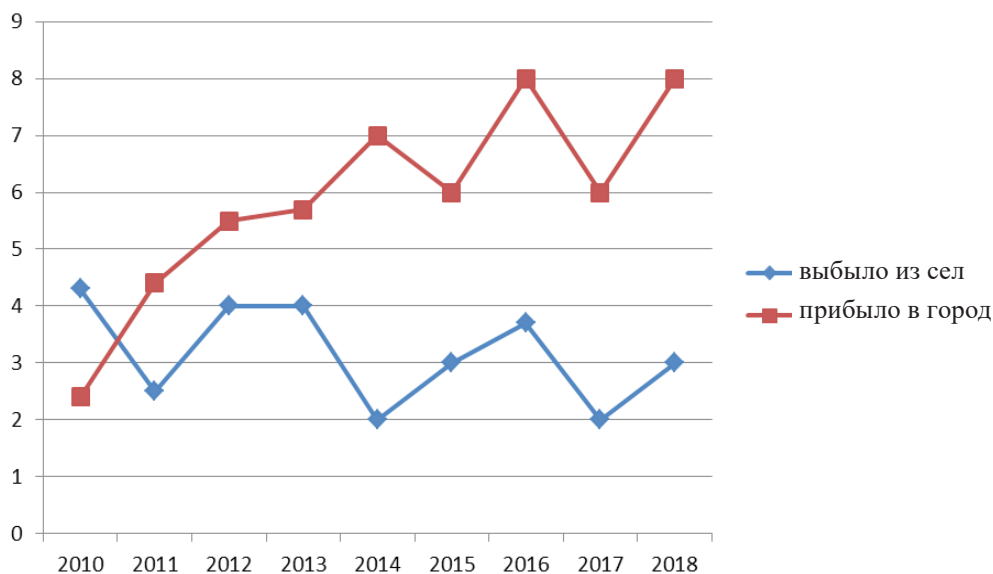

Рис. 2. Результаты внутрирегиональной миграции населения за последние восемь лет в Челябинской области

• умственная стабильность и скорость реакции, включая стрессоустойчивость.

Другими словами, мы можем сказать, что в экономическом плане это мера квалификации, образовательного потенциала и других индивидуальных характеристик, которые влияют не только на его производительный потенциал, но и на его потенциальный доход [11].

Характеристики и их комбинации очень индивидуальны, если не уникальны. Однако, согласно ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), человеческий капитал определяется как навыки и знания, компетенции и другие личные качества, воплощенные в отдельных лицах или профессиональных сообществах, приобретенные на протяжении всей жизни и используемые для производства товаров, услуг или различных типов интеллектуальной собственности в рыночных условиях. Но нельзя игнорировать такую вещь, как экономически активный возраст. «Экономически активный возраст — это четко определенный критерий, непосредственно связанный с временным диапазоном трудовой, профессиональной, деловой и творческой активностью экономически активного населения» [9].

Говоря о многослойной концепции человеческого капитала, мы не можем не коснуться такой концепции, как ядро поколения. «Образно говоря, этот термин можно сравнить с сердцем человека, который излучает энергию по всему телу. А именно, между 20 и 24 годами жизни каждый человек имеет возможность выбрать любой из возможных жизненных путей. В период с 25 до 29 лет идет поиск

своего пути, с 30 до 34 лет человек находит свой путь, делая осознанный выбор, а с 35 до 39 лет он интенсивно движется по выбранному пути. Для всех субъектов экономической и социальной среды это важно, поскольку на определенных этапах они, принимая наиболее важные решения, определяют направление будущей жизни. Это годы максимальной концентрации энергии и мотивации, вложений в будущее, которые для большинства людей в основном заняты карьерой, семьей и детьми» [Там же].

Например, совокупный человеческий капитал экономики, определяемый национальными образовательными стандартами, может регулироваться рядом параметров, связанных с потребностями рынка труда. Вы можете прогнозировать такие потребности прямо сейчас, и дальнейшая информатизация экономики приведет к планированию на основе прогнозов спроса (или потребности в том или ином виде специалистов на рынке труда) для данного уровня качества. Можно предположить, что это сократит безработицу, скорректирует количество мест по конкретной специальности в высших учебных заведениях и других профессиональных учебных заведениях, а также снизит социальную напряженность. Важно отметить, что человеческий капитал занимает центральное место среди показателей стратегической эффективности предприятия, так как он является источником максимизации прибыли компании и обеспечения ее устойчивости и минимизации затрат, а также выработки рекомендаций по ее развитию для современных предприятий [8].

Весьма актуальным можно считать тот факт, что в российской экономической среде возникает понимание того, что человек с его образованием, квалификацией [3], практическими навыками и опытом, в широком смысле этого слова, является важным и в то же время недооцененным экономическим ресурсом.

Возвращаясь к вопросу взаимосвязи между развитием человеческого капитала и инновационно-информационной инфраструктурой, необходимо отметить, что в первой половине 2018 г. по 100-балльной шкале интервал показателей индекса Digital Russia сузился и составил с 37,20 до 75,14 балла, тогда как в 2017 г. этот интервал составлял 26,06—70,01, что свидетельствует о сокращении разрыва между ведущим и закрывающим регионами Российской Федерации.

По результатам аналитики, в 2018 г. в десятку ведущих регионов вошли: Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра), Тюменская область, ЯНАО, Московская область, Республика Башкортостан, Ленинградская область, Челябинская область. Закрытие рейтинга: Севастополь, Псковская область, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Северная Осетия — Алания, Чукотский автономный округ, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Еврейская автономная область. Среднее медианное значение индекса в первой половине 2018 г. было 56,22 балла, тогда как в 2017 г. составляло 45,57 балла [15]. В табличном выражении по федеральным округам это представлено в табл. 2.

Особо следует отметить такие регионы, как Республика Дагестан, Костромская область, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Рязанская, Тверская, Брянская и Орловская

области. Темпы их роста в первом полугодии 2018 г. составили 61,1%, тогда как средние темпы роста по стране — 26,4% [15].

Авторская методика представленного рейтинга заслуживает особого внимания. Она учитывает количественные показатели и экспертную оценку, основанную на анализе метаданных, отражающих процессы оцифровки регионов. Индекс «Цифровая Россия» отражает существование и успех инициатив, связанных с цифровизацией на региональном уровне. Если инициатива подкреплена конкретными действиями (например, по созданию инфраструктуры), не противоречит стратегическому взгляду государства и имеет положительные социально-экономические и деловые последствия, она получает 100 баллов. Индекс основан на событиях, связанных с процессом оцифровки регионов, что отражено в официальных открытых источниках. Процесс оцифровки оценивается не только с точки зрения достижения целей, но и с точки зрения его публичности. Индекс оценивает этот процесс на основе публичных ссылок в открытых источниках с учетом достоверности, цитируемости и тональности событий. Каждое событие присваивается одному из семи ключевых компонентов, или субиндексов:

1. Нормативные и административные меры.
2. Человеческий капитал (персонал) и программы обучения.
3. Исследования компетенций и технологического фона.
4. Информационная инфраструктура.
5. Информационная безопасность.
6. Экономические показатели.
7. Социальные эффекты.

Субиндексы, в свою очередь, оцениваются с помощью субфакторов, которые в данном исследовании представляют собой события, факты и другую

Таблица 2

Результаты исследования на уровне федеральных округов

Положение	Федеральный округ	2018	2017	Изменения в 2018 г. относительно 2017 г.		
		+	-	%	Положение	+
1	Уральский	68,34	57,17	19,54	1	0
2	Приволжский	62,65	46,93	33,50	4	2
3	Центральный	62,24	50,05	24,36	3	0
4	Северо-Западный	62,02	50,90	21,85	2	-2
5	Сибирский	56,00	41,91	33,62	7	2
6	Дальневосточный	54,66	44,20	23,67	5	-1
7	Южный	53,88	43,06	25,13	6	-1
8	Северо-Кавказский	45,36	33,37	35,93	8	0

информацию, полученную из открытых источников. Экспертная оценка для каждого факта устанавливается на основе формализованных критериев, которые можно объединить в три ключевых блока:

1. Соответствие нормативным документам и государственной стратегии в области цифровизации.

2. Ощутимость события, то есть наличие конкретных шагов, действий, процессов.

3. Социально-экономические, финансовые и деловые последствия вышеуказанного факта [15].

Высокий уровень развития и качества человеческого капитала необходим для активной реализации институциональных реформ, модернизации государства, технологической модернизации производства и модернизации самой экономики. Как это обеспечить? Мы оцениваем природу постоянства и динамической взаимодополняемости между двумя компонентами человеческого капитала: генетическим потенциалом и познанием [16].

Таким образом, высокий уровень развития и качества человеческого капитала в государстве с динамично развивающейся экономикой позволяет обеспечить доступ к стабильному росту экономических показателей, повышению уровня и качества жизни. Человеческий капитал является основным генератором развития потенциала регионов, а следовательно, и устойчивого роста экономик развивающихся стран. Но что может послужить основой для формирования человеческого капитала необходимого уровня качества? Человеческий капитал является источником формирования единого кадрового корпуса, способного обеспечить рост производительности труда и обеспечить интеграцию всех имеющихся ресурсов, — формирование социально-экономической системы на инновационной основе [17]. Задача сохранения и развития человеческого капитала имеет стратегическое значение. По справедливому замечанию А. Маркова, «человеческий капитал в силу своей природы, своего экономического происхождения и воспроизводственных характеристик находится в сфере естественного взаимодействия государства, бизнеса, личности и общества в целом» [Цит. по: 17]. Таким образом, можно оценить конкретный мировой опыт экономического роста, например, в Китае. Важно сказать об инвестициях в человеческий капитал в Китае и его связях с участием Китая в мировой экономике. Культурная революция в значительной степени разрушила образование в Китае, особенно высшее образование. Данные начала 1960-х и 1970-х гг. показывают, что даже в школах обучается очень мало людей. И только тогда, когда правительство

начало финансировать образовательную и информационную инфраструктуру в достаточном объеме, Китай стал играть значительную роль в мировой экономике [13].

Возвращаясь к исследованию, можно смело сказать, что оно позволило выявить две группы тенденций, отражающих развитие цифровой экономики в России для субъектов Российской Федерации, на уровне государства и бизнеса, способствующих развитию человеческого капитала. Выявлен потенциальный интерес к оцифровке государственных услуг. Лидером является Федеральный портал государственных услуг и региональные порталы государственных услуг субъектов Российской Федерации.

Второй важной тенденцией, по мнению авторов исследования, стала мотивация частного бизнеса к развитию инновационных технологий. Значительно увеличен объем данных о создании «умных городов» (smart-city). Исследование также позволило выделить особый интерес к этой теме в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск, Уфа, Сочи, Пермь и Ростов-на-Дону. Социально-экономический эффект от использования и развития цифровых технологий при создании «умного города», согласно открытым источникам, заключается в основном в расширении спектра электронных государственных услуг и снижении уровня цифрового неравенства. Жители активно участвуют в управлении развитием городов через порталы для взаимодействия населения с властью, такие как, например, Active Citizen, Dobrodel, Solve Together и др.

Внедрение цифровизации как базиса для создания «умных городов» планируется осуществлять с помощью крупных компаний, специализирующихся на работе с информационным и телекоммуникационным секторами экономики регионов.

Благодаря работе федеральных и региональных законодательных органов значительно увеличилось количество правовых актов по цифровизации, имеющих практический характер с запланированными финансовыми и технологическими результатами. Прежде всего речь идет о создании и функционировании профильных центров, территорий опережающего экономического развития (ТОЭД), технопарков, в том числе детских.

Сегодня цифровизация из абстрактной концепции превращается в реальные действия различных государств. По оценкам International Data Corporation (IDC), в 2018 г. глобальные расходы

на цифровую трансформацию превысят 1 трлн долл. [15].

Говоря о ситуации в России и подводя итоги, следует отметить, что разрыв между региональными центрами, за исключением столичных регионов, не так велик, но есть ряд особенностей, которые нельзя упускать из виду.

Во-первых, степень развития инфраструктур, а именно этот аспект отражает показатель скорингового рейтинга, значительно выше среди тех субъектов, которые расположены ближе к столичному региону. И характерно, что в то же время отток населения в них примерно равен оттоку человеческого капитала из отдаленных регионов с наименее развитой инфраструктурой. Из этого можно сделать вывод: регионы с наиболее развитой инфраструктурой, более высоким качеством жизни и близостью к столице как магнит притягивают высококачественный человеческий капитал. Они опустошают регионы, в которых развивается инфраструктура, но нет никаких перспектив для дальнейшего развития и высокооплачиваемой занятости. В той же степени субъекты, в которых необходима инфраструктура менее развита и ощущается острая нехватка высококачественного человеческого капитала, страдают от потери этого ресурса, так как не могут обеспечить себя качественным человеческим капиталом. Во-вторых, климатические особенности, значительная удаленность, изоляция и другие качества некоторых регионов существенно усложняют жизнь человека и работу в этих условиях. Необходимо сгладить такие искажения.

Кроме того, существует такая проблема, как отсутствие финансирования процессов цифровизации как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это особенно актуально для тех субъектов России, где проблема дефицита бюджета не решена. Все регионы, которые подготовили проекты по цифровизации, рассчитывают на софинансирование из федерального центра. Но, согласно информации из открытых источников, из 1,08 трлн р. в качестве бюджетных вложений в цифровую экономику учитываются только две суммы как целевые инвестиции в регионы: 250 млн р. для доведения уровня безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры до указанных значений и 1,4 млрд р. — для подключения Чукотки к единой сети. Это еще один аспект цифрового неравенства, поскольку без доступа к Интернету невозможно использовать ни государственные службы,

ни службы Smart Cities. Тем не менее существует много проблем, особенно в отстающих регионах Российской Федерации, с внедрением современных стандартов сотовой связи. Только треть базовых станций сотовой связи поддерживают современный стандарт мобильного Интернета — 4G и LTE (Long-Term Evolution). Внедрение стандарта 5G отложено до 2022 г. По состоянию на конец 2018 г. 25 % населения России не имеют доступа в Интернет. Существует проблема нехватки учебных программ и дисциплин в новых профессиях, фактически уже существующих, но за пределами правового поля, например специалистов по цифровым активам и цепочке блоков. По-прежнему отсутствуют централизация и обобщение региональных цифровых проектов, обмен опытом, разработки. У промышленных предприятий, находящихся в государственной собственности, нет мотивации, за исключением сельского хозяйства, в связи с тем, что доступ к мировым рынкам ограничен санкциями, а внутренние заказы не требуют цифровой модернизации, поскольку нынешний уровень технологичности достаточен для их реализации.

В заключение следует отметить, что на данном этапе реализации программы «Цифровая экономика России» происходят качественные позитивные изменения, которые поддерживаются обществом. И эти изменения будут играть не менее важную роль в формировании качественного человеческого капитала. Уже сейчас это сопоставимо по инвестициям в жилье, детские сады, школы, университеты, больницы, спортивные и развлекательные комплексы, объекты культуры, транспорт, энергетические объекты, коммунальные услуги.

Теперь цифровизация экономики должна происходить на совершенно ином качественном и инновационном уровне, объединенном в единую информационную систему, где доступ человека к этим благам цивилизации является ключевой задачей и неотъемлемой частью цифровизации экономического пространства современной России. Все это сделает жизнь человека полноценной, качественной. Такой подход к развитию региональной инфраструктуры как к некой единой системе сегодня обусловлен необходимостью вывода ряда регионов из под экономического удара, связанного с противодействием агрессивной ситуации, сложившейся на международном рынке в последнее время. Важно понимать, что инвестиции в развитие, модернизацию, цифровизацию и инновации региональной инфраструктуры позволят напол-

нить рынок труда квалифицированными кадрами, сократить безработицу, увеличить доходы людей. Слаженно функционирующая цифровая экономика позволит обеспечить высокое качество жизни и станет прочной основой стабилизации мировой экономики.

Список литературы

1. Корчагин, Ю. А. Человеческий капитал как фактор роста и развития или стагнации, рецессии и деградации : монография / Ю. А. Корчагин. — Воронеж, 2016.
2. Managing the formation of human capital in the conditions of innovative economic development : monograph / S. V. Taktarova [et al.]. — Moscow : Russians, 2017. — 214 p.
3. Brik, L. V. On the essence of the concept “human capital” / L. V. Brik, A. G. Goreltsev // Vestnik of MSTU. — 2014. — V. 17, no 4. — P. 637—642.
4. Smith, A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples / A. Smith. — М. : Eksmo, 2007. — 956 p.
5. Laskowska, I. The Importance of Human Capital for the Economic Development of EU Regions / I. Laskowska, B. Dańska-Borsiak. — Comparative Economic Research. — 2016. — No. 19 (5). — P. 63—79.
6. Perepelkina, E. V. Reduction Of an Economy’s Raw Material Dependence and the Human Capital of a Country / E. V. Perepelkina, V. A. Perepelkin // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. — 2017. — Vol. 20, № 1. — P. 53—73.
7. Schultz, T. W. Economic value of education / T. W. Schultz. — N. Y., 1963.
8. Role of Human Capital among the Indicators of Enterprise’s Strategic Effectiveness / L. V. Ermolina, V. V. Golikov, Z. N. Kozenko, E. V. Ponosova // Quality access to success — 2018. — Vol. 19, no. 162.
9. Нурмухаметов, И. А. Экономически активный возраст рабочей силы / И. А. Нурмухаметов / Современные экономические отношения: в поисках новой модели. Вторая международная научная конференция. — Челябинск, 2016. — С. 29—33.
10. Капкаев, Y. S. Dependence of intramigration processes on the development of regional infrastructure / Y. S. Kapkaev, I. A. Nurmukhametov // CIEDR2018, International Scientific and Practical Conference “Contemporary Issues of Economic Development of Russia: Challenges and Opportunities”. — 2019. — No. 92. — P. 855—863.
11. Fernihough, A. Human capital and the quantity—quality trade-off during the demographic transition / A. Fernihough // J. of Economic Growth. — 2017. — Vol. 22, iss. 1. — P. 35—65.
12. Капкаев, Ю. Ш. Институциональные проблемы и региональная экономика / Ю. Ш. Капкаев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 32 (247). Экономика. Вып. 34. — С. 39—46.
13. Социально-экономическое развитие государства в контексте формирования инновационной среды / А. Ю. Аркатов, Е. И. Евтушенко, А. В. Манин, Е. С. Долженко, Ф. И. Рагимов. — 2014. — Т. 9, вып. 22. — С. 16843—16853.
14. Титаренко, Г. Г. Стратегия воспроизводства человеческого капитала в концепции развития национальной инновационной системы / Г. Г. Титаренко. — 2013. — Т. 11—12, вып. 1. — С. 27—29.
15. Цифровой индекс России. Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО, 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://d-russia.ru/vyshla-polnaya-versiya-rejtinga-regionov-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovizatsii-tsif> & # 8230.
16. Human capital growth and poverty: Evidence from Ethiopia and Peru / O. Attanasio, C. Meghir, E. Nix, F. Salvati. — Rev. of Economic Dynamics. — 2017. — No. 25. — P. 234—259.
17. Шеркунов, С. А. Управление инновационной деятельностью на основе развития человеческого капитала (региональный аспект) : автореферат / С. А. Шеркунов. — Владимир, 2011.
18. Zhou, Y. Human capital, institutional quality and industrial upgrading: global insights from industrial data / Y. Zhou // Economic Change and Restructuring. — 2018. — Vol. 51, iss. 1.

Сведения об авторах

Капкаев Юнер Шамилевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Нурмухаметов Илья Анатольевич — преподаватель, инженер по качеству кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. 89058323808@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 91—101.

ON THE FORMATION OF HIGH-QUALITY HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Yu.Sh. Kapkaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

I.A. Nurmukhametov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. 89058323808@mail.ru

The object of research in the article is human capital, as well as the influence of the federal target program “Electronic Russia” on the regional policy in the development of regional information and innovation infrastructure. The study will analyze the effectiveness of public administration in stimulating the development of the digital economy, mass dissemination of information and communication technologies, ensuring the rights of citizens to free access to information about the activities of state bodies and the process of forming high-quality human capital. Understanding the nature of the objects under study will make it possible to evaluate the effectiveness of the processes of modernization of the regional infrastructure, evaluate the effectiveness of existing tools and use the results of the study to develop new approaches to solving infrastructure problems at the regional and state levels. The aim of the study is to identify key areas in the development of information and innovation infrastructure, contributing to improving the quality of human capital. According to the results of the study, we need to solve the tasks or argue the existence of factors that impede the achievement of results.

Keywords: *human capital, quality of human capital, digitalization, information and innovation infrastructure of the region.*

References

1. Korchagin Y.A. *Russian human capital: a factor of development or degradation?*. Voronezh, 2005. 252 p.
2. Taktarova S.V. and others. *Managing the formation of human capital in the conditions of innovative economic development: monograph*. Moscow, 2017. 214 p. (In Russ.).
3. Brik L.V., Goreltsev A.G. On the essence of the concept “human capital”. *Vestnik of MSTU*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 637-642.
4. Smith A. *Research on the nature and causes of the wealth of peoples*. M., Eksmo, 956 Pages, 2007.
5. Laskowska I., Dańska-Borsiak B. The Importance of Human Capital for the Economic Development of EU Regions. *Comparative Economic Research*, 2016, 19 (5), Pp. 63-79.
6. Perepelkina Ye.Ye., Perepelkin V.A. Reduction Of an Economy’s Raw Material Dependence and the Human Capital of a Country. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 53-73.
7. Schultz Theodor W. *Economic value of education*. N.Y., 1963.
8. Yermolina L.V., Golikov V.V., Kozenko Z.N., Ponosova Ye.V. *Rol’ chelovecheskogo kapitala sredi pokazateley strategicheskoy effektivnosti predpriyatiya* [The role of human capital among the indicators of strategic enterprise performance], 2018, vol. 19, iss. 162, pp. 92-95.
9. Nurmukhametov I.A. *Ekonomicheski aktivnyy vozrast rabochey sily* [Economically active labor age]. *Sovremennyye ekonomicheskiye otnosheniya: v poiskakh novoy modeli, vtoraya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Modern economic relations: in search of a new model, the second international scientific conference]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 29-33. (In Russ.).
10. Kapkaev Y.S., Nurmukhametov I.A. Dependence of intramigration processes on the development of regional infrastructure. *CIEDR International Scientific and Practical Conference “Contemporary Issues of Economic Development of Russia: Challenges and Opportunities”*, 2018, no. 92, pp. 855-863.
11. Fernihough A. Human capital and the quantity-quality trade-off during the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 2017, vol. 22, iss. 1, pp. 35-65.

12. Kapkayev Yu.Sh. *Institutsional'nyye problemy i regional'naya ekonomika* [Institutional problems and regional economics] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 32 (247), pp. 39-46. (In Russ.).
13. Arkatov A.Yu., Yevtushenko Ye.I., Manin A.V., Dolzhenko Ye.S., Ragimov F.I. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye osudarstva v kontekste formirovaniya innovatsionnoy sredy* [Socioeconomic development of the state in the context of the formation of an innovative environment], 2014, vol. 9-22, pp. 16843-16853. (In Russ.).
14. Titarenko G.G. *Strategiya vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala v kontseptsii razvitiya natsional'noy innovatsionnoy sistemy* [Human capital reproduction strategy in the concept of development of the national innovation system], 2013, no. 11-12, vol. 1, pp. 27-29. (In Russ.).
15. *Tsifrovoy indeks Rossii, Tsentri finansovykh innovatsiy i beznalichnoy ekonomiki Moskovskoy shkoly upravleniya SKOLKOVO, 2018* [Russian Digital Index, Center for Financial Innovation and Cashless Economy]. Available at: <http://d-russia.ru/vyshla-polnaya-versiya-rejtinga-regionov-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovizatsii-8230>. (In Russ.).
16. Attanasio O., Meghir C., Nix E., Salvati F. Human capital growth and poverty: Evidence from Ethiopia and Peru. *Review of Economic Dynamics*, 2017, 25, pp. 234-259.
17. Sherkunov S.A. *Upravleniye innovatsionnoy deyatel'nost'yu na osnove razvitiya chelovecheskogo kapitala (regional'nyy aspekt)* [Innovation management based on the development of human capital (regional aspect)], Vladimir, 2011. (In Russ.).
18. Zhou Y. Human capital, institutional quality and industrial upgrading: global insights from industrial data. *Economic Change and Restructuring*, 2018, vol. 51, iss. 1.

ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Г. А. Шавкун, Е. А. Литвин

Донецкий государственный технический университет, Донецк, Украина

Рассмотрено современное состояние лесопромышленного комплекса Российской Федерации. Проведен анализ динамики объемов производства и экспорта основных видов продукции лесного комплекса России, который выявил превышение более чем в три раза объема экспорта над объемом импорта за 2015—2018 гг. Выделены ключевые проблемы, препятствующие дальнейшему развитию отрасли: неэффективность восстановления лесов, низкая рентабельность производства, периодическое повышение цен на топливо и коммерциализация транспортных услуг, недостаточное материально-техническое, кадровое, научное обеспечение и др. На основе выделенных проблем предложены мероприятия по их устранению и минимизации негативного воздействия: улучшение законодательного поля, повышение эффективности государственной поддержки, переход на «зеленые» технологии, грамотная инвестиционная политика предприятий и др.

Ключевые слова: *лесопромышленный комплекс, объем экспорта, лесовосстановление, деревообработка, рентабельность, инвестиции, незаконная вырубка лесов.*

По площади лесов Российская Федерация занимает лидирующую позицию в мире. Запасы древесины составляют одну четвертую часть мировых запасов леса, а их общее количество, пригодное для рубки, — 1,4 млрд м³, при этом ежегодный прирост — 830 млн м³ [20]. Общий экспорт по основной продукции лесопромышленного комплекса (ЛПК) России в 2018 г. составил около 53 %, основными экспортно-ориентированными секторами были изготовление пиломатериалов (экспорт составил почти 80 % общего производства) и древесных плит (экспорт более 40 %, главным образом за счет березовой фанеры) [17]. Леса также удовлетворяют потребность промышленности в лесных ресурсах, выполняют важнейшие средообразующие, средозащитные, водоохранные, почвозащитные и иные полезные функции: рекреации, туризма, охоты, заготовки живицы, пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений.

Различным вопросам лесопромышленного комплекса посвящены труды как русских ученых: М. М. Орлов (проблемы лесопромышленного комплекса) [11], А. Ф. Рудзкий (сформировал основу российско-го лесостроительства в рамках рыночной многоукладной экономики) [16], Н. А. Моисеев (развитие лесостроительства) [7; 8], В. В. Печаткин (вопросы лесопользования и лесовосстановления) [12; 13], — так и зарубежных: Б. Гуннеберг (о необходимости добровольной лесной сертификации) [2], Г. Дейли (ресурсные аспекты теории устойчиво-

го экономического развития) [3], Ю. Одум (основные проблемы экологии) [10], П. Х. Пирс (экономика лесного хозяйства) [14]. Вопросам разработки новых способов лесовосстановления уделяли внимание И. А. Бех [4], Г. А. Салимова, Р. М. Хасрудиков [18], Д. И. Мухортов, Т. В. Нуреева А. В. Ушнурцев [9] и др.

Цель статьи — выявление существующих проблем лесопромышленного комплекса Российской Федерации и определение возможных направлений их решения на основе изучения его современного состояния.

Под лесной промышленностью понимается совокупность отраслей, заготавливающих и обрабатывающих древесину, производящих из древесных ресурсов посредством химической и механической обработки готовую продукцию различной степени технологической сложности. К отраслям лесной промышленности Российской Федерации относятся: лесозаготовка, целлюлозно-бумажная промышленность, деревообработка и лесная химия. Каждая отрасль отвечает за определенный вид работ (заготовка древесины, обработка древесного сырья, химическая обработка и др.).

На сегодняшний день на территории РФ преобладают хвойные деревья, представляющие для промышленности большую ценность, нежели деревья с листьями. Также следует отметить, что леса территориально произрастают неравномерно. Больше всего лесов расположено в пяти областях: Северной,

Уральской, Волго-Вятской, Дальневосточной и Сибирской, которые обеспечивают около 80 % всей промышленной древесины [5].

Лесная промышленность использует значительное количество деревянного сырья, но при этом остается весомая часть отходов. Примерно 20 % отходов возникает на этапе заготовки древесины, а от 40 до 70 % образуется в результате обработки древесины [Там же]. Поэтому существенным условием размещения деревообрабатывающих предприятий является их близость к источникам сырья. В связи с этим все процессы технологической цепочки — от заготовки до переработки дерева — проводятся в районах, располагающих естественными лесами.

Следует также отметить, что места распилки и другой переработки дерева (изготовление фанеры, предметов мебели, деталей для строительных нужд) могут находиться и там, где ведется заготовка леса, и там, где лесов нет (туда привозят уже спиленные деревья). Большой частью предприятия по распилу и переработке леса располагаются вблизи рек (низовья и устья), а также в местах, где реки, по которым сплавляют бревна, пересекают железнодорожные магистрали.

Для более детального рассмотрения проблем развития лесного комплекса РФ изучим динамику объемов производства основных видов продукции, используя для этого данные табл. 1.

Согласно данным табл. 1, по сравнению с базовым 1990 г. в отчетном 2016 г. снизились объемы лесозаготовки на 30 % и пиломатериалов на 43 %. Но при этом наблюдается рост объемов производства бумаги и картона на 3 %, ДСП — на 18, ДВП — на 5, а фанеры на 135 %. Также в 2016 г. началось производство товарной целлюлозы, что свидетельствует о развитии лесной промышленности.

В 2017 г. ЛПК России произвел продукции на сумму 1,64 трлн р. (\$28 млрд), из которой на экспорт приходилось \$11,3 млрд (40,4 %), что в 3,5 раза больше объема импорта, который составил \$3,2 млрд. Следует отметить, что за последние четыре года (2015—2018) Россия почти в два раза снизила импортозависимость по лесопромышленной продукции. Об этом свидетельствуют данные табл. 2 [6].

Но, несмотря на то что современная лесная промышленность Российской Федерации переходит на производство более выгодной и экономически эффективной продукции, существует ряд проблем,

Таблица 1

Динамика объемов производства основных видов продукции лесного комплекса РФ

Наименование продукции	Годы							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2016/1990, %
Лесозаготовка, млн м ³	304	150	165,9	185	175,5	205,2	213,8	70
Пиломатериалы ¹⁾ , млн м ³	75,0	26,5	20,0	23,9	28,9	41,0 ³⁾	42,6 ³⁾	57
Целлюлоза товарная, тыс. т							2625	—
Бумага и картон, тыс. т	8325	4074	5312	7448	7583	8196	9024	103
Древесные плиты, в том числе:	5986	2440	2627	4319	5864	9931	10402	—
— древесно-стружечная плита (ДСП), тыс. м ³	5568	2206	2335	3930	5466	6591	6573	118
— древесноволокнистая плита (ДВП), тыс. м ³	418	234	292	389	398	492	437	105
— древесноволокнистая плита средней плотности (МДФ), тыс. м ³						2230	2595	—
— ориентированно-стружечная плита (ОСП), тыс. м ³						618	797	—
Пеллеты, тыс. т						974	1112	—
Мебель ²⁾ , млрд р.	6	12	18	48	89	137	144	—
Фанера, тыс. м ³	1597	939	2777	2556	2689	3607	3759	235
Лесохимия, млн р.							2797	—
Домокомплекты, тыс. м ³						2669	2400	—

Примечание: составлено по данным [21].

¹⁾ С учетом корректировки сведений официальной статистики.

²⁾ В текущих ценах производителей.

³⁾ С учетом предприятий малого и среднего бизнеса.

Таблица 2

Объем экспорта продукции ЛПК Российской Федерации, млрд долл. США

Наименование товара	Годы			
	2016	2017	2018	2019 (прогноз)
Круглый лес, млн м ³	20,1	19,4	19,0	18,5
Пиломатериалы, млн м ³	27,0	29,7	31,9	35,0
Фанера, тыс. м ³	2461	2472	2683	2700
ДСП, тыс. усл. м ³	1627	1773	2036	2100
ДВП, млн усл. м ²	124	139	160	170
Гранулы топливные (пеллеты), тыс. т	1072	1439	1513	1550
Целлюлоза и древесная масса, тыс. т	2498	2605	2630	2650
Бумага, картон и изделия из них, тыс. т	3050	3273	3458	3500

которые не только препятствуют дальнейшему развитию отрасли, но и несут в себе экологическую угрозу. Среди таких проблем наиболее серьезными являются [7; 12]:

- недостаточная эффективность восстановления леса;
- отсутствие четкой и полной законодательной базы в сфере лесного производства и регулирования экономических отношений с иностранными партнерами;
- незаконная вырубка лесов;
- низкая рентабельность производства;
- перманентный рост цен на топливо и коммерциализация транспортных услуг;
- бесконтрольное инвестирование;
- недостаточный уровень материально-технического, научного и кадрового обеспечения.

Вышеперечисленные проблемы требуют разработки комплекса мер по их решению, в противном случае дальнейшее развитие как лесной промышленности, так и всего лесного комплекса России будет затруднительно.

Первая из проблем, требующая решения, — это низкая эффективность восстановления леса. По мнению Г. А. Салимовой, в России наблюдается уменьшение площади лесовосстановления с 1453,7 тыс. га в 1995 г. до 961,8 тыс. га в 2017 г., то есть почти на 34 % (табл. 3).

Как показывают данные табл. 3, доля искусственного лесовосстановления в общей его площади также снизилась — с 25,2 % в 1995 г. до 18,4 % в 2017 г., то есть на 6,8 п. п. В связи с отставанием темпов восстановления и воспроизводства лесных ресурсов по сравнению с интенсивностью и скоростью их использования на состояние окружающей среды, лесного хозяйства, а также здоровья населения страны будет оказываться негативное воздействие.

Решением данной проблемы является переход на «зеленые» технологии, а также разработка и утверждение «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», последнее было успешно осуществлено Правительством РФ 20 сентября 2018 г. [20]. Основными целями, указанными в данной стратегии, являются:

Таблица 3

Динамика показателей восстановления леса в РФ [18. С. 91]

Год	Лесовосстановление, тыс. га		Доля искусственного лесовосстановления в его общей площади, %
	всего	в том числе искусственное	
1995	1453,7	366,9	25,2
2000	972,9	263,3	27,1
2005	812,3	187,1	23,0
2010	811,5	170,8	21,0
2011	860,0	196,5	22,8
2012	841,7	184,9	22,0
2013	872,3	186,9	21,4
2014	863,0	187,4	21,7
2015	802,9	182,2	22,7
2016	839,9	178,7	21,3
2017	961,8	176,6	18,4

— устойчивое лесоуправление, инновационное и эффективное развитие использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, позволяющих обеспечить опережающий рост лесного сектора экономики, социальную и экологическую безопасность страны, безусловное выполнение международных обязательств России в части лесов;

— улучшение конкурентоспособности лесной промышленности в долгосрочной перспективе и рост вклада лесного комплекса в социально-экономическое развитие страны.

Для решения проблемы возгорания лесов необходимо внедрить комплексное противопожарное обустройство территорий, которое на данный момент происходит по не согласующимся между собой нормативам.

Примером решения проблемы восстановления лесов может служить компания «Монди СЛПК», которая начиная с 2009 г. производит восстановление лесов саженцами с закрытой корневой системой, выращенными в собственном питомнике. Общий объем выпуска готовой продукции питомника составляет 8 млн саженцев в год, что полностью удовлетворяет потребность в посадочном материале. В молодых лесах создаются благоприятные условия для роста насаждений на рекультивированных вырубках. В результате проведенных лесоустроительных работ, а также в рамках интенсификации ведения лесного хозяйства на арендуемых лесных участках подготовлен фонд площадей для проведения выборочных рубок ухода [1].

Для решения проблемы незаконной вырубке лесов следует принять ряд мер:

— разработать и принять соответствующий законодательный акт, четко регламентирующий ответственность за рубку леса;

— создать государственную комиссию (другой орган), которая будет систематически отслеживать состояние лесов, и контролировать все сделки по купле/продаже древесины;

— решить проблему социальной неустроенности жителей регионов заготовки и обработки дерева (открытие новых предприятий, увеличение числа рабочих мест и др.).

Постоянный рост цен на топливо и переход транспорта на коммерческую основу являются значительной проблемой для лесного хозяйства, поскольку рост тарифов влечет за собой дополнительные затраты. Так как в некоторых регионах России (европейская часть) леса значительно вырублены, а восстановление требует существенных затрат времени, есть проблемы, вызванные

нехваткой сырья. Поэтому его приходится завозить из дальних регионов. Но при постоянном росте цен на топливо и транспортных тарифов перевозка на дальние расстояния экономически невыгодна для предприятий лесной промышленности, и в связи с этим происходит сокращение объемов производства. Поэтому для устранения таких проблем необходимо предоставлять льготы некоторым транспортным компаниям, осуществляющим перевозки сырья для лесной промышленности. Также позволит гарантировать стабильность и надежность сделок с компаниями лесного комплекса России создание государственной транспортной компании.

Из-за отсутствия законодательной базы в сфере лесного производства не регулируются экономические отношения с зарубежными предприятиями. Поэтому иностранные покупатели, приобретающие экспортную продукцию лесного комплекса России, устанавливают свои цены и условия сделок. Правительству РФ необходимо разработать соответствующие законодательные акты, которые будут четко устанавливать правила осуществления экономических операций с зарубежными предприятиями. Это позволит обеспечить гарантию сделок и безопасность обеим сторонам в случае непредвиденных обстоятельств, а также избежать мошенничества и коррупции.

Еще одним важным моментом в создании новых законодательных актов является обеспечение контроля над инвестициями. В связи с тем что инвестиции в лесной комплекс России не контролируются государством должным образом, отсутствует гарантия безопасности деятельности инвесторов, как отечественных, так и иностранных. Также следует отметить, что современное лесное хозяйство имеет частный характер в связи с преобладанием компаний с частной формой собственности, поэтому решение о привлекательности вложений принимается на уровне частного бизнеса. Для решения этой проблемы необходимо, помимо создания и принятия законодательных актов, осуществлять государственные заказы на продукцию лесного комплекса, потребляемую внутри страны.

Вопрос низкой рентабельности производства также является значительным. Из-за большого количества отходов, которые в дальнейшем не перерабатываются, лесное производство теряет не только дополнительную прибыль от создания других продуктов, но и вырубает больше леса, чем необходимо, что, в свою очередь, негативно отражается на экологии. Для успешного внедрения

и дальнейшего использования безотходных технологий необходимо создать комплекс с единой транспортной и соответствующей энергетической базой, которая будет поддерживать его дальнейшую успешную работу.

Решение проблемы низкой рентабельности может также обеспечиваться за счет решения другой проблемы — отсутствия компетентных кадров и материально-технической оснащенности предприятий. В связи с тем что в последнее время сократилось количество исследователей, занимающихся проблемой развития лесного комплекса России, интерес к работе в данной отрасли значительно сократился. Если государство в дальнейшем не сможет обеспечить возобновление кадрового потенциала в данной отрасли, лесной комплекс не только не сможет развиваться, но и станет убыточной сферой экономики. Таким образом, государству необходимо стимулировать интерес населения к получению соответствующих знаний и работе в лесном комплексе. Этого можно достичь посредством взаимодействия государства с частными предпринимателями в области обновления и развития лесной промышленности и лесного комплекса в целом.

Проблему обновления материально-технической базы предприятий возможно решить посредством грамотного распределения инвестиций данных предприятий, которые должны направлять свои вложения по подразделениям, больше всего требующим обновления и реконструкции, а также значимым для производственного процесса. Следовательно, необходимо разработать и реализовать долгосрочные программы, направленные на создание предпосылок и условий для обеспечения безопасной и эффективной работы

основного технологического и вспомогательного оборудования, а также для безопасной и надежной эксплуатации зданий и сооружений. В частности, АО «Монди СЛПК» в качестве долгосрочных проектов осуществляет модернизацию высоковольтного оборудования, кранового хозяйства, реконструкцию зданий с заменой стеновых панелей и покрытий и др. [15].

Следует также отметить, что решения вышеперечисленных проблем можно достичь посредством гарантии инвестиций. Так как транснациональные корпорации являются основными владельцами и распространителями инноваций, целесообразно привлекать их, а также стимулировать отечественных инвесторов к вложению средств в развитие лесной промышленности. Таким образом, при предоставлении четкой информации, гарантии безопасности и льготах государство обеспечит прилив капитала и обновление мощностей предприятий, что, в свою очередь, будет способствовать развитию лесной промышленности Российской Федерации.

Из всего вышеперечисленного следует, что лесная промышленность Российской Федерации является не только прибыльной, но и динамично развивающейся отраслью. Однако, как и в любой другой отрасли экономики, в лесной существуют определенные проблемы, оказывающие влияние не только на лесную промышленность, но и на экологию, население страны. Для решения существующих проблем был предложен ряд мероприятий, осуществление которых как на уровне Правительства Российской Федерации, так и на уровне бизнеса позволит не только устранить их, но и обеспечить дальнейшее стабильное развитие лесной промышленности и повысить прибыльность отрасли.

Список литературы

1. Годовой отчет АО «Монди СЛПК» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=643&type=2> (дата обращения 10.03.2019).
2. Гуннеберг, Б. Добровольная лесная сертификация и ее роль в международной промышленной кооперации / Б. Гуннеберг // 2-й Международный лесной форум «Лес и Человек». Рациональное использование лесных ресурсов. Состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса России в XXI веке (Москва, 7—9 сент. 2004 г.). — М., 2004. — С. 35—42.
3. Дейли, Г. Экономическая теория устойчивого развития : пер. с англ / Г. Дейли. — Киев : Интелсфера, 2002.
4. Леса и лесное хозяйство Новосибирской области / И. А. Бех, А. Э. Платайс, И. В. Таран, С. И. Кабалин ; отв. ред. И. Ю. Коропачинский. — Новосибирск : Наука, 1979. — 269 с.
5. Лесная и деревообрабатывающая промышленность России [Электронный ресурс]. — URL: http://wood-prom.ru/analitika/14431_lesnaya-i-derevoobrabatyvayuschaya-promyshlennost (дата обращения 30.04.2019).

6. Лесопромышленный комплекс: итоги 2018 года и планы на 2019 год. Взгляд Минпромторга России [Электронный ресурс]. — URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/lesopromyshlennyj-kompleks-itogi-2018-i-planu-na-2019-god-vzglyad-minpromtorga-rossii.html> (дата обращения 30.04.2019).
7. Моисеев, Н. А. Лесоустройство: прошлое, настоящее и будущее / Н. А. Моисеев // Изв. высш. учеб. заведений. Лес. журн. — 2017. — № 3. — С. 9—21.
8. Моисеев, Н. А. Анализ влияния лесного хозяйства на динамику лесного фонда и организация устойчивого их развития / Н. А. Моисеев, Т. И. Моисеева // Лес. вестн. — 2012. — № 5 (88). — С. 154—166.
9. Мухортов, Д. И. О разработке новых технологий искусственного лесовосстановления / Д. И. Мухортов, Т. В. Нуреева, А. В. Ушнурцев // Вестн. Поволж. гос. технол. ун-та. Сер.: Лес. Экология. Природопользование. — 2014. — № 4 (24). — С. 85—89.
10. Одум, Ю. Основы экологии : пер. с англ. / Ю. Одум. — М., 1975. — 740 с.
11. Орлов, М. М. Лесоуправление, как исполнение лесоустроительного планирования / М. М. Орлов. — Л., 1930. — 283 с.
12. Печаткин, В. В. Лесной сектор экономики России: прошлое, настоящее и будущее / В. В. Печаткин // Всерос. экон. журн. ЭКО. — 2013. — № 5. — С. 95—107.
13. Печаткин, В. В. Эволюция лесопользования и лесовосстановления в России: мифы и реальность / В. В. Печаткин // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 2. — С. 161—170.
14. Пирс, П. Х. Введение в лесную экономику / П. Х. Пирс. — М. : Экология, 1992. — 221 с.
15. Раскрытие информации АО «Монди СЛПК» [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.lprime.ru/Portal/Default.aspx?emid=1121003135> (дата обращения 02.03.2019).
16. Рудзкий, А. Ф. Руководство к устройству русских лесов / А. Ф. Рудзкий. — 2-е изд. — СПб., 1893. — 256 с.
17. Рябинина, О. Лесопромышленный комплекс ждет перемен: лес, рубки и маркировка [Электронный ресурс] / О. Рябинина. — URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/lesopromyshlennyj-kompleks-zhdet-peremen-les-rubki-i-markirovka.html> (дата обращения 30.04.2019).
18. Салимова, Г. А. Оценка воспроизводства лесных ресурсов в Российской Федерации / Г. А. Салимова, Р. М. Хасрудиков // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. — 2018. — № 2 (70). — С. 90—94.
19. Состояние лесной промышленности в России, перспективы и проблемы развития [Электронный ресурс]. — URL: <https://promzn.ru/derevoobrabotka/lesnaya-promyshlennost-v-rossii.html> (дата обращения 02.04.2019).
20. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] : утверждена распоряжением Правительства Рос. Федерации от 20 сент. 2018 г. № 1989-р. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/551187885> (дата обращения 30.04.2019).
21. Структура и краткая характеристика лесного комплекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/struktura-i-kratkaya-kharakteristika-lesnogo-kompleksa-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения 08.03.2019).

Сведения об авторах

Шавкун Галина Афанасьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики Донецкого национального технического университета, Донецк, Украина. galina.shavkun@mail.ru

Литвин Елена Александровна — бакалавр кафедры международной экономики Донецкого национального технического университета, Донецк, Украина. hellitvin@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 102—109.

THE FOREST INDUSTRY IN RUSSIA: MODERN PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

G.A. Shavkun

Donetsk National Technical University, Donetsk, Ukraine. galina.shavkun@mail.ru

E.A. Litvin

Donetsk National Technical University, Donetsk, Ukraine. hellitvin@gmail.com

The article discusses the current state of the timber industry complex of the Russian Federation. The analysis of the dynamics of production volumes and exports of the main types of products of the forest complex of Russia, which revealed an excess of more than three times the volume of exports over imports for 2015-2018. The key problems hindering the further development of the industry are highlighted: inefficiency of forest restoration, low profitability of production, periodic increase in fuel prices and commercialization of transport services, insufficient logistical, personnel, scientific support, etc. negative impact: improving the legislative field, increasing the effectiveness of state support, the transition to “green” technologies, literate I am an investment policy of enterprises, etc.

Keywords: *timber industry complex, export volume, reforestation, woodworking, profitability, investments, illegal logging.*

References

1. *Godovoj otchet AO “Mondi SLPK”* [Annual Report of JSC Mondi STIC]. Available at: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=643&type=2>, accessed 21.04.2019. (In Russ.).
2. Gunneberg B. Dobrovol'naya lesnaya sertifikaciya i eyo rol' v mezhdunarodnoj promy'shlennoj kooperacii [Voluntary forest certification and its role in international industrial cooperation]. *2-j Mezhdunarodny'j lesnoj forum “Les i Chelovek”*. *Racional'noe ispol'zovanie lesny'x resursov. Sostoyanie i perspektivy' razvitiya lesopromy'shlennogo kompleksa Rossii v XXI veke* [2nd International forest forum “Forest and Man”. Rational use of forest resources. Status and prospects of development of the timber industry in Russia in the XXI century]. Moscow, 2004. Pp. 35-42. (In Russ.).
3. Dejli G. *Ekonomicheskaya teoriya ustojchivogo razvitiya* [Economic Theory of Sustainable Development]. Kiev, 2002. (In Russ.).
4. Bex I.A., Platajs A.E., Taran I.V., Kabalin S.I. *Lesy i lesnoe hozyajstvo Novosibirskoj oblasti* [Forests and forestry of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, 1979. 269 p. (In Russ.).
5. *Lesnaja i derevoobrabatyvajuschaya promyshlennost' Rossii* [Russian timber and woodworking industry]. Available at: http://wood-prom.ru/analitika/14431_lesnaya-i-derevoobrabatyvajuschaya-promyshlennost, accessed 20.04.2019. (In Russ.).
6. *Lesopromyshlennyj kompleks: itogi 2018 i plany na 2019 god. Vzglyad Minpromtorga Rossii* [Timber industry complex: results of 2018 and plans for 2019. View of the Ministry of Industry and Trade of Russia]. Available at: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/lesopromyshlennyj-kompleks-itogi-2018-i-plany-na-2019-god-vzglyad-minpromtorga-rossii.html>, accessed 01.05.2019. (In Russ.).
7. Moiseev N.A. Lesoustrojstvo: proshloe, nastoyashee i budushee [Forest management: past, present and future]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Lesnoj jurnal* [Proceedings of higher educational institutions. Forest Journal], 2017, no. 3, pp. 9-21. (In Russ.).
8. Moiseev N.A., Moiseeva T.A. Analiz vliyaniya lesnogo hozyajstva na dinamiku lesnogo fonda i organizaciyu ustojchivogo ix razvitiya [Analysis of the impact of forestry on the dynamics of the forest fund and the organization of their sustainable development]. *Lesnoj vestnik* [Forest Journal], 2012, no. 5, pp. 154-166. (In Russ.).
9. Muxortov D.I., Nureeva T.V., Ushnurcev A.V. O razrabotke novyh texnologij iskusstvennogo lesovostanovleniya [On the development of new technologies of artificial reforestation]. *Vestnik Povolzhskogo gosu-*

darstvennogo texnologicheskogo universiteta. Ser.: Les. Ekologiya. Prirodopol'zovanie [Bulletin of the Volga State University of Technology. Ser.: Forest. Ecology. Nature use], 2019, no. 4 (24), pp. 85-89. (In Russ.).

10. Odum Yu. *Osnovy e'kologii* [Fundamentals of Ecology]. Moscow, 1975. 740 p. (In Russ.).

11. Orlov M.M. *Lesoupravlenie, kak ispolnenie lesoustroitel'nogo planirovaniya* [Forest management, as the execution of forest management planning]. Leningrad, 1930. 283 p. (In Russ.).

12. Pechatkin V.V. Lesnoj sector jekonomiki Rossii: proshloe, nastoyaschee i budushee [The forest sector of the Russian economy: past, present and future]. *Vserossijskij ekonomicheskij jurnal JEKO* [All-Russian Economic Journal ECO], 2013, no. 5, pp. 95-107. (In Russ.).

13. Pechatkin V.V. Evolyuciya lesopol'zovaniya i lesovosstanovleniya v Rossii: mify i real'nost' [The evolution of forest management and reforestation in Russia: myths and reality]. *Ekonomicheskie i social'ny'e pereмены: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 2, pp. 161-170. (In Russ.).

14. Pirs P.H. *Vvedenie v lesnyuyu e'konomiku* [Introduction to Forest Economics]. Moscow, 1992. 221 p. (In Russ.).

15. *Raskrytie informatsii AO "Mondi SLPK"* [Information disclosure of JSC Mondi STIC]. Available at: <https://disclosure.lprime.ru/Portal/Default.aspx?emid=1121003135>, accessed 21.04.2019. (In Russ.).

16. Rudzkij A.F. *Rukovodstvo k ustrojstvu russkix lesov* [Guide to the device of Russian forests]. St. Petersburg, 1893. 256 p. (In Russ.).

17. Rjabinina O. *Lesopromyshlennyj kompleks zhdet peremen: les, rubki i markirovka* [The timber industry complex is waiting for change: forest, logging and marking]. Available at: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/lesopromyshlennyj-kompleks-zhdet-peremen-les-rubki-i-markirovka.html>, accessed 30.04.2019. (In Russ.).

18. Salimova G.A., Hasrudikov R.M. Otsenka vosproizvodstva lesnyh resursov v Rossijskoj Federatsii [Evaluation of the reproduction of forest resources in the Russian Federation]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of the Orenburg State Agrarian University], 2018, no. 1, pp. 90-94. (In Russ.).

19. *Sostojanie lesnoj promyshlennosti v Rossii, perspektivy i problemy razvitiya* [State of the forest industry in Russia, prospects and problems of development]. Available at: <https://promzn.ru/derevoobrabotka/lesnaya-promyshlennost-v-rossii.html>, accessed 02.04.2019. (In Russ.).

20. *Strategiya razvitiya lesnogo kompleksa Rossijskoj Federacii do 2030 goda* [Strategy of development of a forest complex of the Russian Federation till 2030, approved by order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2018 No. 1989-p]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/551187885>, accessed 30.04.2019. (In Russ.).

21. *Struktura i kratkaya harakteristika lesnogo kompleksa Rossijskoj Federatsii* [Structure and brief description of the forest complex of the Russian Federation]. Available at: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/struktura-i-kratkaya-kharakteristika-lesnogo-kompleksa-rossijskoj-federatsii.html>, accessed 20.04.2019. (In Russ.).

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В РОССИИ

Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Развитие туризма в России — достижимая задача, так как наша страна занимает пятое место в мире по количеству уникальных естественных объектов и девятое — по количеству объектов культурного наследия. Необходимо создать модель развития туризма, которая позволит получать мультипликативный доход с инвестиций в туристическую и спортивную инфраструктуру (приблизительно 1,2 трлн р. инвестировали только в чемпионат мира по футболу-2018). Это поможет России разносторонне развить экономику и снизить зависимость от экспорта энергетических и природных ресурсов. Развитие туризма также позволит развивать бизнес (особенно малый и средний) в других секторах экономики, сопряженных с туристической отраслью. Развитие туризма в промышленных регионах России, имеющих значительный туристический потенциал, может стать фактором решения серьезных проблем охраны окружающей среды в этих регионах. Цель статьи состоит в том, чтобы изучить основные тенденции в развитии туристической отрасли в России. В работе проанализированы основные теоретические подходы к развитию туризма после крупных спортивных событий, представлен анализ современного состояния туристической отрасли в стране, а также анализ финансового состояния туристских организаций, в том числе в регионах, в которых проходили крупные спортивные мероприятия.

Ключевые слова: *туристическая отрасль, туристическая инфраструктура, спортивные события.*

Введение

Развитие туризма в России — процесс, который пока еще малозначим для правительства и российской экономики. Доля туристического бизнеса в ВВП — все еще меньше чем 2,5%, Россия занимает только 59-е место в рейтинге конкурентоспособности туристического сектора, согласно данным Всемирной туристской организации (UNWTO). В то же время международный опыт показывает очень высокую доходность туризма, сопоставимую с рентабельностью нефтяной отрасли. В последние годы много крупных международных спортивных мероприятий было организовано в России: Универсиада в Казани в 2013 г., Олимпийские игры в Сочи в 2014 г., чемпионат мира по футболу в 11 городах России в 2018 г. и большое количество других, менее значительных. В результате были созданы современная спортивная и туристическая инфраструктура (новые аэропорты, дороги, отели, туристические маршруты и объекты). Дальнейшее использование созданной инфраструктуры для развития внутреннего и внешнего туризма должно стать приоритетным направлением развития экономики. Задача, которую ставит президент РФ перед нашей страной, — это быть готовой отвечать на «большие вызовы» [14]. Для этого экономика должна быть максимально диверсифицированной и, самое главное, должна быть создана институциональная основа для ускоренного развития российского пред-

принимательства, в том числе в сфере туризма, так как эта отрасль представлена не крупными корпорациями, а в основном малым и средним бизнесом. Крайне слабыми на сегодняшний день остаются финансовые институты поддержки бизнеса. Не создана адекватная среда для развития среднего и малого предпринимательства. Роль банковского сектора зачастую ограничивается лишь простым кредитованием малого и среднего бизнеса, причем под крайне неприемлемый процент. В итоге можно утверждать, что один из основных инструментов финансовой поддержки бизнеса — инструмент банковского кредитования — и тот работает с неполной отдачей. Экономический рост требует инноваций и инвестиций, которые могут появиться только в результате предпринимательской деятельности. Кроме того, правительству следует оказывать прямую и косвенную финансовую поддержку, а также создавать дополнительные стимулы для развития предпринимательства. Развитие отрасли туризма в нашей стране может стать новым драйвером роста и развития, источником иностранных инвестиций.

Обзор литературы

К. О. Бутаева, Ш. Вебер, Д. В. Давыдов занимаются анализом эффективности с экономической и социальной точки зрения крупных спортивных событий, они предлагают классификацию эффектов от спортивных событий на материальные и немате-

риальные и исследуют современные тренды в экономическом влиянии спорта на туризм [8]. В работе таких авторов, как П. Скандиззо и М. Перлеони, рассматривается влияние Олимпийских игр на экономику регионов, в том числе анализируются аспекты устойчивого экономического развития. Эти авторы используют обширный эмпирический материал, при помощи метода анализа издержек и прибыли исследуют те выгоды, которые получает город, где проводятся Игры, а также страна в целом, отдельно разбирают эффекты от летних и зимних Игр, а также от Паралимпиад [4]. Ученые указывают на то, что отдельные исследования не всегда адекватно оценивают положительные эффекты, так как занижают уровень затрат на проведение таких масштабных мероприятий, как Олимпийские игры. К. Сворт, Р. Джордж, Дж. Кассар исследуют опыт проведения чемпионата мира по футболу 2014 г. в Бразилии. Авторы предлагают модель развития туризма, позволяющую оценить вероятность повторного посещения Рио-де-Жанейро футбольными болельщиками. Модель включает анализ таких факторов удовлетворенности туристов, как информационное обеспечение, имидж территории и криминальные риски. Авторы приходят к выводам о необходимости тщательного маркетингового создания и продвижения бренда территории [5].

Р. Мерер и Х. Н. Линс также исследуют влияние чемпионата мира 2014 г. и Олимпийских игр 2016 г. на развитие туризма и экономическое развитие Бразилии. Они выявили увеличение притока туристов примерно на 50% во время чемпионата мира по футболу в течение двух месяцев и на 28% в течение месяца во время Олимпиады, правда, отмечают, что эти эффекты носят краткосрочный характер [1].

К. Яо, Э. Шварц изучают влияние ежегодных спортивных событий и перспективы воздействия на принимающее сообщество (на примере всемирных чемпионатов по гольфу в Шанхае, КНР). Исследование проведено путем анкетирования 1047 резидентов Шанхая. Выделены шесть факторов воздействия этого события, на основе которых даны рекомендации для маркетологов по лучшему обеспечению нужд как туристов, так и резидентов [6].

М. Мюллер, К. Гаффни занимаются сравнительным анализом урбанистического влияния чемпионатов мира по футболу и Олимпийских игр с 2010 по 2016 г. Эти исследователи предложили аналитическую матрицу для сравнения эффектов от таких событий, влияющих на развитие городов. Ученые установили, что наибольшее влияние оказывает

не само событие, а политические и экономические факторы. Города в демократических странах с рыночной экономикой испытывают меньше неблагоприятных воздействий и лучше используют выгоды, нежели города в странах с плановой экономикой [2].

Р. Поудер, Дж. Кларк, Дж. Фенич исследуют развитие организаций, занимающихся маркетингом территорий, и использование ими спортивных мероприятий. Рассматриваются основные инструменты, используемые этими организациями. Исследование базируется на пятиступенчатой методике интервьюирования руководителей данных организаций. В современной литературе по предпринимательству основное внимание уделяется странам с развитыми экономиками, однако новые исследования в литературе начали изучать и развивающиеся страны в результате быстрого роста этих стран за последние два десятилетия [3]. Также увеличивается число исследований, изучающих предпринимательскую экосистему в России. Д. А. Плетнев анализирует качественные различия в поведении и механизмах поддержки малых и средних форм бизнеса, подчеркивая важнейшую роль малого бизнеса в развитии экономики, предлагает «отказаться от практики налогообложения создающихся малых развивающихся предприятий в первые пять лет их деятельности, с последующим предоставлением налоговых каникул в порядке премирования за стабильную работу» [12].

В отечественной экономической литературе интерес к теме туризма возник сравнительно недавно, и работы в основном направлены на изучение частных вопросов развития туризма в отдельных регионах. Так, например, Р. А. Канцеров, А. С. Аджигова и Н. Н. Школьников изучают вопросы развития туризма в Карачаево-Черкесской Республике, рассматривая в качестве основных условий развития необходимость улучшения инфраструктуры, повышение качества обслуживания и маркетинговую политику продвижения туристского продукта республики [9]. И. В. Никифоров рассматривает основные пути повышения эффективности управления туризмом на государственном уровне. Автор предлагает сместить акценты управления на территориальный уровень, а также сделать упор на создании необходимых институциональных механизмов, в том числе упрощенных туристских и таможенных формальностей и обеспечении других услуг в пунктах въезда и выезда туристов; четко определенные методы усиления и распределения экономических выгод туризма и т. д. [11].

О. А. Бакуменко предлагает использовать кластерный подход в развитии туризма и разрабатывает методику оценки эффективности функционирования туристических кластеров [7]. В. М. Матюнин указывает на необходимость формирования комплексного туристического продукта, проработки ценовой политики и развития транспортной отрасли для развития туризма в России [10]. Однако теоретические и методологические проблемы во многих случаях плохо представлены, и это подрывает научную строгость исследований, которые они представляют.

Анализ состояния туристической отрасли в России

По данным экспертов, вклад туристической отрасли в странах ЕС составляет около 9% ВВП и занимает второе место в экономике, а в России пока не превышает 1,5%. Рассмотрим показатели развития въездного и выездного туризма в 2014—2018 гг. Расчеты проведены на основе данных статистического сборника Росстата России за 2017 г. [13]. Данные представлены в табл. 1 и 2.

Основные тенденции следующие. Во-первых, показатели выездного туризма значительно превышают количество иностранных туристов. В течение рассматриваемого периода существенно изменить

поток туристов из-за рубежа не удалось. Основные страны, из которых приезжают туристы: Украина и Казахстан (то есть ближайшие соседи, имеющие сильные связи с нашей страной), из стран дальнего зарубежья это Китай, Финляндия, Польша. В Стратегии развития туризма России одним из запланированных показателей было увеличение потока иностранных туристов до 40 млн чел. к 2020 г. [15]. Основные факторы, сдерживающие развитие въездного туризма, по мнению экспертов: необходимость получения российской визы, недостаточное развитие гостиничной инфраструктуры и ее несоответствие уровню цен, низкий уровень туристического информирования (часто маршруты не выделены для туристов, иностранными языками мало кто владеет, трудно получить необходимую информацию о транспорте, ценах, достопримечательностях), опасения туристов за безопасность.

Пик активности выездного туризма за рассматриваемый период приходится на 2014 г., когда количество туристов составило почти 43 млн чел., в дальнейшем происходит резкое снижение, которое за четыре года составило более 3 млн, что связано прежде всего со снижением реальных доходов населения, а также с изменением курса валют по отношению к рублю, в результате чего стоимость поездки за границу увеличилась очень значительно.

Таблица 1

Показатели въездного туризма, тыс. чел.

Страна	2014	2015	2016	2017	Январь — сентябрь 2018
Всего	25 438	26 852	24 571	24 390	19 245
Казахстан	3 733	4 711	3 564	3 485	2 699
Китай	874	1 122	1 289	1 478	1 413
Польша	1 772	1 725	1 017	714	526
Финляндия	1 380	1 416	1 319	1 017	720
Украина	8 436	8 912	8 569	8 723	6 373

Таблица 2

Показатели выездного туризма, тыс. чел.

Страна	2014	2015	2016	2017	Январь — сентябрь 2018
Всего	42 921	34 390	31 658	39 629	32 910
Абхазия	3 282	3 824	4 257	4 344	3 621
Казахстан	3 330	3 125	2 850	2 978	2 310
Китай	1 731	1 284	1 676	2 003	1 449
Турция	4 216	3 460	797	4 520	4 907
Украина	2 558	1 657	1 804	2 283	1 793
Финляндия	4 283	3 067	2 894	3 333	2 498
Эстония	1 775	1 477	1 511	1 728	1 343

Страны, наиболее часто посещаемые россиянами: Турция, Абхазия, Финляндия, Казахстан, Украина, Эстония и Китай. В табл. 3 представлены основные финансовые показатели, характеризующие развитие индустрии туризма в целом.

Рассмотрим данные табл. 3 о развитии туризма в России. В 2015 г. существенно увеличилось количество организаций, занятых в отрасли, — более чем на 12 тыс. Доля прибыльных организаций варьируется от 73,4 до 74,53 %, суммарная выручка превысила в 2016 г. 3 трлн р., а прибыль — 300 млрд р. Наиболее активное строительство туристических баз, мотелей, кемпингов, баз отдыха наблюдается в 2014 г., что связано с подготовкой туристической инфраструктуры к Олимпиаде в Сочи. В табл. 4 представлены основные экономические показатели, характеризующие отрасль туризма за 2017 г.

Данные за 2017 г. приведены в табл. 4, их формат отличается в связи с переходом на новые формы ста-

тистической отчетности. Оборот сектора туризма составил почти 2,5 трлн р., в этом секторе занято более миллиона человек, существенно количество основных фондов — более 4 трлн р. В табл. 5 приведены данные о структуре отрасли с точки зрения занятых в отрасли фирм.

В табл. 5 приведены данные о деятельности туристических фирм. За период с 2011 по 2017 г. количество фирм увеличилось на 3314, что составило 32 %, — это значительный рост, который говорит в целом о расширении туристической отрасли. Наибольшее количество фирм в этом секторе занято турагентской деятельностью (почти 82 %). При этом количество продаваемых туров практически не изменилось, а пик продаж приходился на предкризисный 2013 г. Заметно постепенное сближение продаж туров внутри страны и за рубежом. Если в 2012—2013 гг. доля туров внутри России составляла 18—19 %, то в 2017 г. — уже 35 %. Стоимость

Таблица 3

**Отдельные показатели деятельности организаций туристической индустрии
(по сумме кодов ОКВЭД-2007, входящих в собирательную группировку «Туризм»)**

Наименование статистических показателей	Ед. изм.	2014	2015	2016
Число организаций	ед.	72 744	85 115	86 968
Число прибыльных организаций	ед.	53 390	62 592	64 821
Число убыточных организаций	ед.	19 354	22 523	22 147
Выручка (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей)	млрд р.	2531,9	2815,3	3103,4
Прибыль	млрд р.	224,7	155,0	302,6
Убыток	млрд р.	211,7	325,4	141,7
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток)	млрд р.	13,0	-170,4	161,0
Ввод в действие объектов туризма				
гостиницы	мест	10 328	11 976	10 822
санатории	коек	1378	395	356
дома отдыха	мест	1482	709	730
туристские базы	мест	1522	358	371
мотели	мест	516	25	149
кемпинги	мест	86	28	60

Таблица 4

**Отдельные показатели деятельности организаций туристической индустрии
(по сумме кодов ОКВЭД2, входящих в собирательную группировку «Туризм»)**

Наименование статистических показателей	Ед. изм.	2017
Средняя численность работников	чел.	1 191 464
Среднемесячная начисленная заработная плата работников	р.	46 160
Оборот	млрд р.	2417,3
Инвестиции в основной капитал	млрд р.	314,0
Наличие основных фондов по полной учетной стоимости на конец года	млрд р.	4147,5
Ввод новых основных фондов (значение показателя за год)	млрд р.	238,6
Степень износа основных фондов на конец года	%	36,3

Таблица 5

Показатели деятельности фирм, занятых туристкой деятельностью, в 2011-2017 гг.

Период	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число туристских фирм (на конец года) — всего	10 266	10 773	11 324	11 614	11 893	12 395	13 580
в том числе занимались: туроператорской деятельностью	548	463	478	445	349	549	723
туроператорской и турагентской деятельностью	1351	1441	1362	1306	1159	1479	1723
турагентской деятельностью	7787	8265	8936	9307	9701	9300	11 134
только экскурсионной деятельностью	580	604	548	556	684	1067	—
Число реализованных населению турпакетов — всего, тыс.	4427	4763	5384	4384	4024	3352	4390
по территории России	929	905	969	992	1331	1529	1552
по зарубежным странам	3326	3738	4240	3253	2482	1625	2605
Стоимость реализованных населению турпакетов — всего, млн р.	175 366	208 118	249 898	243 453	239 554	192 624	281 229
по территории России	21 265	22 746	23 876	25 444	50 517	49 166	52 290
по зарубежным странам	152 610	183 309	222 002	214 308	183 970	138 120	222 171

проданных туров увеличилась на 60% и составила в 2017 г. 281 млрд р., при этом за данный период стоимость туров по территории России выросла в 2,45 раза, но составила лишь 18,6% общей стоимости туров. Стоимость поездок по зарубежным странам увеличилась на 45,6%.

Рассмотрим отраслевую структуру таких регионов, как Краснодарский край и Республика Татарстан (в которых проходили крупные спортивные мероприятия), в сравнении со среднероссийскими показателями; данные представлены в табл. 6.

Мы видим, что отраслевая структура экономики рассматриваемых регионов значительно отличается от некой среднероссийской. В Краснодарском крае практически вдвое больше развиты отрасли транспорта и связи и строительства, почти втрое — гостиничная отрасль, также развитым является сельское хозяйство. Республику Татарстан с точки зрения отраслевой структуры экономики можно охарактеризовать как промышленный регион, поскольку суммарно на добывающие и обрабатывающие производства приходится более 40% ВРП, причем эта доля существенно увеличилась за десять лет. Доля гостиниц и ресторанов почти удвоилась, но при этом меньше, чем по России в среднем, зато достаточно серьезно развита отрасль транспорта и связи.

Далее подробнее рассмотрим финансовые результаты предприятий Краснодарского края, данные представлены в табл. 7.

Как мы видим из данных табл. 7, значительными темпами увеличивалась выручка в 2014 г.

(на 24%), всего за пять лет объем выручки увеличился на 14,3 млрд р. При этом практически на всем рассматриваемом периоде данный сектор генерирует чистые убытки, которые в 2013 г. достигают 2,8 млрд р., а в 2014 г. уже 25,6 млрд, что связано, скорее всего, с о значительными вложениями в строительство основных фондов. В 2017 г. в секторе получено 725 млн р. чистой прибыли.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о состоянии отрасли туризма в России. В последние годы наблюдается уменьшение туристических потоков, что связано со снижением платежеспособности населения, а также с недостаточной развитостью туристической инфраструктуры и недоверием (что касается внешнего туризма). В то же время число организаций, занятых в этой промышленности, увеличивается, большая часть их занята деятельностью туристических агентств. Значительно увеличилась стоимость туров, особенно по территории России, что затрудняет развитие внутреннего туризма. Это не способствует развитию туристической индустрии. В двух регионах в результате проведения крупных спортивных соревнований создана инфраструктура мирового уровня, инвестиции в которую серьезно повлияли на экономику региона в целом. Помимо экономических результатов и активации инвестиционной деятельности и бизнеса, есть также существенные социальные эффекты: увеличения интереса к спорту и культуре, новым рабочим местам.

Таблица 6

Отраслевая структура ВРП по некоторым регионам

Отрасль ВРП	Россия в среднем, 2005	Краснодарский край, 2005	Республика Татарстан, 2005	Россия в среднем, 2015	Краснодарский край, 2015	Республика Татарстан, 2015
Сельское хозяйство	5,2	15,7	7,8	5,2	12,4	7,5
Рыболовство	0,3	0,1	0	0,3	0,1	0
Добыча ископаемых	12,8	1,9	30,9	11,2	0,6	21,6
Обрабатывающие производства	18,5	13,0	16,9	17,1	12,9	19,1
Производство электроэнергии	3,8	3,3	1,9	3,6	2,5	2,5
Строительство	5,7	9,4	10	6,9	10,9	9,1
Торговля	21,8	14,3	11,2	18,1	17,1	14,2
Гостиницы и рестораны	0,9	2,4	0,5	1,1	2,9	0,9
Транспорт и связь	10,6	19,3	7,3	9,4	16,5	6,5
Финансовая деятельность	1,1	0,0	0,5	0,5	0,3	0,3
Операции с недвижимостью	9,0	7,1	4,8	12,7	8,8	9,0
Государственное управление	2,9	3,7	1,8	5,2	4,6	2,7
Образование	2,8	3,3	2,6	3,1	3,3	2,8
Здравоохранение	3,1	4,9	2,3	4,1	4,7	2,5
Прочее	1,5	1,6	1,5	1,5	2,4	1,3

Таблица 7

Показатели выручки и чистой прибыли по предприятиям по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта в Краснодарском крае, 2013—2017 гг.

Выручка (нетто) от продажи, тыс. р., 2013 г.	Выручка (нетто) от продажи, тыс. р., 2014 г.	Выручка (нетто) от продажи, тыс. р., 2015 г.	Выручка (нетто) от продажи, тыс. р., 2016 г.	Выручка (нетто) от продажи, тыс. р., 2017 г.
25 615 345,76	31 749 707	34 097 112	39 086 360	39 893 413
Темп роста, цепной, %	123,95	107,39	114,63	102,06
Чистая прибыль (убыток), тыс. р., 2013 г.	Чистая прибыль (убыток), тыс. р., 2014 г.	Чистая прибыль (убыток), тыс. р., 2015 г.	Чистая прибыль (убыток), тыс. р., 2016 г.	Чистая прибыль (убыток), тыс. р., 2017 г.
-2 880 183,44	-25 638 815	-1 205 528	-7 053 421	725 205

Список литературы

1. Meurer, R. The effects of the 2014 World Cup and the 2016 Olympic Games on Brazilian international travel receipts / R. Meurer, H. N. Lins // *Tourism economics*. — 2018. — В. 24, iss. 4. — P. 486—491.
2. Muller, M. Comparing the Urban Impacts of the FIFA World Cup and Olympic Games from 2010 to 2016 / M. Muller, C. Gaffney // *J. of sport & social issues*. — В. 42, iss. 4. — P. 247—269.
3. Poudier, R. W. An exploratory study of how destination marketing organizations pursue the sports tourism market / R. W. Poudier, J. D. Clark, G. G. Fenich // *J. of destination marketing & management*. — 2018. — В. 9. — P. 184—193.
4. Scandizzo, P. L. Assessing the Olympic Games: the economic impact and beyond / P. L. Scandizzo, M. R. Pierleoni // *J. of economic surveys*. — В. 32, iss. 3. — P. 649—682.
5. Swart, K. The 2014 FIFA World Cup (TM): Tourists' satisfaction levels and likelihood of repeat visitation to Rio de Janeiro / K. Swart, R. George, J. Cassar // *J. of destination marketing & management*. — 2018. — В. 8. — P. 102—113.
6. Yao, Q. Impacts and implications of an annual major sport event: A host community perspective / Q. Yao, E. C. Schwarz // *J. of destination marketing & management*. — 2018. — В. 8. — P. 161—169.
7. Бакуменко, О. А. Развитие подходов к оценке эффективности функционирования региональных туристских кластеров / О. А. Бакуменко // *Регион. экономика: теория и практика*. — 2013. — № 46. — С. 41—50.
8. Бутаева, К. О. Анализ эффективности спортивных мегасобытий: взгляд экономиста / К. О. Бутаева, Ш. Вебер, Д. В. Давыдов // *Вопр. экономики*. — 2018. — Вып. 7. — С. 149—160.

9. Канцеров, Р. А. Финансовые аспекты формирования эффективной системы индустрии туризма в Карачаево-Черкесской Республике / Р. А. Канцеров, А. С. Аджикова, Н. Н. Школьников // Вестн. ВолГУ. Сер. 3: Экономика. Экология. — 2017. — Т. 19, № 4. — С. 21—30.

10. Матюнин, В. М. Актуальные вопросы развития туризма в России и регионах [Электронный ресурс] // В. М. Матюнин. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-razvitiya-turizma-v-rossii-i-regionah> (дата обращения 27.06.2019).

11. Никифоров, И. В. Повышение эффективности управления развитием отрасли туризма в России / И. В. Никифоров // Журн. правовых и экон. исслед. — 2010. — № 4. — С. 102—105.

12. Плетнев, Д. А. Институциональные формы малого и среднего бизнеса в России: качественные различия в поведении и инструментах поддержки / Д. А. Плетнев // Институциональная трансформация экономики: пространство и время : сб. докл. V Междунар. науч. конф. — Кемерово, 2017. — С. 115—119.

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 г. P32 : стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 1402 с.

14. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утверждена Указом Президента Рос. Федерации от 1 дек. 2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. — URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoj-federatsii-na-dolgosrochnyy-period/> (дата обращения 28.06.2019).

15. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года : утверждена распоряжением Правительства Рос. Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р.

Сведения об авторе

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 110—117.

THE ANALYSIS OF TOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIA

E.S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

Development of tourism in Russia is the process which is still low-operated and insignificant for government. The share of tourist industry in GDP is still less than 2.5%, Russia takes only the 59th place in the rating of competitiveness of the tourist sector, according to data of World Tourism Organization (UNWTO). At the same time the international experience shows very high profitability of tourism comparable to the oil-extracting sector. In recent years many international sporting events took place in Russia: the Universiade in Kazan in 2013, the Olympic Games in Sochi, 2014, the FIFA World Cup in 11 cities of Russia in 2018 and a lot of other less considerable. As a result modern sport and touristic infrastructure has been created (the new airports, roads, hotels, tourist routes and objects). Further use of the created infrastructure for development of internal and external tourism has to become the priority direction of development of national economy. Development of tourism in Russia – quite achievable task as our country takes the fifth place in the world on number of unique natural objects and the ninth on number of objects of cultural heritage. It is necessary to make tourism development model which will allow to gain multiplicative income from the investments into tourist and sports infrastructure (about 1.2 trillion rubles have been invested only in holding World Cup 2018). It will help Russia to diversify economy and to stop being dependent on energy and natural resources, thus advancing business in other sectors interfaced to tourism. Development of tourism in the industrial regions of Russia having considerable natural and recreational potential can become a factor of the solution of the serious environmental problems in these regions. The purpose of article consists in studying top trends in development of tourism industry in Russia. In work the main theoretical approaches to development of tourism after the important sports events are analyzed, the analysis of the current state of tourism industry in the country and also financial analysis of tourism organizations, including in regions in which there took place large sporting events is submitted.

Keywords: *touristic industry, sport events, touristic infrastructure.*

References

1. Meurer R., Lins H.N. The effects of the 2014 World Cup and the 2016 Olympic Games on Brazilian international travel receipts. *Tourism economics*, 2018, b. 24, iss. 4, pp. 486-491.
2. Muller M., Gaffney C. Comparing the Urban Impacts of the FIFA World Cup and Olympic Games From 2010 to 2016. *Journal of sport & social issues*, b. 42, iss. 4, pp. 247-269.
3. Poudier R.W., Clark J.D., Fenich G.G. An exploratory study of how destination marketing organizations pursue the sports tourism market. *Journal of destination marketing & management*, 2018, b. 9, pp. 184-193.
4. Scandizzo P.L., Pierleoni M.R. Assessing the Olympic Games: the economic impact and beyond. *Journal of economic surveys*, b. 32, iss. 3, pp. 649-682.
5. Swart K., George R., Cassar J. The 2014 FIFA World Cup (TM): Tourists' satisfaction levels and likelihood of repeat visitation to Rio de Janeiro. *Journal of destination marketing & management*, 2018, b. 8, pp. 102-113.
6. Yao Q., Schwarz E.C. Impacts and implications of an annual major sport event: A host community perspective. *Journal of destination marketing & management*, 2018, b. 8, pp. 161-169.
7. Bakumenko O.A. Razvitie podhodov k ocenke effektivnosti funkcionirovaniya regional'nyh turistskih klasterov [Development of approaches to assessing the effectiveness of regional tourism clusters]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2013, no. 46, pp. 41-50. (In Russ.).
8. Butaeva K.O., Veber Sh., Davydov D.V. Analiz effektivnosti sportivnyh mega sobytij: vzglyad ekonomista [Analysis of the effectiveness of sports mega events: economist's view]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2018, iss. 7, pp. 149-160. (In Russ.).
9. Kancerov R.A., Adzhikova A.S., Shkol'nikova N.N. Finansovye aspekty formirovaniya effektivnoj sistemy industrii turizma v karachaevno-cherkesskoj respublike [Financial aspects of the formation of an effective system of tourism industry in the Karachay-Cherkess Republic]. *Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* [Vestnik Volga. Series 3: Economics. Ecology], 2017, vol. 19, no. 4, pp. 21-30. (In Russ.).
10. Matyunin V.M. *Aktual'nye voprosy razvitiya turizma v Rossii i regionah* [Topical issues of tourism development in Russia and regions]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-razvitiya-turizma-v-rossii-i-regionah>, accessed 27.06.2019. (In Russ.).
11. Nikiforov I.V. Povyshenie effektivnosti upravleniya razvitiem otrasli turizma v Rossii [Improving the efficiency of management of tourism industry development in Russia]. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij* [Journal of legal and economic research], 2010, no. 4, pp. 102-105. (In Russ.).
12. Pletnev D.A. Institucional'nye formy malogo i srednego biznesa v rossii: kachestvennye razlichiya v povedenii i instrumentah podderzhki [Institutional forms of small and medium business in Russia: qualitative differences in behavior and support tools]. *Institucional'naya transformatsiya ekonomiki: prostranstvo i vremya Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Institutional transformation of the economy: space and time]. Kemerovo, 2017. Pp. 115-119. (In Russ.).
13. *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017 g.* [Region of Russia. Socio-economic indicators. 2017]. M., 2017. 1402 p. (In Russ.).
14. *Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii (utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2016 g. No 642)* [Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation (approved by the decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642)]. Available at: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoj-federatsii-na-dolgosrochnyy-period>, accessed 28.06.2019. (In Russ.).
15. *Strategiya razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 maya 2014 goda №941-r)* [Strategy of tourism development in the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the order of the Government of the Russian Federation dated may 31, 2014 no. 941-p)]. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 7 (429). Экономические науки, вып. 65. С. 118—123.

УДК 338.242
ББК 65.050.9(4Рос)

10.24411/1994-2796-2019-10713

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ В РЕОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В. М. Федоров, О. В. Михалев, Н. А. Кулик

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Цель исследования заключается в анализе основных детерминант и элементов моделей иррационального группового поведения сотрудников в реорганизационный период. Приведены результаты исследования существующих и представленных в научных статьях моделей иррационального поведения, выделены такие особенности иррационального поведения, как интуитивное, неосознанное следование определенным стандартам поведения, наличие априорных убеждений и оппозиционных фундаментальных метафизических установок. Описывается значимость идентификации иррациональных элементов организационного поведения, оказывающих влияние на достижение стратегических целей. Произведена оценка возможностей использования инструментов управления организационной культурой при нивелировании иррациональных составляющих группового поведения. Для эффективного управления иррациональным организационным поведением в реорганизационный период предложен системный комплекс мероприятий.

Ключевые слова: *иррациональное поведение, реорганизация, корпоративная этика, организационная культура, локальные субкультуры.*

Одним из основных ресурсов организации выступает высококвалифицированный персонал. В трансформационный период деятельность персонала определяет организационный облик в будущем, вследствие чего сохраняет актуальность вопрос об управлении иррациональным организационным поведением. Без изучения природы иррационального поведения и его учета в научных исследованиях экономические теоретические построения остаются неполными, редуцированными и неадекватными изучаемой реальности [7]. В этой связи авторы настоящего исследования ставят его целью выявить основные характеристики, определяющие и формирующие иррациональное поведение группы в сложный период реформирования организации, рассмотреть их во взаимосвязи с сопутствующей динамикой организационной культуры и на этой основе разработать комплексный подход к управлению поведением работников в подобных ситуациях.

Как правило, основными детерминантами «нездорового» (деструктивно-иррационального) поведения сотрудников являются:

— деструктивные проявления противостояния лидеров, появление антилидеров, повышение уровня токсичности персонала;

— увеличение количества внутриорганизационных конфликтов, напряженный социально-психологический климат, появление деструктивных локальных субкультур в организационной среде;

— нарушение слаженной коллективной работы и системы обратной связи, слабые внутриорганизационные связи, неразвитая организационная культура, отсутствие нормативной базы по корпоративной этике и внутренним коммуникациям;

— самоизолированность деятельности большей части структурных подразделений при выполнении общих стратегических задач, самоустранение большинства руководителей отделов в принятии управленческих решений в трансформационный период;

— неэффективная система материального стимулирования и морального поощрения;

— отсутствие инициативных решений, исполнительская пассивность, дублирование функций, неотлаженные бизнес-процессы, возрастание энтропии организационных процессов, нерациональная организационная структура;

— распад организационного ценностного ядра и его несоответствие ценностным ориентациям сотрудников.

Данные факторы сигнализируют о наличии иррациональных составляющих в организационном поведении.

Иррациональное организационное поведение ориентировано на достижение целей без тщательной предварительной оценки сложившейся ситуации и существующих возможностей. Иррациональность подразумевает по большей части необдуманные поступки сотрудников, основанные на чувственном или интуитивном порыве. Чаще всего иррациональное поведение держится на вере работника в позитивный результат практически при полном непонимании, какими именно средствами и методами желаемый результат будет достигаться. Принцип иррациональности защищает сотрудника от разрушительной критики собственных мотивов, когда он избегает тщательного предварительного и осознанного моделирования своих действий и поступков, включая оценку перспектив, основанную на существующем опыте [10]. Иррациональное организационное поведение использует ресурсы подсознания, находя нужные ответы и решения спонтанно и произвольно уже в процессе активной деятельности [13].

В. И. Ведерникова и М. И. Захарова указывают на то, что экономическое поведение реализуется в условиях ограниченности ресурсов, подталкивающих сотрудника к иррациональным проявлениям [4]. И. И. Васильева утверждает, что всякая экономическая иррациональность заставляет предположить незамеченные цели и ценности, которым соответствует это «нерациональное», неадекватное поведение [3]. Сотрудники с иррациональным поведением часто кажутся более импульсивными, более непредсказуемыми [2]. С. Э. Желаяева выделяет следующие модели иррационального поведения, не укладывающиеся в рамки классической рациональности: нравственное — ориентированное на ценности, в основе которых лежит система убеждений и представлений человека, то есть следование определенным ценностям независимо от возможных последствий, без расчета на вознаграждение; нормативное — следование норме, стандарту социального поведения, заложенному культурной традицией и неподвластному рационализму; иерархическое — продиктованное отношениями власти; эмоциональное — эмоциональная реакция человека от простого эмоционального проявления до бурного выплеска; интуитивное — следование в процессе принятия решений способности чувствовать уже имеющиеся логические цепочки связанной информации, касающи-

ся нужного вопроса, и, таким образом, находить правильное, с точки зрения индивида, решение; неосознанное — следование определенным выработанным в ходе жизненного опыта принципам, привычкам, правилам [7].

А. Л. Вязов и Г. А. Юнгус считают, что одним из ключевых аспектов иррационального поведения является осуждение или отсутствие поддержки со стороны коллег. При этом в действиях существует два уровня, на которые влияют рациональные и иррациональные факторы детерминации социального поведения (рациональный уровень — определяемый как нормативный — отражает объективную логическую связь цели и средств, и иррациональный — оцениваемый негативно — представляет собой совокупность нелогических, непредсказуемых факторов [5].

По мнению А. Д. Чернявского, «реальный человек не может вести себя в жизни, подчиняясь условиям жесткой экономической рациональности... дихотомическим противовесом рациональности является иррациональность, которая, собственно, и отождествляется с самим процессом принятия решения, остающимся вне пределов построения экономической теории — человека рационального» [14. С. 27].

Анализируя рациональное и иррациональное в трудовом поведении, Б. Герт указывает: «Иррациональность — более фундаментальное нормативное понятие, чем рациональность. Назвать поступок иррациональным — значит заявить, что его не следует совершать; если же поступок квалифицирован в качестве рационального, то отсюда еще не следует, что его обязательно нужно совершить, поскольку возможны две (или больше) рациональные альтернативы. Несомненно, каждый человек в любом случае должен действовать рационально, но отсюда вытекает только то, что никто и никогда не должен производить иррациональных действий, а вовсе не то, что любая рациональная перспектива должна быть реализована» [6. С. 261].

Обращает на себя внимание исследование В. М. Молоканова, который считает, что сотрудник организации создает свою реальность, отличную от действительной, с помощью систем координат (трансцендентальных форм), позволяющих упорядочивать групповой трудовой процесс [9].

По мнению Н. З. Алиевой, О. Ю. Грицких и А. А. Шаховской, в трудовом поведении всегда присутствует рациональное и иррациональное. Это связано с тем, что постижение реальности и трудовая деятельность происходят на основе априорных

убеждений и оппозиционных фундаментальных метафизических установок относительно человеческого бытия [1].

Как полагает М. В. Рыжкова, иррациональное групповое поведение всегда связано с когнитивной несостоятельностью (неспособностью применить осознанные методики выбора, ограниченностью способностей к обработке сигналов и явные пробелы в принципах кодирования информации); с наличием механизмов некритического принятия решений; с социальной природой сотрудника; с систематическим отклонением в субъективной ожидаемой полезности [12].

Ю. Л. Кролевец отмечает, что в реорганизационный период получают развитие комбинации рациональных и иррациональных элементов как отражение противоречивой перспективы (включенность не только новых типов рациональной внутриорганизационной связи, но и форм иррациональности в расширяющемся организационном континууме) [8].

Г. Саймон считает, что члены организации ограничены в способности определения целей и оценки последствий принимаемых ими решений; они принимают решение не в идеале, а так, как требует внешняя среда и их ограниченные способности по обработке информации (в условиях ограниченной рациональности) [15].

Мы согласны с М. М. Пекарниковой в том, что «мотивы принятия тех или иных решений в организации являются иррациональными, поскольку могут определяться традициями, ценностями, а также влиянием других субъектов» [11], и в данном контексте подчеркнем особое влияние организационной культуры на поведение сотрудников.

Нельзя не согласиться с В. М. Молокановым, который считает, что «пока в России не будет культурной среды, ориентированной на поиск нового, рациональные доводы о необходимости внедрения инноваций в экономике будут только пустыми словами» [9. С. 22]. Проявлением слабой организационной культуры становится деструктуризация бизнес-процессов, снижение результативности деятельности персонала и негативный психологический климат. Стержнем организационной культуры являются культурные нормы, напрямую влияющие на составляющие организационного поведения.

Наши исследования показывают, что между организационной культурой и содержательным наполнением поведения сотрудников существует тесная корреляция:

— отрицание устоявшихся культурных норм и принципов доминантной организационной культуры приводит к повышению конфликтности, росту социальной напряженности, нарастанию профессионально-трудовых противоречий, нарушению сложившихся связей и отношений;

— слабые организационные связи и неконгруэнтные локальные субкультуры трансформируют разногласия в неразрешимые противоречия, ухудшают психологический климат в организации;

— столкновение групп интересов приводит к активизации антилидеров.

Интегральная организационная культура может стать определяющим фактором при выстраивании гармоничных внутриорганизационных отношений и нивелировании иррациональных составляющих группового поведения. Основными предпосылками использования инструментов управления культурными изменениями являются: сглаживание информационных дисбалансов в реорганизационный период; минимизация иррациональных проявлений за счет рациональной регламентации; создание условий для повышения эффективности коммуникационной политики; защита от столкновений оппозиционных локальных субкультур с доминирующей организационной культурой.

Для корректировки группового поведения сотрудников в реорганизационный период нами предлагается следующий комплекс мероприятий:

- диагностика существующей и определение предпочтительной организационной культуры, анализ ценностных ориентаций, определение групповых интересов;
- совершенствование коммуникационной политики, проведение корпоративных мероприятий, направленных на сплочение коллектива, снижение дистанцирования интересов структурных подразделений;
- детоксикация деструктивных членов организации;
- разработка нормативной базы по организационной культуре, мониторинг культурных компетенций;
- целенаправленная работа по укреплению кадрового ядра, управление кадровым резервом;
- работа с лидерами мнений, поддерживающими организационные изменения;
- внедрение стандартов корпоративной этики и кодекса корпоративного поведения.

Деятельность по управлению иррациональным организационным поведением включает в себя решение следующих групп проблем: построение ра-

циональной организационной структуры; развитие интегральной организационной культуры; совершенствование системы управления конфликтами и детоксикацией персонала; развитие трансформационного лидерства; внедрение ценностного управления.

По нашему мнению, основополагающую роль в разрешении вышеуказанных проблем имеет кодекс корпоративной этики (кодекс организационной культуры), определяющий порядок взаимоотношений работников с клиентами, акционерами, конкурентами, средствами массовой информации, порядок взаимоотношения руководителей и подчиненных, использования имущества организации, внешний вид работников, социальную ответ-

ственность организации. Данный кодекс должен распространяться на всех сотрудников организации, его основной целью должно быть закрепление корпоративных ценностей и имиджа организации, основных этических норм и правил поведения работников.

Таким образом, комплекс мероприятий по развитию организационной культуры и кодекс организационной культуры будут способствовать нивелированию деструктивного и иррационального организационного поведения, повышению качества работы, усилению эффективности, конкурентоспособности и развитию деятельности компании в реорганизационный период.

Список литературы

1. Алиева, Н. З. Соотношение рационального и иррационального в современном концепте знания / Н. З. Алиева, О. Ю. Грицких, А. А. Шаховская // *Успехи соврем. естествознания*. — 2012. — № 6. — С. 196—197.
2. Бабина, В. Н. Понятия «рационального» и «иррационального»: проблема демаркации / В. Н. Бабина // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки*. — 2012. — № 5 (109). — С. 260—266.
3. Васильева, И. И. К вопросу об «иррациональности» экономического человека / И. И. Васильева // *Психол. журн.* — 1991. — № 6. — С. 168—169.
4. Ведерникова, В. И. Рациональное экономическое поведение предпринимателя в современных рыночных условиях / В. И. Ведерникова, М. И. Захарова // *Разработка стратегии социальной и экономической безопасности государства : материалы III Всерос. заоч. науч.-практ. конф.* — Курган : Курган. гос. с.-х. акад. им. Т. С. Мальцева, 2017. — С. 28—31.
5. Вязов, А. Л. Проблема иррационального в поведении людей: философский аспект / А. Л. Вязов, Г. А. Юнгус // *Новая наука и формирование интегративно-целостного мышления*. — Казань, 2017. — С. 62—64.
6. Герт, Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека / Б. Герт. — М., 1995. — 327 с.
7. Желаева, С. Э. Методологические принципы исследования поведения человека в экономике / С. Э. Желаева // *Вестн. ТГУ*. — 2011. — № 1. — С. 179—187.
8. Кролевец, Ю. Л. Рациональное и иррациональное (социально-философский аспект) / Ю. Л. Кролевец // *Омс. науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность*. — 2009. — № 1 (75). — С. 89—93.
9. Молоканов, В. М. Иррациональные аспекты анализа экономического поведения / В. М. Молоканов // *Вестник Волгоградского института бизнеса. Серия «Бизнес. Образование. Право»*. — 2009. — № 2 (9). — С. 19—22.
10. Новиков, А. А. Рациональность в ее истоках и утратах / А. А. Новиков // *Вопр. философии*. — 1995. — № 5. — С. 48—59.
11. Пекарникова, М. М. Иррациональное потребительское поведение в современном обществе / М. М. Пекарникова // *Научная сессия ГУАП : сб. докл. : в 3 ч.* — СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосмич. приборостроения, 2017. — С. 117—119.
12. Рыжкова, М. В. Иррациональное потребительское поведение как предмет экономической науки / М. В. Рыжкова // *Вестн. Томс. гос. ун-та. Экономика*. — 2012. — № 4 (20). — С. 64—72.
13. Сухинина, Л. В. Иррациональное и трансцендентальное в концепции познания / Л. В. Сухинина // *Вестн. Тюменс. гос. ун-та*. — 2011. — № 10. — С. 73—78.
14. Чернявский, А. Д. Рациональность и иррациональность в экономической науке [Электронный ресурс] / А. Д. Чернявский // *Науковедение : интернет-журн.* — 2014. — № 4 (23). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-i-irrationalnost-v-ekonomicheskoy-nauke> (дата обращения 01.05.2019).
15. Simon, H. A. A Behavioral Model of Rational Choice / H. A. Simon // *Quart. J. of Economics*. — 1955. — Vol. 69. — P. 99—118.

Сведения об авторах

Федоров Виктор Михайлович — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса Омского государственного технического университета, Омск, Россия. viktor702460@mail.ru

Михалев Олег Владимирович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента и маркетинга Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия. mihalev22@mail.ru

Кулик Нина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса Омского государственного технического университета, Омск, Россия. nina-k77@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 118—123.*

THE IRRATIONAL COMPONENTS OF GROUP BEHAVIOR OF EMPLOYEES IN THE REORGANIZATION PERIOD

V.M. Fedorov

Omsk state technical University, Omsk, Russia. viktor702460@mail.ru

O.V. Mikhalev

Omsk state pedagogical University, Omsk, Russia. mihalev22@mail.ru

N.A. Kulik

Omsk state technical University, Omsk, Russia. nina-k77@yandex.ru

The aim of the study is to analyze the main determinants and elements of models of irrational group behavior of employees in the reorganization period. The article presents the results of the study of existing and presented in scientific articles models of irrational behavior highlighted such features of irrational behavior as intuitive, unconscious adherence to certain standards of behavior, the presence of a priori beliefs and opposition to fundamental metaphysical attitudes. The importance of identification of irrational elements of organizational behavior influencing the achievement of strategic goals is described. The estimation of the possibilities of using the tools of organizational culture management in leveling the irrational components of group behavior. For the effective management of irrational organizational behaviour in the reorganization, the company proposed a systematic set of activities.

Keywords: *irrational behavior, reorganization, corporate ethics, organizational culture, local subcultures.*

References

1. Aliyeva N.Z., Gritckikh O.Yu., Shahovskaia A.A. Sootnosheniye ratsional'nogo i irratsional'nogo v sovremennom kontsepte znaniya [The ratio of rational and irrational in the modern concept of knowledge]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [Successes of modern natural science], 2012, no. 6, pp. 196-197. (In Russ.).
2. Babina V.N. Ponyatiya "ratsional'nogo" i "irratsional'nogo": problema demarkatsii [The concepts of "rational" and "irrational": the problem of demarcation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2012, no. 5 (109), pp. 260-266. (In Russ.).
3. Vasil'yeva I.I. K voprosu ob "irratsional'nosti" ekonomicheskogo cheloveka [To the question of "irrationality" of economic man]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal], 1991, no. 6, pp. 168-169. (In Russ.).
4. Vedernikova V.I., Zaharova M.I. Ratsional'noye ekonomicheskoye povedeniye predprinimatel'ya v sovremennykh rynochnykh usloviyakh [Rational economic behavior of the entrepreneur in modern market conditions]. *Razrabotka strategii sotsial'noy i ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva* [Development of the strategy of social and economic security of the state]. Kurgan, 2017. Pp. 28-31. (In Russ.).
5. Vyazov A.L., Youngus G.A. Problema irratsional'nogo v povedenii lyudey: filosofskiy aspekt [Problem of irrational in human behavior: the philosophical aspect]. *Novaya nauka i formirovaniye integrativno-tselostnogo*

myshleniya [New science and the formation of integrative-holistic thinking]. Kazan, 2017. Pp. 62-64. (In Russ.).

6. Gert B. *Ratsional'noye i irratsional'noye v povedenii cheloveka* [Rational and irrational in human behavior]. Moscow, 1995. 327 p. (In Russ.).

7. Zhelayeva S.E. Metodologicheskiye printsipy issledovaniya povedeniya cheloveka v ekonomike [Methodological principles of the study of human behavior in the economy]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TGU], 2011, no. 1, pp. 179-187. (In Russ.).

8. Krolevets Yu.L. Ratsional'noye i irratsional'noye (sotsial'no-filosofskiy aspekt) [Rational and irrational (socio-philosophical aspect)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2009, no. 1 (75), pp. 89-93. (In Russ.).

9. Molokanov V.M. Irratsional'nyye aspekty analiza ekonomicheskogo povedeniya [Irrational aspects of the analysis of economic behavior]. *Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. Seriya: Biznes. Obrazovaniye. Pravo* [Bulletin of Volgograd Institute of business. Series Business. Education. Right], 2009, no. 2 (9), pp. 19-22. (In Russ.).

10. Novikov A.A. Ratsional'nost' v yeye istokakh i utratkakh [Rationality in its origins and losses]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1995, no. 5, pp. 48-59. (In Russ.).

11. Pekarnikova M.M. Irratsional'noye potrebitel'skoye povedeniye v sovremennom obshchestve [Irrational consumer behavior in contemporary society]. *Nauchnaya sessiya GUAP* [Scientific session of SUAI]. St. Petersburg, 2017. Pp. 117-119. (In Russ.).

12. Ryzhkova M.V. Irratsional'noye potrebitel'skoye povedeniye kak predmet ekonomicheskoy nauki [Irrational consumer behavior as a subject of economic science]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy], 2012, no. 4 (20), pp. 64-72. (In Russ.).

13. Sukhinina L.V. Irratsional'noye i transtsendental'noye v kontseptsii poznaniya [Irrational and transcendental in the concept of cognition]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2011, no. 10, pp. 73-78. (In Russ.).

14. Chernyavskiy A.D. Ratsional'nost' i irratsional'nost' v ekonomicheskoy nauke [Rationality and irrationality in economic science]. *Internet-zhurnal Naukovedeniye* [Internet journal of Science], 2014, no. 4 (23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-i-irratsionalnost-v-ekonomicheskoy-nauke>, accessed 01.05.2019. (In Russ.).

15. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, 1955, vol. 69, pp. 99-118.

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

С. Т. Исламова¹, Е. А. Качанова²

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Рассматривается методологическая база постановки системы риск-менеджмента в рамках управления проектами на российских предприятиях, включающая стандарты в области управления рисками и труды отечественных ученых. Анализируются различные подходы к организации функционала проектных организационных структур (офисов управления проектами), выделяются основные функции в рамках управления рисками (по уровням управления в иерархических структурах, на основании подхода Gartner group, а также подхода В. В. Богданова), описывается типовая структура регламента по управлению рисками проектов. Разработаны практические рекомендации по внедрению риск-менеджмента в зависимости от выбранной модели корпоративной системы управления проектами.

Ключевые слова: *риск, риск-менеджмент, управление проектами.*

Современные условия турбулентности развития глобальной и национальной экономических систем, обусловленные скорейшим переходом на стандарты цифровой экономики, предполагают широкое использование методов проектного управления финансово-хозяйственной деятельностью корпораций ведущих отраслей. В проектно-ориентированных организациях достижение стратегических целей осуществляется преимущественно через реализацию проектов. При этом проекты играют не просто немаловажную роль в деятельности, но и непосредственно находятся в фокусе внимания собственников и топ-менеджеров бизнеса; все проекты проходят типовые процедуры отбора, планирования, управления реализацией, контроля и мониторинга, попадая в пул стратегических инициатив, называемый стратегическим портфелем проектов. Огромную роль в реализации корпоративных проектов играет процедура оценки, ранжирования и минимизации рисков.

Целью статьи является определение этапов постановки риск-менеджмента в корпоративной системе управления проектами с учетом существующих подходов и ограничений.

Авторы считают, что управление рисками проекта представляет собой научно обоснованную деятельность, направленную на оптимизацию взаимодействия корпоративного проекта с внешней и внутренней средой организации в целях минимизации отклонений параметров проекта от ранее поставленных целей и результатов при его реализации [11].

В трудах российских экономистов уделяется большое внимание исследованию содержания риск-менеджмента организаций.

Так, Р. М. Качалов [9], Н. А. Рыхтикова [21], В. С. Канев [3] рассматривают риск-менеджмент как неотъемлемую часть стратегии организации.

Н. В. Хохлов [24], А. А. Обухов [18], И. Т. Балабанов [4], А. М. Дубров, Б. А. Лагоша, Е. Ю. Хрусталева [6], Д. Хаббард [2] рассматривают риск-менеджмент как набор тактических мероприятий по управлению рисками.

М. Круи, Д. Галай, Р. Марк [10], Е. А. Гамза, Ю. Ю. Екатеринославский [5] сужают риск-менеджмент до процесса принятия отдельных решений.

Анализ постановки системы риск-менеджмента в корпорациях рассматривается в работах отечественных ученых Р. М. Качалова [9], Н. В. Капустина [8] и др. Нормативная основа как алгоритмы постановки риск-менеджмента на предприятиях рассматривается в базовых стандартах по менеджменту риска, таких как «Менеджмент риска. Принципы и руководство. Руководство по внедрению ИСО 31000.1.0.010-1.003.16» [13]. Тем не менее предлагаемые научные подходы к риск-менеджменту, на взгляд авторов, ориентированы только на процессную деятельность.

Несмотря на значительный массив работ теоретического и практического характера, наблюдается дефицит комплексных исследований в области построения системы риск-менеджмента в управлении проектами.

Методология управления проектами закрепляется в корпоративном регламенте или стандарте управления проектами предприятия, который представляет собой документ или совокупность документов, определяющих принципы управления проектной деятельностью. Типично корпоративный регламент содержит схему бизнес-процессов управления портфелем проектов, локальные акты, касающиеся управляющей системы проектов, технологической поддержки системы, детальные инструкции по бизнес-процессам и вспомогательным, обеспечивающим проекты процессам, а также шаблоны документов. Корпоративный регламент должен зафиксировать роли участников, принципы участия в проектах, формы проектного стимулирования, правила формирования и регулярной ревизии компонент портфеля проектов, пула ресурсов, порядок анализа результатов проектной деятельности.

Регламент управления рисками — корпоративный документ (совокупность корпоративных документов), объясняющий или предписывающий, как, в какой последовательности, в какие сроки, с использованием каких шаблонов нужно выполнять те или иные действия, связанные с управлением рисками в проектной деятельности.

Методологической основой разработки регламента управления рисками являются:

- международные стандарты в области управления портфелями проектов и программ (например, стандарт PMI — The Standard for Portfolio Management, 3-е изд.) [21];
- международные стандарты в области управления проектами и программами [Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК), Стандарт Ассоциации по управлению проектами Соединенного Королевства APM Body of knowledge] [23];
- международные стандарты в области управления рисками в организации (стандарт COSO ERM, стандарт FERMA [22], стандарт ISO Guide 73:2009 Risk management — Vocabulary — Guidelines for use in standards, стандарт ISO/IEC31010:2009 Risk management — Risk assessment techniques [1]);
- национальные стандарты по управлению рисками в проектной деятельности (Менеджмент рисков проектов Г 52806-2007 [17]; Менеджмент риска. Термины и определения ГОСТ Р 51897-2011 [16]; Менеджмент риска. Стандарты и руководство (ГОСТ 31000: 2010) [15]; Менеджмент риска. Методы оценки риска ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 [12]; Менеджмент риска. Руководство по применению при проектировании: ГОСТ Р 51901.4-2005 [14]);

- отраслевые стандарты в области управления проектами;

- корпоративный стандарт управления проектной деятельностью.

Обеспечение перехода от международных, национальных, отраслевых стандартов к локальным нормативным актам осуществляется на принципах специализации и детализации. Принцип специализации предполагает отбор и включение в регламент только тех положений стандартов, которые имеют непосредственное отношение к объекту внедрения риск-менеджмента (промышленному предприятию). Реализация принципа детализации означает создание описаний бизнес-процессов, степень проработанности которых позволяет качественно осуществлять функции по управлению рисками, опираясь на шаблонированный, алгоритмизированный порядок процедур, заложенный в описаниях.

Типовой регламент по управлению рисками содержит следующую информацию:

- подходы, инструменты и стандарты, используемые для управления рисками;
- роли и ответственность участников процессов управления рисками;
- методы оценки рисков;
- сроки и периодичность применения процедур управления рисками;
- форматы планов и отчетов по управлению рисками;
- перечень категорий рисков.

По мнению авторов, система риск-менеджмента предприятия должна объединить всю проектно-ориентированную деятельность, направленную на достижение стратегических целей организации. Объектом управления риск-менеджмента как области управления проектами становится совокупность рисков. При этом неотъемлемой частью эффективного управления является внедрение единых принципов, «правил», технологий управления объектом данного типа. Следует отметить, что формирование принципов должно осуществляться в общем русле существующей корпоративной системы управления проектами, а риск-менеджмент представляет собой определенные бизнес-процессы, применяемые к проектам, программам и локальным портфелям проектов, входящим в состав стратегического портфеля проектов предприятия. В зависимости от организационной структуры, корпоративной культуры, специфики проектов и целей, поставленных перед корпоративной системой управления проектами, ответственность офиса управления

проектами может варьироваться в значительных пределах — от оказания поддержки до прямого управления проектами. Существует достаточно много классификаций офисов управления проектами. Рассмотрим характер управления рисками в рамках различных вариантов офисов управления проектами (см таблицу на с. 127).

О. Н. Ильина, исходя из анализа моделей, определяет две типичные целевые установки, характерные для офисов управления проектами.

В рамках первого варианта офис ориентирован на реализацию политики сдерживания затрат на проекты. В таком случае в качестве управляемых рисков в проектной деятельности фокус внимания офиса — на внешних и внутренних экономических источниках рисков проектов и портфелей проектов.

В рамках второго варианта офис призван обеспечивать содействие организации в достижении стоящих перед ней целей. Соответственно, в фокусе внимания такого офиса будут в первую очередь внешние политические и нормативные факторы, внутренние источники риска — организационные факторы и персонал предприятия [7].

Выбор модели корпоративной системы управления проектами зависит от множества факторов, в числе которых можно выделить видение руководства компании, организационную структуру компании, масштабы и специфику проектов, наличие/отсутствие собственных стандартов и регламентов по управлению проектами и проектными рисками и многих других.

Таким образом, методическое основание формирования управляющей структуры напрямую определяет перечень приоритетов в риск-менеджменте проектов.

Наконец, важным условием, моделирующим архитектуру корпоративной системы управления проектами и структуру системы риск-менеджмента проектов, является организационная структура предприятия.

Авторы считают, что следует выделить три подходящие для внедрения корпоративной системы управления проектами и постановки риск-менеджмента организационные структуры: линейно-функциональную, матричную и проектную.

Стоит отметить, что выбор организационной структуры будет зависеть от вида деятельности предприятия. Для промышленных предприятий будет более характерна линейно-функциональная или слабая матричная организационные структуры.

В рамках первой типичными рисками реализуемых проектов станут риски, возникающие из-за

организационных факторов, несовершенства локальных актов.

В рамках слабой или умеренной матричных оргструктур основными проблемами при реализации проектов станут конфликты за ресурсы в условиях двойного подчинения (один специалист будет занят в рамках процессной деятельности, подчиняясь линейному руководителю, и проектной деятельности, выполняя работы, порученные руководителем проекта). Таким образом, типичным риском станет риск, возникающий по причине персонала, а также в связи с неправильной приоритизацией целей (организационный фактор).

Ключевыми характеристиками деятельности офиса управления проектами являются соблюдение сроков и бюджета портфеля проектов. Именно эти параметры (помимо собственно предметной области и содержания) являются ключевыми сферами интеграции системы управления проектов в общую корпоративную стратегию промышленного предприятия.

Исходя из этого в части риск-менеджмента функциями офиса управления проектами должны стать:

- разработка и развитие методологии риск-менеджмента;
- контроль соблюдения методологии риск-менеджмента;
- подготовка регулярных отчетов по рискам портфеля проектов;
- обучение и подготовка команд проектов риск-ориентированному подходу.

Кроме того, в зависимости от типа проекта, типа организационной структуры в функции офиса может входить: а) администрирование проектов в части документирования результатов контроля исполнения работ по проектам, фиксации наступления рисков; б) разрешение рисков конфликтов из-за ресурсов между командами проектов.

Офис управления проектами отвечает за определение рисков всего портфеля. Руководители проектов осуществляют идентификацию и анализ рисков отдельных компонентов портфеля (проектов), доводя данную информацию до офиса управления проектами. В обязанности последнего должна входить независимая оценка влияния выявленных рисков отдельных проектов на результаты портфеля в целом.

Правило равновесия корпоративной системы управления проектами может быть сформулировано следующим образом: управляющая структура должна соответствовать организационной структуре и типу проектов, реализуемых на предприятии, которые, в свою очередь, определяются уровнем

Классификация офисов управления проектами

Тип офиса	Сущность деятельности	Функции в отношении риск-менеджмента
<i>По уровням управления в иерархической структуре</i>		
Проектный офис	— Создается для поддержки отдельных масштабных и сложных проектов	— Несет ответственность за риски проекта
Проектный офис бизнес-единицы (функционального подразделения)	— В функции входит многопроектное управление, включающее в себя координацию ресурсов в рамках всех проектов подразделения и управление межпроектными зависимостями	— Несет ответственность за риски портфеля проектов; — формируется отдельный бизнес-процесс по управлению рисками портфеля проектов; — риски отдельных проектов контролируются командами проектов
Офис управления проектами (корпоративный офис управления проектами)	— Поддерживает репозиторий стандартов, процессов и методологий; — является органом, решающим конфликтные ситуации относительно распределения ресурсов; — управляет стратегическим портфелем проектов предприятия	— Несет ответственность за риски портфеля проектов; — формирует отдельный стандарт / часть корпоративного стандарта управления проектами, касающуюся управления рисками портфеля проектов; — риски отдельных проектов контролируются командами проектов
<i>По функциям (Gartner Group)</i>		
Репозиторий	— Служит хранилищем и источником информации о проектах, методах и стандартах управления проектами	— Контролирует риски отдельных проектов по этапам цикла их выполнения
Наставник	— Отвечает за документальное оформление передового опыта и активный мониторинг хода выполнения и характеристик проектов; — участвует в формировании технических заданий на проекты и анализе достигнутых результатов после их завершения	— Контролирует риски отдельных проектов по этапам цикла их выполнения; — консультирует команды проектов по управлению рисками
Офис управления проектами предприятия	— Играет ведущую роль в управлении многими одновременно выполняемыми проектами, выявляя и устраняя узкие места, мешающие работам по всем проектам; — осуществляет экспертизу и оценку управления проектами; — реализует «распределенное обслуживание проектов»	— Осуществляет управление проектными рисками в процессе инициирования и выполнения проектов
Офис управления проектами, нацеленный на немедленный результат	— Осуществляет методическое руководство проектами, комплексное календарное планирование; — распределяет ресурсы по проектам; — проверяет проекты на соответствие стратегическим целям предприятия	— Выявляет пути сокращения продолжительности проектов и устранения рисков недостижения требуемых результатов
<i>По функциям (В. В. Богданов)</i>		
Проектная канцелярия	— Осуществляет контроль соблюдения методологии; — готовит регулярные отчеты по проектам	— Осуществляет минимизацию внутренних рисков, связанных с работой проектного персонала
Центр ответственности за текущие проекты	— Осуществляет управление проектами; — является функциональным подразделением	— Несет ответственность за риски проекта; — осуществляет весь комплекс процессов управления рисками проектов в рамках корпоративной методологии
Центр прибыли	— Осуществляет управление портфелем проектов; — является органом стратегического управления	— Несет ответственность за риски портфеля проектов; — осуществляет весь комплекс процессов управления рисками портфеля проектов в рамках корпоративной методологии

зрелости процессов проектного менеджмента. С повышением уровня зрелости организационная структура все больше стремится к проектной, а проекты становятся типовыми, кластеризуясь в локальные портфели. С точки зрения рисков это означает переход от управляемых к контролируемым источникам рисков, от внутренних к внешним.

Все рассмотренные методические основания определяют конкретную специфику корпоративной системы управления проектами. Далее рассмотрим подробнее структуру этой системы в разрезе подсистемы риск-менеджмента.

Таким образом, авторами были оценены и сформулированы теоретико-методические подходы к пониманию основных элементов системы

риск-менеджмента в проектной деятельности предприятия:

- представлена иерархия методических документов по управлению рисками в проектах предприятия и рекомендации по их наполнению с учетом процессного характера управленческой бизнес-модели;
- определены функциональные характеристики управляющей подсистемы системы риск-менеджмента предприятия — офиса управления проектами.

Представленные выводы формируют базу практических рекомендаций по постановке риск-менеджмента в корпоративной системе управления проектами на предприятии.

Список литературы

1. A structured approach to Enterprise Risk-management (ERM) and the requirements of ISO 3100. — AIR-MIC, Alarm, IRM, 2010. — 20 p.
2. Hubbard, D. The Failure of Risk Management: Why It's Broken and How to Fix It / D. Hubbard. — Wiley, 2009. — 281 p.
3. Kanev, V. S. System risk management methods, models and their implementation in telecommunications / V. S. Kanev // Науковий вісник НГУ. 2014. — № 4. — P. 93—100.
4. Балабанов, И. Т. Риск-менеджмент / И. Т. Балабанов. — М. : Финансы и статистика, 1996. — 192 с.
5. Управление рисками фирмы: программы интерактивного риск-менеджмента / В. Н. Вяткин, В. А. Гамза, Ю. Ю. Екатеринославский, П. Н. Иванушко. — М. : Финансы и статистика, 2006. — 400 с.
6. Дубров, А. М. Моделирование рискованных ситуаций в экономике и бизнесе : учеб. пособие / А. М. Дубров, Б. А. Лагоша, Е. Ю. Хрусталева. — М. : Финансы и статистика, 2000. — 176 с.
7. Ильина, О. Н. Системный подход к управлению проектами в организации : монография / О. Н. Ильина. — М. : Креатив. экономика, 2012. — 186 с.
8. Капустина, Н. В. Методология управления развитием организации на основе риск-менеджмента : дис. ... д-ра экон. наук / Н. В. Капустина. — СПб., 2015. — 350 с.
9. Качалов, Р. М. Управление хозяйственным риском / Р. М. Качалов. — М. : Наука, 2002. — 192 с.
10. Круи, М. Основы риск-менеджмента / М. Круи, Д. Галай, Р. Марк. — М. : Юрайт, 2017. — 390 с.
11. Липсиц, И. В. Инвестиционный проект. Методы подготовки и анализа / И. В. Липсиц, В. В. Косов. — М. : Бек, 2009. — 294 с.
12. Менеджмент риска. Методы оценки риска: ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 (идентичен ISO/IEC 31010:2009 Risk management — Risk assessment techniques) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
13. Менеджмент риска. Принципы и руководство, Руководство по внедрению ИСО 31000.1.0.010-1.003.16 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
14. Менеджмент риска. Руководство по применению при проектировании: ГОСТ Р 51901.4-2005 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
15. Менеджмент риска. Стандарты и руководство: ГОСТ 31000:2010 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
16. Менеджмент риска. Термины и определения: ГОСТ Р 51897-2011 (идентичен ISO Guide 73:2009 Risk management — Vocabulary — Guidelines for use in standards) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
17. Менеджмент рисков проектов. Общие положения Г 52806-2007 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
18. Обухов, А. А. Формирование системы риск-менеджмента в предпринимательской деятельности. дис. ... канд. экон. наук / А. А. Обухов. — Новосибирск, 2015. — 163 с.

19. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектами: ГОСТ Р 54869-2011 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gost.ru>.
20. Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК) [Электронный ресурс]. — URL: <http://by.oddb-office.eu/files/docs/Svod-znaniy-po-upravleniju-proektami.pdf>.
21. Рыхтикова, Н. А. Анализ и управление рисками организации / Н. А. Рыхтикова. — 2-е изд. — М. : ФОРУМ, 2010. — 240 с.
22. Стандарт FERMA (Федерация ассоциация европейских риск менеджеров) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ferma.eu/>.
23. Стандарт Ассоциации по управлению проектами Соединенного Королевства АРМ Body of knowledge. — UK : Assosiation for Project Management Ibis House, 2012. — 277 p.
24. Хохлов, Н. В. Управление риском : учеб. пособие / Н. В. Хохлов. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — 239 с.

Сведения об авторах

Исламова Светлана Тагировна — ведущий специалист Высшей школы корпоративного образования Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. islamova.st@yandex.ru

Качанова Елена Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления, профессор кафедры экономики и управления Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия. elena.kachanova@ui.ranepa.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 124—130.

RISK-MANAGEMENT IN THE CORPORATE PROJECT MANAGEMENT SYSTEM

S.T. Islamova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia. islamova.st@yandex.ru

E.A. Kachanova

Ural Institute of Management — Ekaterinburg branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia. elena.kachanova@ui.ranepa.ru

The article discusses the methodological basis of setting the risk management system in the framework of project management at Russian enterprises, describes the typical structure of the project risk management regulations. The authors analyze various approaches to the organization of the functionality of project organizational structures (project management offices), identify the main functions within risk management (by levels of management in a hierarchical structure, by Gartner group approach, by V.V. Bogdanov approach). The authors identified possible risks when applying the most common organizational structures in the corporate project management system. The authors have developed practical recommendations for the implementation of risk management, depending on the selected model of the corporate project management system.

Keywords: *risk, risk-management, project management.*

References

1. *A structured approach to Enterprise Risk-management (ERM) and the requirements of ISO 3100.* AIR-MIC, Alarm, IRM, 2010. 20 p.
2. Hubbard D. *The Failure of Risk Management: Why It's Broken and How to Fix It.* Wiley, 2009. 281 p.
3. Kanev V.S. System risk management methods, models and their implementation in telecommunications. *Scientific bulletin of NMU*, 2014, no. 4, pp. 93-100.
4. Balabanov I.T. *Risk-menedzhment* [Risk management]. Moscow, 1996. 192 p. (In Russ.).
5. Vyatkin V.N., Gazma V.A., Ekaterinoslavsky Yu.Yu., Ivanushko P.N. *Upravleniye riskami firmy: programmy interaktivnogo risk-menedzhmenta* [Company risk management: interactive risk management programs]. Moscow, 2006. 400 p. (In Russ.).

6. Dubrov A.M., Lagosha B.A., Khrustalev E.Yu. *Modelirovaniye riskovykh situatsiy v ekonomike i biznese* [Modeling risk situations in economics and business]. Moscow, 2000. 176 p. (In Russ.).
7. Ilyina O.N. *Sistemnyy podkhod k upravleniyu proyektami v organizatsii* [System approach to project management in organizations: monograph]. Moscow, 2012. 186 p. (In Russ.).
8. Kapustina N.V. *Metodologiya upravleniya razvitiyem organizatsii na osnove risk-menedzhmenta* [Methodology of managing the development of the organization on the basis of risk management. Thesis]. St. Petersburg, 2015. 350 p. (In Russ.).
9. Kachalov R.M. *Upravleniye khozyaystvennym riskom* [Management of business risk]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 192 p. (In Russ.).
10. Krui M., Galai D., Mark R. *Osnovy risk-menedzhmenta* [Fundamentals of risk management]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 390 p. (In Russ.).
11. Lipsits I.V., Kosov V.V. *Investitsionnyy proyekt. Metody podgotovki i analiza* [Investment project. Methods of preparation and analysis]. Moscow, Bek Publ., 2009. 294 p. (In Russ.).
12. *Menedzhment riska. Metody otsenki riska: GOST R ISO/MEK 31010-2011 (identichen ISO/IEC 31010:2009 Risk management — Risk assessment techniques)* [Risk Management. Methods of risk assessment GOST R ISO / IEC 31010-2011 (identical to ISO/IEC 31010: 2009 Risk management Risk assessment techniques)]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 25.03.2019. (In Russ.).
13. *Menedzhment riska. Rukovodstvo po primeneniyu pri proyektirovanii: GOST R 51901.4-2005* [Risk Management. Manual for use in the design: GOST R 51901.4-2005]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 25.03.2019. (In Russ.).
14. *Menedzhment riska. Standarty i rukovodstvo: GOST 31000: 2010* [Risk Management. Standards and guidance (GOST 31000: 2010)]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 25.03.2019. (In Russ.).
15. *Menedzhment riska. Rukovodstvo po primeneniyu pri proyektirovanii: GOST R 51901.4-2005* [Risk management. Application guide for design: GOST R 51901.4-2005]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 20.03.2019. (In Russ.).
16. *Menedzhment riska. Terminy i opredeleniya: GOST R 51897-2011 (identichen ISO Guide 73:2009 Risk management — Vocabulary — Guidelines for use in standards)* [Menedzhment riska. Terminy i opredeleniya: GOST R 51897-2011 (identichen ISO Guide 73:2009 Risk management — Vocabulary — Guidelines for use in standards)]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 25.03.2019. (In Russ.).
17. *Menedzhment riskov projektov. Obshchiye polozheniya G 52806-2007* [Risk management projects. General provisions: G 52806-2007]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 15.03.2019. (In Russ.).
18. Obukhov A.A. *Formirovaniye sistemy risk-menedzhmenta v predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Formation of risk management system in business. Thesis].— Novosibirsk, 2015. 163 p. (In Russ.).
19. *Proyektnyy menedzhment. Trebovaniya k upravleniyu proyektami: GOST R 54869-2011* [Project management. Requirements for project management GOST R 54869-2011]. Available at: <http://www.gost.ru>, accessed 22.03.2019. (In Russ.).
20. *Rukovodstvo k svodu znaniy po upravleniyu proyektami (Rukovodstvo PMBOK)* [Guide to the Body of Knowledge on Project Management (PMBOK Guide)]. Available at: <http://by.oddb-office.eu/files/docs/Svod-znaniy-po-upravleniyu-proektami.pdf>, accessed 15.03.2019. (In Russ.).
21. Rykhtikova N.A. *Analiz i upravleniye riskami organizatsii* [Analysis and risk management of the organization / N. A. Rykhtikova]. Moscow, 2010. 240 p. (In Russ.).
22. *Standart FERMA (Federatsiya assotsiatsiya yevropeyskikh risk menedzherov)* [FERMA Standard (Federation of European Risk Managers Association)]. Available at: <http://by.oddb-office.eu/files/docs/Svod-znaniy-po-upravleniyu-proektami.pdf>, accessed 10.03.2019. (In Russ.).
23. *Standart Assotsiatsii po upravleniyu proyektami Soyedinennogo Korolevstva APM Body of knowledge* [Standard of the Association for Project Management of the United Kingdom APM Body of knowledge]. UK: Assosiation for Project Management Ibis House, 2012. 277 p. (In Russ.).
24. Khokhlov N. *Upravleniye riskom* [Risk management]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 1999. 239 p. (In Russ.).

РЕИНЖИНИРИНГ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Г. Н. Пряхин, М. С. Артамонов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Следствием высоких цен на продукцию розничных сетей являются высокие затраты на логистическую систему. В частности, значительные финансовые расходы концентрируются в заработной плате, а потери временного ресурса встречаются при нерациональном движении информационных потоков. Постепенные улучшения оказывают эффект лишь в некоторых функциональных областях логистики, но не позволяют оптимизировать систему в целом. Целью работы является внедрение мероприятий по реинжинирингу бизнес-процессов. Основными методами, сопутствующими реинжинирингу, предлагается считать тайм-менеджмент и бизнес-моделирование, которые подробно раскрываются в научной статье. Результаты работы доказывают, что коренные преобразования бизнес-процессов позволяют увеличить производительность труда и обеспечить доступность, мобильность, последовательность информационного потока на предприятиях розничной торговли.

Ключевые слова: *реинжиниринг, логистическая система, оптимизация функций.*

Решающим фактором конкурентоспособности предприятий розничной торговли являются низкие цены (см.: М. Н. Григорьев [5]). Обеспечение рентабельной продукции входит в задачи логистической системы. Сложность заключается в конкурентной борьбе цепей поставок, где необходимо учитывать географические масштабы и временные ограничения бизнес-процессов от снабжения до сбыта.

Целью научной статьи является проведение реинжиниринга логистической системы для исследуемого торгового предприятия премиум-класса в городе Челябинске с относительно сложной логистической инфраструктурой. Торгово-розничное предприятие позиционирует себя в качестве продавца уникального ассортимента, что определенно является конкурентным преимуществом. Однако глубокое изучение логистики открывает ряд проблем, которые необходимо решать путем реинжиниринга.

Несмотря на высокую оборачиваемость запасов и регулярные инновационные внедрения, менеджеры прогнозируют тенденцию к постепенному снижению чистой прибыли. Привлечение внешнего логистического аудита помогло сделать выводы о высоких затратах на организацию внутренней логистики предприятия.

В основах организации логистического аудита универсальных логистических систем говорится, что методология управления логистическими затратами представляет собой синтетический

инструмент логистического менеджмента (см.: Т. В. Щелокова [14]). Именно объединение ряда инструментов из передовых концепций будет положительно воздействовать на управление затратами. Причем инструментарий образуется из смежных с логистикой научных направлений: менеджмент, контроллинг, маркетинг, финансово-экономический анализ, бухгалтерский учет и аудит (см.: В. И. Сергеев [10]). Это также объясняет привлечение внешних аудиторов как более эффективный способ оценки логистической системы, поскольку содержание внутреннего штата аналитиков по различным сферам значительно увеличит статью расходов по оплате труда.

Развитие торгового предприятия возможно осуществить по нескольким направлениям. Управление качеством представляет собой постепенное внедрение изменений (см.: Б. К. Плоткин [9]). Следует отметить, что управление качеством располагает широким перечнем управленческих инструментов. Бенчмаркинг предполагает сравнение комплекса показателей с существующим эталоном (см.: А. И. Демченко [6]). Суть референтных моделей в том, чтобы отразить последовательность функций или процессов, основанную на эффективном бенчмаркинге (см.: Д. О'Коннор [8]).

Революционным методом является реинжиниринг бизнес-процессов, как частный случай инжиниринга, основанный на кардинальном перепроектировании бизнес-процессов

(см.: М. Хаммер [2]). Реинжиниринг — фундаментальное переосмысление и радикальное перепроектирование бизнес-процессов с целью достижения коренных улучшений (см.: П. В. Скородумов [11]). В научных работах реинжинирингом считается оздоровление предприятия посредством вывода технических решений на новый уровень или создание принципиально новых и эффективных бизнес-процессов в управлении (см.: С. А. Бубнов [3]).

Аудиторами был выбран именно третий путь реинжиниринга. Во-первых, постепенные изменения на протяжении длительного периода оказали негативный эффект для бизнеса, что доказано статистическими исследованиями. Во-вторых, сравнение уникального на рынке предприятия с подобным эталоном исказит объективную оценку, потому что цели логистики могут значительно отличаться.

В ходе исследования логистическая система была разбита на функциональные области снабжения и сбыта, а также отдельно выделены информационные потоки, для корректного формулирования проблем. К каждой проблеме прилагается

решение исходя из метода экспертных оценок и известной методики мозгового штурма. Все преимущества и риски по результатам оценки логистической системы представлены в табл. 1. Исходя из данных таблицы, можно судить о состоянии снабжения и сбыта, а также о связывающих информационных потоках. Суммарные финансовые инвестиции, которые будут потрачены на решение проблем, предположительно окупаются в рамках одного отчетного квартала. Главная задача заключается в проектировании этапов решения.

Проблемы прямо или косвенно влияют на все ключевые критерии предприятия. Одним из таких ключевых критериев является персонал. Человеческий капитал и человеческие ресурсы по праву считаются уникальным конкурентным преимуществом. Оптимизация персонала, по мнению менеджеров консалтинговой компании Bestlog, осталась в прошлом. В идеале оптимизировать нужно функции, которыми заняты сотрудники (см.: С. А. Бубнов [2]). Но для этого требуются регламенты. Создание регламентов

Таблица 1

Результаты оценки логистической системы

Проблема	Решение	Преимущества	Риски
<i>Снабжение</i>			
Не автоматизирован расчет заказа	Внедрение информационных решений	Сокращение ошибок человеческого фактора	Окупаемость программного обеспечения
Отсутствие данных о запасах	Расчет страхового запаса	Устранение фактора дефицита товара	Пересмотр товарного ассортимента
График приемки поставщиков	Установка временных интервалов	Равномерность снабжения	Простои в случае отклонения от графика
<i>Информационные потоки</i>			
Совмещены накладные на возвраты товаров и списание в брак	Разграничение документов	Прозрачность движения товарно-материальных ценностей	Дополнительные ресурсы на оперативный контроль
Бумажный документооборот	Электронный документооборот	Ускорение бизнес-процессов	Соглашения с поставщиками
<i>Сбыт</i>			
Отсутствие отчетов о продажах во времени	Введение временных рамок	Аналитические перспективы	Требуется сопровождение аудиторских услуг
Единичное обновление ценников	Массовая переоценка товаров	Выигрыш во времени	Ошибки человеческого фактора
Выкладка товара в ночную смену	Синхронизация инвентаризации, складирования, приемки товаров	Сокращение фонда оплаты труда	Обратный эффект при отсутствии регламентов

позволяет системно решить вопрос. Методология SMART иллюстрирует ориентацию на регламенты в табл. 2.

Таблица 2

Проектирование регламентации в SMART

S (цель)	Оптимизация регламентов работы персонала
M (измеримость)	Увеличение производительности труда
A (достижимость)	Моделирование инструкций
R (актуальность)	Синхронизация операционных задач
T (ограничения)	Один квартал

Данные этапы соответствуют полноценному тактическому планированию и в будущем могут составить базу для внедрения сбалансированных показателей и ключевых индикаторов эффективности труда. Регламенты в целом регулируют выполнение типовых операций качественно меньшим количеством сотрудников (см.: Э. М. Кузьбожев [7]).

Отчетная информация по результатам хронологической карты работы персонала представлена на рис. 1.

При помощи традиционных методов исследования работы персонала аудиторами были найдены узкое и широкое место в логистической системе. Фотография рабочего дня является традиционным методом исследования, требующим трудозатрат (см.: М. С. Артамонов [1]). Однако данный метод оправдывает себя на практике в малом бизнесе.

На круговой диаграмме изображена работа двух операторов. По причине сбоя системы 1С «Управление торговлей» нужно было восстановить товарные накладные. Это мероприятие планировалось завершить за неделю двумя операторами. В реальности 25 % текущей работы выполнялось товароведами. Дополнительно процесс инвентаризации занимал основную долю рабочего времени. При регулярном режиме с учетом переработок накладные были восстановлены с фактической задержкой от плана на три дня. При этом затраты на заработную плату увеличились за счет сверхурочного времени, работы в выходные дни, заработной платы второго оператора.

Очевидно, что оператор — перегруженное звено в системе. Товароведы, наоборот, зачастую простаивают. Неравномерность поставок и низкая пропускная способность зоны приемки вынуждают держать двух сотрудников. При этом коэффициент производительности труда у товароведов не превышает 60 %. Пусть товароведы, несомненно, выполняют часть работы оператора. Только в случае автоматизации информационных потоков и создания регламентов потребность в заполнении бумажных документов исключается. Так что перекрытие интенсивной загрузки оператора свободным временем товароведа — иллюзия.

В целом и в частности полезно применить метод функционально-стоимостного анализа.

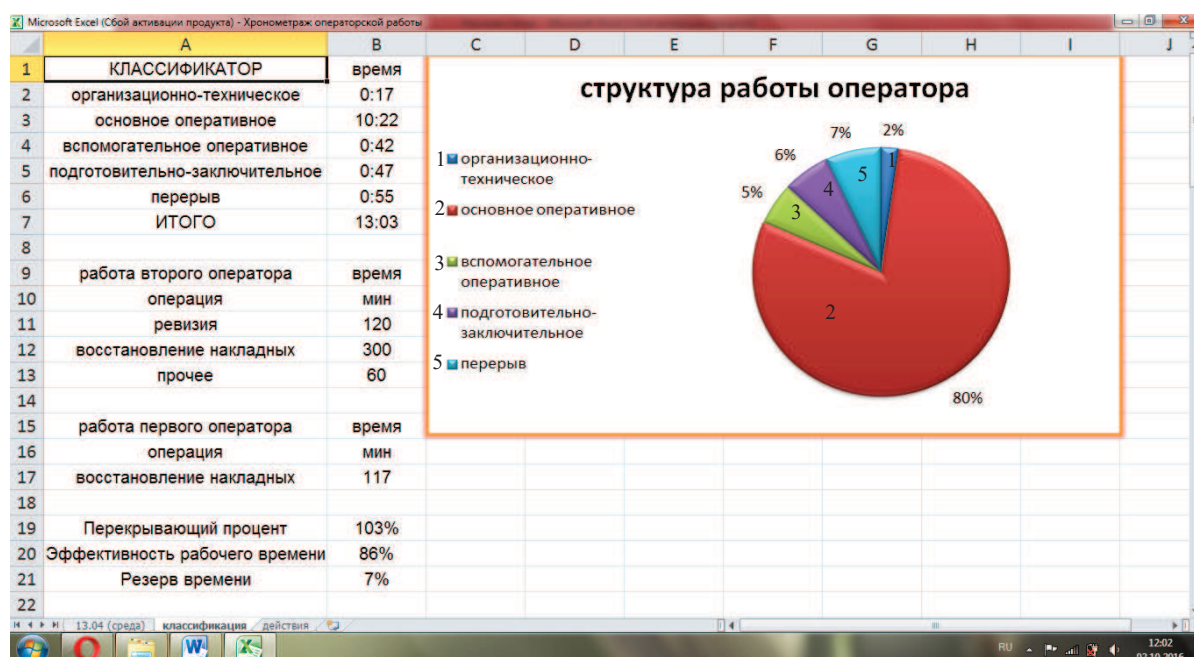

Рис. 1. Фотография рабочего дня оператора

Суть метода в том, чтобы определить все функции количественно и рассчитать среднее время по каждой функции. Зная стоимость часа сотрудника, можно рассчитать себестоимость каждой функции. Со стороны бизнеса проводится анализ на ценностные функции, вынужденные функции и прямые потери. Вынужденные функции, как правило, можно оптимизировать только благодаря реинжинирингу. Перепроектирование логистической системы в корне позволит установить новые регламенты работы. Касаемо прямых потерь — такие функции необходимо удалить. Но анализировать причинно-следственные связи прямых потерь необходимо регулярно, непрерывно (см.: А. В. Цевелев [13]).

Рекомендуемое и оптимизированное функциональное взаимодействие персонала смоделировано на рис. 2 — пример оптимизированного процесса приемки товаров. Время оператора максимально сокращено. Только в случае проблем считывания штрихкода запускаются функции операторской работы, что составляет около 10 % фонда времени.

Инструментом моделирования бизнес-процессов предприятия выбрана нотация BPMN, процессный подход которой подходит для топ-менеджмента и эффективно используется персо-

налом. Графический язык нотации представлен в табл. 3 (см.: ImpelTech [15]).

Кроме приемки товара были внедрены регламенты ценообразования, автозаказа, размещения товара, инвентаризации.

Следующая оптимизация коснулась переоценки товаров, в ходе которой происходит загрузка обновлений в кассы. Ручная замена ценников укладывается в час работы ежедневно. Следствие задержки сказывается при сканировании товара на этапе продаж, когда реальные цены не совпадают с товарными ценниками. По новым правилам переоценка товаров теперь будет проходить не с 16:00 до 18:00 (пик спроса), а после 24:00. Потеря наценки составит в среднем 0,33 % на единицу продукции.

На ночную смену переходит процесс инвентаризации. Рационально сделать сканирование и переоценку товаров параллельными операциями. Такое изменение сократит до минимума ошибки при учете товаров, а также сэкономит время для аналитической работы над категориями товаров.

На основе инвентаризации и текущих поступлений товаров с документацией будут оперативно работать сотрудники, размещающие товар. Актуальность прибавляется за счет того, что

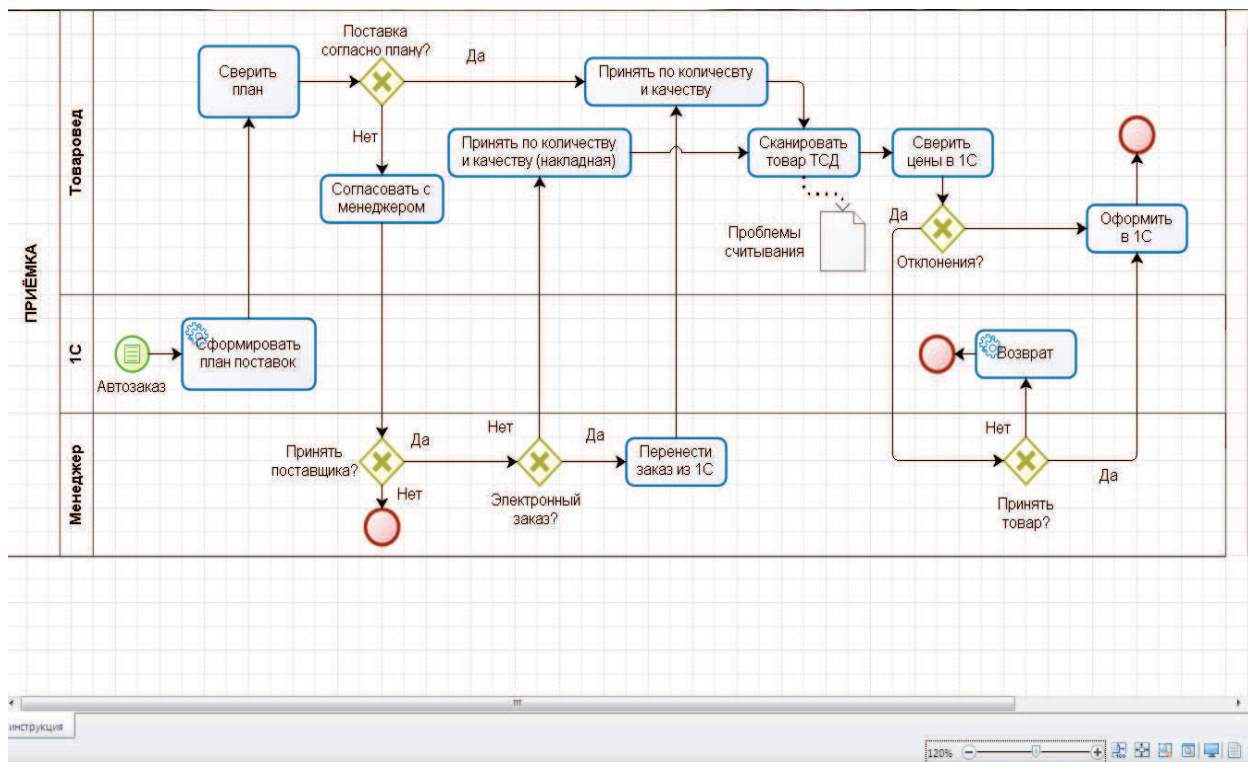
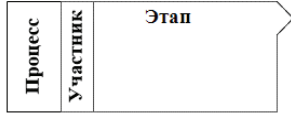

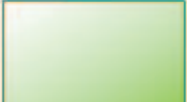

Рис. 2. Регламент приемки товаров

Таблица 3

Условные обозначения нотации BPMN

Обозначение	Характеристика
	Рабочая область
	Последовательность процессов
	Движение документов
	Бизнес-операция
	Циклический процесс
	Начальное событие
	Промежуточное событие
	Конечное событие
	Логический оператор
	Документ
	Дополнительная информация

товары в магазине поддерживаются на уровне первой свежести. Ведение статистических данных по товарам с вышедшим сроком годности или утратившим потребительский вид отразится на процессе автозаказа и в итоге оптимизирует процессы мерчандайзинга в логистической системе.

Для синергетического эффекта разработанных процедур желательно исправить номенклатурный справочник. Очень сложно применить методы категорийного менеджмента на предприятии, где однотипные товары заведены в систему под различными названиями.

Совокупные преимущества от реинжиниринга логистической системы:

1. Введены регламенты, которые точно раскрывают содержание функций, этапы исполнения, коммуникационный эффект.
2. Ряд процессов в снабжении и сбыте стали полностью синхронизированы.
3. Равномерная нагрузка на персонал обеспечивает высокие показатели труда и минимальные простои.
4. Управление информацией о движении товаров открывает перспективы категорийному менеджменту.

Результаты аудита в разрезе сокращения издержек на оплату труда и повышения конкурентоспособности представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Результаты аудита
относительно оптимизации персонала**

Показатель	До	После
Сотрудников в ночную смену	13	8
Сотрудников в выходной день	22	20
Штат товароведов	2	1,5
Смена оператора в часах	12	8
Смена контролера в часах	12	8
Сверхурочных часов за месяц	60	15

Реинжиниринг логистической системы строился на процессном подходе. При таком подходе

логистические процессы имеют качественный характер и базируются на удовлетворении потребностей потребителей (см.: Н. Л. Володина [4]). Методы тайм-менеджмента и бизнес-моделирования позволили сократить расходы на заработную плату персоналу в сферах снабжения и сбыта. Дополнительно перепроектирование движения информационных потоков существенно повлияло на синхронизацию бизнес-процессов ценообразования, автозаказа, размещения товара, инвентаризации. Соблюдение рекомендаций аудиторов после проведения реинжиниринга в перспективе будет способствовать продолжению оптимизации логистической системы и повышению конкурентоспособности предприятия розничной торговли.

Список литературы

1. Артамонов, М. С. Тайм-менеджмент как альтернатива управления предприятием / М. С. Артамонов, О. С. Лямина // Проблемы социально-экономического развития в новых экономических условиях: взгляд молодых исследователей : материалы и докл. междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 18.03.16). — Челябинск, 2016. — С. 15—21.
2. Бубнов, С. А. Как оптимизировать численность персонала? / С. А. Бубнов — М. : Bestlog, 2008 — 6 с.
3. Бубнов, С. А. Как рационально использовать складские мощности [Электронный ресурс] / С. А. Бубнов // Коммерческий директор. — 2013. — URL: http://www.bestlog.su/public/warehouse_logistics_projection.pdf (дата обращения 18.04.13).
4. Володина, Н. Л. Процессный подход в системе менеджмента качества / Н. Л. Володина // Организатор производства. — 2016. — № 1. — С. 95—100.
5. Григорьев, М. Н. Коммерческая логистика. Теория и практика / М. Н. Григорьев, С. А. Уваров, В. В. Ткач — М. : Юрайт, 2016. — 490 с.
6. Демченко, А. И. Процессно-ориентированные подходы к проектированию и моделированию логистических цепей / А. И. Демченко // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. — 2014. — № 4. — С. 169—178.
7. Кузьбожев, Э. Н. Логистика : учеб. пособие / Э. Н. Кузьбожев, С. А. Тиньков. — М. : КНОРУС, 2004. — 224 с.
8. О'Коннор, Д. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Д. О'Коннор, И. Макдермотт. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 256 с.
9. Плоткин, Б. К. Логистический менеджмент и концепция TQM : учеб. пособие / Б. К. Плоткин. — СПб. : СПбГЭУ, 2014. — 63 с.
10. Сергеев, В. И. Логистика: информационные системы и технологии : учеб.-практ. пособие / В. И. Сергеев, М. Н. Григорьев, С. А. Уваров — М. : Альфа-Пресс, 2008. — 608 с.
11. Скородумов, П. В. Моделирование бизнес-процессов: подходы, методы, средства / П. В. Скородумов // Вопр. территориал. развития. — 2014. — № 5.
12. Хаммер, М. Реинжиниринг корпорации. Манифест революции в бизнесе / М. Хаммер, Д. Чампи. — СПб. : СПбГЭУ, 1997. — 332 с.
13. Цевелев, А. В. Логистическое моделирование бизнес-процессов МТО / А. В. Цевелев // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. — 2013. — № 4. — С. 13—19.
14. Щелокова, Т. В. Основы организации логистического аудита универсальных логистических систем / Т. В. Щелокова // Синергия. — 2017. — № 1. — С. 48—63.
15. ImpelTech. Графический язык моделирования бизнес-процессов BPMN, версия 2.0 / ImpelTech. — М., 2016. — 299 с.

Сведения об авторах

Пряхин Геннадий Николаевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pgn248@csu.ru

Артамонов Максим Сергеевич — студент Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. maxam_art@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 131—138.*

REENGINEERING LOGISTICS SYSTEM OF RETAIL TRADE ENTERPRISE

G.N. Pryakhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pgn248@csu.ru

M.S. Artamonov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. maxam_art@mail.ru

The consequence of high prices for the products of retail chains are the high costs of the logistics system. In particular, significant financial expenses are concentrated in the staff salary, and losses of time resources are encountered during irrational movement of information flows. Gradual improvements have an effect in some functional areas of logistics, but do not allow optimizing the system as a whole. Therefore, an evolutionary method of quality management is excluded. The idea of benchmarking is also eliminated, since the logistics system is not ready to focus on benchmarks. Logistic auditors recommend looking for a way out in business process reengineering. Radical transformations of the processes of supply and distribution will increase labor productivity and ensure accessibility, mobility, and sequences of information flow in retail. Time management and business modeling are suggested to be the main methods associated with reengineering. The first method allows identifying bottlenecks and weak links in the logistics system, the second method serves as a graphical process visualization tool for optimizing functions.

Keywords: *reengineering, logistic system, optimization of functions.*

References

1. Artamonov M.S. Taim-menedzhment kak alternativa upravleniya predpriyatiem [Time-management as a alternative to enterprise management]. *Problemy socialno-ekonomicheskogo rasvitiya v novykh ekonomicheskikh usloviyakh: vzglyad molodykh issledovatelej: materialy i doklady mezhdynarodnoj nauchno-practicheskoy konferencii* [Problems of socio-economic development in the new economic conditions: the view of young researchers: materials and reports of the international scientific-practical conference]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 15-21. (In Russ.).
2. Bubnov S.A. *Kak optimizirovat chislennost personala?* [How to optimize the number of staff?]. Moscow, 2008. 6 p. (In Russ.).
3. Bubnov S.A. *Kak racionalno ispolzovat skladskie moschnosty* [How to efficiently use storage capacity]. *Kommercheskiy direktor* [Commercial Director], 2013. Available at: http://www.bestlog.su/public/warehouse_logistics_projection.pdf, accessed 04.18.13.
4. Volodina N.L. *Procesnyj podhod v sisteme menegmenta kachestva* [The process approach in the quality management system]. *Organizator proizvodstva* [Production organizer], 2016, no. 1, pp. 95-100. (In Russ.).
5. Grigoriev M.N. *Kommercheskaya logistika. Teoriya i praktika* [Commercial logistics. Theory and Practice]. Moscow, 2016. 490 p. (In Russ.).
6. Demchenko A.I. *Processno-orietirovannyje podhody k proektirovaniy I modelirovaniy logisticheskikh tcepej* [Process-oriented approaches to the design and modeling of logistics chains]. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South Ural State University], 2014, no. 4, pp. 169-178. (In Russ.).

7. Kuz'bozhev E.N. *Logistika* [Logistics]. Moscow, 2004. 224 p. (In Russ.).
8. O'Connor D. *Iskusstvo sistemnogo myshlenija: neobhodimye znaniya o sistemah i tvorcheskom podhode k resheniy problem* [The art of systems thinking: The necessary knowledge of systems and a creative approach to solving problems]. Moscow, Alpina Business Books Publ., 2006. 256 p. (In Russ.).
9. Plotkin B.K. *Logisticheskij menegment i koncepcija TQM* [Logistic management and the concept of TQM]. St. Petersburg, 2014. 63 p. (In Russ.).
10. Sergeev V.I. *Logistika: informacionnyje sistemy i tehnologii* [Logistics: information systems and technologies]. Moscow, 2008. 608 p. (In Russ.).
11. Skorodumov P.V. Modelirovanie bizness-processov: podhody, metody, sredstva [Modeling of business processes: approaches, methods, means]. *Voprosy territorialnogo razvitija* [Questions of territorial development], 2014, no. 5.
12. Hammer M. *Reinginiring korporacii. Manifest revolucii v biznesse* [Reengineering Corporation. Manifesto of the revolution in business]. St. Petersburg, 1997. 332 p. (In Russ.).
13. Tsevelev A.V. Logisticheskije modelirovanie bizness-processov MTO [Logistic modeling of business processes MTO]. *RISK: Resursy, informacija, cnabzhenije, konkurenciya* [RISK: Resources, Information, Procurement, Competition], 2013, no. 4, pp. 13-19.
14. Schelokova T.V. Osnovy organizacii logisticheskogo audita universalnyh logisticheskikh sistem [The foundations of organizing a logistic audit of universal logistic systems]. *Synergiya* [Synergy]. 2017, no. 1, pp. 48-63.
15. *ImpelTech. Graficheskij yazyk modelirovanija bizness-processov BPMN versija 2.0* [Graphic language for modeling business processes BPMN version 2.0]. Moscow, 2016. 299 p. (In Russ.).

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ РЕГИОНА

В. П. Грахов, О. Л. Симченко, Е. Л. Чазов, Д. И. Иванова, Д. В. Нелюбина

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашикова, Ижевск, Россия

Последнее время в России ознаменовалось динамичным развитием комплексов архитектурно связанных предприятий торговли и развлечений, именуемых торгово-развлекательными центрами (ТРЦ). В условиях острого соперничества анализ факторов, влияющих на конкурентоспособность ТРЦ, является объективной потребностью каждого субъекта хозяйствования. В настоящем исследовании выявлены основные факторы, влияющие на конкурентоспособность наиболее популярных ТРЦ города Ижевска Удмуртской Республики. На основе анализа различных методологических подходов к определению экономической сущности понятия конкурентоспособности формируется базис для проведения факторного анализа, позволяющего определить главные компоненты, оказывающие первостепенное влияние на конкурентоспособность торгово-развлекательных центров. В результате ранжирования факторов, определяющих приоритет для потребителя, на основе представленной системы параметров конкурентоспособности торгово-развлекательных центров региона произведены расчет и оценка показателей конкурентоспособности ТРЦ методом главных компонент. В заключение отмечены наиболее конкурентоспособные торгово-развлекательные центры.

Ключевые слова: *торгово-развлекательный центр (ТРЦ), конкурентоспособность, факторный анализ, метод главных компонент, параметры конкурентоспособности, показатель конкурентоспособности, якорные резиденты.*

В современных рыночных условиях интересы предприятий, функционирующих в любой из отраслей экономики, детерминированные изменениями внешней и внутренней среды, сталкиваются с интересами других хозяйствующих субъектов, вовлеченных в сложную схему межхозяйственного взаимодействия и соперничающих между собой для закрепления позиций на рынке в целях получения максимальной прибыли.

В данных условиях трансформации торговая деятельность, как одно из самых быстроразвивающихся и набирающих темпы направлений в нашей стране, приобретает особую значимость, являясь связующей составляющей между сферами производства и потребления. Вместе с тем конкуренция в отрасли в последнее время набирает обороты, занимая лидирующее положение среди прочих отраслей экономики по количеству функционирующих субъектов, и представляет собой ключевую движущую силу и основу развития страны.

В этой связи актуальным становится рассмотрение факторов, влияющих на конкурентоспособность ТРЦ региона.

Целью настоящей работы является анализ факторов, влияющих на конкурентоспособность торгово-развлекательных центров региона и выявление наиболее успешных.

Достижение поставленной цели потребовало постановки и решения следующих задач:

1) определить основные крупные торгово-развлекательные центры в регионе;

2) определить факторы, являющиеся статистически значимыми параметрами — величинами, оказывающими наибольшее влияние на конкурентоспособность ТРЦ;

3) разработать систему оценки параметров конкурентоспособности ТРЦ региона;

4) произвести расчет показателей конкурентоспособности торгово-развлекательных центров.

Объектом исследования являются крупные ТРЦ, функционирующие в городе Ижевске Удмуртской Республики.

Очевидно, что для рассмотрения факторов, влияющих на конкурентоспособность ТРЦ региона, первоначально необходимо обратиться к анализу экономической литературы в области исследования конкурентоспособности.

В частности, следует отметить, что история конкурентоспособности начинается в XVIII в., когда были заложены полноценные теоретические основы теории конкуренции как экономической категории.

Вопросы формирования и развития конкурентоспособности в трудах отечественных и зарубежных исследователей являются одними из наиболее обсуждаемых в научных кругах.

Анализ экономической литературы по теме исследования позволил выявить несколько наиболее

распространенных подходов к определению понятия «конкурентоспособность», например:

— Д. Воронов [6], П. Забелин [9], П. Завьялов [10], И. Костин [12], М. Мескон [15], И. Спиридонов [24] определяют конкурентоспособность как относительную характеристику, отражающую «способность хозяйствующего субъекта вести экономически эффективную деятельность» [26];

— Т. Адаева [1], М. Портер [16], Ю. Рубин [19], И. Сергеев [21] под конкурентоспособностью предлагают понимать «способность производить конкурентоспособную продукцию» [26];

— Е. Вайсман [4], М. Гельвановский [7], Н. Дробитько [8], Р. Фатхутдинов [27] отождествляют конкурентоспособность с возможностью создавать и удерживать конкурентные преимущества [26];

— В. Беренс [3], И. Зулькарпаев [11], А. Селезнев [20] связывают конкурентоспособность со способностью сохранять или улучшать положение на рынке [26].

Из рассматриваемых трактовок представляется наиболее емким современный подход, предложенный В. Криворотовым, который отмечает, что «конкурентоспособность — реальная и потенциальная способность хозяйствующего субъекта удовлетворять конкретные потребности на рынке, опосредуемая более эффективным в сравнении с конкурентами использованием ограниченных экономических ресурсов и применением более эффективных бизнес-моделей управления» [14].

Таким образом, можно говорить о том, что доминирующей точкой зрения в общем массиве исследований рассматриваемого явления является мнение о том, что конкурентоспособность является многоаспектным понятием, закономерно возникающим между современными хозяйствующими субъектами и характеризующим естественный процесс в рыночной экономике.

Усиление дифференциации товара на рынке привело к возникновению и развитию торговых центров. Ярмарки, рынки послужили наиболее ранними примерами зарождения торговых площадей. В 1889—1893 гг. были построены «Верхние торговые ряды» (ГУМ) в Москве.

Впервые настоящие торговые центры начали появляться в 1930—40-х гг. в США. С развитием автомобильной индустрии в больших городах не хватало мест для стоянок, а также была перенапряженность уличного движения. Поэтому в пригородах стали строить торговые центры с большой территорией для парковки.

Активное развитие страны привело к тому, что торговые центры стали наиболее модифицированы и раз-

местили на своих территориях кинотеатры, рестораны и кафе, детские игровые зоны, боулинг, бильярд и места, где жители могут всей семьей в одном месте выгодно провести время с учетом дефицита времени. Такие торговые территории получили название «торгово-развлекательные центры». Главным преимуществом при этом явилось предоставление полного комплекса взаимосвязанных элементов, объектов торговли, объединенных под крышей одного здания, и возможности для покупателя в одном месте приобрести все необходимые товары с минимальной тратой времени, а также воспользоваться предложениями предприятий общественного питания и бытовых услуг.

В рамках настоящей работы представлены следующие ТРЦ города Ижевска Удмуртской Республики: ТРК «Петровский», ТРЦ «Италмас», ТЦ «Флагман», ТРК «Столица», ТРЦ «Талисман», ТЦ «Омега», ТЦ «Сигма».

В табл. 1 приводится краткая характеристика торгово-развлекательных центров Ижевска с названием якорных резидентов, включая предоставляемые ими услуги. Анализируя эти данные, видим, что в настоящее время большинство ТРЦ представляют собой обширные комплексы в несколько этажей с множеством магазинов, зоной отдыха и досуга, ресторанами, кафе, кинотеатром, парковкой и прочими удобствами, что позволяет покупателю не только произвести все покупки в одном месте, значительно экономя время, но и сделать времяпровождение приятным и интересным.

При этом конкурентоспособность ТРЦ, функционирующих в регионе, зависит от ряда важнейших внешних и внутренних факторов.

Внешними принято называть факторы, которые, разделенные на две группы: факторы общего внешнего окружения (факторы макроокружения) и факторы непосредственного (делового) окружения торгово-развлекательных комплексов; внутренними — включающие в себя совокупность факторов, которые находятся под прямым контролем и управлением ТРЦ и действующих в них предприятий [23].

В современных условиях развития повышение конкурентоспособности как самих торгово-развлекательных центров, так и предприятий, в них функционирующих, является сложным многофакторным процессом, при этом анализ конкурентных позиций на рынке предполагает выяснение факторов, воздействующих на отношение покупателей к предприятию и его продукции и, как результат, изменение доли предприятия в продажах на конкретном рынке [22].

Исходя из этого, ключевым требованием, предъявляемым к системе показателей, характеризующих деятельность торгово-развлекательных центров, является обеспечение всестороннего учета

Таблица 1

Характеристика основных торгово-развлекательных центров города Ижевск

№ п/п	Наименование	Арендная площадь	Якорные резиденты	Развлечения
1	ТРК «Петровский»	65 000 м ² (общая)	New Yorker, Savage, Terranova, Zarina Kari, Karikids, Waggon, «Асоола Детский мир», «Иль де богэ», «Л'Этуаль», «Леонардо»	Кинотеатр, обширная зона фуд-корта, детский развлекательный центр «Игромакс», чешский паб «Пинта», боулинг, бильярд
2	ТРЦ «Италмас»	42 000 м ²	«М.Видео», H&M, McDonald's с услугой МакАвто, «Магнит Семейный»	Семейный парк развлечений, кафе «Гранат», лазертаг, пиццерии, центр здоровья и отдыха «Ижевские термы»
3	ТРК «Столица»	32 000 м ²	Adidas, Reebok, «Спортмастер» Henderson, Zolla, «Твое», «Читай Город», «Квартал», Calzedonia, «Империя сумок», «5 сезонов», «DNS гипер», автомоечный комплекс	Пятизальный кинотеатр, развлекательный центр для детей, обширная зона фуд-корта, ателье
4	ТРЦ «Талисман»	22 000 м ²	«Л'Этуаль», Calzedonia, гипермаркет «Карусель», «М.Видео», Adidas, Zolla, O'stin, Chester, NYX, «Эконика»	Кинотеатр, фуд-корт (10 концепций), рестораны
5	ТЦ «Флагман»	18 000 м ²	Гипермаркет «Ижтрейдинг ЭКСТРА», DNS, «Детский мир», «Мехамания», «Л'Этуаль», «Читай Город»	Кафе-клуб «Мята Lounge», «Бургер Кинг» и «Кинг Авто», детская зона
6	ТЦ «Омега»	11 000 м ²	Гипермаркет Spar, «Сыночки и Дочки», «Созвездие мебели»	Планетарий, каток, роллердром, батутный центр, лазертаг, караоке, кафе
7	ТЦ «Сигма»	20 000 м ² (общая)	Гипермаркет Spar, Gloria Jeans, «Л'Этуаль», Zarina, Kari, «Связной», «Дочки-сыночки»	Кинотеатр, аттракцион 6D-кино, «Ресторанный дворик», зеркальный лабиринт, арбалетно-лучный тир

факторов, которые предлагается разделить на два блока (рис. 1):

— 1-й блок факторов, характеризующий комплекс сформированных конкретным торгово-раз-

влекательным центром условий для ведения бизнеса, а также возможностей для его расширения;

— 2-й блок факторов, связанный непосредственно с совокупностью факторов, характеризующих

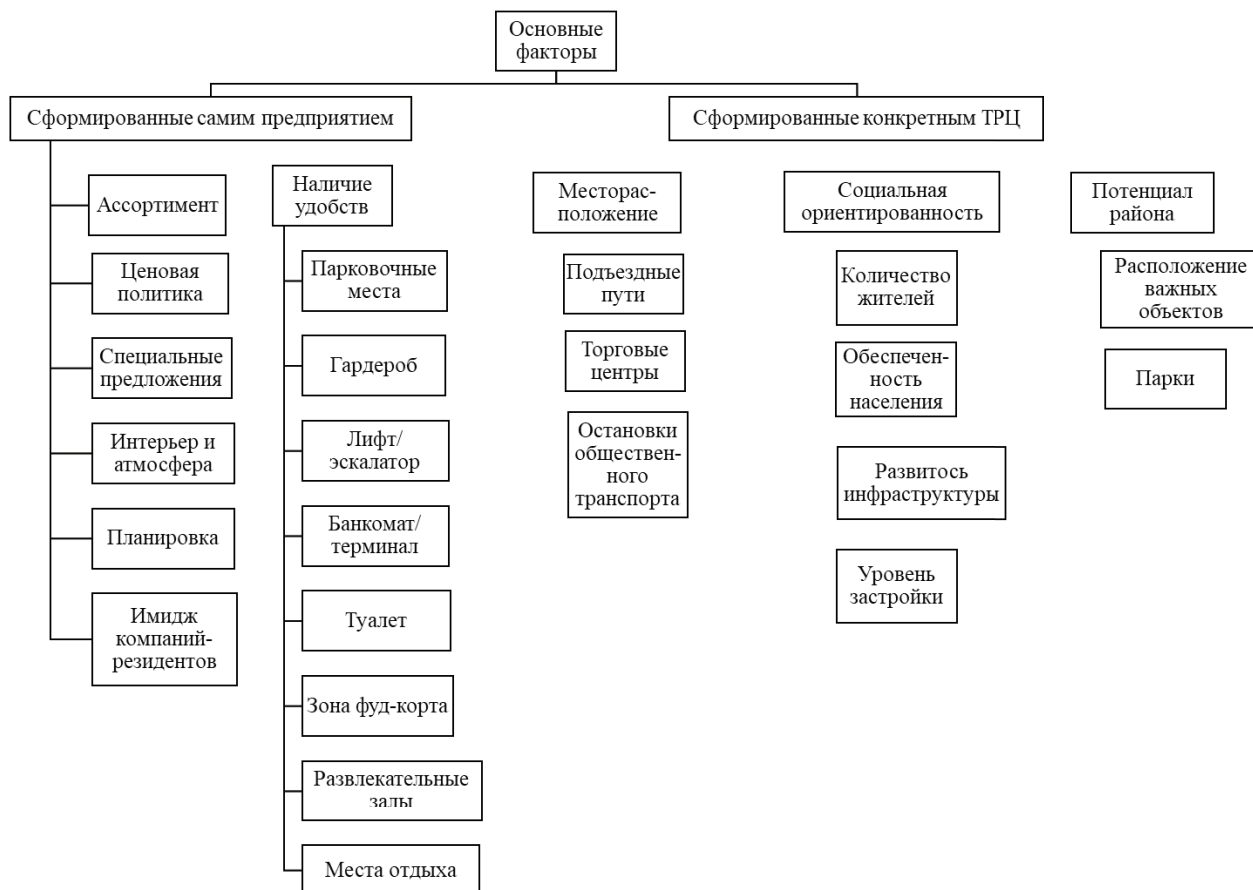

Рис. 1. Факторы, влияющие на конкурентоспособность торгово-развлекательных центров

объективные критерии, которые определяют возможности предприятия по обеспечению собственной конкурентоспособности [13].

Для более детального анализа представляется необходимым использование метода главных компонент, основанного на выделении и оценке основных факторов, стимулирующих развитие торгово-развлекательных центров.

Рассмотрим современные торгово-развлекательные центры, функционирующие в конкурентной среде под влиянием набора факторов x_{ij} , где i — порядковый номер фактора ($i = 1, 2, \dots, I$); j — точка временного ряда ($j = 1, 2, \dots, J$), а I и J — количество факторов и наблюдений соответственно [28].

Учитывая, что влияние ряда факторов неравноценно, поскольку какие-то факторы влияют в большей степени, какие-то — в меньшей, а также их независимость между собой, изначально следует сделать допущение о зависимости рассматриваемых показателей с целью определения степени влияния данного фактора на результативный в ситуациях реального существования такой связи.

Исходной точкой такого анализа является определение перечня технических и экономических факторов конкурентоспособности, которые трактуются как совокупность критериев количественной оценки уровня конкурентоспособности предприятия [2].

Для объективной оценки факторные нагрузки можно рассчитывать с помощью программы

MS Excel, используя приложение «Анализ данных». При этом происходит независимый расчет по каждому выделенному фактору (рис. 2).

Проведенный факторный анализ позволяет выделить главные компоненты, совокупность которых может быть использована для оценки параметров [18] конкурентоспособности торгово-развлекательных центров.

Таким образом, ниже в работе приведено описание факторов — главных компонент, являющихся статистически значимыми величинами, которые нельзя исключать из модели, оказывающих наибольшее влияние на конкурентоспособность торгово-развлекательных центров.

1. Месторасположение.

Месторасположение объекта торговли является одним из ключевых факторов, влияющих на его конкурентоспособность.

В настоящее время существует множество исследований и методов выбора наиболее оптимального расположения предприятия торговли в условиях городской застройки, например Берри и Парра (Berry and Parr, 1987), Боулби, Брехени и Фуа (Bowlby, Breheny and Foot, 1984) и др. [29]. В общем случае оценка месторасположения объекта торговли включает стадии анализа территорий по ряду критериев, их ранжирование и конечный выбор наилучшего варианта.

Анализ места строительства начинается с определения потенциальных покупателей. Составление

	У	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀
У	1	-0,916	0,901	0,883	0,869	0,858	0,958	0,321	0,902	0,301	0,365
X ₁		1	-0,821	-0,809	0,965	-0,968	0,896	-0,425	0,855	-0,539	-0,851
X ₂			1	0,895	-0,885	0,889	-0,896	0,478	-0,896	0,102	0,125
X ₃				1	0,989	-0,905	0,985	-0,569	0,923	0,249	0,782
X ₄					1	0,966	-0,869	-0,125	0,862	0,369	0,482
X ₅						1	0,987	0,458	0,925	-0,456	0,569
X ₆							1	0,658	0,974	0,562	0,452
X ₇								1	-0,901	0,125	-0,302
X ₈									1	-0,456	0,802
X ₉										1	0,578
X ₁₀											1

Рис. 2. Результаты факторного анализа с помощью пакета «Анализ данных» MS Excel

Примечание: У — выручка; X₁ — ассортимент; X₂ — ценовая политика; X₃ — специальные предложения; X₄ — интерьер и атмосфера; X₅ — планировка; X₆ — имидж компаний-резидентов; X₇ — наличие удобств; X₈ — месторасположение; X₉ — социальная ориентированность; X₁₀ — потенциал района

портрета потребителя помогает с созданием концепции торгового центра: его оформления, выбора якорных арендаторов, ценообразования. Зная целевого покупателя (его возраст, пол, интересы, образ жизни, уровень дохода и т. д.), можно провести демографический анализ в выбранных для размещения ТРЦ районах.

Следующим этапом в анализе расположения торгового центра является изучение существующей транспортной структуры. Для успешной конкурентоспособности ТРЦ должен иметь хорошую доступность для личного автомобильного транспорта (удобные подъезды и достаточное количество парковочных мест), общественного (развитая система общественного транспорта в районе и близость к остановке), а также пешеходную доступность.

При оценке места расположения объекта торговли следует уделять внимание инфраструктуре района, то есть наличию вблизи торгово-развлекательного центра промышленных комплексов, офисных зданий, парков, культурных и спортивных объектов. К учету также могут приниматься такие факторы, как возможность обзора торгового комплекса и общий окружающий вид.

Важной частью выбора места расположения ТРЦ является анализ уже существующих объектов торговли в данном районе. Следует отметить, что объекты торговли бывают как конкурирующие, так и дополняющие друг друга. Таким образом, «соседи» влияют на состав арендаторов ТРЦ — очевидно, что площадь нового комплекса займут магазины с уникальными для данного района товарами или конкурирующие предприятия с отличной ценовой и (или) имиджевой политикой [9].

2. Ассортимент.

В условиях современной рыночной экономики основным преимуществом торгово-развлекательных центров по сравнению с другими предприятиями торговли является наличие полного комплекса взаимосвязанных элементов, объектов торговли в пределах одного здания, что предоставляет возможность потребителю приобрести все необходимые товары в одном месте с минимальной тратой времени. Таким образом, широкий ассортимент товаров и услуг является важной составляющей модели конкурентоспособности торгового центра.

3. Ценовая политика.

Ценовая политика — это, несомненно, фактор, от которого зависит конкурентоспособность всего предприятия торговли. Следовательно, система цен предприятий торгового комплекса должна быть хорошо продумана и обоснована.

В ценообразовании все больше учитываются перспективы субъективного восприятия продукта потребителем. В связи с этим большое значение приобретает создание «ценового имиджа» [17]. Развитием такого подхода является поиск оптимальных соотношений цены и качества продукции.

По ценовым уровням реализуемых товаров предприятия торговли можно подразделить на следующие группы:

- а) с высоким уровнем цен;
- б) средним уровнем цен (+);
- в) средним уровнем цен;
- г) средним уровнем цен (-);
- д) низким уровнем цен [5].

Как показывает практика, наибольший успех имеют предприятия с уровнем цен «средний (-)». Опыт стран с развитой рыночной экономикой показывает, что такая классификация позволяет гораздо глубже дифференцировать ассортимент и уровень обслуживания покупателей в соответствии с реальным спросом на товары и торговые услуги в зависимости от уровня доходов [5].

Соблюдение политики низких цен в магазинах крупных торговых сетей позволяет привлечь больше покупателей, при этом средняя суммарная стоимость покупки в расчете на одного покупателя возрастает, что способствует увеличению товарооборота и скорости оборота денежных средств магазина. Ассортимент таких предприятий формируется за счет наиболее дешевых товаров, качество которых уступает среднему уровню. В таких магазинах занижен и критерий обслуживания [Там же].

Организация элитных предприятий с высоким уровнем цен сопровождается подбором особого ассортимента, обеспечением продукцией наивысшего качества, высоким уровнем сервиса, а также соответствующим оформлением интерьера [8].

4. Специальные предложения.

Неотъемлемой частью успеха любого бизнеса является система специальных предложений, которая включает различные маркетинговые акции на товары и услуги. К данным мероприятиям относят: вручение карт лояльности (скидочных, накопительных и клубных), подарков за приобретение продукции, проведение дегустаций, конкурсов, розыгрышей, распродаж, скидок и т. д.

Периодическое проведение таких мероприятий помогает предприятию достичь определенных целей:

- а) увеличить количество продаж и реализовать продукцию;
- б) нарастить клиентскую базу за счет привлечения новых потребителей;

в) поддержать лояльность постоянных покупателей;

г) увеличить общую прибыль объекта торговли.

В зависимости от целей, которые преследует организация, разрабатывается стратегия акции и планируются различные мероприятия по ее реализации.

5. Интерьер и атмосфера.

Торгово-развлекательные центры на сегодняшний день представляют собой многофункциональные комплексы, включающие не только предприятия торговли, но и различные места для досуга и отдыха посетителей. Поэтому конкурентоспособность ТРЦ во многом зависит от грамотно продуманного интерьера и создания благоприятной атмосферы.

Красивый дизайн, интересные архитектурные формы, правильная организация внутреннего пространства, подбор отделочных материалов, освещения, наличие лаунж-зон, фоновой музыки и приятных ароматов — все это создает необходимую атмосферу, привлекающую клиентов к предпринятию торговли.

6. Планировка.

В настоящее время для нормальной эксплуатации торгового центра и обеспечения его конкурентоспособности особое внимание уделяется конструктивным и объемно-планировочным решениям комплекса. Неудобная и неправильная планировка может сильно уменьшить приток клиентов ТРЦ. Так, узкие коридоры и плохая освещенность создают чувство дискомфорта у посетителей, а неполная загруженность торгового центра способна сформировать плохую репутацию в глазах потребителя. Длительный поиск эскалатора, лифта, лестниц или санузлов может также привести к потере клиентов.

7. Имидж компаний-резидентов.

Имидж компаний также относится к важным факторам, влияющим на конкурентоспособность

предприятия. В условиях развития интернет-коммуникаций потребители все чаще исследуют информацию, связанную с организациями торговли и продукции, которую они предлагают, и на основании этого принимают решения о приобретении товаров и услуг. Поэтому формирование благоприятной репутации бренда является важной частью деятельности любого предприятия.

При помощи правильно построенного имиджа компании достигают таких важных целей, как позиционирование на рынке, привлечение целевой аудитории и стимулирование продаж.

Далее из отобранных факторов необходимо ранжировать характеристики в соответствии с их значимостью. При этом респонденту предлагалось произвести оценку признаков в границах $[0;1]$, таким образом, чтобы сумма всех оцененных параметров была равна единице. Таким образом, можно четко проанализировать влияние предложенных характеристик на конечный выбор покупателя из нескольких объектов. Если одно и то же значение признака в ранжированном ряду распределения занимает разные порядковые номера, то ранг признака определяется по сопряженному рангу. Представим полученные данные в виде диаграммы (рис. 3).

Для разработки модели оперативной оценки конкурентоспособности за основу были взяты принципы построения сравнительных или эталонных моделей. Данный способ изображения позволяет сравнить между собой количественно-качественные показатели, демонстрирующие уровень системной реализации по каждому отдельно, и устанавливать эталонные значения, демонстрирующие полноту замкнутости по отображаемому параметру. При этом совокупность эталонных значений = 100% от реализации системы в целом и показывает идеальное состояние системы, в данном случае — достижение состояния абсолютных конкурентных

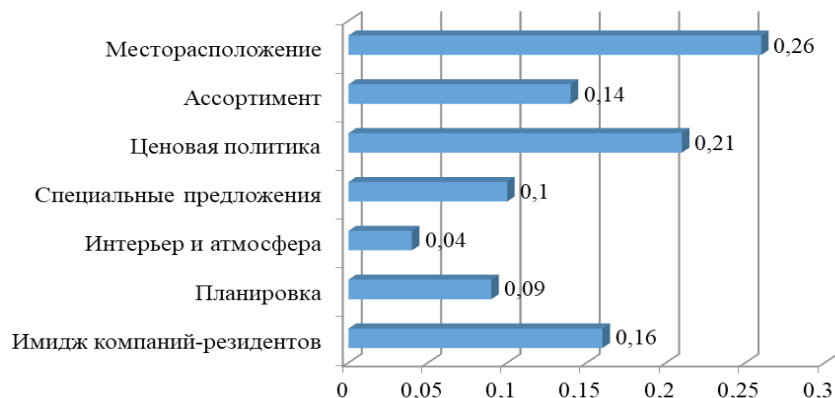

Рис. 3. Ранжирование факторов, определяющих приоритет для потребителя

преимуществ [28]. Система оценки выделенных показателей представлена в табл. 2.

Таким образом, комплекс показателей конкурентоспособности с приданным каждому из них эталонным значением можно сопоставлять с реаль-

ной оценкой, полученной в процессе мониторинга, что позволяет устанавливать область системной неполноты и определять наличие системных противоречий по соотношению анализируемых позиций между собой [25].

Таблица 2

**Система оценки параметров конкурентоспособности
торгово-развлекательных центров региона**

Параметр конкурентоспособности	Система оценки
Месторасположение	<p>Эталон 100 у. е. к. — близкое расположение от остановок общественного транспорта, удобные дорожные пути и достаточное количество парковочных мест для автомобильного транспорта, вблизи нет конкурирующих торговых комплексов.</p> <p>60 у. е. к. — близкое расположение от остановок общественного транспорта, удобные дорожные пути и достаточное количество парковочных мест для автомобильного транспорта, но вблизи данного торгово-развлекательного центра присутствуют конкурирующие с ним другие торговые комплексы.</p> <p>40 у. е. к. — близкое расположение от остановок общественного транспорта, но недостаточное количество парковочных мест для личного автотранспорта / остановки общественного транспорта расположены далеко, но достаточное количество мест для автомобильного транспорта.</p> <p>10 у. е. к. — остановки общественного транспорта расположены далеко, малое количество парковочных мест</p>
Ассортимент	<p>Эталон 100 у. е. к. — разнообразный ассортимент товаров и услуг для всех целевых групп покупателей, наличие продуктового супермаркета.</p> <p>80 у. е. к. — разнообразный ассортимент товаров и услуг для всех целевых групп покупателей, наличие продуктового супермаркета не предусмотрено / разнообразия ассортимента нет, наличие продуктового супермаркета.</p> <p>50 у. е. к. — разнообразный ассортимент для определенной целевой группы покупателей.</p> <p>10 у. е. к. — однообразие ассортимента</p>
Ценовая политика	<p>Эталон 100 у. е. к. — разнообразные ценовые уровни.</p> <p>85 у. е. к. — предприятия со средним уровнем цен.</p> <p>50 у. е. к. — в основном предприятия с низким уровнем цен и несколько отделов со средним и высоким уровнем цен.</p> <p>10 у. е. к. — только высокий уровень цен и несколько отделов со средним уровнем цен</p>
Специальные предложения	<p>Эталон 100 у. е. к. — наличие ежемесячных скидок и акций в разных отделах торгово-развлекательного центра, подарочных и накопительных бонусных карт, проведение лотерей, розыгрыш сертификатов на продукцию и бесплатного посещения какой-либо развлекательной зоны, находящейся в данном торгово-развлекательном центре или в пределах города.</p> <p>70 у. е. к. — наличие ежесезонных скидок, разнообразных акций, подарочных и накопительных бонусных карт.</p> <p>30 у. е. к. — наличие подарочных и накопительных бонусных карт, но скидок практически не бывает.</p> <p>10 у. е. к. — наличие редких распродаж</p>
Интерьер и атмосфера	<p>Эталон 100 у. е. к. — интересная архитектура, красивый дизайн, правильная организация внутреннего пространства, присутствует фоновая приятная музыка и вкусный аромат по всему пространству.</p> <p>50 у. е. к. — правильная организация внутреннего пространства, простой дизайн, присутствует приятная фоновая музыка.</p> <p>10 у. е. к. — непримечательный дизайн, отсутствие фоновой музыки, лишние элементы интерьера.</p>
Планировка	<p>Эталон 100 у. е. к. — удобная планировка, комфортное расположение лифтов и лестниц, а также санузлов.</p> <p>50 у. е. к. — не очень удобная планировка на некоторых этажах и/или неполная (чрезмерная) загруженность.</p> <p>10 у. е. к. — узкие коридоры, плохая освещенность, неудобная планировка, длительный поиск лифтов и лестниц</p>
Имидж компаний-резидентов	<p>Эталон 100 у. е. к. — наличие бренда компании и брендовых предприятий.</p> <p>10 у. е. к. — отсутствие бренда компании и брендовых предприятий</p>

Далее рассчитаем конкурентоспособность торгово-развлекательных центров Ижевска методом главных компонент.

Произведенные расчеты представим в табл. 3 настоящего исследования.

$$K_i = \sum_1^n T_j \cdot k_{всцj},$$

где K_i — показатель конкурентоспособности; T_j — оценка фактора-параметра конкурентоспособности; $k_{всцj}$ — коэффициент весомости факторов-параметров для потребителя.

Последовательность этапов определения показателей конкурентоспособности торгово-развлекательных центров региона с использованием факторного анализа представлена на рис. 4.

Таким образом, в ходе работы рассмотрены наиболее популярные торгово-развлекательные центры города Ижевска Удмуртской Республики и выявлены основные факторы, влияющие на их конкурентоспособность.

По итогам анализа можно сделать следующие выводы:

- В условиях динамичных преобразований развитие региона способствует увеличению

количества торгово-развлекательных центров. На сегодняшний день необходимо выделить следующие крупные торгово-развлекательные центры в городе Ижевске: ТРК «Петровский», ТРЦ «Италмас», ТЦ «Сигма», ТЦ «Омега», ТРЦ «Талисман», ТРК «Столица».

- Основными факторами, которые оказывают влияние на конкурентоспособность торгово-развлекательных центров, являются: месторасположение, ассортимент, ценовая политика, специальные предложения, интерьер и атмосфера, планировка, имидж компаний-резидентов.

По результатам ранжирования основных факторов, определяющих приоритет для потребителя, и разработки системы оценки параметров конкурентоспособности торгово-развлекательных центров города Ижевска в исследовании произведены расчет и оценка показателей конкурентоспособности ТРЦ методом главных компонент.

По результатам проведенного исследования выявлены наиболее конкурентоспособные торгово-развлекательные центры: ТРЦ «Талисман» с показателем конкурентоспособности 93,5 и ТРК «Петровский» с показателем конкурентоспособности 81,95. Менее популярным оказался ТЦ «Омега» с показателем конкурентоспособности 26,0.

Рис. 4. Последовательность этапов определения показателей конкурентоспособности торгово-развлекательных центров региона

Таблица 3

**Расчет показателя конкурентоспособности торгово-развлекательных центров города Ижевска
методом главных компонент**

Фактор-параметр конкурентоспособности	Оценка факторов-параметров конкурентоспособности								Коэффициент весомости параметра	Расчетное значение факторов-параметров						
	ТРК «Петров-ский»	ТРЦ «Игал-мас»	ТРК «Столица»	ТРЦ «Талисман»	ТЦ «Флагман»	ТЦ «Омега»	ТЦ «Сигма»	ТРК «Петров-ский»		ТРЦ «Игал-мас»	ТРК «Столица»	ТРЦ «Талисман»	ТЦ «Флагман»	ТЦ «Омега»	ТЦ «Сигма»	
Месторасположение	60	60	60	100	60	10	40	0,26	15,6	15,6	15,6	26	15,6	2,6	10,4	
Ассортимент	100	80	80	100	100	50	80	0,14	14	11,2	11,2	14	7	11,2		
Ценовая политика	85	100	85	100	85	50	50	0,21	17,85	21	17,85	21	17,85	10,5		
Специальные предложения	100	30	70	100	70	30	70	0,10	10	3	4	10	3	7		
Интерьер и атмосфера	100	50	100	50	50	10	50	0,04	4	2	4	2	0,4	2		
Планировка	50	50	100	50	50	10	10	0,09	4,5	4,5	9	4,5	0,9	0,9		
Имидж компаний-резидентов	100	100	100	100	100	10	10	0,16	16	16	16	16	1,6	1,6		
Показатель конкурентоспособности									81,95	73,3	77,65	93,5	76,95	26	43,6	

Список литературы

1. Адаева, Т. Ю. Организационные факторы и резервы повышения конкурентоспособности предприятия / Т. Ю. Адаева. — Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 1999. — 27 с.
2. Андреев, А. М. Особенности ранжирования рынков по внешнеэкономической деятельности предприятия / А. М. Андреев, Н. Р. Кельчевская // Вестн. УрФУ. Сер.: Экономика и упр. — 2011. — № 2. — С. 4—11.
3. Беренс, В. Руководство по оценке эффективности инвестиций / В. Беренс, П. Хавранек. — М. : Инттерэксперт, 1995. — 528 с.
4. Вайсман, Е. Д. Повышение конкурентоспособности промышленного предприятия на основе инновационной модели развития : дис. ... д-ра экон. наук / Е. Д. Вайсман. — Челябинск, 2011. — 486 с.
5. Васюхин, О. В. Основы ценообразования / О. В. Васюхин — М. ; СПб., 2010. — 110 с.
6. Воронов, Д. С. Конкурентоспособность предприятия: оценка, анализ, пути повышения / Д. С. Воронов, В. В. Криворотов. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2001. — 96 с.
7. Гельвановский, М. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях / М. Гельвановский, В. Жуковская, И. Трофимова // Рос. экон. журн. — 1998. — № 3. — С. 67—77.
8. Дробитько, Н. А. Оценка и диагностика конкурентоспособности предприятий : дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Дробитько. — Харьков, 2002. — 220 с.
9. Забелин, П. В. Основы стратегического управления / П. В. Забелин, Н. К. Моисеева. — М. : Маркетинг, 1998. — 195 с.
10. Завьялов, П. С. Конкурентоспособность и маркетинг / П. С. Завьялов // Рос. экон. журн. — 1995. — № 12. — С. 66—69.
11. Зулькарпаев, И. У. Метод расчета интегральной конкурентоспособности промышленных, торговых и финансовых предприятий / И. У. Зулькарпаев, Л. Р. Ильясова // Маркетинг в России и за рубежом. — 2001. — № 4. — С. 21—25.
12. Костин, И. М. Измерение конкурентоспособности предприятий / И. М. Костин, Х. А. Фасхиев // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Менеджмент организации XXI века». — Набереж. Челны : КамПИ, 2001. — С. 115—117.
13. Криворотов, В. В. Аналитическая оценка конкурентоспособности рыночно ориентированного предприятия / В. В. Криворотов // Регион. экономика: теория и практика. — 2005. — № 1. — С. 26—33.
14. Криворотов, В. В. Методология формирования механизма управления конкурентоспособностью предприятия / В. В. Криворотов. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007. — 238 с.
15. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. — М. : Дело, 1993. — 665 с.
16. Портер, М. Конкуренция. / М. Портер. — М. : Вильямс, 2000. — 495 с.
17. Пуряев, А. С. Исследование проблемы оценки эффективности инвестиционных проектов глобального значения / А. С. Пуряев, А. Л. Кузнецов // Вестн. ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. — 2013. — № 2. — С. 60—64.
18. Романова О. А. Особенности конкурентного развития региональной металлургии / О. А. Романова, С. Г. Ченчевич, О. Ю. Шешуков // Черная металлургия. — 2014. — № 11. — С. 68—71.
19. Рубин Ю. Б. Конкуренция: реалии и перспективы / Ю. Б. Рубин, В. В. Шустов. — М. : Знание, 1990. — 340 с.
20. Селезнев, А. З. Инфраструктура рынка и конкурентоспособность продукции / А. З. Селезнев // Экономист. — 1996. — № 2. — С. 9—25.
21. Сергеев, И. В. Экономика предприятия : учеб. пособие / И. В. Сергеев. — М. : Финансы и статистика, 2000. — 304 с.
22. Анализ влияния ресурсного потенциала на эффективность деятельности предприятий-резидентов индустриального парка / О. Л. Симченко, В. П. Грахов, Р. В. Файзуллин, Е. Л. Чазов // Вестн. ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. — 2018. — № 3 (т. 21). — С. 142—148.
23. Сиротин, Д. В. Разработка методологического подхода к изменению технологического облика базовой отрасли региона / Д. В. Сиротин // Журн. экон. теории. — 2016. — № 2. — С. 173—177.
24. Спиридонов, И. А. Международная конкуренция и пути повышения конкурентоспособности экономики России / И. А. Спиридонов. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 170 с.

25. Татаркин, А. И. Промышленность индустриального региона: потенциал, приоритеты и динамика экономико-технологического развития / А. И. Татаркин, О. А. Романова, В. В. Акбердина. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрФО РАН, 2014. — 632 с.

26. Тиханов, Е. А. Анализ и систематизация методов оценки конкурентоспособности предприятия / Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур // *Фундамент. исследования.* — 2016. — № 10-3. — С. 647—651.

27. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент / Р. А. Фатхутдинов. — М. : Маркетинг, 2002. — 650 с.

28. Повышение эффективности планирования как основа управления инвестиционной деятельностью промышленного предприятия / Е. Л. Чазов, В. П. Грахов, В. В. Криворотов, О. Л. Симченко // *Энергетика. Изв. высш. учеб. заведений и энергетических объединений СНГ.* — 2019. — № 1 (т. 62). — С. 88—100.

29. Чумаков, А. И. Организация, технология и проектирование торговых предприятий : учеб. пособие / А. И. Чумаков, Е. А. Кипервар. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. — 84 с.

Сведения об авторах

Грахов Валерий Павлович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Промышленное и гражданское строительство», ректор Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. pgs@istu.ru

Симченко Ольга Леонидовна — старший преподаватель кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. olgachazova@mail.ru

Чазов Евгений Леонидович — аспирант кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. elchazov@mail.ru

Иванова Дарья Ильинична — студентка кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. dashallichna@yandex.ru

Нелюбина Дарья Владимировна — студентка кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. dashanelly@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 139—151.*

COMPETITIVENESS OF TRADE AND ENTERTAINMENT CENTERS OF THE REGION

V.P. Grakhov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, pgs@istu.ru

O.L. Simchenko

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, olgachazova@mail.ru

E.L. Chazov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, elchazov@mail.ru

D.I. Ivanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, dashallichna@yandex.ru

D.V. Nelyubina

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, dashanelly@gmail.com

The last time in Russia was marked by the dynamic development of complexes of architecturally-related retail and entertainment enterprises, called shopping and entertainment centers (SECs). Under conditions of intense rivalry, the analysis of factors affecting the competitiveness of shopping and entertainment centers is the objective need of each business entity. This study presents the most popular shopping and entertainment

centers of the city of Izhevsk of the Udmurt Republic and identifies the main factors affecting their competitiveness. Based on the analysis of various methodological approaches to the definition of the economic essence of the concept of competitiveness, a basis is formed for carrying out a factor analysis, which makes it possible to determine the main components that have a primary effect on the competitiveness of shopping and entertainment centers. As a result of the ranking of factors determining the priority for the consumer, on the basis of the presented system of parameters of competitiveness of shopping and entertainment centers in the region, the study calculated and assessed the indicators of competitiveness of shopping and entertainment centers using the method of main components. In conclusion, the most competitive shopping and entertainment centers are marked.

Keywords: *shopping and entertainment center (SEC), competitiveness, factor analysis, principal component method, competitiveness parameters, competitiveness indicator, anchor residents.*

References

1. Adaeva T.Y. *Organizacionnye faktory i rezervy povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatiya* [Organizational factors and reserves to improve the competitiveness of the enterprise]. Penza, 1999. 27 p. (In Russ.).
2. Andreev A.M., Kelchevskaya N.R. Osobennosti ranzhirovaniya rynkov po vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti predpriyatiya [Features of the ranking of markets for foreign economic activity of the enterprise]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management], 2011, no. 2, pp. 4-11. (In Russ.).
3. Berens V., Havranek P. *Rukovodstvo po ocenke effektivnosti investitsij* [Guidelines for evaluating the effectiveness of investments]. Moscow, 1995. 528 p. (In Russ.).
4. Vajsman E.D. *Povyshenie konkurentosposobnosti promyshlennogo predpriyatiya na osnove innovacionnoj modeli razvitiya* [Increasing the competitiveness of an industrial enterprise based on an innovative development model]. Chelyabinsk, 2011. 486 p. (In Russ.).
5. Vasyukhin O.V. *Osnovy cenoobrazovaniya* [Basics of pricing]. St. Petersburg, 2010. 110 p. (In Russ.).
6. Voronov D.S., Krivorotov V.V. *Konkurentosposobnost' predpriyatiya: oценка, analiz, puti povysheniya* [Enterprise competitiveness: assessment, analysis, ways to increase]. Ekaterinburg, 2001. 96 p. (In Russ.).
7. Gel'vanovskij M., Zhukovskaya V., Trofimova I. Konkurentosposobnost' v mikro-, mezo- i makrourovnevom izmereniyah [Competitiveness in micro, meso and macro level measurements]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], 1998, no. 3, pp. 67-77. (In Russ.).
8. Drobit'ko N.A. *Oценка i diagnostika konkurentosposobnosti predpriyatij* [Assessment and diagnosis of the competitiveness of enterprises.]. Kharkov, 2002. 220 p. (In Russ.).
9. Zabelin P.V., Moiseeva N.K. *Osnovy strategicheskogo upravleniya* [Basics of Strategic Management]. Moscow, 1998. 195 p. (In Russ.).
10. Zav'yalov P.S. Konkurentosposobnost' i marketing [Competitiveness and marketing]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], 1995, no. 12, pp. 66-69. (In Russ.).
11. Zul'karpayev I.U., Il'yasova L.R. Metod rascheta integral'noj konkurentosposobnosti promyshlennyh, torgovyh i finansovyh predpriyatij [The method of calculating the integral competitiveness of industrial, commercial and financial enterprises]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2001, no. 4, pp. 21-25. (In Russ.).
12. Kostin I.M., Faskhiev H.A. *Izmerenie konkurentosposobnosti predpriyatij* [Measuring the competitiveness of enterprises]. Naberezhnye Chelny, 2001. Pp. 115-117. (In Russ.).
13. Krivorotov V.V. Analiticheskaya oценка konkurentosposobnosti rynochno orientirovannogo predpriyatiya [Analytical assessment of the competitiveness of a market-oriented enterprise]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2005, no. 1, pp. 26-33. (In Russ.).
14. Krivorotov V.V. *Metodologiya formirovaniya mekhanizma upravleniya konkurentosposobnost'yu predpriyatiya* [Methodology of formation of the enterprise competitiveness management mechanism]. Ekaterinburg, 2007. 238 p. (In Russ.).
15. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow, 1993. 665 p. (In Russ.).
16. Porter M. *Konkurenciya* [Competition]. Moscow, 2000. 495 p. (In Russ.).

17. Puryaev A.S., Kuznetsov A.L. Issledovanie problemy ocenki effektivnosti investicionnyh proektov global'nogo znacheniya [Study of the problem of evaluating the effectiveness of investment projects of global significance] *Vestnik IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova* [Bulletin of ISTU named after M.T. Kalashnikov], 2013, no. 2, pp. 60-64. (In Russ.).
18. Romanova O.A., Chenchovich S.G., Sheshukov O.Yu. Osobennosti konkurentnogo razvitiya regional'noj metallurgii [Features of the competitive development of regional metallurgy]. *Chernaya metallurgiya* [Ferrous metallurgy], 2014, no. 11, pp. 68-71. (In Russ.).
19. Rubin Yu.B., Shustov Yu.B. *Konkurenciya: realii i perspektivy* [Competition: Realities and Perspectives]. Moscow, 1990. 340 p. (In Russ.).
20. Seleznev A.Z. Infrastruktura rynka i konkurentosposobnost' produktsii [Market infrastructure and product competitiveness]. *Ekonomist* [The Economist], 1996, no. 2, pp. 9-25. (In Russ.).
21. Sergeev I.V. *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise economics]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2000, 304 p. (In Russ.).
22. Simchenko O.L., Grakhov V.P., Fayzullin R.V., Chazov E.L. Analiz vliyaniya resursnogo potentsiala na effektivnost' deyatel'nosti predpriyatij-rezidentov industrial'nogo parka [Analysis of the impact of the resource potential on the performance of enterprises-residents of the industrial park]. *Vestnik IzhGTU im. M.T. Kalashnikova* [Bulletin of M.T. Kalashnikov ISTU], 2018, no. 3, vol. 21, pp. 142-148. (In Russ.).
23. Sirotin D.V. Razrabotka metodologicheskogo podhoda k izmeneniyu tekhnologicheskogo oblika bazovoj otrasli regiona [Development of a methodological approach to changing the technological appearance of the basic industry of the region]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2016, no. 2, pp. 173-177. (In Russ.).
24. Spiridonov I.A. *Mezhdunarodnaya konkurenciya i puti povysheniya konkurentosposobnosti ekonomiki Rossii* [International competition and ways to improve the competitiveness of the Russian economy]. Moscow, 1997. 170 p. (In Russ.).
25. Tatarin A.I., Romanova O.A., Akberdina V.V. *Promyshlennost' industrial'nogo regiona: potencial, priority i dinamika ekonomiko-tekhnologicheskogo razvitiya* [Industry of the industrial region: potential, priorities and dynamics of economic and technological development]. Ekaterinburg, 2014. 632 p. (In Russ.).
26. Tikhonov E.A., Krivorotov V.V., Chepur P.V. Analiz i sistematizatsiya metodov ocenki konkurentosposobnosti predpriyatiya [Analysis and systematization of methods for assessing the competitiveness of an enterprise]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research], 2016, no. 10-3, pp. 647-651. (In Russ.).
27. Fathutdinov R.A. *Konkurentosposobnost' organizatsii v usloviyah krizisa: ekonomika, marketing, menedzhment* [Competitiveness of an organization in a crisis: economy, marketing, management]. Moscow, 2002. 650 p. (In Russ.).
28. Chazov E.L., Grakhov V.P., Krivorotov V.V., Simchenko O.L. Povyshenie effektivnosti planirovaniya kak osnova upravleniya investitsionnoj deyatel'nost'yu promyshlennogo predpriyatiya [Improving the efficiency of planning as a basis for managing the investment activity of an industrial enterprise] *Energetika. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij i energeticheskikh ob"edinenij SNG* [Energy. University news and energy associations of the CIS], 2019, no. 1, vol. 62, pp. 88-100. (In Russ.).
29. Chumakov A.I., Kipervar E. A. *Organizatsiya, tekhnologiya i proektirovanie torgovykh predpriyatij* [Organization, technology and design of commercial enterprises]. Omsk, 2017. 84 p. (In Russ.).

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКИХ ФИРМ

О. О. Финк, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Современная экономика часто определяется через кризис доверия в развитии отношений хозяйствующих субъектов, оценивая возрастающую роль доверия в экономике. В статье представлен авторский подход к определению доверия, а также к оценке влияния фактора доверия на развитие сетевых отношений в целях повышения их эффективности при реализации совместной деятельности фирм. Также в работе проанализированы научные публикации, посвященные явлению доверия в обществе и экономике, его природе и сущности, описаны существующие показатели для расчета уровня доверия. Вопрос об оптимальном уровне доверия в сетевых отношениях сводится к пониманию такого формата отношений, при котором хозяйствующие субъекты достаточно тесно и регулярно взаимодействуют друг с другом посредством обмена информацией, знаниями, ресурсами, но при этом не нарушается баланс степени доверия в отношениях.

Ключевые слова: *сетевые отношения, институт доверия, оценка уровня доверия, институциональная экономика, социальный капитал.*

Проблема доверия является одним из ключевых вопросов в институциональной экономике. Недаром темой Петербургского международно-экономического форума 2018 г. была заявлена «Создавая экономику доверия». Приходится констатировать, что такая экономика в России до сих пор не создана, что является важнейшим сдерживающим фактором развития всей экономики. Не в последнюю очередь на низкий уровень доверия в российской экономике влияет отсутствие экономических форм, органически связанных с доверием. Культивируемый сегодня рыночный обмен и конкурентный способ взаимодействия априори ориентирует своих участников на недоверие друг к другу, поскольку получение конкурентных преимуществ в таких условиях тесно связано с использованием информационной асимметрии, попросту говоря — с обманом контрагента «в рамках действующего законодательства». Альтернативная форма взаимодействия — сетевые отношения, — напротив, способствует информационной прозрачности (в условиях повторяющихся взаимодействий обман гораздо менее вероятен) и распространению доверия во всей экономической системе. С другой стороны, отсутствие доверия между экономическими субъектами не способствует развитию эффективных сетевых отношений среди российских фирм. Зарубежный опыт все явственнее показывает, что сейчас расширение конкуренции вызывает качественный подъем сотрудничества

всех участников сетевых отношений, даже соперников (подробнее об этом см. в [1; 2]).

Целью статьи является анализ возможностей авторского подхода к исследованию доверия как фактора развития сетевых отношений в России.

Сетевые отношения позволяют объединять усилия и достигать лучших результатов. Очевидно, что главным препятствием к сотрудничеству является недоверие к возможным партнерам. Репутация слишком мало значит, и ее потеря не остановит нечестных партнеров (подробнее см. в работе Д. А. Плетнева [3]). При этом непрозрачность бизнеса и власти затрудняет сбор информации о партнерах, а специальные институты, которые могут предоставлять информацию, еще слабо развиты (ранее это описали Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева [4]).

Также в современных исследованиях наблюдается положительная оценка роли доверия в достижении долгосрочного сотрудничества. Так, увеличение степени доверия в сетевых отношениях между фирмами коррелирует с сокращением издержек, снижением уровня риска, упрощением процедуры обмена информацией (см. О. О. Зорина [5]). Однако существует и иная точка зрения на роль доверия в развитии сетевых отношений, суть которой в том, что доверие в сетевых отношениях развивается до определенного порогового значения, после которого начинают проявляться негативные последствия избыточного целеполагания на техно-

логические возможности и желание сотрудничать, проявленное партнером (см. Б. Уцци [6]). В данной статье рассматривается доверие как фактор развития сетевых отношений российских фирм.

Вплоть до XX в. проблема доверия рассматривалась в контексте принципов межличностного поведения и функционирования общественных сообществ. Проблема доверия оказалась настолько сложной, что к ней привлечены представители большинства гуманитарных наук: историки, философы, психологи, социологи и экономисты. Их усилиями создано немало концепций доверия.

Дискуссия о доверии началась еще при Конфуции, когда в VI в. до н. э. доверие являлось принципом жизни человечества, источником его существования и начала зарождения других явлений: доброты, честности, мудрости (см. В. А. Васильев [7]).

Исследование проблемы доверия начинается в трудах Дж. Локка, Д. Юма, И. Канта и других мыслителей с точки зрения социального порядка. А. К. Маршалл уже рассматривал доверие как элемент рыночных отношений, но в его работах данная тема раскрыта не полностью [8].

Косвенно проблема доверия рассматривается в трудах основоположника классической политической экономии А. Смита, который определял поведение индивида через поведение других людей, взаимодействующих между собой [9]. Каждый индивид стремится понять поведение другого через призму своего возможного поведения в аналогичной ситуации, что, по мнению А. Смита, является врожденным качеством божественного происхождения [10].

К. Эрроу утверждал, что доверие существует в экономических отношениях между фирмами и экономическую отсталость мира возможно объяснить низким уровнем доверия в отношениях [11].

Для А. Дженовези, современника А. Смита, сетевые отношения — это отношения взаимной помощи с опорой на концепцию общественного доверия, а доверие — это отправная точка для экономической деятельности и условие развития сетевых отношений [12].

Начиная с XIX в. проблемы доверия стали объектом изучения многих социологов. Так, Э. Дюркгейм обосновал идею о договорных началах и ряда правил по регулированию исполнителей договора [13]. Т. Парсонс рассматривал теорию доверия через концепцию о взаимном обмене ресурсами между подсистемами рынка [14].

В последние годы психологи изучали доверие через индивида, а социальные психологи — через

уровни межличностных отношений. Лишь позднее результатом взаимного влияния теорий стала оценка таких процессов, как воздействие институтов на неопределенность и укрепление доверия при совершении трансакций между фирмами. В 1980-х гг. французский социолог П. Бурдьё писал о развитии социального капитала на фоне доверия; его точка зрения поддержана в работах Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы [15]. Дж. Коулман рассматривает доверие как потенциал социального капитала, что используется в повседневной жизни и выражается в обязательствах, ожиданиях и информационных каналах [16]. По Р. Патнэму, доверие проявляется в качестве элемента социальной организации и способствует взаимовыгодному сотрудничеству фирм [17]. Постепенно произошло настоящее открытие доверия. В этом открытии огромны заслуги американского социолога и экономиста Ф. Фукуямы, чья книга о доверии и его роли в экономике популяризовала эту проблематику; этот автор обращает внимание на самостоятельные объединения граждан, которые занимают промежуточное положение между государством и семьей, приобретают новые навыки самоорганизации [18], которые оказывают дальнейшую помощь и в ведении бизнеса.

Таким образом, сущность доверия в сетевых отношениях открывается через понимание социального капитала, основанного на взаимно разделенных нормах и обязательствах, которые повышают доступ к благам и эффективность совместной деятельности, и чем больше доверия в отношениях между субъектами, тем они чаще прибегают к сотрудничеству и сетевым отношениям.

Далее, в 1980-х гг., доверие все больше уходит в поле зрения экономистов и теорию менеджмента. В свою очередь доверие изучалось на макро- и микроуровне. На макроуровне оно рассматривалось как фактор странового развития, на микроуровне — как фактор внутриорганизационных отношений. Такой возродившийся интерес к доверию обусловлен тем, что возникают новые последствия после мощного технологического скачка, а также усложнением и непрозрачностью современного бизнеса.

Так, работа А. Селигмена концентрирует внимание на том, что рост социальных ролей приводит в возрастанию доверия, так как, в свою очередь, информация о новых ролях или новых партнерах обычно отсутствует и остается полагаться только на доверие [19].

Стоит отметить влияние неинституционального подхода в дискуссии о доверии, в частности

О. Уильямсона, опровергавшего важность доверия в экономических отношениях, которые стоятся только на рациональном подходе, и оставившего доверие для межличностных отношений. Согласно теории О. Уильямсона, доверие отсутствует как явление в сетевых отношениях между фирмами, так как все отношения возникают при просчитанном интересе или обязательствах [12].

Естественно, предположения О. Уильямсона были раскритикованы. Так, Л. Карпик пришел к выводу, что при построении сетевых отношений фирмы могут руководствоваться не только рациональным расчетом, но и доверием к партнеру. Как заключает Л. Карпик, в литературе наряду с активным обсуждением доверия отсутствует четкое его понятие [20].

Одна группа зарубежных социологов (Г. Зиммель, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма) под доверием понимает уверенность в действиях другого, основанную на чувствах и эмоциях, а не на рациональном подходе.

Другая группа исследователей (Н. Луман, П. Штомпка, А. Селигмен, Дж. Коулмэн, Х. Уайт) определяет доверие как феномен, свойственный только обществу с рациональным укладом и возможностью ориентации в условиях неопределенности.

В конце 1990-х гг. вышла работа польского социолога П. Штомпки [21], который предполагал понимание доверия через возможные ставки на будущее, так как при непрерывных отношениях субъекты делают ставки на вероятность уменьшения неуверенности друг в друге или установлении доверия; другие будут поступать выгодно или хотя бы нейтрально. П. Штомпка предложил классификацию доверия в зависимости от объекта и степени абстрактности:

— общее доверие с уклоном в веру в справедливость и честность поступков людей и институтов;

— личное доверие в качестве межличностного фактора развития отношений;

— позиционное доверие, направленное на социальные роли вне зависимости от роли исполнителя;

— коммерческое доверие, направленное на производителей товаров и продуктов определенной марки;

— технологическое доверие, направленное на сложные технические системы;

— институциональное доверие, как сложные организационные структуры, которые формиру-

ют доверие к институтам (церкви, университету и т. д.);

— системное доверие, направленное на целую группу многочисленных и разнообразных участников (к экономике, государству и т. д.).

Н. Фрейк на основании исследований П. Штомпки формирует три измерения доверия [22]:

1) рациональный выбор;

2) межличностные черты, такие как возможность доверять и возможность получить что-то доверие;

3) культурный контекст и нормы поведения, которые сдерживают или поощряют доверие.

Разделение доверия на доверие к людям, построенное на обязательствах, и доверие к абстрактным системам, как обезличенные обязательства, предложил Э. Гидденс [23].

Работы, посвященные изучению доверия, имеются и в российской экономической литературе. Прежде всего нужно отметить коллективную монографию «Экономика и социология доверия» [24], учебник Б. З. Мильнера «Теория организации» [25], работы А. Ляско [26], В. Тамбовцева [27] и др. Благодаря им термин «доверие» прочно вошел в лексикон российских экономистов и политиков. Б. З. Мильнер [25] исследовал доверие как социально-экономическое явление, которое базируется на общеэкономических аспектах развития, а отсутствие доверия между гражданами, фирмами и государством — прямой источник потерь каждого и увеличение совокупных издержек. В. Тамбовцев [27] понимает под доверием «ожидание неоппортунистического поведения партнера». В частности, по мнению А. Ляско [26], «доверие — уверенное ожидание позитивных действий со стороны партнера, несмотря на потенциальную уязвимость перед его негативными намерениями», при этом оно напрямую связано с транзакционными издержками, так как экономия данного вида издержек зависит от уровня доверительных отношений и проведения мероприятий по их установлению, что в итоге определяется данным соотношением.

Небезынтересно понятие в имеющихся словарях. Так, например, «доверие» или «доверять» — это [28]:

— «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к кому- или чему-нибудь» (словарь С. И. Ожегова);

— «вера, кредит, уверенность» (словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова);

— поверить, поручить, отдать на веру, на совесть, уполномочить (словарь В. И. Даля);

— «испытывать чувство доверия» (Толковый словарь русского языка).

Анализ публикаций и словарей позволяет сделать следующие выводы и обобщения. Во-первых, суть большинства трактовок понятия доверия сводится к ожиданию определенного поведения других субъектов отношений. Во-вторых, доверие проявляется в двух основных формах: персонифицированное доверие к субъектам и обезличенное доверие ко всему общему и абстрактному. В-третьих, первичный стимул к формированию доверительных отношений, возможные выгоды, а не симпатия к партнеру. Таким образом, доверие — это количественная динамическая характеристика отношений экономических субъектов, которые основаны на выгоды экономических результатов взаимодействия и уверенности в добросовестности друг друга. Доверие необходимо принимать и как психоэмоциональную категорию, но связь с экономической категорией также важна. При этом доверие как экономическая категория может существовать, а на психоэмоциональном уровне доверия может нет. Так, например, бизнес не доверяет власти, но доверие в бизнесе существует и измеряется на достаточно высоком уровне. Если бизнес рационален и получает плановые доходы, то психоэмоциональное неприятие неважно.

Стабильность и долголетие сетевых отношений зависят от уровня доверия. Это хорошо видно на примере компаний, где критериями уровня доверия могут выступать выживаемость и долгожительство компаний на конкурентном рынке.

Продолжительность жизни граждан развитых стран растет, продолжительность жизни бизнесов падает [29]. Согласно исследованию Boston Consulting Group [30], ежегодно погибает около 10% публичных компаний — в четыре раза больше, чем 50 лет назад. Бывший топ-менеджер Shell Ари Де Гиус пишет в своем исследовании «Живая компания» (The Living Company. Growth, Learning and Longevity in Business), что в среднем современные компании живут всего 12,5 года, постоянные участники рейтинга Fortune 500 — 40—50 лет [31]. Добрая треть компаний, перечисленных, например, в Fortune 500 за 1970 г., исчезла к 1983 г. — поглощены, слились или разбиты на части. Люди научились жить в среднем 75 лет и более, но очень немногие компании достигли этого возраста и преуспевают.

По оценкам западных специалистов, средний срок жизни транснациональной компании (из Fortune 500

или его эквивалента) составляет от 40 до 50 лет [32]. В ряде стран до 40% всех вновь создаваемых компаний существуют менее 10 лет. Средняя продолжительность жизни фирм независимо от размера в Японии и большей части Европы составляет лишь 12,5 года.

Американские ученые, в частности профессор Йельской школы менеджмента Ричард Фостер, сообщают, что средний срок существования крупнейших публичных компаний, входящих в индекс S&P 500, снизился с 67 лет в 1920-х гг. до 15 лет в настоящее время. По его оценкам, три четверти из 500 фирм, пребывающих ныне в индексе, к 2027 г. сменят новые. К похожим выводам пришли ученые Института Санта-Фе, проанализировавшие базу данных из 25 тыс. публичных компаний, существовавших с начала 1950-х гг. По их подсчетам, среднее время жизни фирм — около 10 лет, причем независимо от сектора экономики: продаете вы бананы или самолеты — срок вам отмерен один.

Следует отметить, что измерение доверия как количественной характеристики представляет сложность, так как данный институт не имеет количественного измерения, не представляет возможности оценить свою динамику в стоимостных или натуральных шкалах. Поэтому крайне важно найти способ измерения доверия с помощью экономических показателей для его дальнейшего использования как ресурса.

Сегодня существует два подхода к расчету доверия: практический и теоретический. С точки зрения теории, доверие можно только описать, то есть без применения статистического анализа, только экспертное мнение. На практике для оценки доверия необходимо построить индексы доверия, то есть рассчитать его количественно. Существуют различные варианты расчета уровня доверия посредством построения индексов доверия, в основном в виде анализа настроения потребителей, потребительских ожиданий, потребительской уверенности. В силу отсутствия общепринятого понятия доверия как экономической категории не существует и единого индекса доверия. Все варианты расчета отличны по своей природе, рассчитываются в различных сегментах рынка. Основные примеры приведены в таблице (с. 156).

Недостатком этих зарубежных индексов является то, что они рассчитываются на основе опросов, а значит, собирают только психоэмоциональные характеристики доверия, лишь склонность к определенным поступкам, отношение или оптимизм по поводу этого явления, только мнение, а не само действие.

Примеры индексов доверия в разных странах

Регион	Название индекса	Описание
США	Индекс доверия потребителей, подындексы текущего состояния и потребительских ожиданий	Выборочный опрос потребителей для определения их настроений (отражение желания потребителей тратить свои деньги)
Страны Еврозоны	Гармонизированный индекс делового доверия и индекс доверия потребителей	Осуществляется через опрос потребителей с целью оценки ими текущего состояния экономики и собственных ожиданий
Японии	Индекс потребительского доверия	Основан на ответах потребителей по четырем аспектам потребительских настроений: оценки общего состояния экономики, роста доходов, условий труда и желания покупать товары длительного пользования
Россия (Альфа-Банк)	Показатель доверия фондового рынка, доверия иностранных инвесторов и доверия к экономике [33]	Затрагивает лишь группу профессиональных инвесторов

Таким образом, описанные выше разнообразные индексы доверия свидетельствуют о том, что нет общего индекса доверия, который охватывал бы всех субъектов отношений, рассчитывал бы совокупный уровень доверия в отношениях между субъектами, характеризовал бы экономическую активность субъектов, а не их психоэмоциональное состояние на момент исследования.

В свою очередь, определяя уровень, субъекты сетевых отношений сталкиваются с выбором лучшей стратегии построения доверия. Для этого необходимо установить точку успешности и точку провала борьбы за доверие, а также оценивать влияние доверия на своего партнера. В результате это будет соотношение долей доверяющих и недоверяющих фирме с учетом динамики изменения этих долей по отношению друг другу.

Наибольшую сложность в данных измерениях представляет соотношение доверия с психологией хозяйствующего субъекта, которая иррациональна, изменчива и необъяснима. В данном случае под психологией понимаются эмоции и поступки [34]. Для их выявления можно использовать два метода: конкретный опрос и анализ действий и поступков. Анализ наиболее точен, так как конкретные совершённые поступки отражают истинные побуждения фирмы. Например, фирма заявляет партнеру о своем доверии к нему, но не заключает новых сделок и не готова к открытости и честности, значит, оговоренного доверия не существует.

В мировой и российской практике расчет уровня доверия осуществляется с применением двух основных методик: социологический опрос на основе анкетирования и экономический расчет показателей. Каждая методика имеет свои достоинства и недостатки.

Опросы, основанные на анализе психоэмоционального поведения, позволяют быстро оценить мотивы фирмы при построении доверительных се-

тевых отношений и причины изменения уровня доверия без его количественного расчета. Например, если фирма на психологическом уровне не доверяет другой фирме сетевых отношений, то никакие расчеты не убедят ее в обратном. Данный метод также прост в применении по сравнению с построением сложных математических формул с множеством переменных.

Большинство компаний на рынке заинтересованы в стабильности, постоянных правилах игры, постоянных брендах и долгосрочных инвестициях. Поэтому во многом начался экономический подъем. Уровень доверия в бизнес-сообществе стал расти, что отражается в развитии сетевых отношений российских фирм. В данных условиях резко возрастает роль доверия между партнерами и деловой репутации фирмы. Многие российские фирмы уже осознали важность доверия при формировании сетевых отношений и прилагают специальные усилия для формирования у партнеров образа добросовестной и уважаемой фирмы.

Таким образом, доверие как экономический феномен, несмотря на пристальное внимание ученых и регулирующих государственных структур, для России не стало основой взаимодействия субъектов. Большинство фирм и индивидов исходят из того, что контрагенты могут и будут поступать неблагоприятно по отношению к ним, и страхуются от возможных отрицательных последствий различными способами. Это существенно вредит развитию сетевых отношений, в основе которых — доверие. Одновременно и технологические изменения, и опыт других стран говорят о том, что будущее именно за массовым развитием сетевых отношений. В связи с этим особую важность приобретает задача выявления факторов доверия, воздействуя на которые можно обеспечить рост уровня доверия в целом в стране.

Список литературы

1. Зорина, О. О. Эволюция взглядов на содержание и формы сетевого взаимодействия фирм / О. О. Зорина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 14 (396). Экон. науки. Вып. 55. — С. 109—127.
2. Плетнев, Д. А. Доверие в современных корпорациях: институциональная недостаточность / Д. А. Плетнев, Е. С. Силова // Управленческие науки в современном мире : сб. докл. науч. конф. : в 2 т. Т. 1. Москва, 25—26 нояб. 2014 г. — СПб. : Реал. экономика, 2015. — С. 546—550.
3. Плетнев, Д. А. Сущность и природа рутин вовлечения в структуре института содействия корпорации / Д. А. Плетнев // TERRA ECONOMICUS. — 2013. — Т. 11, № 1. — С. 47—56.
4. Плетнев, Д. А. Паттерны института содействия в современных российских корпорациях / Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 2 (384). — С. 151—161.
5. Зорина, О. О. Влияние современных информационных технологий на развитие сетевых отношений / О. О. Зорина // Сборник аннотаций докладов Десятого международного конгресса передовых наук «Научная парадигма цивилизации в 21 веке: капитализм, социализм и четвертая технологическая революция» / под ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. — Челябинск, 2018. — С. 66—67.
6. Uzzi, B. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect / B. Uzzi // American Sociological Rev. — 1996. — № 61 (4), Aug. — P. 674—98.
7. Васильев, В. А. Конфуций о добродетели / В. А. Васильев // Соц.-гуманитар. знания. — 2006. — № 6. — С. 132—146.
8. Маршалл, А. Принципы экономической науки : в 3 т. Т. 1 / А. Маршалл. — М. : Прогресс, 1993.
9. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Эксмо, 2007.
10. Pfefferkorn, R. Adam Smith, un libéralisme bien tempéré / R. Pfefferkorn // Problemes econom. — 2006. — № 2898. — P. 41—47.
11. Arrow, K. J. Gifts and exchanges / K. J. Arrow // Philosophy and public Affairs. — 1974. — Vol. 1, № 4.
12. Schuller, G. Économie et confiance [Электронный ресурс] / G. Schuller. — URL: <http://www.portstnicolas.org/spip.php?article1872> (дата обращения 18.06.2019).
13. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М. : Наука, 1990. — 575 с.
14. Парсонс, Т. Система современных обществ : пер. с англ. / Т. Парсонс. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
15. Ясин, Е. Г. Модернизация и общество: к VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», 3—5 апр. 2007 г., Москва / Е. Г. Ясин. — М., 2007. — 114 с.
16. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Обществ. науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 122—139.
17. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. — М. : Ad Marginem, 1996. — 287 с.
18. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2008. — 736 с.
19. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен. — М. : Идея-Пресс, 2002. — 254 с.
20. Karpik, L. La confiance: réalité ou illusion? Examen critique d'une thèse de Williamson / L. Karpik // Rev. économique. — 1998. — Vol. 48, № 4. — P. 1043—1056.
21. Штомпка, П. Социология. Анализ общества : пер. с пол. / П. Штомпка. — М., 2005. — 655 с.
22. Фрейк, Н. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки / Н. Фрейк // Социол. исследования. — 2006. — № 11.
23. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. — Cambridge : Polity Press, 1990.
24. Экономика и социология доверия : [монография] / Ю. В. Веселов [и др.]. — СПб. : Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2004. — 191 с.
25. Мильнер, Б. З. Теория организации : учебник / Б. З. Мильнер. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2004.
26. Ляско, А. К. Проблема доверия в социально-экономической теории / А. К. Ляско. — М., 2004. — 183 с.

27. Тамбовцев, В. Л. Введение в экономическую теорию контрактов : учеб. пособие / В. Л. Тамбовцев. — М. : ИНФРА-М, 2012.
28. Gufo.me. (2019). Gufo.me — словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5> (дата обращения 23.05.2019).
29. Холявко, А. Основана в 705 году н. э.: Старейшие компании мира, которые работают до сих пор [Электронный ресурс] (2018) / А. Холявко // Secretmag.ru. — URL: <https://secretmag.ru/cases/stories/stariki.htm> (дата обращения 23.05.2019).
30. Reeves, M. Die Another Day: What Leaders Can Do About the Shrinking Life Expectancy of Corporations [Электронный ресурс] / M. Reeves, L. Puschel. — URL: <https://www.bcg.com/publications/2015/strategy-die-another-day-what-leaders-can-do-about-the-shrinking-life-expectancy-of-corporations.aspx> (дата обращения 18.06.2019).
31. Live Long and Prosper — Mr. Spock Starship Enterprise. (n. d.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.beckettadvisors.com/pdfs/BFundLivLong.pdf> (дата обращения 18.06.2019).
32. Важенин, С. Г. Через доверие к долгожительству в экономике / С. Г. Важенин, С. А. Пузанов, В. В. Сухих // Журн. экон. теории. — 2005. — № 3. — С. 71—83.
33. Николаев, И. А. Аналитический доклад «Доверие в экономике: количественная оценка» / И. А. Николаев, С. В. Ефимов, Е. В. Марушкина. — М., 2006. — 38 с.
34. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — М. : Ин-т психологии РАН, 2008.

Сведения об авторах

Финк Ольга Олеговна — аспирантка Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ani_roz@mail.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 7 (429). *Economic Sciences.* Iss. 65. Pp. 152—160.

CONFIDENCE AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF NETWORK RELATIONS OF RUSSIAN FIRMS

O.O. Fink

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ani_roz@mail.ru

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

Modern economics is often determined through a crisis of confidence in the development of relations between business entities, assessing the growing role of trust in the economy. This article presents the author's approach to determining the trust factor in the development of network relations in order to improve the efficiency of network relations in the implementation of joint activities. The paper also analyzes scientific publications on the phenomenon of trust in society and the economy, its nature and essence, and describes the existing indicators for calculating the level of trust. The question of the optimal level of trust in network relations is reduced to an understanding of a format of relations in which business entities interact with each other quite closely through the exchange of information, knowledge, resources, but it does not disturb the balance of trust in the relationship.

Keywords: *network relations, trust institute, trust level assessment, institutional economics, social capital.*

References

1. Zorina O.O. Evolyutsiya vzglyadov na sodержaniye i formy setevogo vzaimodeystviya firm [The evolution of views on the content and forms of network interaction of firms]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Economics], 2016, vol. 55, no. 14 (396), pp. 109-127. (In Russ.).
2. Pletnov D.A., Silova Ye.S. Doveriye v sovremennykh korporatsiyakh: institutsional'naya nedostatochnost' [Trust in modern corporations: institutional failure]. *Sbornik dokladov nauchnoy konferentsii nauchnaya konferentsiya "Upravlencheskiye nauki v sovremennoy mire" Moskva, 25-26 noyabrya 2014* [Collection of reports of a scientific conference, scientific conference "Management Sciences in the Modern World" Moscow]. St. Petersburg, 2017. Pp. 546-550. (In Russ.).
3. Pletnov D.A. Sushchnost' i priroda rutin vovlecheniya v strukture instituta sodeystviya korporatsii [The essence and nature of the involvement routine in the structure of a corporate assistance institution]. *TERRA ECONOMICUS*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 47-56. (In Russ.).
4. Pletnev D.A., Nikolayeva Ye.V. Patterny instituta sodeystviya v sovremennykh rossiyskikh korporatsiyakh [The patterns of the institute of assistance in modern Russian corporations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 2 (384), pp. 151-161. (In Russ.).
5. Zorina O.O. Vliyaniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy na razvitiye setevykh otnosheniy [The influence of modern information technologies on the development of network relations]. *Sbornik annotatsiy dokladov Desyatogo mezhdunarodnogo kongressa peredovykh nauk "Nauchnaya paradigma tsivilizatsii v 21 veke: kapitalizm, sotsializm i chetvertaya tekhnologicheskaya revolyutsiya"* [Collection of annotations of reports of the Tenth International Congress of Advanced Sciences "The scientific paradigm of civilization in the 21st century: capitalism, socialism and the fourth technological revolution"]. Chelyabinsk, 2018, Pp. 66-67. (In Russ.).
6. Uzzi B. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect. *American Sociological Review*, 1996, 61 (4), August, pp. 674-98.
7. Vasil'yev V.A. Konfutsiy o dobrodeteli [Confucius about virtues]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2006, no. 6, pp. 132-146. (In Russ.).
8. Marshall A. *Printsiipy ekonomicheskoy nauki* [Social and humanitarian knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1993. Vol. 1. (In Russ.).
9. Smit A. *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Study on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. (In Russ.).
10. Pfefferkorn R. Adam Smith, un liberalisme bien tempere. *Problemes economy*, 2006, no. 2898, pp. 41-47. (In French).
11. Arrow K.J. Gifts and exchanges. *Philosophy and public Affairs*, 1974, vol. 1, no. 4.
12. Schuller G. *Économie et confiance*. Available at: <http://www.portstnicolas.org/spip.php?article1872/>, accessed 18.06.2019. (In French).
13. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 575 p. (In Russ.).
14. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Moscow, Aspekt Press Publ. 1998. 270 p. (In Russ.).
15. Yasin Ye.G. *Modernizatsiya i obshchestvo: K VIII Mezhdunar. nauch. konf. "Modernizatsiya ekonomiki i obshchestv. razvitiye"*, 3-5 apr. 2007 g., Moskva [Modernization and society: to VIII International scientific conference "Modernization of economy and social development", 3-5 apr. 2007, Moscow]. Moscow, 2007. 114 p. (In Russ.).
16. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Capital social and human]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 3, pp. 122-139. (In Russ.).
17. Patnem R. *Chtbody demokratiya srobotala: Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [To make democracy work: Civil traditions in modern Italy]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996. 287 p. (In Russ.).
18. Fukuyama F. *Doveriye: sotsial'nyye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow, AST Publ., 2008. 736 p. (In Russ.).
19. Seligmen A. *Problema doveriya* [Problem of trust]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002. 254 p. (In Russ.).

20. Karpik L. La confiance: réalité ou illusion? Examen critique d'une thèse de Williamson. *Rev. économique*, 1998, vol. 48, no. 4, pp. 1043-1056. (In French).
21. Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz obshchestva* [Sociology. Company analysis]. Moscow, 2005. 655 p. (In Russ.).
22. Freyk N. *Kontsepsiya doveriya v issledovaniyakh P. Shtompki* [The concept of trust in p. Shtompka's research]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2006, no. 11. (In Russ.).
23. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 1990. (In Russ.).
24. Veselov Yu.V. [et al.]. *Ekonomika i sotsiologiya doveriya* [Economics and sociology of trust]. St. Petersburg, 2004. 191 p. (In Russ.).
25. Mil'ner B.Z. *Teoriya organizatsii* [Organization theory]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. (In Russ.).
26. Lyasko A.K. *Problema doveriya v sotsial'no-ekonomicheskoy teorii* [The problem of trust in socio-economic theory]. Moscow, 2004. 183 p. (In Russ.).
27. Tambovtsev V.L. *Vvedeniye v ekonomicheskuyu teoriyu kontraktov* [Introduction to the economic theory of contracts] Moscow, INFRA-M Publ., 2012. (In Russ.).
28. *Gufo.me*. (2019). Available at: <https://gufo.me/search?term=%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5>, accessed 23.05.2019.
29. Holyavko A. (2018). *Osnovana v 705 godu n.e.: Stareyshiy kompanii mira, kotoryye rabotayut do sikh por* [Founded in 705 ad: the Oldest companies in the world that still operate]. *Secretmag.ru*. Available at: <https://secretmag.ru/cases/stories/stariki.htm>, accessed 23.05.2019. (In Russ.).
30. Reeves M., Puschel L. (2015). *Die Another Day: What Leaders Can Do About the Shrinking Life Expectancy of Corporations*. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2015/strategy-die-another-day-what-leaders-can-do-about-the-shrinking-life-expectancy-of-corporations.aspx>, accessed 18.06.2019.
31. *Live Long and Prosper. Mr. Spock Starship Enterprise. (n.d.)*. Available at: <http://www.beckettadvisors.com/pdfs/BFundLivLong.pdf>, accessed: 18.06.2019.
32. Vazhenin S.G., Puzanov S.A., Sukhikh V.V. *Cherez doveriye k dolgozhitel'stvu v ekonomike* [Through trust in longevity in Economics]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of economic theory], 2005, no. 3, pp. 71-83. (In Russ.).
33. Nikolayev I.A., Yefimov S.V., Marushkina Ye.V. *Analiticheskiy doklad "Doveriye v ekonomike: kolichestvennaya otsenka"* [Analytical report "Trust in the economy: a quantitative assessment], Moscow, 2006. 38 p. (In Russ.).
34. Kupreychenko A.B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and distrust]. Moscow, 2008. (In Russ.).

FACTORS AFFECTING THE INTENTION TO USE OF INTERNET BANKING OF CUSTOMERS IN VIETNAM'S COMMERCIAL BANKS IN INDUSTRIAL REVOLUTION CONTEXT 4.0

Nguyen Chien Thang¹, Ly Hoang Mai¹, Nguyen Thi Kim Chi², Vu Trung Kien³

¹ Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences

² Hanoi university of Business and Technology

³ Service Department, Vietcombank Contact Center (VCC)

The goal of this research is to sport out factors affecting the intention to use internet banking service at Vietnam's commercial banks in context 4.0. Quantitative questionnaire is used to measure responses of participants. Regresstion results show that perceived usefulness (with Beta coefficient 0.144), perceived easy to use (with Beta coefficient 0.145) have a positive impact on the intention to use internet banking services at commercial banks in Vietnam. In addition, perceived financial cost has beta coefficient -0.502 meaning opposite effect on the intention to use internet banking. Attitude toward using does not have a positive impact on the intention to use.

Keywords: *intention, internet banking, commercial banks.*

1. Introduction

Nowadays, a commercial bank is a financial intermediary that plays an important role in the national economy and acts as a general intermediary. Researchers note that commercial banks are formed on the basic of product development and commodity exchange. As production develops, the need to expand production in the country and between nations is increases and the money was born. When commodity exchanges grow back to stimulate commodity production. Along with that development, the business is gradually developed such as holding money, payment ... on the basic of doing credit activities.

Since the establishment of the commercial banking system, commercial banks have emerged only in the context that the economy has developed to a certain level, resulting in the inevitable necessity of system formation. The banking system is closely linked to economic development.

National Bank of Vietnam was born on May 5, 1951 under Decree No. 15/SL of the President of the DRV. In the period 1951-1987, in Vietnam, one-tier banking system was created, only in line with the central planning management mechanism. As Vietnam moves its economy into a market economy, the one-stop banking system must be transformed into a two-tier banking system: management and business. After Decree No. 53/HDBT was

promulgated on March 26, 1998, the SBV's apparatus was organized into a unified system throughout the country, comprising two levels, the State Bank and specialized banks. The State Bank of Vietnam system operates under the regime of economic accounting and socialist business. According to Banking Ordinance No. 38-LTC/HNNNN8 dated 24/05/1990, the commercial banks are: "monetary organizations which operate mainly to receive deposits from customers with the responsibility to repay and use that amount to lend, perform the discount function and serve as a means of payment."

In recent years, under the impact of the 4th industrial revolution, Vietnam's digital economy has developed continuously in terms of infrastructure and market. In 2017, Vietnam ranked in the top 20 countries with the largest population of Internet users in the world with 64 million people, approximately 67% of the population. In this context, commercial banks in Vietnam have actively applied new technologies such as IA, Big Data and new services such as Mobile Banking, Internet Banking ... to be able to serve customers anywhere, anytime.

Commercial banks, on the one hand, attract idle money in the economy and, on the other hand, use the money they have raised to lend to the economic sectors of society, in other words, the role of "bridge" between the excess capital and the lack of capital. Through this transfer, Commercial banks

play an important role in promoting economic growth, increasing employment, improving living standards and stabilizing government revenue and expenditure. At the same time, this function also plays an important role in regulating monetary circulation and curbing inflation. It then shows that this is the most basic function of commercial banks.

If all social payments are made outside the bank, the cost of implementation is huge, including the cost of printing, casting, preserving, transporting money. Most of the payments made in the sale and exchange of goods and services of the society are gradually carried out through banks, with appropriate forms of payment and simple, quick and convenient procedures. With more and more modern technology, thanks to the concentration of social payment in the bank, the circulation of goods and services becomes faster, safer and more economical. Moreover, due to the implementation of the intermediary payment function, commercial banks have conditions to mobilize deposits of the whole society in general and enterprises in particular, to create capital for development investment, accelerating the bank's business.

Derived from the ability to replace the money in the circulation of money through other means of payment such as checks, mandate payment... This function is carried out through credit and investment banking system in close connection with the national reserve system. Credit system is a necessary condition for economic growth based on solid growth factor. The purpose of the national reserve policy is to provide a consistent supply of stable prices, sustainable economic growth and employment.

Any country with a developed, developing or even undeveloped economy, banking activity has a huge impact on the economy. In the market economy, the bank's role is as follows: (1) the bank is a place to concentrate idle money and provide capital for production and business; (2) banks are intermediaries in the payment process, contributing to the rapid circulation of goods; (3) the bank regulates and controls the money market and capital markets; (4) the bank contributes to attracting and expanding domestic and foreign investment and providing other financial services

Internet banking, as the era trend, is a means of optimal transaction that banks have to equip or they will be backward in banking operations in general and in their own business operations in particular. Studying factors affecting the intention to use of internet banking aims at deepening the core factors

that form and develop internet banking, contributing the quality, as well as, the developing trend, both in short-term and in long-term, of internet banking services in Vietnam's commercial banks.

2. Literature Review

2.1. Internet banking

Internet banking appeared with the rise of the Internet. First, the Internet was used as an introduction and advertisement channel for traditional banking services. Then, together with the e-commerce breakthrough and the Internet development, new banking services were founded through online gadgets. According to Truong Duc Bao (2003), Internet banking is the ability that allows remote access to a particular bank with the aims including: gathering information, dealing with financial payment transactions based on deposits. E-bank consists of all transactions between banks and customers (including individuals and organizations). Through data processing and transferring, E-bank offer end-users its products and services.

As a tool of banks, Internet banking helps diversify products and services that banks provided to their customers. Thanks to technology and telecommunication innovation, most of banking services now are able to be digitalize and becoming Internet banking services, which improves the banks' revenue ratio by promoting additional banking services and decreases their credit revenue so that the systematic risks are controlled.

Furthermore, Internet banking reduces costs related to transactions by taking advantages of high-tech application, therefore, increases profits for banks. This service also expands the networking with customer using banking services — diversifies and increases the number of users.

2.2. Overall of behavior of intention to use and acceptance use of services

The appearance of definitions of behavior of acceptance and use of services comes from theories of behavioral psychology. Researchers attempt to build framework of theory and models to predict individual behaviors. Accordingly, individual actions are the chain of psychological reactions influenced by internal and external factors. Research of behavior of acceptance and use of services in technology come from the development of Theory of Reasoned Action (TRA), Theory of Planned Behavior (TPB) and other theories as

Social Cognitive Theory (SCT), etc. to build theories predicting acceptance and use as Technology Acceptance Model (TAM) (Davis, 1989; Davis et al., 1993; Venkatesh et al., 2000), Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT) (Venkatesh et al., 2003), Model of Information Systems Success (ISS) (Delone & McLean, 1992; 2003).

Behavior of acceptance and use is simply understood as the action of accepting and using a particular service. In this research, the author defined the behavior of acceptance and use in both two aspects “behavior” and “cognition”. Behavior of acceptance and use is assumed as action of really using services and committing cognition of maintaining services use of customers. Behavior of acceptance and use is determined by satisfactions of services, considering use of services as accurate actions, bringing interest to customers and commitment using services continuously in the future.

The study of Luarn and Lin (2004) about the intention to use internet banking in Taiwan, this study expands the capable of application of TAM in the context of online commercial banks by adding to a structure based on the perceived usefulness; perceived ease to use and the **Cost** to the research model. Research results showed all factors had positive impact on the intention to use the service, except the **Cost**, which had negative impact on the intention to use the internet banking service.

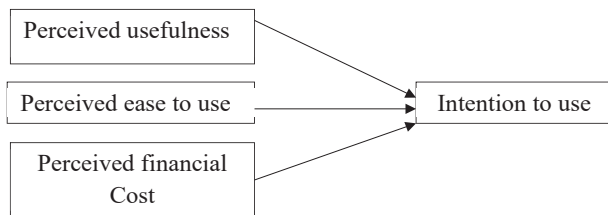

Fig. 1. Model of Reasoned Luarn and Lin (2004)

A theoretically sound model linking antecedents of an organizationally new software implementation to behavioral intentions to use this software is presented and empirically tested. The organization is a university in the United States and the users are primarily faculty. The model found that ease of system use impacts both self-efficacy and outcome expectancy/usefulness, which both self-efficacy and outcome expectancy/usefulness and attitude have impact attitudes towards Digital Measures, which in turn influences behavioral intentions to use Digital Measures.

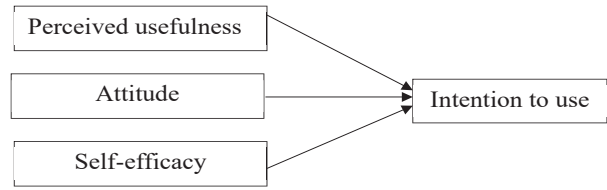

Fig. 2. Model of Baker-Eveleth & Stone (2008)

3. Model and Hypotheses

Proposing the research model of this study, with previous studies, the author proposes the research model based on the model of Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008) model:

Independent variables: Perceived financial Cost; Attitude toward using; Perceived ease of use; Perceived Usefulness

Dependent variable: Intention to use

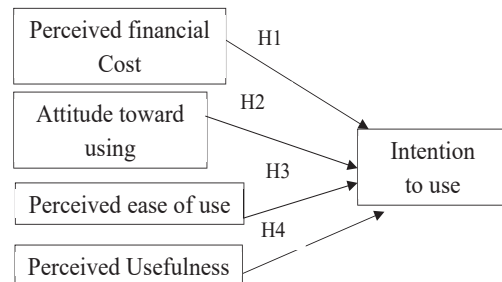

Fig. 3. The model research

The cost of using the service generally makes the customer think about whether to use the service. In case of high cost, the customer will have less desire or less motivation. Conversely, with a reasonable cost to the customer will increase the use of the service. Thus, the hypothesis is as follows:

H1: The “Perceived financial cost” factor has a positive effect on intention to use

Attitudes that affect the decision of the customer to use the service or not. For Internet banking, customers with a positive outlook on the service may be more likely to accept it. Various studies have shown that positive attitudes or attitudes have an influence on intention to use (Luarn & Lin, 2005). So this study hypothesizes:

H2: The “Attitude toward using” has a positive effect on intention to use

Ease of use is the degree to which an individual’s trust in using the service will bring freedom and comfort (Pham Duy Khanh, 2017, and Bui Hai Yen, 2012). Internet banking services make it easier for customers to access and use banking services than traditional counter services. Various studies around the world have shown that the ease

of use of the service affects the customer's perception of service usefulness and customer service perspectives. So this study hypothesizes:

H3: The "Perceived ease to use" factor has a positive influence on intention to use

Sensitive perception is a determining factor for whether or not a customer accepts the service and influences the customer's perspective on the service. Internet banking is a convenience alternative to traditional bank banking, and the convenience of using the service anytime, anywhere can be a factor in the decision to use the service. Various studies have shown that perceived usefulness has a positive effect on the intended use of services (Luarn & Lin, 2005) and customer perception of service (Davis, 1993). So this study hypothesizes:

H4: The "Perceived usefulness" has a positive effect on intention to use

4. Research method

Research objects: Examining factors affecting the intention to use of internet banking of customers in Vietnam's commercial banks.

Scope: within commercial banks in Viet Nam

Authors uses quantitative method. Authors collects data by internet and questionnaire to bank's customers. After data was collected, authors analyse data by multiple variables statistic (descriptive, Cronbach's Alpha test, EFA test, regression and analysis variance).

Questionnaire and scale design

With factors and observational variables referenced from the Luarn & Lin (2004) with the combination of Pham Duy Khanh (2017) and Bui Hai Yen (2012) model, the author uses a 5 point Likert scale to measure each of the factors. Although in principle use, the scales have as many points as accurate; however, in some languages, there are so many levels in the express of the scale confusing the respondent. Therefore, to ensure to avoid confusion for participants in the study author used a 5 point Likert scale level 1 is totally disagree and 5 is completely agree (Tab. 1).

Sampling and data collection method

Sampling: Comprehensive study of customers use internet banking in commercial Banks. However, the overall investigation was impossible, so the study used a sampling survey. There are different sampling methods: According to Hair et al (2006), the minimum sample size for quantitative studies is 100. For research using regression analysis Tabenick & Fidell (2007) formulated sample: $n \geq 50 + 8p$, (n is the sample size, p is the number of independent variables). Applying this rule, the minimum sample size of the research necessary: $n = 50 + 8 * 5 = 90$.

This study considers taking an average size sample according to Hair et al (2006) and Tabenick & Fidell (2007) with the expected sample size of 100 to 200.

Data collection method and analysis

The author conducted survey forms directly for customers use internet banking in commercial Banks. After recovery of the questionnaire, the author conducted encoding and put into SPSS for analysis.

After being filtered, research data will be analyzed with the support from SPSS software with the following analysis steps: Sample description statistics, Test the reliability of scales, Explore factor analysis, Correlation Analysis, Regression analysis and research hypotheses test

5. Results and Discussion

5.1. Descriptive Statistics for Demographic

Total questionnaires gathered for analysis is 171. The results show that the number of male customers surveyed is 89, accounting for 52% and women are 82, accounting for 48%. The results show that the rate of random sampling between male and female clients is the same, with no difference between the male and female rates using internet banking. The highest age group is between 26 and 35 (53 people accounting for 31%); and the

Table 1

The questionnaire

Content	Items	Code	Sources
Perceived easy to use	4	PEU1, PEU2, PEU3, PEU4	Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008)
Perceived Usefulness	5	PU1, PU2, PU3, PU4, PU5	Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008)
Attitude toward using	4	AT1, AT2, AT3, AT4	Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008)
Perceived financial cost	3	COS1, COS2, COS3	Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008)
Intention to use	4	IT1, IT2, IT3, IT4	Luarn & Lin (2004); Baker-Eveleth & Stone (2008)

smallest group is 36-45, with 40 people making up 23.4%. Young customers tend to use internet banking more than other age groups. Older audiences tend to use less because of lower access to technology. In terms of education level, the majority of the subjects are in university (73 people, 43.7%); in contrast, there are only 11 high school students (6.4%). According to income, the largest group is the group of 5-10 million (74 customers, 43.3%) and the smallest group have income lower than 5 million which has 12 people accounting for 7%.

5.2. Reliability measures

The descriptive statistic and Cronbach’s Alpha coefficient of this survey were showed in Tab. 2. The Cronbach’s Alpha was calculated to test the reliability off questionnaires. The reliability of this survey was tested for 7 factors on framework structure of this study.

Table 2

Cronbach’s Alpha coefficient

Variable	Cronbach’s Alpha	N of items
PEU	.874	4
PU	.897	5
AT	.838	4
COS	.788	3
IT	.899	4

The test results show that with the Cronbach’s Alpha coefficient should be higher than 0.7 and the correlation coefficient of all items is greater than 0.3.

5.3. The result of factor analysis

Based on the research model and hypothesis, the author conducts explore factor analysis for independent and dependent variables.

5.3.1. Explore factor analysis (EFA) for independent variables

Table 3 shows that switching cost factor satisfies KMO’s requirement of 0.834 is greater than 0.5;

Table 3

KMO and Bartlett test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy		.834
Bartlett’s Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	1750.242
	df	120
	Sig.	.000

For proper EFA analysis, the author continues to consider the Variance Explained. Variance Explained is 72.838% greater than 50%. The results also show that only 4 factors are formed as the hypothesis (Tab. 4).

Table 4

Total Variance Explained

Component	Initial Eigenvalues			Extraction Sums of Squared Loadings			Rotation Sums of Squared Loadings		
	Total	% of Variance	Cumulative %	Total	% of Variance	Cumulative %	Total	% of Variance	Cumulative %
1	6.599	41.243	41.243	6.599	41.243	41.243	3.602	22.513	22.513
2	2.462	15.388	56.630	2.462	15.388	56.630	3.280	20.501	43.014
3	1.521	9.505	66.135	1.521	9.505	66.135	2.425	15.154	58.168
4	1.001	6.253	72.389	1.001	6.253	72.389	2.275	14.220	72.389
5	.822	5.139	77.527						
6	.627	3.916	81.443						
7	.458	2.861	84.304						
8	.430	2.686	86.991						
9	.417	2.606	89.596						
10	.373	2.329	91.926						
11	.359	2.242	94.167						
12	.270	1.686	95.853						
13	.242	1.511	97.363						
14	.187	1.170	98.533						
15	.135	.843	99.376						
16	.100	.624	100.000						

Extraction Method: Principal Component Analysis.

The results of the factors are formed as follows (Tab. 5).

Table 5

Explore factor analysis results for independent variables

	Component			
	1	2	3	4
PU4	0.89			
PU5	0.835			
PU2	0.832			
PU3	0.798			
PU1	0.634			
PEU4		0.924		
PEU3		0.864		
PEU1		0.807		
PEU2		0.687		
COS2			0.869	
COS1			0.767	
COS3			0.663	
AT2				0.826
AT4				0.717
AT1				0.636
AT3				0.537

5.3.2. Explore factor analysis (EFA) for intention factors

Table 6 shows that KMO's requirement of 0.805 is greater than 0.5;

Table 6

KMO and Bartlett test

Kaiser-Meyer-Olkin Measure of Sampling Adequacy		.805
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	474.641
	df	6
	Sig.	.000

The Total Variance Explained is 77.18% greater than 50%. The results also show that only one factor is formed as the hypothesis (Tab. 7).

Total Variance Explained

Component	Initial Eigenvalues			Extraction Sums of Squared Loadings		
	Total	% of Variance	Cumulative %	Total	% of Variance	Cumulative %
1	3.088	77.189	77.189	3.088	77.189	77.189
2	.499	12.476	89.665			
3	.273	6.817	96.482			
4	.141	3.518	100.000			

Extraction Method: Principal Component Analysis.

The results of the factors are formed as follows (Tab. 8).

Table 8

Explore factor analysis results for intention factors

	Components
	1
IT4	0.939
IT1	0.9
IT3	0.883
IT2	0.785

Source: The researcher's collecting data and SPSS.

5.4. Correlation analysis

Prior to introducing variables into regression analysis, the author carries out correlations to determine if the independent variables and dependent variables are correlated. The correlation matrix shows that independent variables are correlated with dependent variables (IT) (Tab. 9). Therefore, the inclusion of independent variables in regression analysis is appropriate.

Table 9

The correlation coefficient matrix

	Correlations				
	IT	PEU	PU	AT	COS
IT	1	.404**	.492**	.535**	-.682**
PEU		1	.275**	.522**	-.276**
PU			1	.477**	-.478**
AT				1	-.545**
COS					1

** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

5.5. Building the regression function and research hypotheses

5.5.1. Multiple linear Regression for Intention

The researchers conducted regression analysis to determine the specific of each factor to intention to use. Regression analysis will be performed with four independent variables PEU, PU, AT, COS and the dependent variable: intention to use (Tab. 10).

Table 7

Table 10

Model summary

Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	.737a	0.543	0.532	0.48673

a. Predictors: (Constant), PEU, PU, AT, COS

ANOVA

Model		Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
1	Regression	46.804	4	11.701	49.389	.000***
	Residual	39.342	166	0.237		
	Total	86.146	170			

a. Predictors: (Constant), PEU, PU, AT, COS ; b. Dependent Variable: IT; c. *p< .05; **p< .01 and ***p < .001

Regression analysis results of the factor "Intention of use"

	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.	VIF
	B	Std. Error	Beta			
(Constant)	3.225	0.367		8.787	.000***	
PEU	0.145	0.052	0.172	2.797	.006**	1.376
PU	0.144	0.057	0.157	2.506	.013*	1.421
AT	0.095	0.074	0.093	1.279	.203	1.924
COS	-0.502	0.065	-0.509	-7.764	.000***	1.561

a. Predictors: (Constant), PEU, PU, AT, COS

b. Dependent Variable: IT

c. *p< .05; **p< .01 and ***p < .001

The empirical multiple regression model is follow:

$$IT = 3.225*** + 0.145** * PEU + 0.144* * PU + 0.095 * AT -0.502*** * COS + Error Term$$

Table 10 shows the coefficients of multiple regression analysis. There are 3 hypotheses, which have significance level less than 0.05, are supported; and 1 hypothesis, which have significance level greater than 0.05, are unsupported. In the other words, Attitude toward using (AT) do not have significance relationship with Intention to use (IT); Perceived ease of use (PEU), Perceived Usefulness (PU) and Perceived financial Cost (COS) do. Therefore, the empirical results show that we can utilize Perceived ease of use (PEU), Perceived Usefulness (PU) and Perceived financial Cost (COS) 3 factors to explain the dependent variable Intention to use (IT). Moreover, regression results show that the model does not have multi-collinearity (the VIF coefficients of the independent variables are less than 10).

After the regression run, the author conducts a model fit test through the residual standard histogram (Fig. 4).

With a residual-bell-shaped distribution graph, it is possible to see a reliable regression model for analysis.

The authors continue to examine the degree of deviation between the estimated value and the observed value through the P-plot (Fig. 5).

The P-plot shows the estimated values close to the observed value, so the regression model is capable of explaining well the intention of the customer.

To test the hypotheses of the study, p-value of the corresponding t-statistic are directly compared with the value 0.05, 0.01 or 0.001 as the common level of significance. The research hypotheses test results in as following: The factor "Perceived financial cost" has opposite impact on intention of use with $\beta = -0.502 < 0$ and the corresponding t-statistic has the p-value = 0.000 < 0.001. From the research data, we can conclude that the β coefficient of the variable COST is negative. The factor "Attitude forward using" positive affects on intention ($\beta = 0.095 > 0$ and p-value = 0.203 > 0.05). From the research data, we can conclude that the AT is not significant. The factor "Perceived easy to use" positive impact on intention of use (p-values are 0.006 less than 0.05 and positive beta coefficient $\beta = 0.145 > 0$) The factor "Perceived usefulness" positive impact on intention of use ($\beta = 0.144 > 0$ and the corresponding t-statistic has the p-value = 0.013 < 0.05) (Tab. 11).

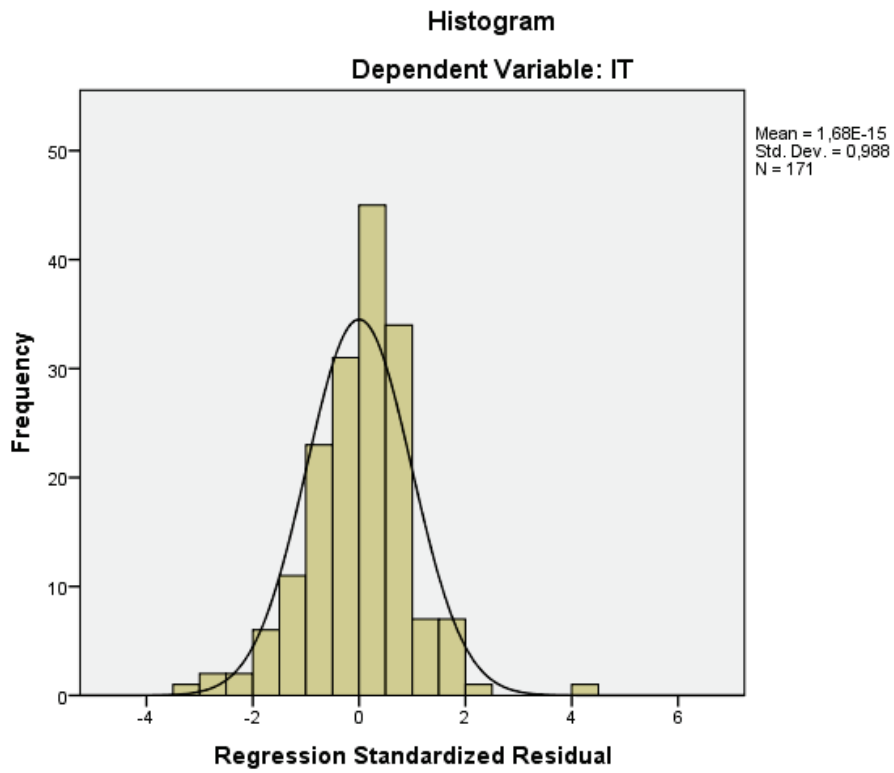

Fig. 4. Histogram of residual

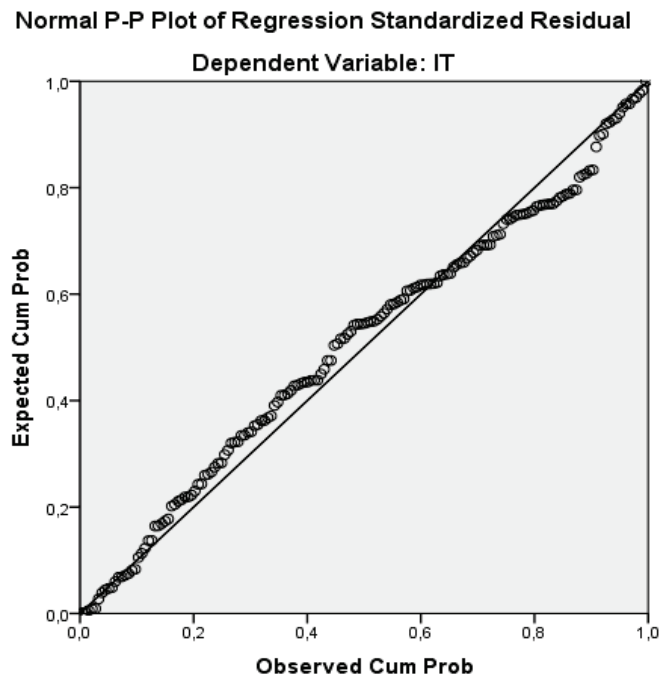

Fig. 5.2. P-Plot

Table 11

Summary of hypothesis testing results

Hypothesis	Factor	Results
H1	H1: The “Perceived financial cost” factor has a positive effect on intention to use	Accepted
H2	H2: The “Attitude toward using” has a positive effect on intention to use	Accepted
H3	The “Perceived ease to use” factor has a positive influence on intention to use	Accepted
H4	H4: The “Perceived usefulness” has a positive effect on intention to use	Accepted

Source: Authors synthesize.

5.2. Analysis of the differences among customer groups in intention to use Gender

Table 12

Comparison of differences between gender groups

		Levene’s Test for Equality of Variances		t-test for Equality of Means			
		F	P-value	t	P-value (2-tailed)	Mean Difference	Std. Error Difference
IT	Equal variances assumed	2.650	.105	3.406	.001	.36003	.10571
	Equal variances not assumed			3.383	.001	.36003	.10644

The result shows that there is a difference in intention to use between male and female (p-value of t test is 0.001, which is less than 0.05). Based on the means

of two groups, male has intention to use higher than female (difference is 0.36).

Age

That p-value of ANOVA test equals to 0.634 indicates that there is no difference in intention to use among consumers of different ages (Tab. 13).

Table 13

Comparison of differences among age groups

Test of Homogeneity of Variances		ANOVA	
Levene Statistic	P-value	F	P-value
.651	.583	.573	.634

Education

That p-value of ANOVA test equals to 0.007 indicates that there is difference in intention to use among consumers of different educations and p-value of Variances test equals to 0.008, shows that: Equal variances not assumed (Tab. 14).

Table 14

Comparison of differences among age groups

Test of Homogeneity of Variances		ANOVA	
Levene Statistic	P-value	F	P-value
2.853	0.008	4.18	0.007
Dependent Variable: IT Tamhane			
(I) Education		Mean Difference (I-J)	p-value
High school	Intermediate/ College	-0.0345	1
	University	0.18991	0.699
	Post- graduate	-.46713*	0.02
Intermediate/ College	High school	0.03446	1
	University	0.22437	0.441
	Post- graduate	-.50158*	0.004
University	High school	-0.1899	0.699
	Intermediate/ College	-0.2244	0.441
	Post- graduate	0.27721	0.205
Post- graduate	High school	.46713*	0.02
	Intermediate/ College	.50158*	0.004
	University	-0.2772	0.205

* The mean difference is significant at the 0.05 level.

To show differences, the author uses post hoc tests with equal variances not assumed. The results indicate that Post-graduate has who has intention to use higher than High school and Intermediate/College.

Income

Table 15

Comparison of differences among income groups

Test of Homogeneity of Variances		ANOVA	
Levene Statistic	P-value	F	P-value
1.337	.740	.634	.594

The intention to use of customers at different income levels is the same (p -value of ANOVA test equals to 0.594, which is greater than 0.05; 0.1).

6. Conclusion

This study applies the TAM to the newly emerging context of internet banking, which has recently become available. Limitations of the TAM includes the omission of cost-based construct in the context of electronic/internet commerce and the assumption that there are no barriers preventing an individual from using an information system if they choose to do so.

The results show that the Perceived usefulness, Perceived easy to use have a positive impact on the intention to use internet banking services at commercial banks in Vietnam. In addition, Cost has the opposite effect on the intention of use internet banking. Attitude toward using has not a positive impact on the intention of use.

Recommendation to improve cost

The first, Cost has negative impact on intention of use. Perceived financial cost is also a significant barrier for users of internet banking. Given that internet banking use is completely voluntary, lacks organizational resource support, and has a target user group consisting of large numbers of people with greatly diversified backgrounds, the findings of this study suggest that in order to attract more users to internet banking, it will require more than simply making the system easier to use. It is of paramount importance to develop internet banking systems with valuable functions and a perceived trustworthiness to protect the security and privacy of the users. In addition, the internet banking authorities must reduce the users' perceived financial cost through creative promotional and pricing strategies.

Recommendation to improve usefulness

Banks need to build more gadgets that users can use for daily payments. These utilities allow customers to carry out transactions and payments with non-bank suppliers (telecommunications, electricity, etc.). The construction of various utilities on the internet banking service allows customers to use the internet banking service apart from the money transfer which can also be used to pay for everyday bills. However, the utility should be built on the interface or simple operation and have specific user instructions for easy access and use. Regularly update content changes for customers through SMS or e-mail system to help customers know the changes of internet banking services on the newly added banking services. The new service information to help customers see the usefulness of internet banking services.

The bank implements the communication to bring the message of utility to the customer in a way that is different from the traditional services at the counter. Especially in the group of customers less time to the counter or often moving. Messages on the usefulness of the service should be emphasized on attributes that help customers improve banking transactions through the use of e-banking systems. Make customers clearly see the benefits of using internet banking. From then, customers always have the desire to use internet banking services.

The banks should focus on locating in the minds of customers about the benefits that internet banking offers. At the same time, banks are able to provide guidance and training to customers using the service system so that they feel that Internet Banking is not so difficult as to be confident in this service. All banking policies should aim at making the customer look positive on the service, showing that internet banking is an easy to use service as well as showing that internet banking is useful to customers. Since then, it is hoped that it will improve and increase the number of customers using online banking services in the area.

This requires the branch to have a plan to bring into play the advantages that Internet banking can bring to customers. In addition, in order to make it easy for customers to learn how to use the Internet — banking, branches need to have detailed instructions, in short, with visual images. In addition, banks should ensure that the security and privacy of banking systems over the Internet are properly built and that users should also be aware that systems are secure and personal as consumers' financial information is protected.

To encourage the use of Internet banking services, the Vietnamese government can help ensure that clear rules and regulations governing Internet banking. In addition, the government, the regulatory body

should direct banking services over the Internet and monitor banks' operations to ensure that they operate legally.

Reference

1. Ajzen I. *From intentions to actions: A theory of planned behavior*. New York, Springer, 1985.
2. Baker-Eveleth I., Stone R.W. Expectancy Theory and Behavioral Intentions to Use Computer Applications. *Interdisciplinary Journal of Information, Knowledge, and Management*, 2008, no. 3, pp. 135-146.
3. Bui Hai Yen. *Results of impact of a number of factors to consider the use of internet — banking of personal customers in agribank thang long branch. The thesis master*. National economics university, 2012.
4. Davis F.D. Perceived usefulness, perceived ease of use and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 1989, no. 13 (3), pp. 319-339.
5. Davis F.D. User acceptance of computer technology: System characteristics user perceptions and behavior characteristics. *International Man-Machine studies*, 1993, no. 38, pp. 475-487.
6. DeLone W.H., McLean E.R. Information systems success: the quest for the dependent variable. *Information Systems Research*, 1992, no. 3 (1), pp. 60-95.
7. DeLone W.H., McLean E.R. The DeLone and McLean model of information systems success: a ten-year update. *Journal of Management Information Systems*, 2003, no. 19 (4), pp. 9-30.
8. Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E., Tatham R.L. *Multivariate Data Analysis*. 6th ed. Upper Saddle River NJ, Prentice-Hall, 2006.
9. Luarn P., Lin H.H. Toward an understanding of the behavioral intention to use mobile banking. *Computers in Human Behavior*, 2005, no. 21, pp. 873-891.
10. Pham Duy Khanh. *The factors affecting the internet banking interest of personal customers in vietnam bank of investment and development joint stock company Ba Ria-Vung Tau branch. Master thesis*. BaRia Vung-Tau University, 2016.
11. Tabachnick B.G., Fidell L.S. *Using Multivariate Statistics* (5th ed.). New York, Allyn and Bacon, 2007.
12. Venkatesh V., Davis F.D. A Theoretical Extension of the Technology Acceptance Model: Four Longitudinal Field Studies. *Management Science*, 2000, 45:2, pp. 186-204.

Information about the authors

Nguyen Chien Thang — Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences. ncthang69@yahoo.com

Ly Hoang Mai — Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences. lymaiukt@gmail.com

Nguyen Thi Kim Chi — Hanoi university of Business and Technology. Chi.kkte@gmail.com

Vu Trung Kien — Service Department, Vietcombank Contact Center (VCC).

ИГРОВОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ЛАБОРАТОРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Р. В. Файзуллин, Д. Н. Чижова

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашикова, Ижевск, Россия

Приведены результаты экономического лабораторного эксперимента, основанного на системе массового обслуживания. Воспроизведена «классическая» задача теории массового обслуживания, известная как задача Эрланга, с целью изучения поведенческой теории игр. За основу взята теория массового обслуживания, которая позволяет фирме избежать неэффективной организации обслуживания клиентов. Значительное внимание уделено положениям поведенческой теории игр как методу принятия управленческих решений и их практического применения. Приведено математическое описание задачи принятия решений для одного из видов систем массового обслуживания. Сделаны выводы об особенностях поведения в реальных экономических ситуациях. Экономический лабораторный эксперимент, основанный на игре, которая моделирует реальное поведение участников системы массового обслуживания, может использоваться как оригинальная методика преподавания экономических дисциплин.

Ключевые слова: *система массового обслуживания, лабораторный экономический эксперимент, поведенческая экономика.*

Изучение поведенческой экономики способствует более глубокому и современному пониманию экономических явлений с учетом их психологической составляющей.

Развитие поведенческой экономики привело к развитию поведенческой теории игр — направления теории игр, занимающегося воспроизведением экономических ситуаций с целью изучения его в благоприятных условиях. «Теория игр доказывает, что если экономические субъекты не будут изменять свою стратегию, то рано или поздно они придут к равновесному состоянию, в котором выигрыш уже нельзя увеличить, продолжая следовать выбранной линии поведения. Примером может послужить равновесие по Нэшу — это ситуация при некооперативной игре, в которой ни один из игроков-субъектов не может увеличить свой выигрыш, совершая ходы в одностороннем порядке, то есть не кооперируясь с другими игроками» [2].

Впоследствии развиваются социальные эксперименты, одной из разновидностей которых является лабораторный экономический эксперимент. «Экономический эксперимент — это искусственно воспроизведенное экономическое явление, в котором наблюдаются и контролируются экономические процессы. С помощью экономических экспериментов осуществляется проверка гипотез, теорий и практических рекомендаций по управлению экономической системой, а также изучение поведения отдельных индивидов или коллективов» [1].

Сложный характер рыночной экономики стимулирует использование более серьезных методов анализа ее теоретических и практических проблем [4]. Использование математического инструментария становится эффективным методом изучения экономических явлений и процессов, добавляя обоснованности и объективности.

Теория массового обслуживания является разделом экономико-математического моделирования, представляющим собой теоретические основы эффективной организации и эксплуатации систем массового обслуживания. Системы массового обслуживания (СМО) встречаются во многих областях экономики и предназначены для многократного использования при выполнении однотипных задач. Проведение экономического эксперимента, представленного в виде игры, моделирующей реальное поведение участников СМО, может использоваться как оригинальная методика преподавания экономических дисциплин. Действительно, игровое воспроизведение системы массового обслуживания как лабораторный экономический эксперимент будет способствовать пониманию функционирования СМО как одного из способов описания экономических ситуаций и пониманию отдельных аспектов поведенческой экономики.

Цель статьи — анализ результатов экономического лабораторного эксперимента для разработки рекомендаций по рациональному построению СМО. Очевидно, что при неправильной или неэффективной

работе системы обслуживания клиентов компания потеряет клиентов, что отразится на результатах деятельности компании.

«Каждая СМО предназначена для обслуживания некоторого потока заявок. Также она включает в свою структуру некоторое число обслуживающих “устройств”, которые называют каналами обслуживания. По числу каналов СМО подразделяют на одноканальные и многоканальные» [3]. Также выделяют системы с отказами и без, с очередями и без.

Разным способам организации систем обслуживания клиентов будут соответствовать разные задачи СМО. «Многоканальная система с отказами известна как задача Эрланга. Это одна из первых по времени «классических» задач теории массового обслуживания. Она заключается в том, что имеется n каналов (линий связи), на которые поступает поток заявок с интенсивностью λ . Поток обслуживаний каждого канала имеет интенсивность μ » [Там же]. На основе известных формул можно рассчитать Q — относительную пропускную способность СМО (вероятность того, что поступившая в систему заявка будет обслужена), A — абсолютную пропускную способность СМО (количество обслуженных клиентов).

Для проведения экономического лабораторного эксперимента, основанного на СМО, предлагается следующая игра. В игре принимают участие несколько команд (назовем их «бизнесменами»). Количество команд желательно от 3 до 8, в каждой состоит от 1 до 3 чел. Командам-участникам предлагается сдавать одноместные гостиничные номера посуточно. Известно, что у каждого бизнесмена имеется первоначальный капитал в размере 100 000 р., а затраты на содержание одного номера — 10 000 р. в месяц. Также заранее известно, что каждый одноместный номер сдается по цене 1000 р. в сутки. Всего в месяц готовы снять такие номера 750 чел., и каждый готов снять номер на сутки, то есть совокупный спрос 750 койко-дней. Расчеты по игре представлены в табл. 1 (N — суммарное количество номеров, открытое командами; Q — относительная пропускная способность СМО; A — абсолютная пропускная способность СМО, количество обслуженных клиентов).

Очевидно, что количество номеров, которые откроют бизнесмены, ограничено. Если посетитель гостиницы захочет снять номер, но ни одного свободного не будет, то он получает отказ от обслуживания и уходит. Исходя из количества имеющихся у игрока денег и из каких-то собственных размышлений, игрок решает, сколько номеров содержать. О своем решении игроки сообщают ведущему. Ведущий оглашает общее количество номеров, открытых в игре на этом ходе

Таблица 1
Зависимость количества обслуженных клиентов от количества открытых номеров*

N	Q	A
2	0,076809	57,60709
3	0,115032	86,27379
4	0,153115	114,836
5	0,191043	143,2822
6	0,228799	171,599
7	0,266362	199,7714
8	0,30371	227,7822
9	0,340815	255,6115
10	0,377649	283,2367
11	0,414176	310,6318
12	0,450356	337,7667
13	0,486143	364,6072
14	0,521485	391,1135
15	0,55632	417,2402
16	0,59058	442,9353
17	0,624186	468,1392
18	0,657046	492,7842
19	0,689058	516,7938
20	0,72011	540,0824
21	0,750074	562,5552
22	0,778812	584,1088
23	0,806177	604,6329
24	0,832017	624,0127
25	0,856177	642,1326
26	0,87851	658,8821
27	0,898884	674,1627
28	0,917193	687,8951
29	0,933371	700,0285
30	0,947397	710,5476
31	0,959304	719,4784
32	0,969186	726,8897
33	0,977189	732,8916
34	0,983504	737,6278
35	0,988354	741,2656
36	0,991978	743,9831
37	0,994609	745,9565
38	0,996466	747,3492
39	0,997739	748,3046
40	0,998589	748,9419
41	0,99914	749,3554
42	0,999489	749,6165
43	0,999703	749,7771
44	0,999831	749,8734
45	0,999906	749,9297
46	0,999949	749,9618
47	0,999973	749,9797
48	0,999986	749,9894
49	0,999993	749,9946
50	0,999996	749,9973
51	0,999998	749,9987
52	0,999999	749,9994
53	1	749,9997

* Рассчитано авторами на основе формул Эрланга в среде MSExcel.

игры, и, согласно табл. 1, командам становится известно число обслуженных посетителей. Соответственно, каждый игрок может рассчитать свой финансовый результат. Затем ходы повторяются, и их количество оговаривается заранее. Победит тот, чья прибыль на конец игры будет большей.

Важно, что ни один из участников игры не знает о намерениях других игроков. Бизнесмены могут договориться о том, сколько номеров откроет каждый, но это не означает, что каждый игрок будет сдавать оговоренное количество номеров. Необходимо помнить, что участники могут не увеличивать количество номеров или даже сократить количество сданных номеров. Сколько прибыли или убытков принесет каждый номер в данный момент, зависит от общего количества номеров, открытых всеми участниками игры. Однако если будет открыто больше 75 номеров, то все участники понесут потери, потому что содержание 75 номеров игрокам обойдется более 750000 р., а суммарная выручка от обслуживания 750 чел. и есть 750000 р.

Целью игры является ознакомление игроков с принципами работы системы массового обслуживания с отказами и проверка следующих коллективных решений: вступят ли игроки в сговор, будут ли игроки стремиться поддерживать такое количество номеров, которое обеспечивает максимум суммарной прибыли системы и когда будет достигнуто равновесие по Нэшу.

Игра проводилась во время занятий со студентами-экономистами ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. Игра была проведена неоднократно, и приведенный пример отражает поведение уже опытных игроков. Студенты поделились на шесть команд, то есть образовалось шесть игроков. Ходы игры отражены в табл. 2.

Теоретический максимум доходности образованной СМО — 410547,6 р., при $N = 30$ ($A = 710,5476$). То есть выручка от обслуживания A номеров 710547,6 р., а затраты на содержание $N = 30$ номеров — 300000. В ходе игры такой суммарной прибыли за ход игроки не получали ни разу. Мало того на 7-8-м ходах они открыли более 75 номеров, из-за чего номера приносили убытки. Значение A/N из табл. 2 отражает выручку с 1-го номера.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Предложенная игра на основе СМО может использоваться для проверки гипотез в рамках лабораторного экономического эксперимента. Команды в сговор не вступают. Коллективная прибыль не интересует команды. Игроки даже не пытаются друг другу объяснить необходимость открытия небольшого количества номеров, при котором коллективная прибыль максимальна. В погоне за увеличением собственной выгоды игроки чаще всего не останавливаются в росте своего номерного фонда, пока он приносит прибыль. Только после возникновения убытков игроки начинают задумываться о снижении количества открываемых номеров. После 9-го хода большинство игроков склонялись к тому, что в следующем ходе не будут изменять количество номеров, и поэтому игра была остановлена. Нельзя считать это оптимумом по Нэшу, однако практика показала, то при продолжении игры после ситуаций, когда большинство игроков не хотят изменять количество номеров, интерес к игре быстро ослабевает, так как результат игры во многом уже предопределен на начальных стадиях, где распределяемая прибыль максимальна.

Таблица 2

Результаты игры, проведенной среди студентов

Ход	Игроки						N	A	A/N
	1	2	3	4	5	6			
1	6	10	5	7	4	10	42	749,6165	17,84801
2	10	11	9	8	5	15	58	750	12,93103
3	8	13	14	8	4	18	65	750	11,53846
4	8	14	15	6	4	15	62	750	12,09677
5	7	16	16	11	4	20	74	750	10,13514
6	12	16	17	7	2	18	72	750	10,41667
7	16	18	18	9	6	17	84	750	8,928571
8	10	18	20	7	5	20	80	750	9,375
9	6	19	18	6	5	15	69	750	10,86957

Список литературы

1. Вечканов, Г. С. Экономическая теория : учеб. для вузов / Г. С. Вечканов. — 4-е изд. — СПб. : Питер, 2016. — 512 с. — (Учебник для вузов).
2. Манахова, И. В. Поведенческая экономика : учеб. пособие для студентов специальности 38.05.01 «Экон. безопасность», специализация «Экономико-правовое обеспечение экон. безопасности» / И. В. Манахова. — Саратов : Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. — 120 с.

3. Саакян, Г. Р. Теория массового обслуживания : лекции для студентов экон. специальностей оч., заоч. и дистанц. форм обучения / Г. Р. Саакян. — Шахты : Юж.-Рос. гос. ун-т экономики и сервиса (ЮРГУЭС), 2006. — 28 с.

4. Чазов, Е. Л. Стратегическая модель оптимизации потока наличности, используемая при управлении эффективностью промышленного предприятия в условиях изменений факторов внешней среды / Е. Л. Чазов, В. П. Грахов, О. Л. Симченко // *Фундамент. исследования*. — 2018. — № 8. — С. 127—130.

Сведения об авторах

Файзуллин Ринат Васильевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. rf85@mail.ru

Чижова Дарья Николаевна — студентка кафедры «Менеджмент» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. dchizhova97@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 172—175.*

GAME REPRODUCTION OF THE QUEUING SYSTEM AS A LABORATORY OF ECONOMIC EXPERIMENT

R.V. Fayzullin

Department of Kalashnikov Izhevsk State Technical University Izhevsk, Russia. rf85@mail.ru

D.N. Chizhova

Department of Kalashnikov Izhevsk State Technical University Izhevsk, Russia. dchizhova97@gmail.com

This article presents the results of an economic laboratory experiment based on a queuing system. The “classical” problem of the theory of mass service, known as the Erlang problem, with the aim of studying the behavioral theory of games reproduced in this article. It is based on the theory of queuing, which allows the company to avoid inefficient organization of customer service. Considerable attention is paid to the provisions of the behavioral theory of games as a method of making management decisions and their practical application. A mathematical model of decision making studied by queuing theory was compiled. There are Conclusions about the behavior in real economic situations. The experiment presented in the form of a game can be used as an original method of teaching economics.

Keywords: *queuing system, laboratory economic experiment, behavioral economics.*

References

1. Vechkanov G.S. *Ekonomicheskaya teoriya: uchebnyy dlya vuzov* [Economic theory]. St. Petersburg, 2016. 512 p. (In Russ.).
2. Manakhova I.V. *Povedencheskaya ekonomika* [Behavioral Economics]. Saratov, 2017. 120 p. (In Russ.).
3. Saakyan G.R. *Teoriya massovogo obsluzhivaniya* [The theory of mass service]. Shakhty, 2006. 28 p. (In Russ.).
4. Chazov E.L., Grahov V.P., Simchenko O.L. Strategicheskaya model' optimizatsii potokov nalichnosti, ispol'zuyemaya pri upravlenii effektivnost'yu promyshlennogo predpriyatiya v usloviyakh izmeneniy faktorov vneshney sredy [Strategic cash flow optimization model used to manage the efficiency of an industrial enterprise in the face of changes in environmental factors]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research], 2018, no. 8, pp. 127-130. (In Russ.).

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

И. А. Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Цель статьи заключается в анализе структуры российского бизнеса с точки зрения его отнесения к крупному, среднему и малому в рамках каждого федерального округа. Показана неоднородность структуры бизнеса. Весомую долю в структуре бизнеса каждого региона занимают субъекты малого предпринимательства. Ничтожно малая доля в структуре свойственна крупным предприятиям. Выявлен период значительного сокращения числа средних и крупных предприятий в каждом федеральном округе, следствием чего стало изменение структуры бизнеса в дальнейшем. Установлена одна из основных причин изменения количества предприятий в каждой категории субъектов. Определена величина перераспределения субъектов предпринимательства из одной категории в другую. Исследование основано на статистических данных финансово-экономической отчетности предприятий России в период 2013—2017 гг. Данные предоставлены Первым независимым рейтинговым агентством (Figa.pro). Результаты, полученные в работе, позволят продолжить исследование структуры бизнеса России, но уже в ключе доминантных сфер деятельности в каждой категории субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: *бизнес, российский бизнес, структура бизнеса, малые предприятия, средние предприятия, крупные предприятия, федеральные округа.*

Бизнес оказывает существенное влияние на экономическое развитие любой страны. Для субъектов малого и среднего предпринимательства характерна наибольшая мобильность. Данные субъекты способны в более сжатые сроки заполнить появляющиеся рыночные ниши, обеспечить здоровую атмосферу конкуренции, подстроиться под потребителя ввиду их непосредственной связи с ним. В свою очередь крупный бизнес выступает базовой составляющей экономики, вносит весомый вклад в создание ВВП. Однако тенденции развития каждой категории субъектов предпринимательства и их динамика все еще оставляют желать лучшего и не отвечают возложенным на них ожиданиям. Бизнес, особенно малый и средний, до сих пор существенно подвержен колебаниям рыночной конъюнктуры и нуждается в государственной поддержке. Все еще не создана эффективная структура бизнеса, способствующая достижению устойчивого развития региона и страны в целом. С момента последней встряски российской экономики, начало которой положила ее стагнация в 2013 г., с последующим внешним воздействием в 2014 г. (санкции, падение цен на нефть), прошло уже более пяти лет. Именно тогда государством были приняты меры и разработаны мероприятия по обеспечению финансовой и социальной стабильности российской экономики. Реализация мер государственной поддержки начала осуществляться на основании

Распоряжения Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р [19], содержание которого отражало ряд ключевых первоочередных мероприятий, включая направление снижения издержек бизнеса и направление поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. В настоящее время сказать, что данные меры числились лишь на бумаге и не претворены в жизнь, нельзя. Разработана структура поддержки малого и среднего бизнеса, включая финансовые институты, институты для бизнеса, государственные программы поддержки и т. д. Созданы площадки для интеграции усилий бизнеса, общества и государства. Разрабатываются, поддерживаются и тиражируются проекты для бизнеса. Но смогли ли данные меры решить поставленные задачи? Помогли ли поддержать действующие предприятия МСП? Способствовали ли открытию новых предприятий? Произошел ли их качественный и количественный рост? Повлияли ли меры поддержки сектора МСП на структуру бизнеса в целом? Произошло ли перераспределение доли крупных предприятий в пользу малых и средних в структуре бизнеса? На все эти вопросы будет предпринята попытка поисков ответов в данном исследовании.

Цель исследования заключается в анализе структуры российского бизнеса с точки зрения его отнесения к крупному, среднему и малому в рамках каждого федерального округа.

Структура российского бизнеса, будь то ее исследование с точки зрения сфер деятельности (видов экономической деятельности) или исследование с точки зрения деления на категории субъектов предпринимательства (исходя из их размеров), является злободневной проблемой, о которой говорят не только среди представителей политической элиты, но и в кругах научного сообщества. В частности, формирование структур малого и среднего бизнеса в современных российских условиях отражено Е. В. Бурмистровой [14]. Формы, модели и особенности взаимодействия малого и среднего бизнеса с крупным бизнесом раскрыты А. О. Степаненко [21], В. А. Наумкиным [17], А. Е. Тасмухановой и Л. Ф. Сафуановой [22], П. А. Шиковым [24]. Институциональные аспекты регулирования системы инфраструктурной поддержки малого предпринимательства, включая чрезмерное государственное регулирование; отсутствие координации мер, реализуемых на федеральном, региональном и местном уровнях; часто меняющееся законодательство; большие налоговые нагрузки на МП; отсутствие увязки между целями, мероприятиями, затрачиваемыми ресурсами и результатами; недейственный механизм распределения субсидий между региональными бюджетами без учета их реальных потребностей исследованы Л. Г. Руденко [20]. Методический подход к стратегическому планированию развития малого предпринимательства на муниципальном уровне предложен А. Е. Креминым [16]. Существенное число работ, отражающих исследование проблем малого и среднего бизнеса, в частности его успешности, исследования факторов успешности бизнеса, разработки методики интегральной оценки успешности предприятий малого и среднего бизнеса, анализа успешных практик функционирования средних российских предприятий, построение моделей успешных российских предприятий опубликованы В. И. Бархатовым [1—3], Д. А. Плетневым [3; 9], Е. В. Николаевой [2; 9], И. А. Беловой [1; 2]. Исследование отраслевой структуры крупного бизнеса российских и зарубежных предприятий проведено С. М. Заверским и В. Ю. Кононовой [15]. Кроме того, крупный бизнес исследован через призму его ключевых сфер деятельности и его структуры по федеральным округам в работах В. И. Бархатова, Д. С. Бенц, И. А. Беловой [4; 12; 13]. Исследование институциональной среды и институциональных факторов развития, действующих институтов развития бизнеса отражено в работах Ф. ди Пьетро, М. Санчес, Дж. Ролдана,

А. Переза, И. Родригеса, Д. Волчек, К. Хенттонена, Я. Эдельманна, Д. Каянула, П. Кворти, Т. А. Краво, С. Джеппесена. В частности, влияние региональной институциональной среды на структуру капитала малых и средних предприятий в Испании раскрыто Ф. ди Пьетро, М. Санчесом и Дж. Ролданом [6]. Исследование факторов, оказывающих влияние на успешное функционирование малого бизнеса, проведено А. Перезом и И. Родригесом [10]. Комплексный анализ влияния институциональной среды на стратегический рост малых и средних предприятий (МСП) в странах с формирующейся рыночной экономикой на основе интернационализации проведен Д. Волчек, К. Хенттоненом, Я. Эдельманном [11]. Исследование политической среды, институтов внутренней и внешней поддержки, их влияния на успешное функционирование малых и средних предприятий в Гане и Малави проведено Д. Каянулой и П. Кворти [8]. Исследование взаимосвязи сектора малого и среднего предпринимательства и экономического роста в бразильских микрорегионах проведено Т. А. Краво [5]. Проблемы повышения конкурентоспособности и обеспечения развития микро-, малых и средних предприятий исследовал С. Джеппесен [7].

В качестве теоретической и методологической базы настоящего исследования выступили аналитические и обзорные статьи в области изучения проблем российского бизнеса. Круг охвата данных проблем широк и включает формирование структур малого и среднего бизнеса, особенности взаимодействия малого и среднего бизнеса с крупным бизнесом, институциональные аспекты регулирования системы инфраструктурной поддержки малого предпринимательства, исследование успешности бизнеса и ее факторов, анализ отраслевой структуры крупного бизнеса.

В качестве методического инструментария настоящего исследования выступили общенаучные методы, включая методы сравнительного и графического анализа, индукции, дедукции, синтеза, системного подхода, экономико-математические методы исследования.

В качестве информационной базы настоящего исследования выступили данные финансово-экономической отчетности российских предприятий в 2013—2017 гг. Данные предоставлены Первым независимым рейтинговым агентством (Fira.pro). В качестве критерия формирования выборки малых, средних и крупных предприятий послужил показатель выручки от реализации товаров (работ,

услуг) за год. При этом в 2013—2014 гг. к числу малых были отнесены предприятия с предельными значениями выручки ≤ 400 млн р., к числу средних — ≤ 1 млрд р. [23]. В 2015—2017 гг. предельные значения годовой выручки для малых и средних предприятий были увеличены вдвое и составили ≤ 800 млн р. и ≤ 2 млрд р. соответственно [18]. Принимая во внимание отсутствие законодательно-нормативной базы, регламентирующей четкие критерии отнесения предприятий к числу крупных, в настоящей статье к ним отнесены все предприятия, предельные значения годовой выручки которых превышали в 2013—2014 гг. — 1 млрд р., в 2015—2017 гг. — 2 млрд р. Данные 2018 г. не отражены в настоящей статье по причине их отсутствия в информационно-аналитической системе Fira.pro на момент проведения исследования. Пространственное распределение бизнеса по федеральным округам России в 2017 г. представлено на рис. 1.

Анализ рис. 1. позволяет сделать вывод о том, что пространственное распределение бизнеса по федеральным округам на протяжении анализируемого периода носит неоднородный характер. Почти треть предприятий сосредоточены в Центральном федеральном округе. Распределение оставшихся предприятий носит слабовыраженный равномерный характер (диапазон колебаний 8,9—17,5%). Исключение составляют лишь два округа (Дальневосточный и Северо-Кавказский), которые территориально находятся дальше от центра. Кроме того, картина распределения бизнеса по округам в 2013—2016 гг. аналогична картине 2017 г., представленной на рис. 1. Наблюдается лишь незначительная вариация удельного веса предприятий округа в общем числе предприятий России от 0,1—0,5%, в связи с чем данные за этот период не нашли отражения в графической интерпретации.

Далее подробнее рассмотрим распределение бизнеса в рамках каждого федерального округа в разрезе его отнесения к крупному, среднему и малому. Распределение предприятий крупного, среднего, малого бизнеса по федеральным округам в 2017 г. представлено на рис. 2, 3, 4 соответственно.

Картина распределения бизнеса по федеральным округам в каждой категории субъектов предпринимательства (крупного, среднего и малого) вполне ожидаема и предсказуема. Лидирующее положение занимает Центральный федеральный округ. Концентрация крупных предприятий в нем весьма значительна и составляет 48%. При этом на долю средних и малых предприятий приходится 45 и 32% общего числа таких категорий предприятий соответственно. В распределении бизнеса по оставшимся округам для всех категориям субъектов предпринимательства характерно следующее. На втором месте по концентрации бизнеса находятся Северо-Западный и Приволжский федеральные округа. Третье место делят Южный, Уральский и Сибирский федеральные округа. Минимальная концентрация бизнеса по всем категориям предпринимательства свойственна Северо-Кавказскому и Дальневосточному федеральным округам. Но, несмотря на занимаемые позиции в пространственном размещении бизнеса, их объединяет тот факт, что подавляющее большинство предприятий сконцентрировано в сфере оптовой и розничной торговли.

Анализ данных по числу предприятий малого, среднего и крупного бизнеса за 2013—2017 гг. показал, что в 2013—2014 гг. наблюдалась положительная тенденция к их росту по всем федеральным округам. Однако увеличение предельных значений выручки от реализации товаров (работ, услуг) вдвое для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства в 2015 г. [18]

Рис. 1. Пространственное распределение бизнеса по федеральным округам России в 2017 г.

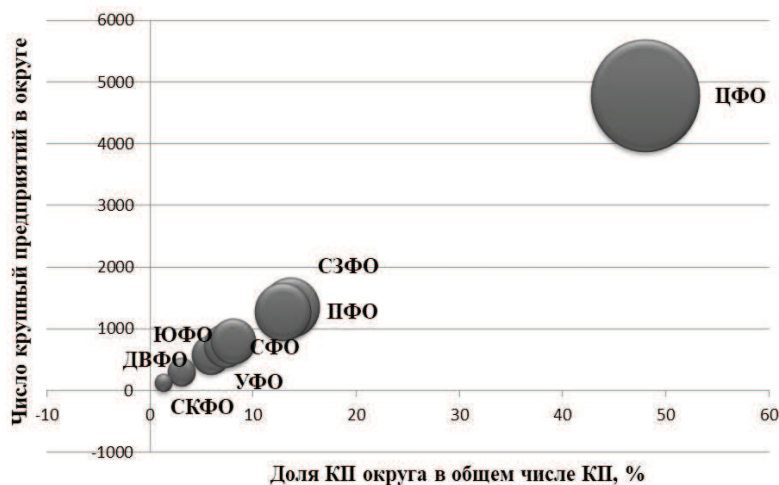

Рис. 2. Распределение предприятий крупного бизнеса по федеральным округам в 2017 г.
(размер «пузырька» соответствует числу крупных предприятий в округе)

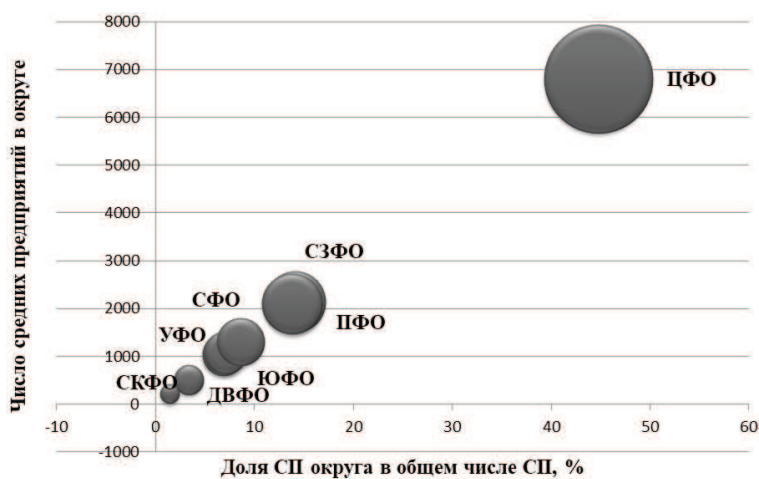

Рис. 3. Распределение предприятий среднего бизнеса по федеральным округам в 2017 г.
(размер «пузырька» соответствует числу средних предприятий в округе)

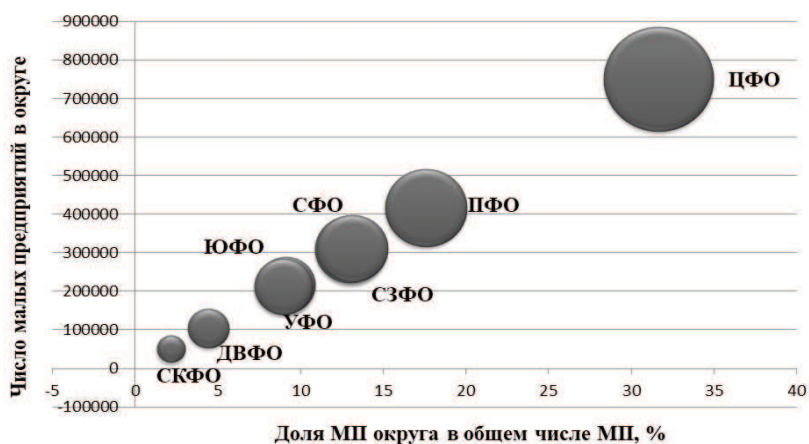

Рис. 4. Распределение предприятий малого бизнеса по федеральным округам в 2017 г.
(размер «пузырька» соответствует числу малых предприятий в округе)

привело к перераспределению части субъектов из одной категории в другую. Часть субъектов среднего бизнеса перераспределилась в пользу малых предприятий, а часть субъектов крупного бизнеса — в пользу средних. Перераспределение субъектов российского бизнеса из одной категории в другую за период 2015—2017 гг. представлено в табл. 1.

Анализ табл. 1 позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, прирост числа предприятий наблюдается только в категории малого бизнеса. Наибольший прирост малых предприятий, на 1,4%, произошел в Центральном федеральном округе. Чуть меньше, на 1,1%, увеличилось число малых предприятий в Северо-Западном федеральном округе. По оставшимся округам прирост таких предприятий зафиксирован на уровне 0,7—0,8%. Во-вторых, в категориях среднего и крупного бизнеса, в отличие в малого, наблюдается сокращение числа предприятий. В частности, наибольшее сокращение числа таких предприятий коснулось Северо-Кавказского федерального округа (53% — средний бизнес, 55,8% — крупный бизнес). Таким образом, за анализируемый период число средних и крупных предприятий по всем федеральным округам сократилось примерно вдвое. При этом, еще раз необходимо отметить, что данные предприятия не прекратили свою деятельность, а перераспределились из категорий крупного и среднего бизнеса в категории среднего и малого бизнеса соответственно.

Такое перераспределение категорий субъектов предпринимательства не могло не отразиться на структуре российского бизнеса в целом. В частности, в 2017 г. в сравнении с 2013 г. доля средних и крупных предприятий в общем числе всех предприятий уменьшилась вдвое. Структура российского бизнеса в 2013 и 2017 гг. представлена на рис. 5 и 6 соответственно.

С учетом данных, представленных в табл. 1 и на рис. 1—6, общее изменение числа малых, средних и крупных предприятий по федеральным округам за анализируемый период 2013—2017 гг. представлено на рис. 7.

Анализ данных, представленных на рис. 7, позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, положительная тенденция, в частности прирост предприятий, наблюдается только по субъектам малого бизнеса во всех федеральных округах. При этом наибольший прирост зафиксирован в Северо-Западном федеральном округе — 60,4%, наименьший — в Северо-Кавказском — 36,4%. В оставшихся округах прирост малых предприятий колеблется в диапазоне 43,5—49,7%. В среднем число малых предприятий по России в целом выросло в 2017 г. по отношению к 2013 г. на 48,8%. Во-вторых, по среднему и крупному бизнесу зафиксировано сокращение числа предприятий за анализируемый период. В частности, наибольшее сокращение коснулось крупных предприятий. В среднем их число уменьшилось на 28%. При этом наибольшее сокращение числа крупных предприятий (почти на треть) коснулось Уральского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов. Сокращение числа средних предприятий по России в целом достигло значения 20,5%. При этом наибольшее сокращение средних предприятий произошло в Северо-Кавказском федеральном округе — 38,1%, наименьшее — в Северо-Западном — 15,1%.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, пространственное распределение бизнеса по федеральным округам носит неоднородный характер. Почти треть предприятий сосредоточена в Центральном федеральном округе. Распределение оставшихся предприятий по округам носит слабовыраженный равно-

Таблица 1

Перераспределение субъектов российского бизнеса в 2015—2017 гг.

Федеральный округ	Малый бизнес		Средний бизнес		Крупный бизнес	
	+, – △	%	+, – △	%	+, – △	%
Северо-Западный (СЗФО)	9440	1,1	–5412	–47,4	–4027	–51,8
Центральный (ЦФО)	30 060	1,4	–16 882	–46,0	–13 181	–49,5
Приволжский (ПФО)	9566	0,8	–5653	–49,0	–3914	–52,5
Южный (ЮФО)	4518	0,7	–2571	–46,6	–1947	–54,2
Уральский (УФО)	4696	0,8	–2739	–48,1	–1957	–49,6
Сибирский (СФО)	5831	0,7	–3440	–48,6	–2391	–51,6
Дальневосточный (ДФФО)	2457	0,8	–1488	–49,5	–969	–52,5
Северо-Кавказский (СКФО)	1197	0,8	–752	–53,0	–444	–55,8

Рис. 5. Структура российского бизнеса в 2013 г.

мерный характер (диапазон колебаний 8,9—17,5%). Исключение составляют лишь два округа, которые территориально находятся дальше от центра (концентрация бизнеса в них в совокупности 6,6%). Во-вторых, выявлено неравномерное распределение бизнеса по федеральным округам в каждой категории субъектов предпринимательства (крупного, среднего и малого). Лидирующее положение занимает Центральный федеральный округ. Концентрация крупных предприятий в нем весьма значительна и составляет 48%. При этом на долю средних и малых предприятий приходится 45 и 32% общего числа таких категорий предприятий соответственно. Относительно равномерное распределение каждой категории субъектов предпринимательства в рамках округа наблюдается лишь в двух федеральных округах — Приволжском и Северо-Западном. В-третьих, установлена причина перераспределения предприятий из одной категории субъектов в другую в 2015—2017 гг., что в конечном итоге повлияло на изменение структуры российского бизнеса. В качестве причины этого выступает увеличение предельных значений выручки от реализации то-

Рис. 6. Структура российского бизнеса в 2017 г.

варов (работ, услуг) вдвое для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства. Удельный вес среднего и крупного бизнеса в общей структуре бизнеса сократился в два раза. В-четвертых, установлено изменение числа малых, средних и крупных предприятий по федеральным округам за анализируемый период. При этом прирост предприятий наблюдается только по субъектам малого бизнеса (в среднем по всем округам — 48,8%). По субъектам среднего и крупного бизнеса наблюдается сокращение (в среднем по всем округам — 20,5% и 28% соответственно).

Анализ, проведенный в данном исследовании, выявил, какова структура бизнеса России в настоящее время. Является ли эта структура эффективной, пока ответить довольно сложно. Для этого необходимо в первую очередь изучить, что представляет собой эффективная структура бизнеса, каковы критерии эффективности, каковы ее количественные и качественные показатели и т. д. При первом приближении к изучению данной проблемы можно предположить, что структура бизнеса будет эффективной в том случае, когда будет максимальный вклад каждой

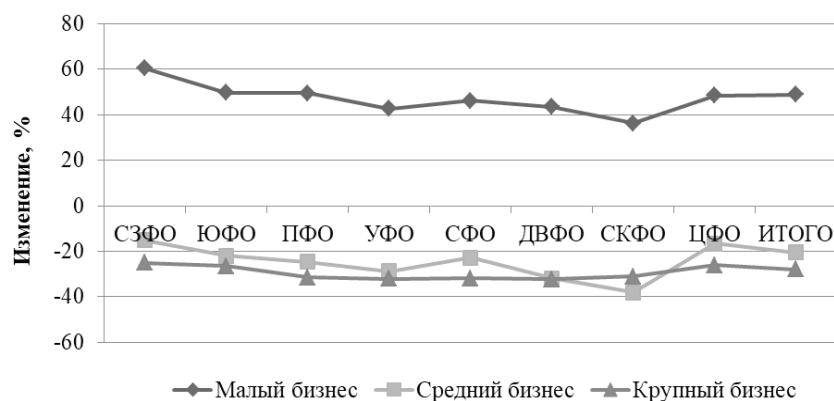

Рис. 7. Изменение числа малых, средних и крупных предприятий по федеральным округам за анализируемый период (2013—2017 гг.)

категории субъектов предпринимательства в создание ВВП. Для этого как минимум необходимо, чтобы структура бизнеса с точки зрения ключевых сфер деятельности (в рамках бизнеса любого размера) способствовала созданию максимально возможной добавленной стоимости. Бизнес должен носить производственный характер. На сегодняшний день ситуация такова, что в структуре малого, среднего и крупного бизнеса доминирующее положение

занимает отрасль оптовой и розничной торговли. Кроме того, на государственном уровне должны быть разработаны и внедрены эффективные формы и модели взаимодействия малого и среднего бизнеса с крупным. Необходимо, чтобы государственная поддержка в данном ключе перестала носить точечный характер, а приобретала системность. Только в этом случае все меры обеспечат синергетический и мультипликативный эффект.

Список литературы

1. Barhatov, V. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect / V. Barhatov, I. Belova // Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship, Volume 5 of the series Eurasian Studies in Business and Economics (Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference). — Springer Intern. Publ., 2017. — P. 453—468.
2. Barhatov, V. Taxation and Transaction Costs as Factors of Business Success in Medium-Sized Enterprises in Russia / V. Barhatov, E. Nikolaeva, I. Belova // Entrepreneurship, Business and Economics. Vol. 1. Proceedings of the 15th Eurasia Business and Economics Society Conference. Eurasian Studies in Business and Economics 3/1. — Springer Intern. Publ., 2016. — P. 129—137.
3. Barkhatov, V. Key Success Factors and Barriers for Small Businesses: Comparative Analysis / V. Barkhatov, D. Pletnev, A. Campa // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2016. — No. 221. — P. 29—38.
4. Barkhatov, V. I. Large-Sized Enterprises In Russia: An Analysis Of Federal Districts / V. I. Barkhatov, I. A. Belova, D. S. Bents // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2018. — Vol. 238. — P. 303—312.
5. Cravo, T. A. SMEs and economic growth in the Brazilian micro-regions / T. A. Cravo // Papers in Regional Science. — 2010. — Vol. 89. — No. 4. — P. 711—734.
6. Di Pietro, F. Regional development and capital structure of SMEs [Электронный ресурс] / F. Di Pietro, M. J. P. Sánchez, J. L. Roldán // Cuadernos de Gestión, 2017. — URL: <http://www.ehu.es/cuadernosdegestion/revista/en/online-first/onlinefirst/368>.
7. Jeppesen, S. Enhancing competitiveness and securing development: Can small, micro, and medium-sized enterprises (SMEs) do the trick? / S. Jeppesen // Development in Practice. — 2005. — Vol. 15 (3&4). — P. 463—474.
8. Kayanula, P. The Policy Environment for Promoting Small and Medium-Sized / D. Kayanula, P. Quartey // Enterprises in Ghana and Malawi. — Paper No. 15. — IDPM, Manchester. — 2000.
9. Nikolaeva, E. Internal Business Success Factors Of Small And Medium-Sized Enterprises In Russia / E. Nikolaeva, D. Pletnev // J. of Advanced Research in Law and Economics. — 2015. — Vol. 6. — № 4. — P. 768—774.
10. Pérez A. Identidad, imagen y reputación de la empresa: integración de propuestas teóricas para una gestión exitosa [Электронный ресурс] / A. Pérez, I. Rodríguez del Bosque // Cuadernos de Gestión. — 2015. — No. 14 (1). — P. 97—126. — URL: <http://www.ehu.es/cuadernosdegestion/revista/en/published-issues/articulo?year=2014&vol=14&num=1&o=5>.
11. Volchek, D. Exploring the Role of a Country's Institutional Environment in Internationalization: Strategic Responses of SMEs in Russia / D. Volchek, K. Henttonen, J. Edelman // J. of East-West Business. — 2013. — 19 (4), December. — P. 1—34.
12. Бархатов, В. И. Крупные предприятия России: анализ ключевых сфер деятельности / В. И. Бархатов, И. А. Белова, Д. С. Бенц // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 14 (410). — С. 78—85.
13. Бархатов, В. И. Предприятия крупного бизнеса России: анализ в разрезе федеральных округов / В. И. Бархатов, И. А. Белова, Д. С. Бенц // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 5 (401). — С. 104—113.
14. Бурмистрова, Е. В. Формирование структур малого и среднего бизнеса в современном российском обществе / Е. В. Бурмистрова // Актуальные проблемы современного менеджмента. : сб. науч. тр. — Саратов : Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2012. — С. 10—13.
15. Кононова, В. Ю. Крупный бизнес до и после кризиса: отраслевая структура и масштабы деятельности российских и зарубежных компаний / В. Ю. Кононова, С. М. Заверский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 24: Менеджмент. — 2013. — № 1—2. — С. 83—108.

16. Кремин, А. Е. Разработка методического подхода к стратегическому планированию развития малого бизнеса в регионе / А. Е. Кремин // Актуал. проблемы экономики и менеджмента. — 2018. — № 3 (19). — С. 60—70.
17. Наумкин, В. А. Взаимодействие малых предприятий со средним и крупным бизнесом / В. А. Наумкин // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Ф. Кузнецова. — Абакан, 2017. — С. 112—115.
18. Постановление Правительства РФ от 13.07.2015 № 702 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=255871> (дата обращения 14.05.2019).
19. Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 года № 98-р «О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» [Электронный ресурс] : с изм. и доп. — URL: <http://base.garant.ru/70852914/#ixzz5hqip05x6> (дата обращения 11.03.2019).
20. Руденко, Л. Г. Механизм инновационной инфраструктуры поддержки развития малого предпринимательства / Л. Г. Руденко // Вестн. ун-та (Гос. ун-т упр.). — 2019. — № 1. — С. 64—71.
21. Степаненко, А. О. Формы взаимодействия малых предприятий с крупным бизнесом в современной экономике России / А. О. Степаненко // Достижения вузовской науки 2018 : сб. ст. III Междунар. науч.-исслед. конкурса : в 2 ч. — Пенза, 2018. — С. 93—97.
22. Тасмуханова, А. Е. Модели взаимодействия МСП с крупным бизнесом // А. Е. Тасмуханова, Л. Ф. Сафуанова // Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Уфа, 2017. — С. 73—76.
23. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=52144&dst=100005#018959991378943175> (дата обращения 14.05.2019).
24. Шиков, П. А. Особенности взаимодействия малых инновационных предприятий с крупным и средним бизнесом / П. А. Шиков // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. — Уфа, 2017. — С. 231—234.

Сведения об авторе

Белова Ирина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. belova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 176—185.*

MODERN STRUCTURE OF THE RUSSIAN BUSINESS

I.A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. belova@csu.ru

The purpose of article consists in the analysis of structure of the Russian business in terms of its reference to large, to average and small within each federal district. Heterogeneity of structure of business is shown. The powerful share in structure of business of each region is occupied by small business entities. It is insignificant a small share in structure it is peculiar to large enterprises. The period of considerable reduction of number of medium-sized and large enterprises in each federal district which consequence change of structure of business turned out to be further is revealed. One of the main reasons for change of number of the enterprises in each category of subjects is established. The size of redistribution of subjects of business from one category in another is determined. The research is based on statistical data of the financial and economic reporting of the enterprises of Russia during 2013-2017. Data were provided by the First Independent Rating Agency (Fira. pro). The results received in this work will allow to continue a research of structure of business of Russia, but already in a key of prepotent fields of activity in each category of subjects of business.

Keywords: *business, Russian business, structure of business, small enterprises, medium-sized enterprises, large enterprises, federal districts.*

References

1. Barhatov V., Belova I. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect. *Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship, vol. 5 of the series Eurasian Studies in Business and Economics (Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference)*. Springer Intern. Publ., 2017. Pp. 453-468.
2. Barhatov V., Nikolaeva E., Belova I. Taxation and Transaction Costs as Factors of Business Success in Medium-Sized Enterprises in Russia. *Entrepreneurship, Business and Economics, vol. 1. Proceedings of the 15th Eurasia Business and Economics Society Conference. Eurasian Studies in Business and Economics 3/1*. Springer Intern. Publ., 2016. Pp. 129-137.
3. Barkhatov V., Pletnev D., Campa A. Key Success Factors and Barriers for Small Businesses: Comparative Analysis. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2016, No 221, pp. 29-38.
4. Barkhatov V.I., Belova I.A., Bents D.S. Large-Sized Enterprises In Russia: An Analysis Of Federal Districts. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2018, vol. 238, pp. 303-312.
5. Cravo T.A. SMEs and economic growth in the Brazilian micro-regions. *Papers in Regional Science*, 2010, vol. 89, no. 4, pp. 711-734.
6. Di Pietro F., Palacín Sánchez M.J., Roldán J.L. Regional development and capital structure of SMEs. *Cuadernos de Gestión*, 2017. Available at: <http://www.ehu.es/cuadernosdegestion/revista/en/online-first/onlinefirst/368>, accessed 24.05.2019.
7. Jeppesen S. Enhancing competitiveness and securing development: Can small, micro, and medium-sized enterprises (SMEs) do the trick? *Development in Practice*, 2005, vol. 15 (3&4), pp. 463-474.
8. Kayanula P., Quartey P. *The Policy Environment for Promoting Small and Medium-Sized Enterprises in Ghana and Malawi*; paper no. 15, IDPM, Manchester, 2000.
9. Nikolaeva E., Pletnev D. Internal Business Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 768-774.
10. Pérez A., Rodríguez del Bosque I. Identidad, imagen y reputación de la empresa: integración de propuestas teóricas para una gestión exitosa. *Cuadernos de Gestión*, 2015, no. 14 (1), pp. 97-126. Available at: <http://www.ehu.es/cuadernosdegestion/revista/en/published-issues/articulo?year=2014&vol=14&num=1&o=5>, accessed 23.05.2019.
11. Volchek D., Henttonen K., Edelmann J. Exploring the Role of a Country's Institutional Environment in Internationalization: Strategic Responses of SMEs in Russia. *Journal of East-West Business*, 2013, 19 (4), December, pp. 1-34.
12. Barhatov V.I., Belova I.A., Benz D.S. Krupnye predpriyatiya Rossii: analiz klyuchevykh sfer deyatel'nosti [Large enterprises of Russia: analysis of key areas of activity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 14 (410), pp. 78-85. (In Russ.).
13. Barhatov V.I., Belova I.A., Benz D.S. Predpriyatiya krupnogo biznesa Rossii: analiz v razreze federal'nykh okrugov [Enterprises of large business in Russia: analysis in the context of federal districts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 5 (401), pp. 104-113. (In Russ.).
14. Burmistrova E.V. Formirovanie struktur malogo i srednego biznesa v sovremennom rossijskom obshchestve [Formation of structures of small and medium-sized businesses in modern Russian society]. *Aktual'nye problemy sovremennogo menedzhmenta* [Actual problems of modern management]. Saratov, 2012. Pp. 10-13. (In Russ.).
15. Kononova V.Yu., Krupnyy biznes do i posle krizisa: otraslevaya struktura i masshtaby deyatel'nosti rossijskikh i zarubezhnykh kompanij [Big business before and after the crisis: sectoral structure and scope of activities of Russian and foreign companies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 24: Menedzhment* [Moscow University Bulletin. Series 24: Management], 2013, no. 1-2, pp. 83-108. (In Russ.).
16. Cremin A.E. Razrabotka metodicheskogo podkhoda k strategicheskomu planirovaniyu razvitiya malogo biznesa v regione [Development of a methodical approach to the strategic planning of small business development in the region]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Actual problems of economics and management], 2018, no. 3 (19), pp. 60-70. (In Russ.).
17. Naumkin V.A. Vzaimodejstvie malyykh predpriyatij so srednim i krupnym biznesom [Interaction of small enterprises with medium and large businesses]. *Konkurentnyy potencial regiona: oценка i effektivnost'*

ispol'zovaniya: sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Competitive potential of the region: evaluation and effectiveness: collection of articles in the VIII International scientific and practical conference]. Abakan, 2017. Pp. 112-115. (In Russ.).

18. *Decree of the Government of the Russian Federation of 13.07.2015 no. 702 "On the limit values of revenue from the sale of goods (works, services) for each category of small and medium-sized businesses"*. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=255871>, accessed 14.05.2019. (In Russ.).

19. *Order of the Government of the Russian Federation of January 27, 2015, no. 98-p "About the plan of priority actions for ensuring sustainable development of economy and social stability in 2015"*. Available at: <http://base.garant.ru/70852914/#ixzz5hqip05x6>, accessed 11.03.2019. (In Russ.).

20. Rudenko L.G. *Mehanizm innovacionnoj infrastruktury podderzhki razvitiya malogo predprinimatel'stva* [Mechanism of innovative infrastructure to support the development of small business]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)* [Bulletin of the University (State University of management)], 2019, no. 1, pp. 64-71. (In Russ.).

21. Stepanenko A.O. *Formy vzaimodejstviya malyh predpriyatij s krupnym biznesom v sovremennoj ekonomike Rossii* [Forms of interaction of small enterprises with large business in the modern economy of Russia]. *Dostizheniya vuzovskoj nauki 2018: sbornik statej III Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa v 2 ch.* [Achievements of University science: collection of articles, III International research competition in 2018 in 2 pt.]. Penza, 2018. Pp. 93-97. (In Russ.).

22. Tasukhanova, A.E., Safuanova L.F. *Modeli vzaimodejstviya MSP s krupnym biznesom* [Models of the interaction of SMEs with large business]. *Problemy i tendencii razvitiya innovacionnoj ekonomiki: mezhdunarodnyj opyt i rossijskaya praktika: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems and tendencies of development of innovative economy: international experience and Russian practice: proceedings of the International scientific-practical conference]. Ufa, 2017. Pp. 73-76. (In Russ.).

23. *Federal law No. 209-FZ of 24.07.2007 "On the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation"*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=52144&dst=100005#018959991378943175>, accessed 14.05.2019. (In Russ.).

24. Shikov P.A. *Osobennosti vzaimodejstviya malyh innovacionnyh predpriyatij s krupnym i srednim biznesom* [Features of interaction of small innovative enterprises with large and medium-sized businesses]. *Novaya nauka: istoriya stanovleniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v 3 ch.* [New science: history of formation, current state, prospects of development: collection of articles of the international scientific and practical conference in 3 pt.]. Ufa, 2017. Pp. 231-234. (In Russ.).

TEXTILE AND GARMENT ENTERPRISES IN VIETNAM UNDER THE CONTEXT OF INDUSTRIAL REVOLUTION 4.0

Nguyen Chien Thang¹, Tran Thi Van Anh¹, Ekaterina Nikolaeva²

¹*Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences*

²*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia*

Industrial Revolution 4.0 (Industry 4.0) is going on rapidly, drastically modifying production, and is expected to fundamentally alter the global textile industry. Textile enterprises are generally facing development challenges related to the application of Industry 4.0 achievements, otherwise they will be excluded from the “games”. On the basis of assessing the development of textile and garment enterprises in Vietnam, the study shows the development opportunities and challenges for these enterprises under the context of Industry 4.0, and suggests some policy recommendations to enhance competitiveness and technological innovation.

Keywords: *textile and garment enterprises, Industry 4.0, technology.*

Textile and garment enterprises in Vietnam have exploited development opportunities in international economic integration, especially after Vietnam officially became a member of the WTO. The development of Vietnamese textile and garment enterprises contributes to the increasing foreign currency revenues of the economy. Textile and garment export turnover has risen by nearly 7 times after 12 years from USD 5.85 billion in 2006 to USD 36.14 billion in 2018. This contribution is more evident when assessing the export structure of Vietnam’s textile and garment industry. In addition to garments, the key export products, Vietnam’s textile enterprises have exported items including filaments, fabrics, textile materials or non-woven fabric. The export values of filaments, fabrics, and textile materials in 2018 alone were USD 3.95 billion, USD 1.66 billion, and USD 1.23 billion respectively, far greater than the textile export value of 2006.

The development of textile and garment enterprises has created a great number of jobs for the economy. Labor in textile industry has recently accounted for over 20% of total labor in manufacturing and processing industry, and approximately 5% of the total labor force nationwide. In 2017, Vietnam textile and garment industry generated about 2.5 million jobs, 80% of which are jobs for female workers.

From the ownership structure perspective, the development of textile and garment enterprises has contributed to the development of the textile industry, through which boosted industrialization, modernization, economic restructuring, labor restructuring, and economic growth. Textile industry not only assumes the aforementioned roles, it also plays a buffer role,

mitigating shock due to external adverse impacts such as international crisis. For example, during the period of global financial crisis, the textile and garment industry still contributed over USD 9 billion per annum (USD 9.12 billion in 2008, and USD 9.07 billion in 2009) to the total export turnover, which is even much larger than the figures for pre-crisis years (2006-2007).

Despite achieving remarkable development, textile and garment enterprises in Vietnam have to face numerous difficulties and challenges. These obstacles include difficulties in obtaining investment capital for production expansion, technology innovation, difficulties in recruiting qualified workers and stabilizing the number of employees, or difficulties in R&D improvement, and upgrading to higher value-added stages in the global value chain of the textile and garment industry.

While these difficulties and challenges are still being addressed, the Industry 4.0, which merely started in about a decade, poses new development challenges for Vietnamese textile and garment enterprises. The achievements of Industry 4.0 have created a revolution in production of textile industry. These accomplishments change not only how to produce, but also how to satisfy various market sizes thanks to the application of new textile technology on the new internet platform.

Features and prospects for the development of the textile industry in Vietnam were previously studied by such scientists as O. Msami [7] (compared the development of the textile industry in Vietnam and Tanzania), Huong Thanh Vu and Lam Cat Pham [8] (considered the problem of international compet-

itiveness of Vietnamese textile enterprises), An Luon Nguen et al. [9] (analyzed working conditions at Vietnamese textile enterprises and their impact on the health of workers), Hai Hoang Van and Son Nguyen Truong [6] (examined the impact of logistics services on textile production efficiency), Thi-Nham Le and Chia-Nan Wang [10] (investigated the specifics of the formation of value added in the textile and light industry), R. Nayaka, M. Akbarib, SM Farc [5] (supplemented this analysis with a study of the specifics of the formation of value added in the fashion industry), Cai-Xia Chen, Ying Zhang, Yi-Xiong Yang [11] (studied the relationship of sellers and buyers in the markets of textile light industry).

The advantages that businesses of developed economies enjoy from early application of Industry 4.0 achievements and international economic integration have posed greater challenges for enterprises in developing economies, including Vietnam. While the role of textile and garment enterprises in industrialization and modernization is undeniable, promoting the development of these enterprises has become increasingly difficult.

1. Overview of Vietnamese textile and garment enterprises' development

In 2007, the textile industry was formed on the basis of 2,994 enterprises in Vietnam. This figure increased by 98.5% over the course of 5 years (2007-2011), and by 47.4% in the next 5-year peri-

od. From 2,994 enterprises (in 2007), the number of textile enterprises surpassed 10,000 enterprises in 2017 (Fig. 1), marking a huge development in size. Regarding distribution pattern, the majority of textile enterprises locate in the Red River Delta and South-eastern region, which enables these enterprises to execute R&D and cooperation to improve competitiveness.

From ownership perspective, the growth of domestic private enterprises is clearly seen (Tab. 1). The number of state-owned textile and garment enterprises has reduced rapidly since the reform, under the state-owned enterprise reform program with the focus of privatization.

The number of FDI enterprises in textile and garment sector significantly rose after reform, particularly after the development of export processing and industrial zones. The development of FDI enterprises has led Vietnam's textile and garment industry to integrate with the world. After Vietnam officially became a member of the WTO (2007), the number of FDI enterprises in textile industry reduced gradually. In 2007, FDI enterprises accounted for 17.88% of the total textile enterprises, and 18.6% of Vietnam's garment enterprises. Coupling with the reduction of FDI enterprises and the increase in domestic private enterprises, the proportion of FDI enterprises in textile industry constituted less than 1% of the total number of enterprises operating in both textile and garment

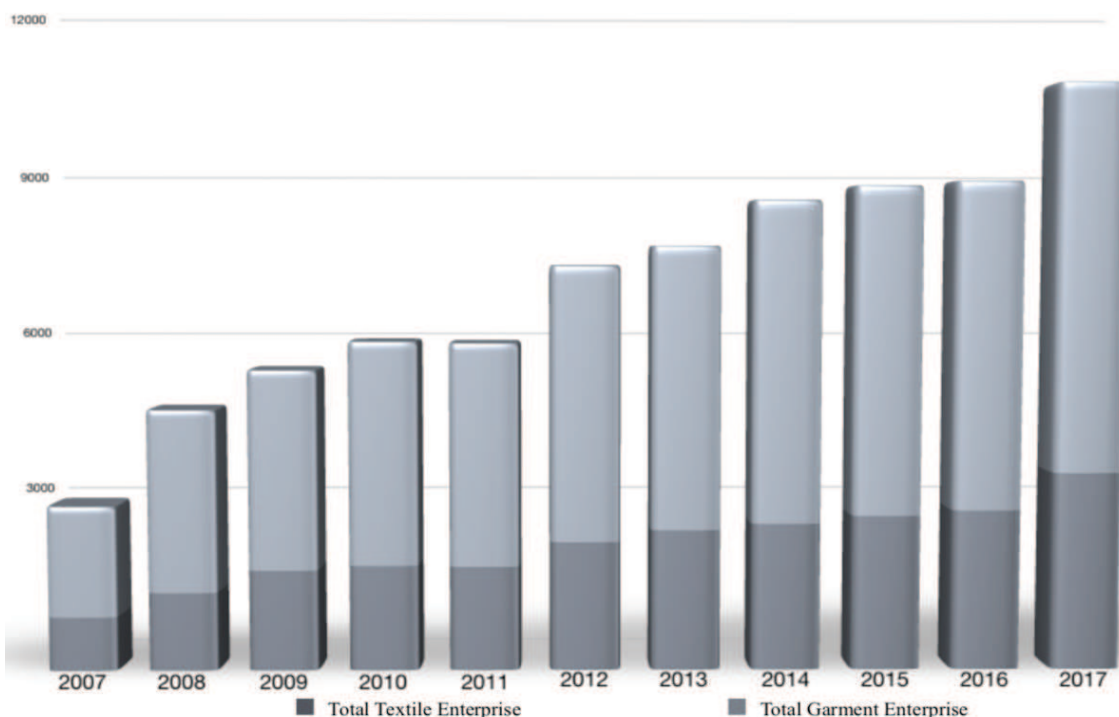

Fig. 1. Number of textile and garment enterprises in the 2007-2017 period

Source: General Statistics Office (2007-2018)

Table 1

Number of enterprises by scale and ownership

Year	Sector	Type of enterprise	SOE	Private	FDI
2007	Textile	Small	1	758	78
		Medium	6	73	79
		Large	13	41	41
		Total	20	872	198
	Garment	Small	3	1717	231
		Medium	6	145	158
		Large	3	28	41
		Total	12	1890	430
2017	Textile	Small	1	2257	4
		Medium	3	540	9
		Large	13	310	8
		Total	17	3107	21
	Garment	Small	1	4965	13
		Medium	9	895	19
		Large	11	396	9
		Total	21	6256	41

Source: compiled by the authors according to statistics of the GSO.

sectors. With the decline in FDI enterprises, at below 50 enterprises in each sector [textile and garment], it can be seen that the role of producing garment products to meet domestic and export demands is primarily assumed by domestic enterprises. Foreign enterprises in textile and garment sector have shifted from direct production to linking or service stage in the textile production chain.

In terms of labor and capital size, the majority of textile and garment enterprises are micro scale (employing fewer than 10 employees) and small scale. Vietnamese textile and garment industry is lacking medium and large-scale enterprises. This is a reason that hinders the connection between domestic enterprises — by main and supporting industries, and value chain development.

The average time required for the introduction of a new generation of technology for textile and garment industries is 10 years and 5 years respectively. This period for dyeing industry alone is longer, about 15 years. Under the impact of Industry 4.0, this period is remarkably shortened. The technology employed by textile and garment enterprises in Vietnam is mainly produced in the first decade of the 21st century. However, there are still some Vietnamese textile and garment enterprises that use technology produced from the 1980s or 1990s of the previous century. In other words, Vietnamese textile and garment enterprises lag behind from 1 to 3 generations of technology compared with foreign textile and garment enterprises. The level of

technology lag is larger in textile enterprises than that in garment enterprises. Specifically, the proportion of textile enterprises using outdated technology is greater than the figure for garment ones.

According to the results of a sample survey conducted by the GSO for the 2010-2015 period, the majority of Vietnamese textile and garment enterprises used technologies from a decade earlier. The number of Vietnamese enterprises using outdated technologies of 2 to 3 decades compared to the world technology level accounts for a small proportion. However, the proportion of garment enterprises using 2 decade outdated technology saw an increasing trend between 2010 and 2015 (Fig. 2).

The level of backwardness in technology level is greater in textile than in garment enterprises. Specifically, the proportion of textile enterprises using 1 to 3 generation outdated technology is larger than the figure for garment enterprises. However, by 2017, there has been a remarkable change in the technological status of textile and garment enterprises. The proportion of textile and garment enterprises using 2 to 3 generation outdated technology reduced significantly. The majority of enterprises used 1 decade outdated technology. A large proportion of enterprises have been using new technologies which have been produced since 2010. This fact reflects the efforts of Vietnamese textile and garment enterprises in narrowing the technology gap compared with the world textile and garment enterprises.

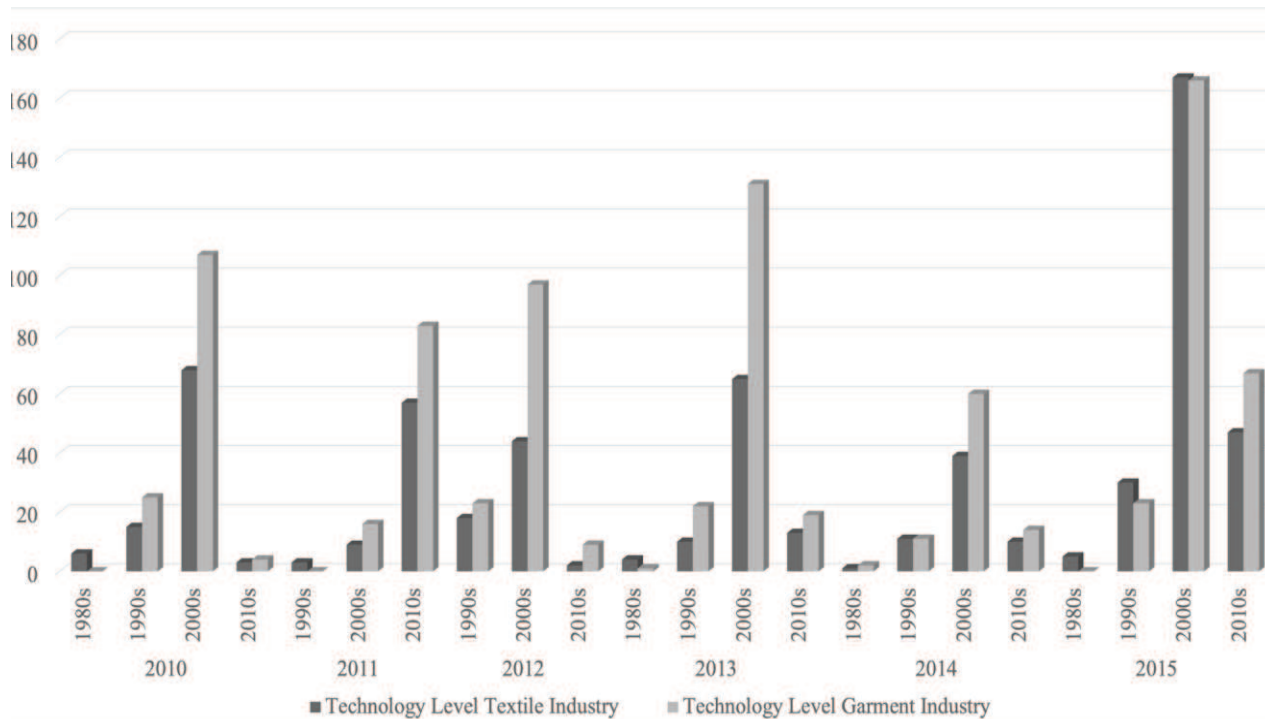

Fig. 2. Current status of technology level in textile and garment industries 2010-2015
Source: compiled from statistics of GSO

Up to 68% of textile enterprises and 54% of garment enterprises (in the survey) are using technology produced in the first decade of the 21st century (Fig. 3). Meanwhile, the number of enterprises using technology produced from 2011 onwards accounts for 30% and 45% of enterprises in textile and garment sectors respectively. One of the reasons for this phenomenon is due to the pressure of participating in the global value chains which forces Vietnamese textile and garment enterprises to innovate machinery and equipment to the level used by other enterprises in the chains.

Nonetheless, there are still problems with the technology used by Vietnamese textile and garment enter-

prises. Although these enterprises have applied technologies produced recently, the level of automaton in these technologies is not high. In the enterprise survey data of 2017, the most important devices which affect the competitiveness of enterprises are mainly manually operated electric machines. The number of enterprises using machines that are automatically controlled by computers remains relatively small.

The calculation results show that about 81% of textile enterprises and 91.1% of garment enterprises at the time of the survey (2017) used labor-controlled technologies (Fig. 4). The number of enterprises using computer-controlled machines was significantly low.

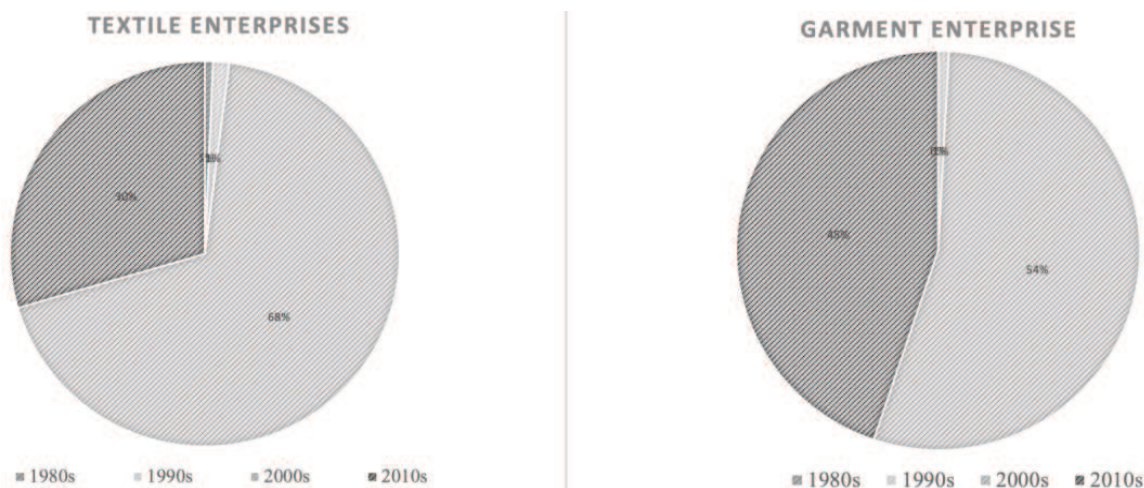

Fig. 3. Technology level of textile and garment enterprises in 2017
Source: authors' calculation from Enterprise Survey [4]

Less than 1% of textile and garment enterprises applied manufacturing technologies controlled by computers.

A large number of textile enterprises (14.3%) and garment enterprises (6.7%) applied electric hand tools.

Although these enterprises have paid more attention to important production technologies that decide their competitiveness, their investment in telecommunication and IT and communication technology remains relatively low. In 2017, only 38.9% of textile enterprises and 37% of garment enterprises used computers with internet access; meanwhile 30.8% of textile enterprises and 37% of garment enterprises have computer without internet access. The remaining enterprises used traditional telecommunications equipment to connect with the rest of the world including land-line telephones and mobile phones...

2. The 4.0 Industrial Revolution with opportunities and challenges

for Vietnamese textile and garment enterprises

The nature of Industry 4.0 is the application of digital and artificial intelligence to optimize production processes and methods. Platform technologies including large databases, cloud computing, internet of

thing, 3D printing, biotechnology, new material technology, robot, etc. have contributed to changing the production mode of the world. For the development of textile and garment enterprises as well as the textile and garment industry in Vietnam, Industry 4.0 has posed the following opportunities and challenges.

2.1. Switching production to flexible, streamlined and independent process

3D printing, robot, and internet of thing (IoT) applications in the textile and garment industry allow the production of physical products (from raw materials to finished products) to change from many stages in the manufacturing chain with the participation of many businesses to one stage by one business. Combining IoT with digital technology helps textile and garment enterprises 4.0 remaining mass productions and tailored made services at the same time

These above changes bring development opportunities for textile and garment enterprises independently without efforts to participate in global supplying chains. Instead of reducing more cost for greater value added, these enterprises can serve their customers' need by customization so that these differentiations generate more profit and value added.

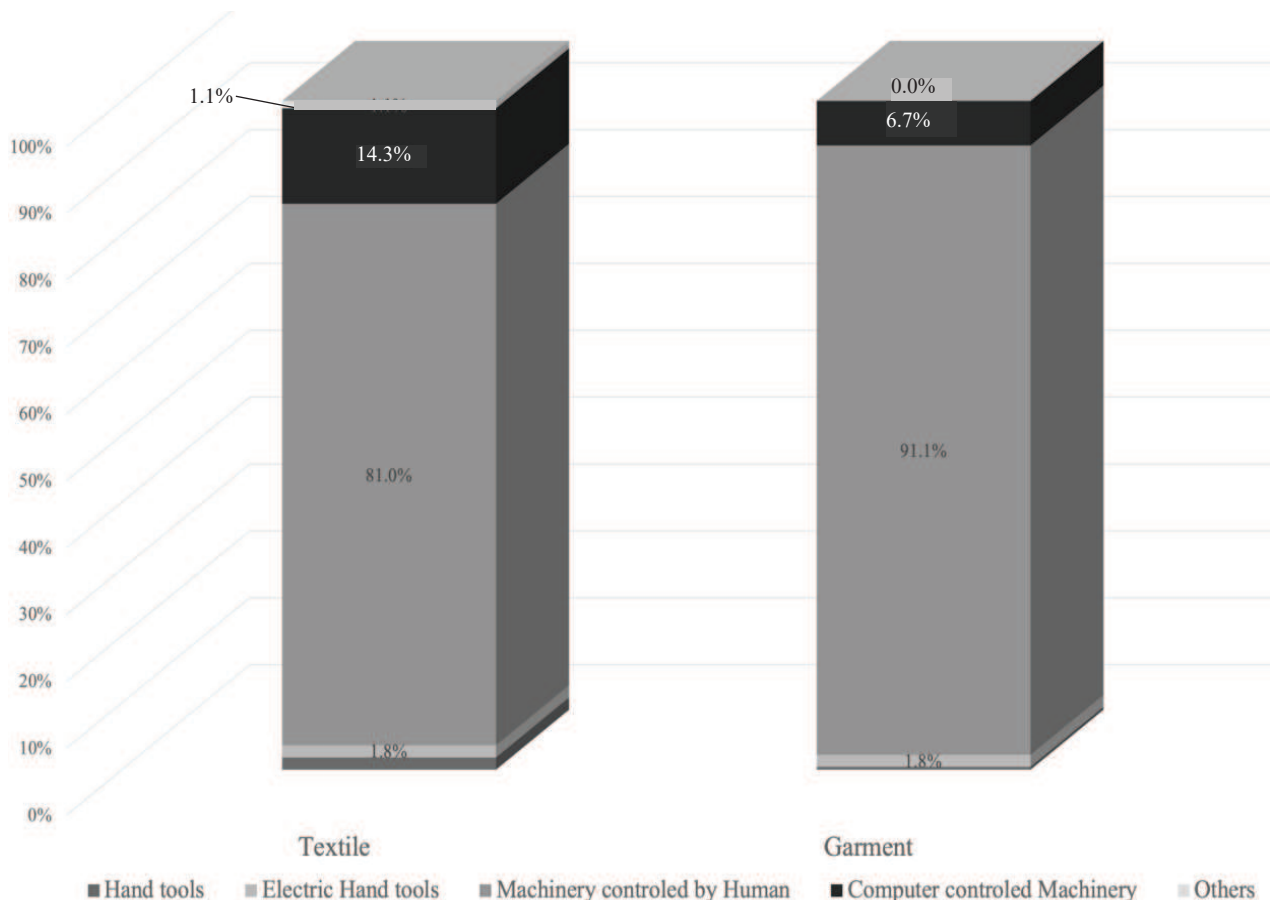

Fig. 4. The automation level of technologies in textile and garment enterprises
Source: compiled by the authors from Enterprise Survey 2017

In other words, now under the influence of the industrial revolution 4.0 economies of scope have taken the place of economies of scale to be a decisive role in the competitiveness of enterprises.

With the support of big data and artificial intelligence, enterprises can easily detect and/or predict problems in manufacturing process if any to have prompt solutions so that they can ensure their production effectiveness.

However, besides opportunities, Vietnam textile and garment enterprises have to overcome many challenges to develop. The first one is their capabilities for local technology improvement, capital mobilization and expenses for R&D activities.

Before the Industrial Revolution 4.0, weaving industry has changed almost every 5 years and it took average 10 years and 15 years to change technology for the textile industry and dyeing industry respectively. However, the integration of high technology like robot, internet of thing (IoT) in weaving and textile industries help shorten the time period for changing technology generation.

Before the Industrial Revolution 4.0, it took an average of 5 years, 10 years and 15 years to change technology generation for the weaving industry, textile industry, and dyeing industry respectively. However, these mentioned times have reduced thanks to the integration of high technology like robots, the internet of thing (IoT) in weaving and textile industries.

Investment in new technology requires huge volumes of capital but the majority of Vietnam textile and garment enterprises are small and micro-enterprises. Thus, ensuring and mobilizing enough capital for technology improvement as well as building up capabilities to master new technology can be seen as their first challenges. Technology improvement cost very high except for those who can develop the technology themselves.

UNDP & MOIT's report [2] shows many challenges for development investment when there are only 16% of enterprises in the garment industry have been preparing to develop smart factory based on equipment to equipment connected foundation, and this number is 24% in the textile industry. Around 7% of enterprises face infrastructure problems when implementing their smart factories development target, besides around 62% of textile enterprises and 50% of garment enterprises cannot upgrade their devices to accomplish the goals of equipment to equipment connected or equipment to IT system.

The controls of operation based on information technology (smart-operation) in textile and garment

enterprises are still low. 67% of textile enterprises and 73% of garment enterprises can neither control their equipment by information technology nor connecting equipment using other technology.

The second challenge is developing high-quality human resources. In the past, production activities of enterprises based on cheap and lower secondary graduates; meanwhile today, the integration of robotic technology and automation requires fewer labors with the ability to operate the robots-system.

According to Jae-Hee Chang, Gary Rynhart and Phu Huynh [1], approximately 86% of workers in the Vietnamese textile and footwear industry are at high risk of losing their jobs due to production technology changes. If calculated in absolute number, that would be big. About 2.3 million workers (of which female workers account for 78%) are working in the textile and clothing sector. More importantly, the majority are low-skilled (17% have only primary-level schooling) and a proportion of 35.84% aged 36 and older. This weak group having no capability to absorb new technology knowledge, or if any, will create training costs burdens for textile and garment enterprises.

Although enterprises could recognize their problems and have specific activities in training their human resource, their efforts are still small, and cannot be implemented effectively because this problem is of public professional training services also.

UNDP & MOIT report [2] shows that 81% and 87% of garment and textile enterprises respectively have training activities to equip workers with knowledge and techniques to be ready to apply new technologies - Information Revolution 4.0 products. However, the majority of surveyed enterprises still self-assess that their abilities are not good enough to be able to master information technology 4.0, including collaboration software skills; security techniques and data analysis techniques; supportive system building skills; system knowledge.

2.2. Changing customer service approach towards customization and online

Capturing customers' demand to meet their differentiated need faster. On the foundation of the IoT, digital technology, big data, activities related to customers interests and demands survey, and product distributions also vary. IoT and digital technology applications change the whole process of market access as well as customer contacting and assessment, reducing product distribution time to market. Big data and cloud computing are the basis for enterprises to capture their customers' needs and interests, as

well as personal customer information (in privacy blinding guarantees) to be able to serve better.

Opportunities to save distribution and storage cost. Enterprises can save many costs by not using traditional stores. Instead, numbers of online virtual stores will increase more and more, allowing enterprises contact their customers easily and conveniently.

Shortening the time to market of finished products to end-used consumers. Traditional distribution systems (stores, sales agents) can be replaced more effectively by virtual online ones. Finished products can be delivered directly from the factory to the end-consumers through express courier systems, instead of through one distribution system as now. Role of businesses such as Amazon, Yamato Transport will become more important to the textile enterprises development. By shortening product consumption time, enterprises can revolve their capital quicker, improving their financial capacity and business efficiency.

Serving niche market. Recent pilots in Vietnam show that the price of garment products based on technology 4.0 is about 15-20% higher than that of traditional produced ones. With the support of new technology, garment products have become customized to be suitable for individuals instead of a common size (size M, size S, size L) as before. Despite higher costs, consumers, especially middle-class and above, are willing to pay. Obviously, technology applications 4.0 create the supper-earning-profit opportunity for businesses by differentiating product for each customer.

Despite these opportunities, enterprises of developing economies like Vietnam in the 4.0 era also face development challenges.

The biggest challenge is participating in either new generation global value chains or producing independently. The global textile and garment value chains surely work but will be adjusted more streamlined to eliminate any worthless stage due to technological progress. The role of traditional raw material sources such as cotton, yarn, and competitive advantage of low labor cost has decreased with the application of new materials and robots technology in production. Many “stage” like weaving, sewing can easily be replaced by industrial robots to create quality products at low cost. In this context, shifting manufacturing (textile, garment) enterprises back to developed economies instead of locating in developing economies like now is more and more feasible. Therefore, textile enterprises in developing econo-

mies including Vietnam face the challenge of either innovating in order not to be excluded from global value chains, due to the MNCs’ business strategy adjustments, or adjusting their strategies for independent development themselves.

The challenge of capacity development for connection. The proportion of textile and garment enterprises with the capacity for internet connection is low. This big challenge is when applications of the internet are more and more popular over the world in not only controlling production and logistics processes but also communicating with customers to improve service quality and doing e-commerce.

3. Some policy suggestions

To improve the capacities of competitiveness for textile and garment enterprises in the context of Information Revolution 4.0 supports from Government are needed to implement:

Firstly, developing infrastructure, especially information technology infrastructure, developing e-commerce, creating conditions for enterprises to access and apply the achievements of Information Revolution 4.0.

For textile and garment enterprises to develop and apply technologies of 4.0 to improve labor productivity, infrastructural such as information technology, electricity, and water are very important.

The development of telecommunications infrastructure is a platform for textile and garment enterprises to access and apply technologies 4.0. Especially in the trend of more enterprises applying cloud computing technology in their services and transactions, the significance of transmission over the internet is greater.

Despite many brilliant achievements after 20 years of Internet in Vietnam, now, the digital content industry is stalled. The market share falls into foreign companies’ hands with 95% of social media market shares belonging to Facebook and YouTube while Google holds 98% of search engine market share. In term of e-mail, 98% of the market share covered by Gmail and Yahoo and 80% of e-commerce market share is from foreign enterprises.

Therefore, in the coming time, it is necessary to have policies for Vietnam’s industry of internet, digital content and mobile applications to develop including:

— Building a fair, competitive mechanism between local and foreign enterprises to create a market with many service providers co-existing.

— Simplifying licensing and management procedures for businesses to innovate freely for the development of modern applications.

The supply of electricity and water for production needs to be enough stable and regular because power outages and dehydration can negatively affect enterprises' production process, delaying the completion of customers' orders and violating delivery time of the contracts. The more high-tech enterprises apply, the more losses they will get if their machines stop (stagnation arising in both production system and business activities).

There are numbers of textile and garment enterprises subscribing to online marketplaces on a global scale of Amazon and Alibaba... For example, May 10 Joint Stock Company has organized sales activities in Amazon's marketplace since 2017 their products have been delivered directly to US customers without any import distributors, unlike the way this company has been doing for years.. However, this number of enterprises is limited, and local online shopping websites are still few and can't compete with foreign competitors.

The Government should have policies to support the development of E-commerce Exchange with a capacity of quality guaranty for both sellers and buyers for local and international enterprises operating in Vietnam territory, similar to Alibaba which can support Chinese businesses a lot to reach customers and partners worldwide.

Secondly, training high quality human resources. Currently, Vietnam still lacks human resources of high quality and quantity for the Information Revolution 4.0. Vietnam is classified in a country group not ready for the Industrial Revolution 4.0. Of which, it ranked 70/100 on human resources index, 81/100 on high professional labor index, and ranked 75/100 on university quality [3].

For the advantages of technology applications 4.0, it is necessary to have enough quality labor source for textile enterprises in the fields which can apply technology 4.0 machine lines. Managers and technical workers are required at the educational level of university and college respectively,

with the necessary implementation skills. Besides, labors working directly at production plants need to be retrained to obtain the technical knowledge of operating robots and highly automatic machine lines.

Some solutions to improve the quality of human resources for the textile and garment industry are as follows: Change the model/method and training programs to be suitable with the requirements of Information Revolution 4.0

- Retrain and additional train for low-qualified workers with priority for knowledge and skills related to information technology, automatization applications, management and information analysis.

- Train human resources with fashion, foreign languages and informatics knowledge to be able to update world fashion trends

- Coordinate between universities and textile and garment associations by organizing workshops and training programs regularly to help gradually changing ways of thinking for labors and make them accessible and enable to operate modern equipment with new software installations

Thirdly, support textile and garment enterprises to innovate technology. For competitiveness improvement in the context of Information Revolution 4.0 as well as the upgrade in the global textile value chain, textile and garment enterprises are forced to innovate technology. However, most of them are small enterprises with the low-capital source they need Government supporting schemes to innovate technology. Government should support: issue a preferential tax policy for the import of high-tech machinery for the production. Implement synchronously solutions to handle difficulties and create conditions for enterprises to access capital from banks effectively, promote large enterprises to take the lead in investment, in capturing and developing technology to improve global competitiveness and export capacity, enhance the connection between scientists and businesses to commercialize scientific products.

References

1. Jae-Hee Chang, Gary Rynhart and Phu Huynh (2016). ASEAN in transformation: How Technology is Changing Jobs and Enterprises. *ASEAN*, 978-92-2-131142-3.
2. UNDP&MOIT (2019). *Industry 4.0 Readiness of Industry Enterprises in Viet Nam*. Ha Noi.
3. *World Economic Forum (2018). Readiness for the future of production Report*. 2018.
4. General Statistics Office of Vietnam (2010). *Enterprise surveys from 2007 to 2018*.

5. Nayaka R., Akbarib M., Farc S.M. Recent sustainable trends in Vietnam's fashion supply chain. *Journal of Cleaner Production*, 2019, vol. 225, 10 July, pp. 291-303
6. Van Hai Hoang and Truong Son Nguyen The effect of logistics service on firm financial performance in textile industry: evidence from Da Nang city, Vietnam. *MATEC Web Conf.*, 2019, 259, 04002.
7. Msami J. The Textile Industry in Vietnam and Tanzania. *Asian Tigers, African Lions: Comparing the Development Performance of Southeast Asia and Africa* (ed. by: Berendsen B., Dietz T., Nordholt H.S., VanDerVeen R). Book Series: African Dynamics, 2013, vol. 12, pp. 391-416.
8. Vu H.T., Pham L.C A .dynamic approach to assess international competitiveness of Vietnam's garment and textile industry. *SpringerPlus*, 2016, vol. 5, art. no. 203.
9. Nguyen, An Luong [et al.]. Noise Levels and Hearing Ability in a Textile Factory in Vietnam. *Industrial Health*, 1998, no. 36, pp. 61-65.
10. Le T, Wang C. The Integrated Approach for Sustainable Performance Evaluation in Value Chain of Vietnam Textile and Apparel Industry. *Sustainability.*, 2017, no. 9 (3).
11. Chen C.X., Zhang Y., Yang Y.X. Exploring the Buyer-supplier Relationships in the Textile and Apparel Industry. *Textile Bioengineering and Informatics Symposium Proceedings (TBIS 2017, Wuhan Text Univ, Wuhan, PEOPLES R CHINA)*, 2017, vol. 2, pp. 559-566.

Information about the authors

Nguyen Chien Thang — Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences. nethang69@yahoo.com

Tran Thi Van Anh — Vietnam Institute of Economics, Vietnam Academy of Social Sciences. tv.anh87@yahoo.com.vn

Ekaterina Nikolaeva — Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЛОГИСТИКИ ТОВАРОВ: КЕЙС ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Е. М. Земцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Важно подчеркнуть, что логистика как составляющая менеджмента — это процесс планирования, организации, контроля и управления сквозными материальными (товары), нематериальными (услуги), информационными и финансовыми прямыми и обратными потоками на всех звеньях цепей поставок. Основной задачей логистики является организация движения и взаимодействия потоков ресурсов и товаров. В статье исследованы роль и место склада в деятельности предприятия, проанализированы негативные симптомы, связанные с движением товарных потоков на конкретном предприятии, рассмотрены особенности управления товародвижением на складе предприятия, предложены и обоснованы мероприятия по улучшению качества функционирования склада торгового предприятия.

Ключевые слова: логистика складирования, склад, движение товарных потоков, функционирование склада предприятия.

На сегодняшний день складская логистика является активно растущей структурой предприятия, которая напрямую связана с его эффективной деятельностью. Множество специалистов в области логистики посвящают свои работы различным аспектам организации товародвижения на складе предприятия [1; 3; 5—8], но основная часть этих исследований не рассматривает процесс управления товародвижением как часть логистической системы предприятия. Склад следует воспринимать как неотъемлемую составляющую логистической цепи, а не изолированный объект. В свою очередь склад принято считать открытой системой, так как он взаимодействует не только с внутренней, но и с внешней средой предприятия. Цель данного исследования: разработка мероприятий по совершенствованию организации логистики товаров на складе торгового предприятия.

Общепринятая классификация складов систематизирует склады по основным девяти признакам, которые представлены в таблице на с. 196 [5].

Более подробная классификация разделяет все склады на пять классов [6].

Класс А+ — современное одноэтажное здание для хранения из качественного материала. Высокие потолки, не менее 14 м, с целью использования высокометражных стеллажных конструкций. Склады данного класса должны иметь систему пожарной сигнализации и автоматическое пожаротушение. Наличие вспомогательных помещений для удобств персонала. Наличие собственной электроподстанции и теплового узла. Наличие

большой прилегающей территории склада, а также железнодорожная ветка и др.

Класс А — постройка здания выполнена из легких металлоконструкций. Высокие потолки, не менее 11 м, позволяющие установку многоуровневого стеллажного оборудования. Склады должны иметь систему пожарной сигнализации и автоматическое пожаротушение. Наличие собственной электроподстанции и теплового узла. Бытовые помещения. Большая прилегающая территория склада, а также железнодорожная ветка и др.

Класс В+ — одноэтажное здание прямоугольной формы, новой постройки или реконструированное. Высота потолков от 9 м. Склады должны иметь систему пожарной сигнализации и автоматическое пожаротушение. Внедрение системы охранной сигнализации и видеонаблюдения. Месторасположение вблизи центральных магистралей. Наличие железнодорожных путей.

Класс В — одноэтажное или двухэтажное здание, новое или после реконструкции. Высота потолков от 7 м. Система отопления. Предусмотренная охрана по периметру территории. Наличие вспомогательных помещений. Собственные электроподстанция и тепловой узел. Наличие железнодорожной ветки.

Класс С — капитальное производственное помещение или утепленный ангар. Высота потолков от 3 м. Наличие прилегающей территории. Железнодорожные пути. Пожарная сигнализация и автоматическое пожаротушение. Охрана по периметру территории [2; 3].

Классификация складов в логистике

№ п/п	Признак	Классификация
1	Базисные функциональные области логистики	Логистика снабжения Логистика производства Логистика распределения
2	Виды продукции	Сырье Материалы Незавершенное производство Готовая продукция Тара Остатки и отходы Инструменты
3	Форма собственности	Собственные фирмы Логистические посредники Арендные Государственные или муниципальные предприятия
4	Функциональное (распределительное) назначение	Подсортировочные Распределительные Сезонного или длительного хранения Транзитно-перевалочные (грузовые терминалы) Для снабжения производственных процессов Таможенные
5	Участники логистической системы (фирмы)	Производители Торговые компании Торгово-посреднические компании Транспортные компании Экспедиторские компании Логистические посредники
6	Товарная специализация	Специализированные Неспециализированные: — универсальные; — смешанные
7	Техническая оснащенность	Частично механизированные Механизированные Автоматизированные Автоматические
8	Вид складских зданий, сооружений: — техническое устройство; — этажность здания	Открытые площадки Площадки под навесом Полузакрытые площадки Закрытые сооружения Многоэтажные Одноэтажные высотой до 6 м Высотные под одной крышей Высотностеллажные более 10 м С перепадом высот
9	Наличие внешних транспортных связей	С причалами и рельсовыми подъездными путями С рельсовыми подъездными путями С автодорожным подъездом

На рис. 1 показано соотношение между складами разного класса в России за 2018 год.

Большинство складов в России относятся к классу С и D, склады класса D находятся в подвальных помещениях.

По нашему мнению, окончательное решение предприятия об использовании склада (собственно-го или на аутсорсинге) и, соответственно, о созда-

нии дополнительного звена в логистической инфраструктуре (логистической цепочке) в современных условиях зависит от принятой фирмой стратегии логистического менеджмента. Важно также при разработке стратегии учитывать всю деятельность предприятия, чтобы не было противоречий [1; 8].

Прежде всего отметим, что необходимо выбрать оптимальный склад (форма собственности), далее

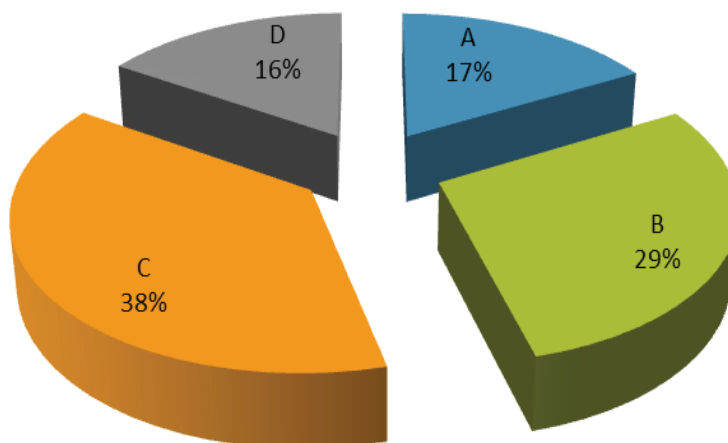

Рис. 1. Соотношения складов классов A, B, C, D в России в 2018 г.

разработать проект склада (проект складского помещения, расположение стеллажных конструкций), на завершающем этапе провести описание процессов на складе.

Эффективное функционирование склада будет проявляться, если месторасположение удовлетворит как поставщиков, так и клиентов. Отлаженный процесс приемки и сборки товара будет сказываться на времени обслуживания клиентов и контрагентов, то есть будет сокращаться время на операцию.

Рациональное расположение товара на складе в первую очередь положительно скажется на времени сборки заказа. Для склада с большим количеством товара разных наименований удобно вводить адреса нахождения каждой позиции. Тогда при сборке заказа работнику будет легко найти необходимый продукт, что значительно сократит время сборки. Считаем, что для удобства можно вводить свои штрихкоды, электронные метки, с помощью специализированного оборудования сканировать и видеть на экране адрес интересующего продукта. Или в обратном порядке — узнать полное количество интересующего продукта, сканировать штрихкод и увидеть отобразившуюся информацию на экране. Но есть ограничения в таких удобствах, как высокая стоимость оборудования. Перед тем как вкладывать средства в информационное оборудование, управление компании должно проанализировать потребность в этом и рассчитать расходы, а также долю долгосрочной стратегической выгоды от конкретных результатов внедрения той или иной информационной системы [11; 12].

Рассмотрим предложенную методику, разработанную для конкретного предприятия.

Компания «Спортал» была основана в 1999 г. Основное направление деятельности — оптовая и розничная торговля спортивными товарами.

Компания является официальным дилером завода по производству велосипедов FORWARD, а также представителем многих известных торговых марок товаров для фитнеса, туризма и активного отдыха. Всегда в наличии большой выбор велосипедов, тренажеров, роликов и коньков, лыж и санок, других спортивных товаров.

«Спортал» является производителем тренажеров и инвентаря для фитнеса под торговой маркой TotalFitPRO [10].

Данная компания занимается как розничной торговлей, так и оптовой. Розничные магазины есть в городах Копейск и Челябинск. Отдел оптовой продажи находится в Челябинске.

На данный момент имеющийся склад в распоряжении компании находится в аренде. Местоположение — на севере Челябинска. У компании два складских помещения в аренде, общей площадью 750 м². Склады расположены на охраняемой территории. Работает пропускная система на выезде. Наблюдения показали, что по своим характеристикам склад больше относится к классу С. Высота потолков от 4 до 6 м, бетонный пол, наличие охраны территории, отсутствие собственной электроподстанции, есть прилегающая территория.

В одном складе на хранении — велосипеды, тренажеры, то есть крупногабаритный товар, во втором — спортивный инвентарь.

Поступление товара на склад происходит в несколько этапов. Доставка от поставщика ожидается к конкретному времени. По возможности заранее подготавливается место для получаемого товара. Чаще всего полученный товар разгружается на близлежащей территории склада. По мере освобождения места товар вносится на склад в соответствии с наименованиями во входящей накладной с одновременным сопоставлением количества.

После полного размещения на складе проверенную накладную от поставщика передают в отдел снабжения. Там уже полученный товар вносится в общую информационную базу. Поступление и отпуск товара производится в одну и ту же входную группу.

Размещение товара внутри склада обходится без стеллажных конструкций, что является большим минусом в оборудовании склада у представленной компании. Такой момент затрудняет оперативный сбор заказа, так как чтобы найти необходимый продукт, нужно перемещать коробки. Не предусмотрено использование средств передвижения товара внутри склада.

Также помещение не имеет дополнительных помещений для удобств персонала склада. Весь товар перемещается по складу вручную, нет возможности внедрить оборудование для перемещения, например электрический погрузчик.

Чтобы проверить, какое количество конкретного наименования товара находится на складе, работник склада может обратиться к менеджеру по продажам. Менеджер, в свою очередь, находит интересующую позицию в базе информационной системы.

Сбор заказа производится следующим образом. Поступает накладная на сборку товара для клиента. В накладной прописан артикул товарной единицы, на коробках указан этот артикул, таким образом идет поиск товара на складе. Может приобретаться как уже фасованная коробка с определенным количеством продукта, так и в необходимом количестве товара для клиента.

На рис. 2 изображена схема расположения складских помещений компании.

Недостатком такого расположения складов является то, что клиенту приходится переезжать на транспорте от одного склада к другому, а если не додали какой-то товар, — перегонять транспорт обратно. Клиенты недовольны. Также недовольство клиентов вызывает то, что транспорт не может заехать на склад; при погрузке транспортного

средства при плохих погодных условиях возможна порча материальных ценностей.

В штате — четыре грузчика, два человека на складе спортивного инвентаря и два человека на складе велосипедов и тренажеров. Также при необходимости прибегают к помощи грузчиков, например для разгрузки поступившего товара. Еще есть сборщики, которые собирают велосипеды и тренажеры в выставочный зал у менеджеров по продажам и для розничных магазинов.

В обязанности кладовщика входит [14]:

- приемка товара, хранение и отпуск материальных ценностей;
- проверка соответствия при приемке по сопроводительным документам;
- организация хранения материальных ценностей во избежание порчи имущества;
- руководство подчиненными;
- ответственность за наличие товара на складе;
- организация уборки помещения;
- выполнение заданий высшего руководства.

От кладовщика зависит вся организация процессов на складе и их выполнение.

Считаем, что необходимо проанализировать рынок складского оборудования, подходящего складу представленной компании [4], рассчитать количество необходимых стеллажей для размещения всего товара, имеющегося у нее на хранении.

В процессе работы нами было принято решение предложить компании оборудовать склад стеллажными конструкциями.

Площадь склада со спортивным инвентарем — 250 м²; длина — 25 м, ширина — 10 м, высота — 4 м.

Расчет коэффициента использования складской площади ($K_s = 0,6$) показал, что она используется неэффективно.

Рекомендуется размещать стеллажи на расстоянии 50 см от стен. Таким образом, свободная площадь для установки стеллажей составляет 216 м². Габариты стеллажей имеют такие показатели: длина — 1,8 м; ширина — 0,6 м; высота — 3 м [13].

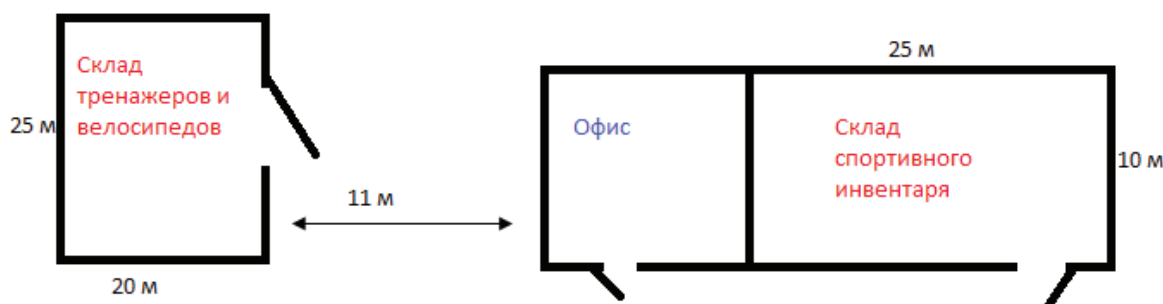

Рис. 2. Схема расположения складов

Стоимость одного стеллажа — 8300 р. За все приобретенные стеллажи компании потребуется заплатить 415 000 р.

Для оперативного сбора товара предлагаем приобрести складские тележки; таким образом, на сбор товара понадобится меньше времени. На склад достаточно приобрести две тележки, так как там работают два человека одновременно, для каждого персональное оборудование по перемещению товара по складу [9]. На приобретение двух таких тележек компания потратит 18 840 р.

Также для удобства сборки товара с верхних полок рекомендуем приобрести стремянки; поскольку на складе работают два человека, двух стремянок будет достаточно. Понадобится 10 620 р. на приобретение вспомогательного оборудования.

Склад с велосипедами и тренажерами имеет размеры: длина — 25 м; ширина — 20 м; высота — 6 м. Площадь составляет 500 м².

На данном складе рекомендуется расположить мезонинные стеллажи. Предполагается, что за счет их установки будет двухъярусное хранение.

Для удобства перемещения крупных коробок необходимо учесть ширину лестницы, рекомендуем размер 1,5 м. В полочных стеллажах на данном складе необходимости нет, так как удобно хранить товар в коробках одна на другой. Только важно учитывать этажность; например, велосипедные коробки, для сохранности рекомендуется располагать ребром, но чтобы этажность не превышала шесть коробок. Предполагается установка мезонинных стеллажей для приобретения двух этажей хранения товара. Также, чтобы достать товар сверху, рекомендуем приобрести стремянки; на складе работают двое, и двух стремянок на уровень будет достаточно. Понадобится 21 240 р. на приобретение вспомогательного оборудования.

Рекомендуем установить три лестницы между уровнями стеллажей — по краям и посередине. За счет такой планировки сократится время перемещения товара к зоне выдачи. На втором уровне площадь, которую можно использовать для хранения, составляет 185 м². На первом чуть больше — за счет того, что некоторые товары можно хранить под лестницей.

Достоинством таких стеллажей является то, что используется две-три площади имеющегося склада. Создается этажность.

Но следует обратить внимание на то, что, если компания решит увеличить ассортимент в будущем, стоит приобретать стеллажные конструкции с запасом, а не только под имеющийся товар.

Что касается освещения, необходимо установить новые лампы. Для комфорта и лучшего освещения

следует перекрасить потолок в более светлый оттенок, желательно белый. Таким образом свет будет расходоваться на большую площадь и в помещении станет намного светлее. Осветительные приборы следует устанавливать между стеллажами, то есть в проходах. Так товар будет освещаться с необходимого ракурса.

В ходе работы было решено предложить компании установить на склад новые осветительные приборы. Лучше сделать выбор в пользу светодиодных светильников, поскольку они имеют ряд достоинств. Например, их срок службы выше, чем у других ламп; данный положительный эффект важен для компании, так как замена ламп будет происходить реже. Также немаловажен такой момент, как воздействие на здоровье человека, эти лампы не наносят вреда зрению, что является безусловным достоинством. В отношении экологии такие лампы также имеют положительное качество — не содержат ртути. Наряду с плюсами имеется недостаток — высокая стоимость таких ламп. Но плюсы преобладают, и большинство отдает предпочтение им [14].

На площади склада спортивного инвентаря предлагаем расположить светодиодные светильники Varton [15]. Достоинством такого светильника, безусловно, является то, что в нем есть встроенный датчик движения, за счет чего сокращается потребление электричества и экономятся средства на оплату.

Предлагаем располагать один светильник на 5,4 м², то есть на два стеллажа длиной по 1,8 м — один световой прибор. Понадобится 20 таких светильников.

Между рядами, где располагаются товары групп В и С, на площади 28,4 м² расположим четыре световых прибора.

В свободной зоне и зоне выдачи товара расположим еще пять светильников. Всего для оснащения площади склада светом понадобится 29 светильников. Общая стоимость составит 78 068 р.

На площади склада с велосипедами и тренажерами предлагаем расположить светодиодные светильники Varton на потолке для освещения второго уровня предложенных стеллажей [14]. Достоинство — встроенный датчик движения, экономия средств. На нижнем уровне также предлагаем сделать выбор в пользу светодиодных светильников Varton с датчиками движения.

На складе велосипедов и тренажеров предлагаем установить 10 светильников на втором уровне стеллажей и 14 на первом, общая стоимость — 73 530 р.

У данной компании товар на складе размещается с учетом сезона. В весенне-летний период ближе к зоне отгрузки работники склада располагают такие товары, как все разновидности мячей, товары

для фитнеса, запчасти для велосипедов, самокаты. Во втором складе, где находятся тренажеры и велосипеды, в этот период велосипеды располагают ближе к выходу, так как спрос выше.

В осенне-зимний период, наоборот, для быстрой сборки ближе к зоне отгрузки размещают такой товар, как лыжи, лыжные палки, санки и снегокаты, коньки. Соответственно, на первый план идут тренажеры, а не велосипеды.

На основании проведенного нами анализа и разработанных рекомендаций считаем, что предложенное расположение товара на складе упростит работу кладовщика.

На момент исследования на складе отсутствовали стеллажи, кладовщик при расположении товара сталкивался с трудностями. С установкой стеллажей склад приобретет ряд положительных показателей. Например, товар, который не пользуется спросом в текущем периоде, можно убирать на самые верхние полки, таким образом, он не будет мешать работникам склада при сборке заказа. Но не стоит забывать и о безопасности для человеческой жизни при размещении продукции. Порядок в хранении продукции облегчит процесс инвентаризации. С установкой стеллажей рекомендуется присвоить адреса каждому ряду и полке и, соответственно, присваивать адрес каждому поступившему продукту. Но метод адресного хранения предусматривает, что товар, располагаемый на полках стеллажей, в зоне приемки проверяется на качество и количество, только после размещается в предназначенном для него месте. Таким образом, поиск необходимо товара ускорится.

При размещении товаров следует учитывать, каким спросом пользуется данный товар чаще — в штучном количестве или фасованными коробками.

По совершенствованию организации хранения товара на складе нами было предложено несколько вариантов мероприятий.

В первую очередь — приобрести стеллажи для удобного хранения товара, что позволит ускорить сборку товара. Разработаны схемы расположения стеллажей и их виды для каждого склада.

Далее предложение по приобретению вспомогательного оборудования на склад в виде тележек

и стремянок. Также замена старого освещения на новое, современное и с экономией электропотребления.

Каждое предложение подбиралось индивидуально для каждого склада под его параметры.

Реализация всех наших предложений обойдется компании в 617 298 р.

От внедрения предложенных мероприятий компания получит положительный эффект, выраженный во времени сборки товара. Если хранение товара находится без помощи стеллажей, то время поиска и перемещение одной позиции товара в накладной до зоны выдачи занимало порядка 5—7 мин. После приобретения стеллажей, если в накладной будет прописан адрес хранения необходимого товара, время составит 2,5 мин за счет того, что не придется перемещать коробки, чтобы достать необходимую позицию.

Положительный эффект достигается во времени сборки заказа. Обычно в накладной не менее 30 позиций товара. Если до предложенных мероприятий двум кладовщикам на сборку заказа требовалось примерно 1 ч 45 мин, то после их внедрения оно сократится до 1 ч 10 мин на обслуживание этого же заказа.

В свою очередь КРІ (ключевые показатели эффективности) от предложенных мероприятий будут заключаться и в качестве выполнения работы кладовщиком.

Таким образом, для максимально продуктивной и эффективной работы склада и предприятия в целом, необходимо рассматривать склад, как часть логистической системы предприятия, как интегрированную составную часть логистической цепи. Только такой подход позволит обеспечить успешное выполнение основных функций склада и достижение высокого уровня рентабельности. При этом необходимо иметь в виду, что в каждом отдельно взятом случае, для конкретного склада, параметры складской системы значительно различаются, так же как ее элементы и сама структура, основанная на взаимосвязи этих элементов. При организации логистики товара на складе необходимо руководствоваться следующим основным принципом: лишь индивидуальное решение с учетом всех влияющих факторов может сделать ее рентабельной.

Список литературы

1. Арутюнова, Д. В. Стратегический менеджмент: учебник / Д. В. Арутюнова. — Таганрог, 2010. — 122 с.
2. Волгин, В. В. Склад: логистика, управление, анализ: учебник / В. В. Волгин. — М. : Дашков и Ко, 2009. — 736 с.
3. Волгин, В. В. Логистика хранения товаров. Практическое пособие : учебник / В. В. Волгин. — М. : Дашков и Ко, 2010. — 368 с.

4. Все инструменты.ру [Электронный ресурс]. — URL: http://chelyabinsk.vseinstrumenti.ru/silovaya_tehnika/skladskoe_oborudovanie/telezhki/ruchnye/platformennye_4-h_kolesnye/stella/platformennaya_4-h_kolesnaya_telezhka_stella_kpo_300_t_125-i/?utm_source=market&utm_medium=price&utm_campaign=silovaya_tehnika+%7C+chelyabinsk&utm_content=skladskoe-oborudovanie+%7C+stella+%7C+691951&utm_term=691951&utmclid=267307489838923207000006 (дата обращения 05.01.2019).
5. Дыбская, В. В. Логистика складирования : учебник / В. В. Дыбская. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 557 с.
6. Сергеев, В. И. Корпоративная логистика: учебник / В. И. Сергеев. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 633 с.
7. Котенева, Е. Н. Управление затратами предприятия : учебник / Е. Н. Котенева, Г. К. Краснослободцева, С. О. Фильчакова. — М. : Дашков и К, 2008. — 224 с.
8. Литвак, Б. Г. Стратегический менеджмент : учебник / Б. Г. Литвак. — Люберцы : Юрайт, 2016. — 507 с.
9. Мебель фронт металлическая мебель [Электронный ресурс]. — URL: <https://mebelf.com/catalog/stellazhi-gruzovye-mkf-nagruzka-300-kg/stellazh-gruzovoy-mkf-1800kh600kh3000-mm/> (дата обращения 05.01.2019).
10. Официальный сайт «Спортал» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tdsportal.ru> (дата обращения 03.12.2018).
11. Попов, А. Н. Формирование культуры системного управления бизнес-процессами : препринт / А. Н. Попов, Г. Н. Пряхин. — Челябинск, 2002. — 136 с.
12. Таран, С. А. Как организовать склад: практические рекомендации профессионала : учебник / С. А. Таран. — М. : Альфа-Пресс, 2010. — 240 с.
13. Led journal.info [Электронный ресурс]. — URL: <http://ledjournal.info/byt/preimuschestva-i-nedostatki-led-lamp.html> (дата обращения 01.06.2018).
14. Regmarkets, центр интернет-торговли [Электронный ресурс]. — URL: <https://chelyabinsk.regmarkets.ru/product/326fa01e7e8812c90cb5a3f556dff6cf/> (дата обращения 02.12.2018).
15. Regmarkets, центр интернет торговли [Электронный ресурс]. — URL: https://market.yandex.ru/offer/X53DONmjb4kXXRLrGmbVA?hid=4951523&pp=1001&clid=2287827&distr_type=7&cpc=3ZP0jhKpOqS2PoTYxk8GVF8J_VBhC5egN1xOUwgfHhuMZLA3Vqs4L8xc6Orq6KJcd_nhSSZ0L5xSPGt78mhoJ1V3DAB-EU42OJeJlRcz8%2C&lr=56 (дата обращения 02.06.2018).

Сведения об авторе

Земцова Елена Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математических методов в экономике, экономический факультет Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zemsowa.l@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 195—202.*

IMPROVING THE METHODS OF ORGANIZING TOUROGRAPHY ON THE WAREHOUSE OF THE ENTERPRISE

E.M. Zemtsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zemsowa.l@yandex.ru

It is important to emphasize that logistics as a component of management is the process of planning, organization, control and management of through material (goods), intangible (services), information and financial direct and reverse flows at all levels of supply chains. For logistics, it is not important how many square meters of warehouse the enterprise uses, how far and what kind of transport carries its products, but how effectively it is carried out, how fully the needs of the consumer are met and how ultimately this affects the profits of the enterprise. The article analyzes the negative symptoms associated with the movement of commodity flows in a particular enterprise, proposed and justified measures to improve the quality of the warehouse.

Keywords: *logistics of supply, supply chain, the movement of commodity flows, the functioning of the warehouse of the enterprise.*

References

1. Arutyunova D.V. *Strategicheskij menedzhment* [Strategic management]. Taganrog, 2010. 122 p. (In Russ.).
2. Volgin V.V. *Sklad: logistika, upravlenie, analiz* [Warehouse: logistics, management, analysis]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2009. 736 p. (In Russ.).
3. Volgin V.V. *Logistika xraneniya tovarov* [Logistics of goods storage]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2010. 368 p. (In Russ.).
4. *Vse instrumenty.ru* [All of the tools]. Available at: http://chelyabinsk.vseinstrumenti.ru/silovaya_tehnika/skladskoe_oborudovanie/teleshki/ruchnye/platformennye_4-h_kolesnye/stella/platformennaya_4-h_kolesnaya_telezhka_stella_kpo_300_t_125-i/?utm_source=market&utm_medium=price&utm_campaign=silovaya-tehnika+%7C+chelyabinsk&utm_content=skladskoe-oborudovanie+%7C+stella+%7C+691951&utm_term=691951&yclid=267307489838923207000006, accessed 05.01.2019. (In Russ.).
5. Dybskaya V.V. *Logistika skladirovaniya* [Warehousing logistics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 557 p. (In Russ.).
6. Sergeev V.I. *Korporativnaya logistika* [Corporate logistics]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 633 p. (In Russ.).
7. Koteneva E.N. *Upravlenie zatratami predpriyatiya* [Cost management of the enterprise]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2008. 224 p. (In Russ.).
8. Litvak B.G. *Strategicheskij menedzhment* [Strategic management]. Lyubercy, Yurajt Publ., 2016. 507 p. (In Russ.).
9. *Mebel' front metallicheskaya mebel'* [Furniture front metal furniture]. Available at: <https://mebelf.com/catalog/stellazhi-gruzovye-mkf-nagruzka-300-kg/stellazh-gruzovoy-mkf-1800kh600kh3000-mm/>, accessed 05.01.2019. (In Russ.).
10. *Oficial'nyy sayt "Sportal"* [Official site "Sportal"]. Available at: <https://www.tdsportal.ru>, accessed 03.12.2018. (In Russ.).
11. Popov A.N., Pryahin G.N. *Formirovanie kul'tury sistemnogo upravleniya biznes-processami* [Formation of culture of system management of business processes]. Chelyabinsk, 2002. 136 p. (In Russ.).
12. Taran S.A. *Kak organizovat' sklad. Prakticheskie rekomendacii professionala* [How to organize a warehouse. Practical recommendations of a professional]. Moscow, Al'fa-Press Publ., 2010. 240 p. (In Russ.).
13. *Led journal.info*. Available at: <http://ledjournal.info/byt/preimuschestva-i-nedostatki-led-lamp.html>, accessed 01.06.2018. (In Russ.).
14. *Regmarkets, centr internet trgovli* [Commerce center]. Available at: <https://chelyabinsk.regmarkets.ru/product/326fa01e7e8812c90cb5a3f556dff6cf/>, accessed 02.12.2018. (In Russ.).
15. *Regmarkets, centr internet trgovli* [Commerce center]. Available at: https://market.yandex.ru/offer/X53DONmjbt4kXXRLrGmbVA?hid=4951523&pp=1001&clid=2287827&distr_type=7&cpc=3ZP0jhKpOqS2PoTYxk8GVF8J_VBhC5egN1xOUwgfHhuMZLA3Bqs4L8xc6Orq6KJcd_nhSSZ0L5xSPGt78mhoJ1V3DAB-EU42OJeJlaiRcz8%2C&lr=56, accessed 02.06.2018. (In Russ.).

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

A FRESH VIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 7 (429). Экономические науки. Вып. 65. С. 203—209.

УДК 330.3
ББК 65.20

10.24411/1994-2796-2019-10723

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Е. А. Самохина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Развитие человеческого капитала в настоящее время является основой развития информационного общества и модернизации экономики. Подготовка профессиональных кадров, которые способны к разработке и внедрению инновационных проектов, управлению инновационными процессами, должна стать одной из основных задач перехода к инновационной экономике. Для целей нашего анализа рассмотрим сферу услуг, в которую, в частности, включены наука и образование. Экономическое значение этой сферы состоит в том, что она необходима для воспроизводства рабочей силы и обеспечения роста производительности труда. В результате можно сделать вывод: инновационная экономика не возникает спонтанно и самопроизвольно, она формируется совокупностью квалифицированных специалистов, которые обеспечивают разработку, внедрение, а также управление процессами инновационного развития.

Ключевые слова: *инновационная деятельность, территория, сфера услуг, рынок образовательных ресурсов, индекс уровня образования.*

Экономика каждого региона Российской Федерации развивается как рыночная подсистема экономики страны. Но для сбалансированного развития рыночной среды региона требуются нормальное функционирование механизма спроса и предложения на товары и услуги. Важнейшими показателями для определения емкости регионального рынка является численность населения и уровень доходов, определяющий платежеспособный спрос. Однако задача регионального рынка не только обеспечение распределения, обмена и стимулирования производства. Его социальной задачей является адаптация структуры и объемов производства к общественным потребностям.

Россия как страна с большим населением (входит в десять стран по численности), со значительными природными ресурсами, с достаточно развитой транспортной и информационной инфраструктурой, производственным и научно-техническим заделом представляет собой национальный хозяйственный комплекс, в рамках которого интеграция, специализация, кооперация должны обеспечивать его сбалансированное развитие.

Другим аспектом развития в современных условиях является собственно территория страны, ее протяженность, климатические условия и т. п. Об этом, в частности, пишет Ф. Уэбстер: «Некоторые концепции информационного общества хотя и опираются на экономику и социологию, основываются на географическом принципе. Главный акцент делается на информационные сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства. В последние годы эта концепция приобрела особую популярность, так как информационные сети стали играть значительную роль в социальной организации» (Ф. Уэбстер [2. С. 25]).

Целью статьи является анализ человеческого капитала как основы развития информационного общества.

Для Российской Федерации в силу особенностей ее размеров и расположения в двух частях света, четырех природно-климатических зонах, граничности с восемнадцатью странами пространственный критерий во многом играет определяющую роль в развитии.

В зависимости от масштаба и задач анализа в современных исследованиях применяется следующий принцип региональной кластеризации: мегарегион, макрорегион, мезорегион, микрорегион, мини-регион. Согласно принятой в 2019 г. «Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.» [3] Россия пространственно подразделяется на 12 макрорегионов.

Развитие общественного разделения труда в (региональном и национальном масштабе) и кооперация субъектов хозяйствования создают предпосылки для формирования и эффективного функционирования региональных рынков, в рамках которых интересы производителей и потребителей достигают согласования при сокращении транзакционных издержек и снижении негативных внешних экстерналий.

В структуре современной экономики имеется пять крупных комплексов, объединяющих взаимосвязанные отрасли хозяйства, решающие свои специфические задачи в экономике. Одним из них является инфраструктурный комплекс (сфера услуг) (Е. А. Самохина [11]). В Российской Федерации он подразделяется на две основные относительно самостоятельные части: сфера обслуживания и коммуникационная система. Российская статистическая классификация подразделяет услуги на материальные и нематериальные.

Социальное значение сферы услуг еще более велико, поскольку именно она должна наиболее всесторонне обеспечивать удовлетворение потребностей современного человека. «Даже образование, которое вроде бы, по Беллу, являет-

ся классической услугой, так как не производит, но потребляет ресурсы, обязано своим быстрым ростом потребности общества в систематизации и обучении рабочей силы, в привлечении работников в исследовательские области, чтобы обеспечить рост производительности и эффективности менеджмента, а также в необходимом числе инженеров и гуманитариев для работы в корпорациях» (см.: Ф. Уэбстер [2. С. 67—68]).

Образование, являясь отраслью социальной сферы, представляется как разветвленная инфраструктура образовательных учреждений, которые реализуют государственную образовательную политику в процессе подготовки к трудовой деятельности детей и молодежи (И. В. Захарова [4], а также серия статей с участием автора: В. В. Строев, Е. А. Самохина [8], Е. А. Самохина, Н. Б. Завьялова [9], Л. П. Липатова, Е. А. Самохина [12].)

Субъекты рынка образовательных ресурсов в Российской Федерации представлены следующим образом: сюда относятся производители образовательных услуг (ОУ), потребители образовательных ресурсов (ОР), инфраструктура и т. д. (табл. 1).

Особенно внимательно следует отнестись к определению роли и функций государственных органов в процессе регулирования рынка ОР. Государство (в странах с рыночной экономикой) повсеместно осуществляет правовую защиту субъектов рынка ОУ (во-первых, потребителей) от таких вещей, как недобросовестность ведения бизнеса, реклама, монополизм; обеспечение качества товаров

Таблица 1

Субъектный состав рынка образовательных ресурсов

Субъекты	Состав
1. Производители ОУ	Учреждения: образовательные, научные, информационные и индивидуальные производители
2. Потребители ОР	Организации и предприятия всех форм собственности, отдельные лица
3. Инфраструктура	Биржи труда, службы занятости, органы регистрации
4. Контролирующие органы	Лицензирование и аккредитация образовательных учреждений
5. Поставщики	Обеспечивают процесс производства ОУ ресурсами (необходимыми для этого)
6. Общественные институты	Имеют отношение к продвижению ОУ на рынке, так называемыми контактными аудиториями рынка ОУ

Составлено автором по работе Е. Н. Геворкян [5].

и услуг, а также содействует проведению крупных исследований рынка, ведет статистику и пр. (Е. Н. Геворкян [5]).

На основании изложенного выше материала нами разработана структура рынка услуг высшего образования (ВО), учитывающая последние изменения в сфере высшего образования в соответствии с реформами (рис. 1).

Одной из основных функций образования, по мнению В. Колесова, является передача новому поколению знаний, умений и навыков (обобщенно — знаний) с целью удовлетворения разных образовательных потребностей общества и личности. Передача знаний по отношению к индивиду выступает в виде услуги особого рода — образовательной услуги. При всем том многообразии воспитательных, культурных, нравственных и других аспектов образования «услуга» — экономи-

ческая категория, в которой выражены сложные экономические отношения системы образования. Соответственно, такие экономические категории, как «потребление», «издержки», «цена», «полезность», «качество» и другие, вполне можно применить к образовательной услуге.

Вполне сложившимся общеупотребительным выражением является выражение «рынок образовательных услуг». К образовательным услугам стали применимы такие понятия, как «администрирование», «менеджмент», «маркетинг» и др. Однако большинство людей все равно считают образование прежде всего общественным институтом, который выполняет задачи обучения и воспитания личности. Рынок образовательных услуг в каждой стране является важным элементом национальной системы образования (В. Колесов [6]).

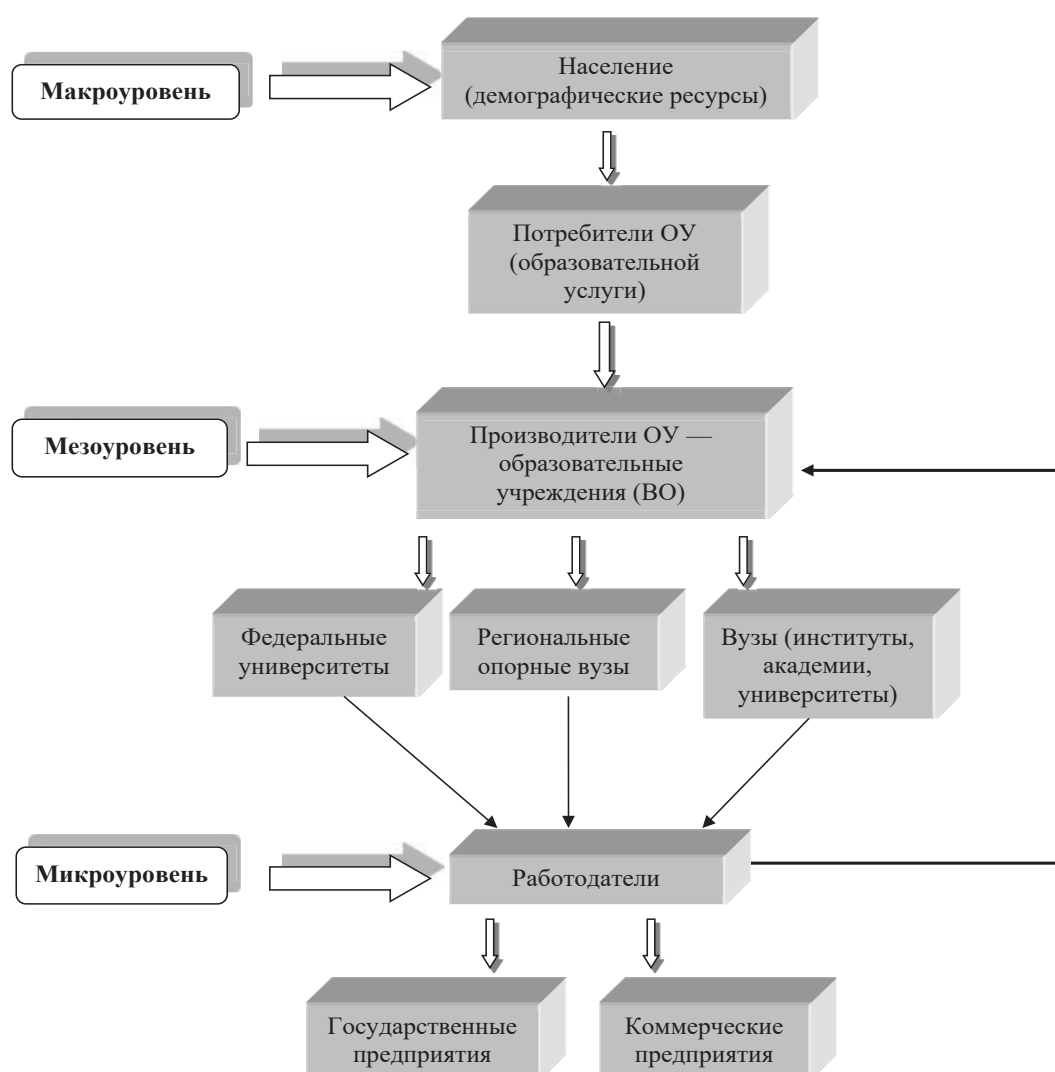

Рис. 1. Структура рынка услуг высшего образования

Рынок образовательных ресурсов в хозяйственной системе страны призван выполнять ряд важных функций. Он способствует более эффективному распределению ограниченных ресурсов, направляя их на нужды общества, путем производства только необходимых образовательных благ. Рынок образовательных ресурсов (в рамках стимулирующей функции) нацеливает разработку и внедрение более эффективной технологии производства образовательных благ. В этом случае цены обеспечивают дополнительные прибыли таким субъектам рынка, которые совершенствуют свое производство ОР, улучшая их качество и снижая издержки. Тем самым обеспечивается максимальная экономическая эффективность оказания ОУ.

Взаимодействие спроса, предложения, конкуренции является проявлением ценообразующей функции рынка образовательных благ. С их помощью рынок образовательных ресурсов создает материальную заинтересованность в удовлетворении потребностей всем субъектам рынка.

Цены на образовательные ресурсы характеризуют состояние отрасли в экономическом плане. То есть через определенный разброс цен субъекты рынка ОР могут судить о насыщенности рынка, размерах производства образовательных благ, запросах потребителей-покупателей. Также сюда относится регулирующая функция рынка ОР и др. (Е. Н. Геворкян [5])

Для развития инновационной деятельности (М. И. Скрипникова, Е. В. Александрова, Е. Г. Лисовская [14]) и науки в Российской Федерации

вузы и научные центры, а также другие научные организации нуждаются в сильной поддержке государства.

В рамках реализации национального проекта «Образование» Министерством образования и науки РФ проводится определенная работа (табл. 2).

К инновационной деятельности следует отнести и разработку программы развития региональной системы профессионального образования (РСПО); подробнее см. в [1] (Б. В. Семкин, В. А. Сеницын, Л. В. Шевелева, Н. П. Щербаков). Как утверждают авторы этой работы, «разработка данной программы должна учитывать все факторы и тенденции, как экономики, так и системы образования, исходя из стратегии инновационного развития региона, а также основываться на потребностях в образовательных услугах».

Представленный процесс и структура разработки программы развития РСПО (рис. 2) в качестве своей цели ставят создание условий для становления региональной системы профессионального образования как устойчивого механизма социально-экономического развития региона [Там же].

Как отмечено ранее, «в России была поставлена задача создания единого образовательного пространства. Поступательное развитие европейской интеграции зависит от молодежи, ее академической и профессиональной подготовки, от умения специалистов понимать своих коллег из соседних стран. Поэтому формирование согласованной политики в сфере образования, создание единого

Таблица 2

Финансирование вузов Российской Федерации

Годы	Объем финансирования
2006 2007	В 2006 г. были определены первые 17 лучших инновационных программ высших учебных заведений, общий объем финансирования: 10 млрд р.; срок выполнения программ: 2006—2007 г. В 2007 г. определены дополнительные (вторая очередь) 40 лучших инновационных программ. Общий объем финансирования: 20 млрд р.; срок выполнения программ: 2007—2008 гг.
2010 2011 2012	На 9 апреля 2010 г. Правительством РФ было утверждено Постановление № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования». В нем предусматривалось выделение бюджетных ассигнований на государственную поддержку развития инновационной инфраструктуры образовательных учреждений в 2010 г. в размере 3 млрд р. В 2011 г. — 2 млрд р. В 2012 г. — 3 млрд р.
2018 2019 2020	В предстоящем периоде бюджетные ассигнования на государственную поддержку развития инфраструктуры профессионального образования на 2018 г. составили 22,0 млрд р. На 2019 год — 16,2 млрд р. На 2020 год — 13,8 млрд р.

Составлено автором на базе источников [7; 15].

Рис. 2. Структура программы развития РСПО
Составлено по [1]

общеобразовательного пространства — это ключевая задача для стран Евразийского экономического союза» (Г. П. Журавлева, Н. В. Манохина, Е. А. Самохина [13. С. 49—50]).

Ведущую роль в инновационной экономике занял человеческий капитал, основой формирования которого является образование, как обществен-

ный институт. В условиях развитых рыночных отношений система образования в целом должна развиваться в единстве с институционально сформированным и непрерывно развивающимся рынком образовательных услуг в целом и — как с его подсистемой — рынком услуг высшего образования.

Список литературы

1. Этапы разработки программы развития региональной системы профессионального образования / Б. В. Семкин, В. А. Сеницын, Л. В. Шевелева, Н. П. Щербаков // Высшее образование в России. — 2009. — № 1. — С. 41—47.
2. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества : пер с англ. / Ф. Уэбстер. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года : утверждена Распоряжением Правительства РФ 13 февр. 2019 г. № 207-р.
4. Захарова, И. В. Маркетинг образовательных услуг / И. В. Захарова. — Ульяновск, 2008. — 170 с.
5. Геворкян, Е. Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации / Е. Н. Геворкян. — 2-е изд., испр. — М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. — 384 с.
6. Колесов, В. Рынок образовательных услуг и ценности образования (Между ВТО и Болонским процессом) / В. Колесов // Высшее образование в России. — 2006. — № 2. — С. 3—8.
7. Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс]. — URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsional-nyu-proyekt-obrazovaniye> (дата обращения 02.07.2019).

8. Строев, В. В. Территориальная структура профессионального образования РФ / В. В. Строев, Е. А. Самохина // Наука о человеке: гуманитар. исследования. — 2013. — № 1 (11). — С. 88—91.
9. Самохина, Е. А. Стратегия пространственного развития высшего образования в регионах РФ / Е. А. Самохина, Н. Б. Завьялова // Человеч. капитал и проф. образование. — 2015. — № 4 (16). — С. 41—47.
10. Журавлева, Г. П. Фейковая экономика и причины непреднамеренного искажения информации как ее объективной основы / Г. П. Журавлева, Н. В. Манохина, Д. Р. Тутаева // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. — 2019. — № 2 (104). — С. 5—11.
11. Самохина, Е. А. Экономические понятия «региональный рынок», «инфраструктурный комплекс» / Е. А. Самохина // XXXI Международные Плехановские чтения. 16 апреля 2018 г. : сб. ст. аспирантов и молодых ученых. — М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2018. — 354 с. — С. 66—69.
12. Липатова, Л. П. Тенденции в образовании: корпоративный университет как связующее звено бизнеса и образования / Л. П. Липатова, Е. А. Самохина // Экономика образования. — 2017— № 4 (101). — С. 14—20.
13. Журавлева, Г. П. Международная рейтинговая оценка развития стран — членов ЕАЭС / Г. П. Журавлева, Н. В. Манохина, Е. А. Самохина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 10 (406). Экон. науки. Вып. 58. — С. 46—53.
14. Скрипникова, М. И. Собственность как категория экономической компаративистики / М. И. Скрипникова, Е. В. Александрова, Е. Г. Лисовская // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. — 2019. — № 2 (104). — С. 57—65.
15. Бюджет для граждан: к Федеральному закону о Федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов [Электронный ресурс]. — URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (дата обращения 02.07.2019).

Сведения об авторе

Самохина Екатерина Александровна — специалист научной школы «Экономическая теория» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. sam29rea@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 203—209.*

DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL AS A BASIS FOR INFORMATION SOCIETY AND MODERNIZATION OF THE ECONOMY

E.A. Samokhina

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia. sam29rea@yandex.ru

The development of human capital is currently the basis for the development of the information society and the modernization of the economy. The training of professional personnel who are capable of developing and implementing innovative projects and managing innovative processes should become one of the main tasks of the transition to an innovative economy. For the purposes of our analysis, we will consider the scope of services in which, in particular, science and education are included. The economic significance of this sphere lies in the fact that it is necessary for the reproduction of labor and to ensure the growth of labor productivity. As a result, we can conclude that the innovative economy does not arise spontaneously and spontaneously, it is formed by a combination of qualified specialists who provide the development, implementation, and management of the processes of innovative development.

Keywords: *innovation activity, territory, services, educational resources market, Education Level Index.*

References

1. Semkin B.V., Sinitsyn V.A., Sheveleva L.V., Shcherbakov N.P. Etapy razrabotki programmy razvitiya regional'noy sistemy professional'nogo obrazovaniya [Stages of developing a program for developing a regional system of vocational education]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. [Higher Education in Russia], 2009, no. 1, pp. 41-47. (In Russ.).
2. Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow, 2004. 400 p. (In Russ.).
3. *Strategy of spatial development of the Russian Federation until 2025: approved by Order of the Government of the Russian Federation on 13 February 2019 № 207-p*. (In Russ.).
4. Zakharova I.V. *Marketing obrazovatel'nykh uslug* [Marketing of educational services]. Ulyanovsk, 2008. 170 p. (In Russ.).
5. Gevorkyan Ye.N. *Rynok obrazovatel'nykh resursov: aspekty modernizatsii* [Educational resources market: modernization aspects]. Moscow; Voronezh, 2006. 384 p. (In Russ.).
6. Kolesov V. Rynok obrazovatel'nykh uslug i tsennosti obrazovaniya (Mezhdru WTO i Bolonskim protsessom) [The market of educational services and the value of education (between the WTO and the Bologna process)]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2006, no. 2, pp. 3-8. (In Russ.).
7. *Natsional'nyy proyekt "Obrazovaniye"* [National project "Education"]. Available at: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsional-nyy-proyekt-obrazovaniye>, accessed 02.07.2019. (In Russ.).
8. Stroyev V.V., Samokhina Ye.A. Territorial'naya struktura professional'nogo obrazovaniya RF [Territorial structure of vocational education in the Russian Federation]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya* [Science of Man: Humanitarian Studies], 2013, no. 1 (11), pp. 88-91. (In Russ.).
9. Samokhina Ye.A., Zav'yalova N.B. Strategiya prostranstvennogo razvitiya vysshego obrazovaniya v regionakh RF [Strategy of Spatial Development of Higher Education in Regions of the Russian Federation]. *Chelovecheskiy kapital i professional'noye obrazovaniye* [Human Capital and Vocational Education], 2015, no. 4 (16), pp. 41-47. (In Russ.).
10. Zhuravleva G.P., Manokhina N.V., Tutayeva D.R. Feykovaya ekonomika i prichiny neprednamerennogo iskazheniya informatsii kak yeye ob'yektivnoy osnovy [Fake economy and causes of unintentional distortion of information as its objective basis]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Bulletin of Plekhanov Russian Economic University], 2019, no. 2 (104), pp. 5-11. (In Russ.).
11. Samokhina Ye.A. Ekonomicheskiye ponyatiya "regional'nyy rynek", "infrastrukturnyy kompleks" [Economic concepts of "regional market", "infrastructure complex"]. *XXXI Mezhdunarodnyye Plekhanovskkiye chteniya. 16 aprelya 2018 g.* [XXXI International Plekhanov Readings. April 16, 2018]. Moscow, 2018. Pp. 66-69. (In Russ.).
12. Lipatova L.P., Samokhina Ye.A. Tendentsii v obrazovanii: korporativnyy universitet kak svyazuyushcheye zveno biznesa i obrazovaniya [Tendencies in education: corporate university as a link between business and education]. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of Education], 2017, no. 4 (101), pp. 14-20. (In Russ.).
13. Zhuravleva G.P., Manokhina N.V., Samokhina Ye.A. Mezhdunarodnaya reytingovaya otsenka razvitiya stran — chlenov YEAEs [International Rating Evaluation of the Development of EEU Member Countries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 10 (406), pp. 46-53. (In Russ.).
14. Skripnikova M.I., Aleksandrova Ye.V., Lisovskaya Ye.G. Sobstvennost' kak kategoriya ekonomicheskoy komparativistiki [Ownership as a category of economic comparative studies]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Bulletin of Plekhanov Russian Economic University], 2019, no. 2 (104), pp. 57-65. (In Russ.).
15. *Byudzhety dlya grazhdan: k Federal'nomu Zakonu o Federal'nom Byudzhete na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov* [The budget for citizens: to the Federal Law on the Federal Budget for 2018 and for the planning period of 2019 and 2020]. Available at: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf, accessed 02.07.2019. (In Russ.).

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 7 (429). Экономические науки. Вып. 65. С. 210—215.

УДК 330; 338.1
ББК 65.(2Рос); 65.01; 65.(2Рос)

10.24411/1994-2796-2019-10724

СИЛА МЫСЛИ: ЧТО РОССИЙСКИЕ НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ МОГУТ ПРЕДЛОЖИТЬ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

*По мотивам выступлений на пленарном заседании 5-го Санкт-Петербургского
экономического конгресса «ФОРСАЙТ “Россия”: будущее технологий, экономики и человека»*

Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлен критический обзор идей и концепций, прозвучавших на пленарных докладах Пятого Санкт-Петербургского экономического конгресса. Проведен анализ осуществимости и актуальности предлагаемых ведущими российскими учеными-экономистами структурных альтернатив развития российской экономики, включая новое индустриальное общество, ноономику, интегральное общество.

Ключевые слова: *неортодоксальная экономика, ноономика, новое индустриальное общество, технологический уклад, мирохозяйственный уклад.*

Стало доброй традицией для многих ученых-экономистов из разных уголков страны собираться весной в Санкт-Петербурге для обсуждения важных вопросов развития российской экономики. Уже пятый год Институт нового индустриального развития, уникальное частное научное учреждение, и его руководитель С. Д. Бодрунов проводят крупное и интересное научное мероприятие — Санкт-Петербургский экономический конгресс. В этом году конгресс оказался совмещен с заседанием секции экономики отделения общественных наук РАН и научным форумом ВЭО России «Абалкинские чтения». С каждым годом конгресс становится все представительнее по числу академиков, сотрудничающих университетов и научных институтов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Вольное экономическое общество России, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Финансовый университет при Правительстве РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Институт экономики, Центральный экономико-математический институт, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН).

Во вступительном слове академик Виктор Викторович Ивантер попросил не говорить

о реформах, мотивируя это невозможностью «жить во все время ремонтирующейся квартиры». Однако у пленарных докладчиков было другое мнение.

Первые два пленарных доклада отличались широтой и глубиной постановки проблем, связанных с настоящим и перспективным мирохозяйственным укладом, с обществом будущего.

С. Д. Бодрунов (тема доклада: «Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики»; представляет ИНИР, ВЭО России). Основные тезисы и идеи выступления (подробнее можно ознакомиться в его работах [1—3]): переход к новому технологическому укладу объективен и неизбежен. России для того, чтобы встроиться в мировой процесс технологических изменений и быть в нем одним из лидеров, следует переходить к реиндустриализации на качественно новой технологической основе, запускать процесс создания НИО.2 (нового индустриального общества), в основе которого — знаниеемкие технологии и «человек знающий». Такой качественный переход сам по себе, повинувшись «невидимой руке рынка», не свершится, поэтому необходимо научно обоснованное реформирование самой экономики и системы управления экономикой. Ключевые слова: знаниеемкий продукт, интеграция произ-

водства, науки и образования, «хомо ноосус» (человек знающий), целенаправленная промышленная политика, долгосрочная стратегия социально-экономического развития, концентрация ресурсов, совершенствование госуправления. Современные проблемы российской экономики — сохранение ее ресурсного характера, низкая доля знаниеемкого продукта и высокотехнологичных производств. Для решения указанных проблем необходимо привлечь «неортодоксальную» экономическую науку с тем, чтобы сформулировать ясные цели экономического развития и определить качественно новую модель, позволяющую достичь этих целей, включая методологию стратегического планирования, а также подготовку кадров для знаниеинтенсивной экономики. Современный этап (включая перспективное НИО.2) рассматривается как переходный к новому обществу, в основе которого будет безлюдное производство (как технологический базис), ноономика как материальный базис и ноообщество как форма общественного устройства. В целом доклад является продолжением и развитием предыдущих выступлений С. Д. Бодрунова, который последовательно продвигает идею новой индустриализации как альтернативы постиндустриального общества, от года к году обретая все больше сторонников своей теории.

С. Ю. Глазьев (тема доклада «*Приоритеты опережающего развития российской экономики*»; советник президента РФ), основываясь на своей концепции смены технологических укладов (см. [4—6]) (дополненной моделью жизненного цикла технологического уклада), утверждает, что наша цивилизация находится в нижней точке очередного кондратьевского цикла, в начале фазы роста нового технологического уклада (НБИК), приходящего на смену технологическому укладу, в центре которого находилась микроэлектроника. Углеродная энергетика заменяется ядерной и ВИЭ. В целом изменение энергоносителей выступает, по мнению С. Ю. Глазьева, ключевым фактором экономической динамики. Кроме того, появляются новые эффективные технологии в биомедицине, производстве светодиодов, производстве процессоров и т. п. Это все — предвестники появления нового мирохозяйственного уклада (интегрального), приходящего на смену «имперскому», в центре которого было противостояние СССР и США. В результате будет построено гармоничное общество, в котором доминантным ресурсом станет человеческий труд, а доминирующим технологическим способом

производства — мелкосерийное. Сегодня мы переживаем эпоху великих потрясений (до 2020 г.), после чего наступит революция мировых рынков (примерно до 2044 г.). ШОС и ЕАЭС — лидеры новых изменений. Интегральный мирохозяйственный уклад предполагает изменение во всех сферах деятельности общества: денежно-кредитная политика (отказ от борьбы с инфляцией как императива в пользу кредитования роста производства), налогово-бюджетная политика (создание условий для роста инновационной активности через бюджет развития и уменьшение налогового бремени), частично регулируемое ценообразование (во благо экономическому развитию), промышленная политика (выращивание конкурентоспособных корпораций), наращивание институтов развития, в том числе госкорпораций¹, трансформация трудовых отношений (вовлечение работников в управление предприятиями), бережливое природопользование (природная рента за счет экспортных пошлин, экологические фонды), использование в системе госуправления программно-целевого подхода.

Остальные доклады носили более частный характер, затрагивая различные аспекты как современной российской экономики, ее проблем и перспектив развития, так и развития экономической науки с целью создания методологии, позволяющей решать задачи развития экономики.

К первой группе можно отнести доклад мэтра отечественной экономической науки и экономического образования А. Г. Аганбегяна («*Драйверы социально-экономического роста России*»; представляет РАНХиГС), который высказал более консервативную точку зрения относительно направления будущих реформ (при этом сам факт их необходимости не оспаривался). Годы с 2013-го по 2018-й были обозначены им как годы стагнации и рецессии, при этом приведенные данные официальной статистики о результатах социально-экономического развития свидетельствовали в пользу такой точки зрения (см. таблицу на с. 112):

¹ Особый интерес представляет свежее (08.04.2019) заявление генпрокурора Чайки о выявленных хищениях в размере 1,3 млрд р. в структурах Ростехнологий и Роскосмоса, в основном в сфере высокотехнологичных производств. А там грань между неудачными инновациями и хищением очень тонка. Подобные заявления существенно ограничивают инновационный потенциал российских компаний, использующих бюджетные средства, а сами госпрограммы поддержки становятся еще более токсичными.

**Динамика основных показателей
социально-экономического развития России**

Показатель	Всего за 2013—2018 гг.,%
Валовой внутренний продукт	2,6
Промышленность	3,6
Строительство	-7,2
Транспорт (грузооборот)	11,2
Сельское хозяйство	19,8
Инвестиции	-3,4
Экспорт	-17,1
Импорт	-25,3
Розничный товарооборот	-4,9
Платные услуги	4,0
Ввод жилья	12,5
Реальные доходы на душу населения	-6,9
Инфляция (рост потребительских цен)	50,3

Данные — Росстат; расчеты — А. Г. Аганбегяна, представлены на 5-м Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, апрель 2019 г.

При этом устойчивый рост наблюдался только в объеме производства в сельском хозяйстве и в уровне инфляции, все остальные показатели по годам имели существенную вариацию, а реальные доходы населения сокращаются начиная с 2014 г. В качестве главных «ответственных» за выход из состояния рецессии были назначены сфера инвестиций и экономики знаний. В первом случае речь шла о снижении ключевой ставки до 4% для повышения доступности кредитов и о налоговых льготах для предприятий, осуществляющих технологическое обновление, во втором — об увеличении доли экономики знаний (в которую предложено включать НИОКР, образование, здравоохранение, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии) в ВВП до 30—40% (вместо 14% сегодня) [7; 8]. При этом наибольшее отставание у нас наблюдается именно в сфере здравоохранения и биотехнологий — в 4 раза по сравнению с США. Также предлагается осуществить крупные структурные реформы (собственности, налоговой системы, формирования конкурентной среды, финансов и банков, территориального управления, отраслей социальной сферы), однако их содержание подробно не раскрывается. Примечательно, что сегодня даже ведущий представитель университета, традиционно относимого к либеральному лагерю экономической науки, говорит о необходимости активной роли государства (как минимум в кейнсианском понимании этого процесса).

Два доклада были посвящены процессу цифровизации экономики.

Д. Р. Белоусов (тема доклада: «Цифровизация российской экономики — от тактических задач к стратегической повестке»; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) обозначил необходимость активного, опережающего развития сферы цифровизации, выделил ряд ее преимуществ для традиционных сфер: снижение транзакционных издержек, возможность индивидуального подхода к производству, изменение структуры экономики в пользу малых форм. Отмечается, что наибольшего эффекта удастся добиться, если развивать внедрение цифровых технологий «широким фронтом», то есть не отрасли собственно цифровой экономики, а «традиционные» отрасли, в которых использование достижений цифровой экономики может принести максимальный эффект. Отдельно рассматривается процесс высвобождения занятых в традиционных сферах экономики по причине технологических изменений, связанных с цифровизацией. Предполагается, что более половины из высвободившихся сотрудников (7,5 млн чел. к 2030 г.) должны быть абсорбированы, поглощены экономическим ростом, а остальные найдут себя в новых секторах сферы услуг. Если этого не произойдет, то страну ожидают серьезные социальные трудности. По этой причине необходимо стимулировать экономический рост, вести агрессивную политику продвижения нашей продукции на внешние рынки для расширения направлений ее сбыта. Также Д. Р. Белоусов дал два долгосрочных прогноза. Первый касался перспективы 2040 г., второй — 2050+. Согласно первому, наступит кризис государства в его современном понимании: производство малолюдно и трансгранично, функции государства по обеспечению национальной безопасности также не требуют большого числа людей, следовательно, авторитет, сила и привлекательность национальных государств будет снижаться. Зато будет возрастать эффект от инфраструктурных решений глобальных корпораций (Google, Monsanto, Apple), возможность легко моделировать индивидуальную информационную картину, «постправды», новое качество отчуждения: «производство — роботы, которые делают вещи под управлением людей под управлением ИТ под управлением людей под управлением нейросетей. Человек становится витально зависим от искусственного интеллекта — в системах беспилотного транспорта, в медицинских

учреждениях и биотехнологиях. В перспективе 2050 г. все видится еще более мрачно — биологические технологии позволят корректировать геном взрослого человека, тем самым порождая проблему биологического неравенства, что нарушает базовые основы общества. Прямая коммуникация «мозг — компьютер» размывает границы личности, делает ее еще более отчужденной и зависимой от владельцев и «менеджеров» новых технологий. Новая повестка движима по большей части страхом (смерти, принятия решений, одиночества), а не позитивным стремлением к познанию. Место и роль человека в новом обществе до сих пор не определена.

Е. Б. Ленчук (тема доклада: «Цифровизация экономики: драйверы и результаты»; *Институт экономики РАН*) представила альтернативный, более позитивный взгляд на проблему цифровизации, основанный на вере в цели и результаты национального проекта «Цифровая экономика». Несмотря на сохраняющееся отставание России от ведущих стран в финансовых аспектах цифровизации, качественного отставания нет, и реализация намеченных планов позволит сократить отставание. Доля цифровой экономики в ВВП к 2025 г. вырастет до 8—10% (сейчас — 3,9%). Социальные риски, связанные с цифровизацией, при этом не учитываются. Отдельно следует отметить выделенную автором тенденцию к концентрации капитала в сфере цифровой экономики (девять ведущих компаний получают 90% прибыли), появления ее флагманов среди лидеров рыночной капитализации.

Б. Н. Порфирьев («Климатический фактор развития российской экономики в среднесрочной перспективе: императивы и эффективность адаптации»; *Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*) [9] предложил оригинальную тему для размышления: каким образом природные и техногенные климатические изменения влияют на развитие российской экономики. Интерес представляет позиция, согласно которой техногенные факторы не являются доминирующими, а борьба с изменением климата путем перехода к низкоуглеродной энергетике ударит в первую очередь по малообеспеченным слоям населения. В качестве наиболее важного фронта работ предлагается разработка стратегии адаптации общества и экономики к изменениям климата и стихийным бедствиям, защита от них. И это уже новый императив развития, предполагающий иную перспективную структуру экономики, работающую на национальной безопасности.

Также на пленарном заседании прозвучало два доклада, отличающихся более высоким уровнем теоретического обобщения. *В. Т. Рязанов («Технологический детерминизм и экономическое развитие»;* *СПбГУ*) (см. [10]) посвятил свое выступление проблеме технологического детерминизма, под которым понимает качественное изменение роли новых технологий, нового технологического способа производства в формировании его результатов. Отмечено, что в России наблюдается крайне низкая эффективность НИОКР, притом что доля расходов на них уже сопоставима с другими ведущими странами мира. Причинами такого положения дел явились инерция экономики (в том числе проблема широкого распространения), потребность в перестройке институциональной системы общества для внедрения новых технологий в существующие рутинизированные схемы поведения, а также обострение глобальной конкуренции между новыми и старыми игроками (например, в сфере энергетики).

А. А. Пороховский («Частные и общественные интересы как факторы развития в условиях цифровизации»; *МГУ им. М. В. Ломоносова*) отметил вред, который несет абсолютизация значения частных интересов для развития экономики. Он указал на то, что частный интерес — базовое свойство рыночной экономики, которое реализуется через концепцию частной собственности и во многом определяет структуру современной экономики, феномен бизнеса и наемного работника. Общественные интересы, напротив, выступают как «правила игры» в современной экономике, поддерживаемые доверием к государству и нарушаемым в его отсутствие. В условиях цифровизации связь людей становится более явной, социальная жизнь — более прозрачной, и в этой ситуации государству легче отслеживать действия индивидов, нарушающие общественные интересы. Появление новых инструментов контроля частного интереса делает возможным укрепление позиций тех, кто видит будущее развитие именно в превалировании общественного интереса. Для современного этапа развития экономики и общества характерен новый уровень обобществления — не на уровне производства, а на уровне социального взаимодействия. Отдельный феномен, сопровождающий цифровизацию и отмеченный автором, заключается в доминировании среди генераторов новых рабочих мест представителей так называемой *gig economy* — фрилансеров, временных сотрудников и т. п.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экон. возрождение России. — 2015. — № 4 (46). — С. 9—23.
2. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // Общество и экономика. — 2016. — № 9. — С. 5—21.
3. Бодрунов, С. Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С. Д. Бодрунов // Экон. возрождение России. — 2018. — № 2 (56). — С. 5—13.
4. Глазьев, С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и мат. методы. — 2016. — Т. 52, № 2. — С. 3—29.
5. Глазьев, С. Ю. О новой парадигме в экономической науке. Ч. 1 / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. — 2016. — № 3 (74). — С. 7—16.
6. Глазьев, С. Ю. В «тысячу первый» раз о выборе между стратегиями социально-экономической деградации страны и современного народнохозяйственного развития (заметки участника заседания экономического совета при Президенте РФ) / С. Ю. Глазьев // Рос. экон. журн. — 2016. — № 3. — С. 3—17.
7. Аганбегян, А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник / А. Г. Аганбегян // Экон. стратегии. — 2017. — Т. 19, № 4 (146). — С. 6—21.
8. Аганбегян, А. Г. Как преодолеть стагнацию и рецессию / А. Г. Аганбегян // Науч. тр. Вол. экон. о-ва России. — 2017. — Т. 203, № 1. — С. 58—74.
9. Порфирьев, Б. Обеспечение военной безопасности в арктическом регионе РФ в условиях климатических изменений: вызовы, задачи, решения / Б. Порфирьев // Проблемы теории и практики упр. — 2017. — № 8. — С. 32—44.
10. Рязанов, В. Т. Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом / В. Т. Рязанов // Экон. возрождение России. — 2017. — № 2 (52). — С. 47—54.

Сведения об авторе

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 210—215.

POWER OF THOUGHT: WHAT RUSSIAN NONORTHODOX ECONOMISTS CAN OFFER FOR THE RUSSIAN ECONOMY

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

The article offers a critical review of the ideas and concepts presented in the plenary reports of the Fifth St. Petersburg Economic Congress. An analysis of the feasibility and relevance of structural alternatives for the development of the Russian economy offered by leading Russian economists, including the new industrial society, noonomics, and integral society, is being carried out.

Keywords: *unorthodox economy, noonomics, new industrial society, technological structure, world economic structure.*

References

1. Bodrunov S.D. Novoe industrial'noe obshchestvo: struktura i sodержanie obshchestvennogo proizvodstva, ekonomicheskie otnosheniya, instituty [The new industrial society: the structure and content of social production, economic relations, institutions]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2015, no. 4 (46), pp. 9-23. (In Russ.).

2. Bodrunov S.D. Novoe industrial'noe obshchestvo vtorogo pokoleniya: chelovek, proizvodstvo, razvitie [New industrial society of the second generation: people, production, development]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2016, no. 9, pp. 5-21. (In Russ.).

3. Bodrunov S.D. Noonomika. Budushchee: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya obuslovlivaet neobходimost' glubokih izmenenij v ekonomicheskoy i social'noj zhizni [Noonomy. Future: the fourth technological revolution necessitates profound changes in the economic and social life]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2018, no. 2 (56), pp. 5-13. (In Russ.).

4. Glazyev S.Yu. Mirohozyajstvennye układy v global'nom ekonomicheskom razvitiі [World economic structures in global economic development]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2016, vol. 52, no. 2, pp. 3-29. (In Russ.).

5. Glazyev S.Yu. O novej paradigme v ekonomicheskoy nauke. Ch. 1 [On the new paradigm in economics. Pt. 1]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [Economic science of modern Russia], 2016, no. 3 (74), pp. 7-16. (In Russ.).

6. Glazyev S.Yu. V "tysyachu pervyj" raz o vybore mezhdū strategiyami social'no-ekonomicheskoy degradacii strany i sovremennogo narodnohozyajstvennogo razvitiya (zametki uchastnika zasedaniya ekonomicheskogo soveta pri Prezidente RF) [The "thousand and first time" about the choice between the strategies of socio-economic degradation of the country and modern national economic development (notes from a participant in the meeting of the Economic Council under the President of the Russian Federation)]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], 2016, no. 3, pp. 3-17. (In Russ.).

7. Aganbegyan A.G. Chelovecheskij kapital i ego glavnaya sostavlyayushchaya — sfera "ekonomiki znaniy" kak osnovnoj istochnik [Human capital and its main component — the sphere of "knowledge economy" as the main source]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies], 2017, vol. 19, no. 4 (146), pp. 6-21. (In Russ.).

8. Aganbegyan A.G. Kak preodolet' stagnaciyu i recessiyu [How to overcome stagnation and recession]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], 2017, vol. 203, no. 1, pp. 58-74. (In Russ.).

9. Porfir'yev B. Obespechenie voennoj bezopasnosti v arkticheskom regione RF v usloviyah klimaticheskikh izmenenij: vyzovy, zadachi, resheniya [Ensuring military security in the Arctic region of the Russian Federation in the context of climate change: challenges, tasks, solutions]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of Theory and Practice of Management], 2017, no. 8, pp. 32-44. (In Russ.).

10. Ryazanov V.T. Novoe industrial'no-tekhnotronnoe obshchestvo: gryadushchee pod voprosom [A new industrial-technotronic society: the future in question]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2017, no. 2 (52), pp. 47-54. (In Russ.).

ЧТО ЖДЕТ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ В БУДУЩЕМ (ОБЗОР СТАТЬИ Г. Н. ЦАГОЛОВА «ПОЛИТЭКОНОМИЯ БУДУЩЕГО»)

Е. А. Дмитриев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Тема, которую поднимает Г. Н. Цаголов в рецензируемой статье, актуальна: если не задумываться над будущим и не предлагать альтернатив его развития, мы никогда не найдем правильный вектор, по которому нужно следовать. Это касается не только политэкономии, но любой науки. Предложение альтернатив экономических теорий помогает понять механизм экономического развития и поведение людей в экономике, что в конечном итоге будет способствовать созданию более совершенного общественного уклада.

Ключевые слова: *интегральное общество, капитализм, социализм, политэкономия, соединение, устрой.*

Проблему будущего политической экономии затрагивали многие авторы. С. С. Дзарасов с коллегами [2] рассматривал развитие интегрального общества. Он развивал классическую социал-демократическую постановку проблемы, когда некоторые сферы общества выводятся из-под действия рыночного механизма, а остальные продолжают регулироваться законом стоимости (спроса и предложения). Также А. В. Бузгалин, А. И. Колганов [2; 5; 6], В. Т. Рязанов [7], М. И. Воейков с коллегами [4] рассматривали проблему политэкономического будущего страны, беря за основу социализм и капитализм и создавая из них что-то новое.

В статье Георгия Николаевича Цаголова [1] (а также в [8]) поднимается тема экономического состояния России и других, более развитых стран. Проводится сравнение между экономикой Китая, Вьетнама, Индии, Белоруссии и Казахстана и выявляются основные проблемы политэкономии России.

В данный момент экономическое положение России в мире на порядок ниже, чем у многих стран, поэтому изучение политэкономии таких стран, как Китай, Вьетнам, США, и других, более развитых в экономическом плане, будет весьма полезным для экономики нашей страны.

Примечательность статьи в том, что автор делит ее на несколько пунктов: «Перипетии» (внезапное осложнение в ходе какого-либо события), «Качнулся маятник», «Что сохранилось? Что изменилось?», «Истоки новой формации» — и доходит вплоть до «Ключа к новой политико-экономической теории».

В начале статьи автор рассказывает читателю о том, что такое политическая экономия, как она появилась, об этапах ее формирования. Затрагиваются и такие темы, как классическая политическая экономия Адама Смита и создание теории «Капитала» Карлом Марксом. Но в основе данной статьи Г. Н. Цаголов все же делает упор на капитализм и социализм, проводит параллели между ними, и ярким примером для него служит история России, потому как в разных промежутках времени Россия использовала обе эти модели общества.

После рассказа о социализме, в котором СССР прожил более 70 лет, и о предложении западных лидеров по поводу перехода на капиталистический тип общества и культуры Г. Н. Цаголов представляет свой тип развития общества. «Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и особенностей от серьезных дефектов каждого типа и будет называться интегральный». Автор считает, что если человечество избежит мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то «основным и главенствующим типом общества и культуры, вероятно, будет не капитализм и не коммунизм, а тип специфический, который обозначен как интегральный» [1; 8].

Практика показывает, что наиболее успешные страны — нынешние рекордсмены мирового экономического роста — представляют собой носителей смешанного развития двух прежде противоположных систем хозяйствования: социалистической и капиталистической.

И ведь действительно, некоторое количество развитых стран на данный момент используют именно такой устрой общества. Г. Н. Цаголов приводит в пример недавний опыт социалистических стран. Он отмечает, что «соединение плановых и капиталистических начал давало довольно неплохие результаты в Китае и Вьетнаме. В этих странах сохранилась политическая власть коммунистических партий и социалистическая идеология» [1; 8]. Автор также подчеркивает, что в этих странах действуют экономические законы как капитализма, так и социализма.

Но это ли то самое будущее, которое ждет политическую экономию? Это ли тот самый устрой общества, к которому должны стремиться многие страны? Думается, да, потому что если сейчас взглянуть на те страны, которые используют данный устрой общества, то мы заметим, что их экономическая сила растет с каждым годом. Снова можно привести в пример Китай, который занял большую часть мирового рынка, и сейчас китайской продукцией пользуется большое количество людей. Или же Западная Европа, которая вследствие социал-демократических преобразований и вращивания социалистических компонентов в капитализм показывает впечатляющий результат. Как отмечает Г. Н. Цаголов, «в Скандинавских государствах достигнут высокий уровень жизни. По ВВП на душу населения Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания находятся среди 15 передовых стран. Норвегия расположена на 6-м месте (66 937 долл. США). Продолжительность жизни в регионе составляет у мужчин в среднем около 80 лет, у женщин — 83,5 года» [Там же]. Но важно заметить, что данные страны берут только лучшие стороны обоих устоев общества, то есть ряд черт социализма — в виде планирования, увеличения

социальных расходов и смягчения противоречий между капиталом и рабочим классом — и черты капитализма, такие как рыночная экономика, индивидуальное предпринимательство и т. д. Такой уклад и позволяет их экономическому положению расти и расти.

Хорошее взаимодействие капитализма и социализма дает достаточно оснований автору для утверждения о скором переходе человечества к новому интегральному строю. И, как отмечает Г. Н. Цаголов в завершение своей статьи, «этот вывод важен не только для политэкономии, но и для дальнейшего курса развития нашей страны, так как оказавшиеся в итоге ошибочными реформы, проведенные в системе координат бюрократическо-олигархического капитализма, привели страну к нынешнему состоянию» [Там же]. Возможности движения к интегральному строю эволюционным путем пока еще сохраняются, хотя время на это ограничено. Долгий застой чреват революционным взрывом и очередным скатыванием страны в какую-либо иную крайность, уводящую общество от создания верной системы. Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, эклектичность и неустойчивость. В пользу же предложенной автором концепции интегрального общества говорит тот факт, что в человеческой природе социальные начала всегда сосуществуют с эгоизмом. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общественного сосуществования. Автор делает вывод о том, что интегральное общество может стать объектом современного политэкономического анализа и, может быть, прообразом будущего самой политэкономии [Там же].

Список литературы

1. Цаголов, Г. Н. Политэкономию будущего / Г. Н. Цаголов // *Вопр. полит. экономии*. — 2015. — № 2. — С. 39—51.
2. Дзарасов, С. С. Судьба политической экономии / С. С. Дзарасов, С. М. Меньшиков, Г. Х. Попов. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2004.
3. Бузгалин, А. В. Пределы капитала. Методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии : избр. тексты / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. — М. : Культур. революция, 2009.
4. Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? / под ред. М. И. Воейкова. — М. : Ин-т экономики РАН, 2013.
5. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал : в 2 т. / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. — 3-е изд. — М. : Ленанд, 2015.
6. Колганов, А. И. Что такое социализм? Марксистская версия / А. И. Колганов. — М. : Либроком, 2012.

7. Рязанов, В. Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее / В. Т. Рязанов // Горизонты экономики. — 2012.

8. Цаголов, Г. Н. Политэкономия будущего // Партнерство цивилизаций. — 2016. — № 1—2. — С. 217—234.

Сведения об авторе

Дмитриев Егор Александрович — студент 2-го курса Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. egor_777_dmitriev@mail.ru

Научный руководитель: кандидат экономических наук, доцент Д. А. Плетнев.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 7 (429). *Economic Sciences. Iss. 65. Pp. 216—218.*

WHAT IS WAITING FOR POLITICAL ECONOMY IN THE FUTURE? (REVIEW OF ARTICLE BY G.N. TSAGOLOV “POLITICAL ECONOMY IN THE FUTURE”)

E.A. Dmitriev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. egor_777_dmitriev@mail.ru

Theme raised by G.N. Tsagolov in the reviewed article is relevant. If you do not think about the future and do not offer alternatives for its development, we will never find the right vector to follow, this applies not only to political economy, but to any science. The proposal of alternative economic theories helps to understand the mechanism of economic development and the behavior of people in the economy, which ultimately contributes to the creation of a better social structure.

Keywords: *integral society, capitalism, socialism, political economy, connection, structure.*

References

1. Tsagolov G.N. Politekonomiya budushchego [Political economy of the future]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of political economy], 2015, no. 2, pp. 39-51. (In Russ.).
2. Dzarasov S.S., Menshikov S.M., Popov G.Kh. *Sud'ba politicheskoy ekonomii* [The fate of political economy]. Moscow, Alpina Bines Books Publ., 2004. (In Russ.).
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Predely kapitala. Metodologiya i ontologiya. Reaktualizatsiya klassicheskoy filosofii i politicheskoy ekonomii (izbrannye teksty)* [The limits of capital. Methodology and ontology. Reactualization of classical philosophy and political economy (selected texts)]. Moscow, Cultural Revolution Publ., 2009. (In Russ.).
4. Voeykov M.I. (ed.). *Est' li mesto politekonomii v sovremennoy ekonomicheskoy nauke?* [Is there a place of political economy in modern economics?]. Moscow, Institute of Economics Publ., 2013. (In Russ.).
5. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Global'nyy kapital v 2 t.* [Global capital in 2 vol.]. Moscow, LENAND Publ., 2015. (In Russ.).
6. Kolganov A.I. *Chto takoe socializm? Marksistskaya versiya* [What is socialism? Marxist version]. Moscow, LIBROCOM Publ., 2012. (In Russ.).
7. Ryazanov V.T. Politicheskaya ekonomiya: iz proshlogo v budushchee [Political economy: from past to future]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2012. (In Russ.).
8. Tsagolov G.N. Politekonomiya budushchego [Political economy of the future]. *Partnerstvo civilizacij* [Partnership of Civilizations], 2016, no. 1-2, pp. 217-234. (In Russ.).